

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микробиология*
Агрохимия	Микроэлектроника*
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал*	Молекулярная биология*
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник*	Научное приборостроение
Астрономический журнал*	Нейрохимия*
Биологические мембраны*	Неорганические материалы*
Биология внутренних вод*	Нефтехимия*
Биология моря*	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия*	Общественные науки и современность
Биофизика*	Общество и экономика
Биохимия*	Океанология*
Ботанический журнал	Онтогенез*
Вестник РАН*	Оптика и спектроскопия*
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал*
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы*	Петрология*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы языкознания	Поверхность*
Восток	Почвоведение*
Вулканология и сейсмология*	Приборы и техника эксперимента*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная биохимия и микробиология*
Генетика*	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений*	Природа
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геотектоника*	Проблемы передачи информации*
Геохимия*	Программирование*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоэкология
Дефектоскопия*	Радиотехника и электроника*
Дискретная математика	Радиохимия*
Дифференциальные уравнения*	Расплавы
Доклады Академии наук*	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии*	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии*	Русская речь
Журнал органической химии*	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии*	Славяноведение
Журнал технической физики*	Социологические исследования
Журнал физической химии*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии*
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика плазмы*
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела*
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Исследование Земли из космоса*	Физиология растений*
Кинетика и катализ*	Физиология человека*
Коллоидный журнал*	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия*	Химическая физика*
Космические исследования*	Химия высоких энергий*
Кристаллография*	Химия твердого топлива*
Латинская Америка	Цитология*
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Номер 1

Январь–Февраль–Март
2016

ISSN 0869-6063

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2016, № 1

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 1 • 2016

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2016

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, д.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2016
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2016

К 60-летию Николая Андреевича Макарова <i>Беляев Л.А., Гайдуков П.Г.</i>	5
Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э. (по данным археологии) <i>Балахванцев А.С.</i>	11

Древности Восточноевропейской равнины от раннежелезного века к Средневековью (к 60-летию Н.А. Макарова)

Восточнославянские надписи базилики Рождества Христова в Вифлееме <i>Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.</i>	25
Городище Васильково на реке Нерль <i>Кренке Н.А., Ершов И.Н.</i>	37
Саркофаг из плинфы в соборе новгородского Пантелеймонова монастыря <i>Седов Вл.В.</i>	51
Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле <i>Энговатова А.В., Гайдуков П.Г.</i>	60
Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края <i>Чернов С.З.</i>	70
Древнейшие находки на территории Ново-Иерусалимского монастыря: материалы работ 2009–2014 гг. <i>Беляев Л.А., Ершов И.Н., Зеленцова О.В., Кузьминых С.В.</i>	85

Новгород Великий в древнерусском контексте (Продолжение)

Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI в. из Новгорода <i>Михеев С.М., Сингх В.К.</i>	99
Скандинавские “символы бесконечности” с Рюрикова городища и из новгородского Софийского собора <i>Дорофеева Т.С.</i>	106
О появлении замков и ключей в Древней Руси <i>Кудрявцев А.А.</i>	114
О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. <i>Лопатин Н.В.</i>	123
Бронзовая накладка “Сказитель с гусями” из Великого Новгорода <i>Олейников О.М.</i>	131
Клад монет Рязанского княжества из с. Заполье 1891 г. <i>Гомзин А.А.</i>	141

История науки

“Медной горы самородок”: к 80-летию Е.Н. Черных <i>Кузьминых С.В.</i>	149
В.П. Бирюков и археология Урала и Зауралья <i>Виноградов Н.Б.</i>	156

Критика и библиография

Il y a 50 ans... la découverte d'Aï Khanoum: 1964–1978, fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA). De Boccard, 2014 <i>Кошеленко Г.А.</i> , <i>Мунчаев Р.М.</i>	160
Н.Л. Моргунова “Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта Ямной культурно-исторической области”. Оренбург, 2014 <i>Корневский С.Н.</i>	163
Молодин В.И. и др. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск, 2013 <i>Бужилова А.П.</i>	171

Хроника

Вторая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2015) <i>Коробов Д.С.</i>	175
К 70-летию Юрия Федоровича Кирюшина <i>А.А. Тишкин, А.Л. Кунгуров, Д.В. Патин</i>	177
К юбилею Н.В. Рындиной <i>Янин В.Л., Енисова Н.В., Авилова Л.И., Энговатова А.В., Дегтярева А.Д., Конькова Л.В.</i>	179
К юбилею Маргариты Григорьевны Ивановой <i>Мельникова О.М.</i>	181
Смирнов Александр Сергеевич (1949–2015) <i>Мунчаев Р.М., Гуляев В.И., Афанасьев Г.Е., Кузьминых С.В., Сорокин А.Н., Яблонский Л.Т.</i>	183
Памяти Вадима Викторовича Бжания (1934–2014) <i>Мунчаев Р.М., Скаков А.Ю., Габелия А.Н., Джопуа А.И.</i>	186
Сергей Дмитриевич Захаров (21.06.1965–20.06.2015) <i>Макаров Н.А., Меснянкина С.В., Кузина И.Н.</i>	188
Памяти Геннадия Андреевича Кошеленко (1935–2015) <i>Мунчаев Р.М., Кузнецов В.Д., Гаилов В.А.</i>	190
Правила для авторов	192

Сдано в набор 15.10.2015 г.	Подписано к печати 10.12.2015 г.	Дата выхода в свет 27.01.2016 г.	Формат 60 × 80 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл. печ. л. 24.0	Усл.кр.-отт. 8.6 тыс.	Уч.-изд.л. 26.0
	Тираж 349 экз.	Зак. 884	Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен издательством “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 1, 2016

To the 60 th anniversary of Nikolai Andreevich Makarov <i>Belyaev L.A., Gaidukov P.G.</i>	5
Central Asian Dahae in the 4 th – 2 nd cc. BC (on the archaeological data) <i>Balakhvantsev A.S.</i>	11

Antiquities of the East European Plain from the Early Iron Age to the Middle Ages (to the 60th anniversary of N.A. Makarov)

East Slavic inscriptions in the basilica of the nativity in Bethlehem <i>Artamonov Iu.A., Gippius A.A., Zaitsev I.V.</i>	25
Fortified settlement Vasilkovo on the river Nerl <i>Krenke N.A., Ershov I.N.</i>	37
The sarcophagus from a plinthiform brick in the Cathedral of Novgorod Saint Panteleimon monastery <i>Sedov V.I.</i>	51
Pendent act seals from the excavations in Yaroslavl <i>Engovatova A.V., Gaidukov P.G.</i>	60
The cemetery of the village Vlasievskaya of the 14 th – 15 th cc. and the confirmation of the rural population of Moscow Krai <i>Chernov S.Z.</i>	70
The most ancient finds on the territory of the New Jerusalem monastery: materials of works 2009–2014 <i>Belyaev L.A., Ershov I.N., Zelentsova O.V., Kuzminykh S.V.</i>	85

Novgorod the Great in ancient Rus context

Glagolitic and Cyrillic characters on an eleventh century bone fragment from Novgorod <i>Mikheev S.M., Singh V.K.</i>	99
Scandinavian “symbols of eternity” from Rurikovo Gorodische and from the Novgorod ST. Sophia Cathedral <i>Dorofeeva T.S.</i>	106
On the emerging of locks and keys in ancient Rus <i>Kudriavtsev A.A.</i>	114
On the fortifications of Izborsk at the beginning of the 13 th century <i>Lopatin N.V.</i>	123
Bronze applique “Narrator with gusli-psaltery” from Novgorod the Great <i>Oleinikov O.M.</i>	131
Hoard of Ryazan principality coins from village Zapolje, 1891 <i>Gomzin A.A.</i>	141

History of Science

“A nodule from the copper mountain”: toward the 80 th anniversary of E.N. Chernykh <i>Kuzminykh S.V.</i>	149
V.P. Biriukov and the archaeology of Ural and Trans-Urals <i>Vinogradov N.B.</i>	156

Critics and Bibliography

Il y a 50 ans... la découverte d'Aï Khanoum: 1964–1978, fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA). De Boccard, 2014 <i>Koshelenko G.A., Munchaev R.M.</i>	160
N.L. Morgunova “West Ural group of sites in the system of the Volga-Ural variant of the Pit-grave cultural-historical zone”. Orenburg, 2014 <i>Korenevskiy S.N.</i>	163
Molodin V.I. and others. Multidisciplinary studies of the population of Baraba forest-steppe in the 4 th – 1 st millennia: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects. Novosibirsk, 2013 <i>Buzhilova A.P.</i>	171

Chronicle

Second International Conference “Archaeology and geoinformation technology” (Moscow, 2015) <i>Korobov D.S.</i>	175
To the 70 th anniversary of Iurii Fyodorovich Kiriushin <i>Tishkin A.A., Kungurov A.L., Papin D.V.</i>	177
To the anniversary of N.V. Ryndina <i>Ianin V.L., Eniosova N.V., Avilova L.I., Engovatova A.V., Degtyareva A.D., Konkova L.V.</i>	179
To the anniversary of Margarita Grigorievna Ivanova <i>Melnikova O.M.</i>	181
To the memory of A.S. Smirnov (1949–2015) <i>Munchaev R.M., Guliaev V.I., Afanasiev G.Ie., Kizminykh S.V., Sorokin A.N., Iablonskiy L.T.</i>	183
To the memory of Vadim Viktorovich Bzhaniya (1934–2014) <i>Munchaev R.M., Skakov A.Iu., Gabelia A.N., Dzhopua A.I.</i>	186
Sergei Dmitrievich Zakharov (21.06.1965–20.06.2015) <i>Makarov N.A., Mesnyankina S.V., Kuzina I.N.</i>	188
To the memory of G.A. Koshelenko (1935–2015) <i>Munchaev R.M., Kuznetsov V.D., Gaibov V.A.</i>	190
Rules for authors	192

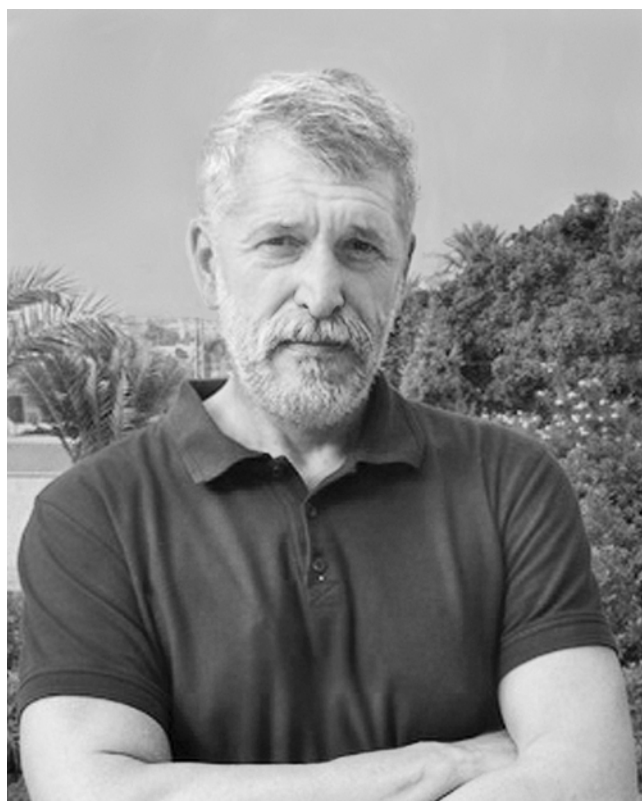
К 60-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА МАКАРОВА

22 декабря 2015 г. исполнилось 60 лет директору Института археологии РАН академику Николаю Андреевичу Макарову.

Н.А. Макаров родился в 1955 г. в Москве в семье художников¹. Он рано, и не только по книгам, познакомился с археологией, еще школьником (1972) приняв участие в работах М.Х. Алешковско-го на валу Окольного города Новгорода. Здесь он впервые услышал лекции начальника Новгородской экспедиции В.Л. Янина, раскрывшие для него увлекательный мир средневековой археологии.

¹ Академический формат не предполагает серьезного генеалогического очерка. Однако в случае с Н.А. Макаровым без него трудно обойтись. Слишком явно проглядывают в личности юбиляра наследственные черты. Вряд ли стоит сомневаться в том, что глубокая любовь к спокойствию Севера заложена прошедшим ад войны отцом – прекрасным художником послевоенного “сурового стиля”, убежденным певцом северной России. Что глубокое понимание исторического ландшафта Руси, постоянная потребность в контакте не только с древностями, но и с природным контекстом, в который они погружены, укорененность Николая Андреевича в национальном пейзаже идут и от отца, и от деда по матери (Елены Леоновой), писателя Леонида Леонова, автора “Русского леса” и запрещенной когда-то повести “*Evgenia Ivanovna*”. Что выдающиеся (позволим себе сказать здесь об этом без стеснения) логические способности, ясность мысли, дальновидный ум унаследованы от другого не менее известного деда – Николая Павловича Макарова, принадлежавшего к славной плеяде русских экономистов, теоретиков и практиков (отметим – с глубоким уклоном в сельское хозяйство, жизнь русской деревни).

Не менее славны прадеды. По линии бабушки (Татьяны Сабашниковой) – это книгоиздатель Михаил Сабашников, старший из совладельцев прославленной фирмы, точнее, проекта просвещения России, окончательного переноса на ее почву всех “Памятников мировой культуры” – проекта, длящегося и по сей день (не место подробностям, но вспомним серый полукarton ручного отжима на обложках 1910-х годов с маркой-монограммой работы Сергея Митрохина и желтоватую верже “Эдды”, “Софокла”, анненковского “Еврипида”...). Прадеды со стороны Леонида Леонова – тоже купцы, москвичи. Их лавки – в Зарядье, совсем близко от места, где сейчас работает экспедиция ИА РАН; их приход – у “Николы Мокрого” (увы, погибшего целиком, вместе с кладбищем). И ото всех – практичность в делах и твердость жизненной позиции, лаконичное взвешенное слово при явном тяготении к иным формам языка – прежде всего, цифрам статистики, таблицам и графикам. Но от них же – глубокая любовь к книжной культуре, увлеченное чтение не только старой, но и новейшей литературы, готовность к отклику на события художественной жизни в бесчисленных ее современных проявлениях.

Учился юбиляр на историческом факультете МГУ (1973–1978), где специализировался по кафедре археологии и написал дипломную работу под руководством профессора Д.А. Авдусина.

Дальнейшая научная деятельность Н.А. Макарова связана с Институтом археологии РАН, где он прошел путь от лаборанта (1978) до директора. Здесь произошло его становление как творческой личности, раскрылась яркая научная индивидуальность. Воспитанник Новгородской и Гнёздовской экспедиций, Н.А. Макаров избрал основным предметом исследований древнерусские памятники сельских территорий, информационный потенциал которых как археологических источников ранее недооценивался.

Уже в студенческие годы Н.А. Макаров заинтересовался одним из ключевых вопросов начальной истории России – освоением севера Восточной Европы. К проблеме колонизации в XIX–XX вв.

обращались многие отечественные историки. Но они опирались на материалы письменных источников и без археологических данных представить достоверную картину становления Северной Руси не могли. С конца 1970-х годов молодой ученый вел самостоятельные экспедиционные работы на Русском Севере и за два десятилетия внес значительный вклад в изучение этих обширных, но труднодоступных территорий.

Н.А. Макаров начал с исследования средневековых могильников в Вологодской и Архангельской областях, организовав Онежско-Сухонскую экспедицию ИА РАН. История заселения этих земель стала темой его кандидатской диссертации (1985; научный руководитель – Л.А. Голубева, известный исследователь Белозерья). В основу легли материалы в первую очередь Кемского некрополя – дружинного могильника XI в. в северном Белозерье. Анализ раскрыл сложный этнический процесс взаимоотношений славян и финнов, в результате которого сформировалось русское население региона и наметились контуры своеобразной культуры Севера XI–XIII вв. Одним из важнейших результатов стало выявление в Восточном Прионежье следов новгородского и ростово-суздальского колониационных потоков, на основе которых, как показал автор, сложилась одна из регионально-этнических групп древнерусской народности – белозерцы². В научно-популярной версии исследования (“Русский Север: Таинственное средневековье”. М.: ИА РАН, 1993. 190 с.) Н.А. Макаров вновь поднял вопрос о заселении огромного севера Европейской России: откуда пришли первые колонисты? Какие причины заставляли их осваивать мало гостеприимные земли? Как сложились их отношения с местным финно-угорским населением? Получилась по-настоящему увлекательная книга, написанная замечательным литературным языком.

Итоги многолетних археологических и историко-географических исследований Русского Севера Н.А. Макаров подвел в докторской диссертации 1994 г., вскоре изданной (“Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья”. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.). В грандиозной по замыслу работе показано, что колонизация Восточноевропейского Севера – звено общего процесса восточнославянского расселения и территориального роста Древнерусского государства, а затем и Московской Руси. Его можно

считать завершающим этапом освоения славянами лесной полосы Восточной Европы, начавшегося в середине I тыс. н.э., и своеобразным прологом к событиям конца XV – XVII в. – выходу Московского государства за Урал и колонизации Сибири.

Итак, опираясь на археологию, Н.А. Макаров убедительно показал, что заселение русскими Севера началось в конце X – начале XI в. и заметно активизировалось в середине XII в., когда вещи древнерусских типов распространились на огромном пространстве от Белоозера и Волжско-Сухонского водораздела до Финнмарка и Северного Приуралья. Этот ареал примерно отвечает представлениям о зоне “русских даней”, очерченной на основе летописей, грамот и других документов. Н.А. Макаров привлек максимальное количество разнообразных источников и значительно продвинул изучение северных волоков, впервые обретших археологическую реальность. По его мнению, волок представлял сухопутную дорогу через водораздел с поселениями вдоль трассы, жители которых расчищали волоковый путь и предоставляли лошадей для транспортировки судов. Постоянные поселения на волоках появляются в XI в., а в XII часть из них станет важнейшими центрами хозяйственного освоения Севера. Особенно важна характеристика Н.А. Макаровым колонизации как движения небольших самостоятельных групп. Консолидация подобных групп, не связанных родством, в новые локальные общности происходит на новой территории в процессе ее освоения. Иными словами, северная волость формировалась не путем сегментации родоначального поселения, как это считалось ранее, а за счет подселения новых колонистов.

Итоги многолетних изысканий Н.А. Макарова на Севере России, базирующихся на составлении подробных археологических карт крупных регионов, существенно дополнила монография “Средневековое расселение на Белом озере” (М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.)³, в которой воссозданы особенности заселения одной из ключевых исторических областей Древней Руси в X–XIII вв.

Новым этапом в изучении Н.А. Макаровым средневековых поселений стало исследование эталонного сельского микрорегиона на Русском Севере. Автор, выявивший и обследовавший сотни средневековых памятников, выбрал для анализа комплекс у д. Минино на Кубенском озере. Этот уникальный объект позволял рассмотреть историю отдельного поселения как отражение “макропроцессов”, круп-

² Текст диссертации, доработанный и дополненный новыми находками, опубликован: “Население русского Севера в X–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья”. М.: Наука, 1990. 216 с.

³ Написана в соавторстве с рано ушедшим из жизни учеником Н.А. Макарова канд. ист. наук С.Д. Захаровым (см. некролог в этом же номере) и антропологом А.П. Бужиловой (ныне – член-корр. РАН).

ных исторических явлений. Работы заняли девять сезонов (1996–2004). На сравнительно небольшой площади изучались остатки жилищ и производственных комплексов, некрополей и средневековых полей с пахотными горизонтами. Наиболее полно было изучено само поселение, основа одного из северных волостных центров, и его погребальные комплексы X–XII вв., представлявшие ранее не известные формы языческого погребального обряда и постепенную трансформацию его, обусловленную распространением христианства. Благодаря совершенствованию полевой методики работ (просеивание, флотация слоя и др.) удалось собрать грандиозную для древнерусского сельского поселения коллекцию древностей – около 10 тыс. предметов.

Раскопками в Минине Н.А. Макаров показал, что северная деревня XI–XIII вв. – сложный социальный и хозяйственный организм, а распространенные ранее представления о простоте изначальных форм крестьянского быта на Севере просто неверны. Колонизация северной периферии Древней Руси сопровождалась устройством крупных поселений, жители которых занимались сельским хозяйством, лесными промыслами и торговлей. Работы в Минино и широкое сравнительное изучение сельских поселений Руси стали основой обобщающего труда, подготовленного Н.А. Макаровым совместно с большим авторским коллективом (“Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере”: в 3 т. М.: Наука, 2007; 2008; 2009. 374 с.; 365 с.; 230 с.).

Уже с 2001 г., одновременно с завершавшимся северным проектом, Н.А. Макаров расширил сферу исследования, включив в нее Северо-Восточную Русь. Так в центре внимания ученого оказалась ключевая проблема русской истории – формирование государствообразующего ядра России. Николай Андреевич поставил перед собой задачу археологически прояснить глубинные исторически процессы, внутренние предпосылки для изменения баланса сил, обусловившие возвышение (в значительной степени неожиданное: как известно, до середины XII в. эти земли не вызвали особого интереса летописцев) Ростово-Суздальской Руси при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском с последующим превращением ее в мощное политическое образование с особым статусом и самосознанием.

Казалось, что Н.А. Макаров взялся за неразрешимую задачу. Дело в том, что Суздальское Ополе, регион Волго-Клязьминского междуречья с его особым ландшафтом со свободными пространствами в зоне смешанных лесов, издавна привлекало

археологов. При этом считалось, что в самом начале изучения ему был нанесен непоправимый вред, когда в 1851–1854 гг. граф А.С. Уваров раскопал во Владимирской и Ярославской губерниях без малого 8 тыс. курганных насыпей, существенно повредив комплектность археологических источников.

Однако обратившись после длительного перерыва к изучению исторического центра Северо-Восточной Руси (полтора века!), Н.А. Макаров опирался на несравнимо более развитый методический и аналитический инструментарий, а также на богатый опыт исследования памятников иного рода – средневековых сельских поселений. Первоначально планировалось подробное обследование компактной территории к северу от Суздаля, возможно более полное выявление ее средневековых памятников и создание детальной археологической карты поселений. Но в ходе полевых работ экспедиция вышла за пределы намеченных границ, охватив обследованием и округу Владимира-на-Клязьме, крупнейшего политического центра Северо-Восточной Руси.

Можно сказать, что специально созданная новая Суздальская экспедиция ИА РАН под руководством Н.А. Макарова (работает до настоящего времени) превратила Суздальское Ополе в одну из самых подробно изученных в археологическом отношении территорий центра Русской равнины. За 15 лет здесь было выявлено и обследовано более 300 средневековых памятников, главным образом, неукрепленных; раскопки проведены более чем на 10 поселениях, а на 17 селищах – геомагнитная съемка общей площадью более 70 га. В раскопах и на распаханных селищах собрано более 10 тыс. средневековых предметов. Осмысленное применение и упорное совершенствование новейших приемов полевого обследования позволили возглавляемому Н.А. Макаровым коллективу перейти от выявления самых общих закономерностей динамики средневекового расселения к анализу конкретных аспектов хозяйства, социальной организации и культуры исторического центра Северо-Восточной Руси.

Среди важнейших итогов работ в Суздальском Ополе – выделение, картографирование и характеристика больших поселений X–XI вв. как особой категории археологических памятников, отличающихся крупными для лесной полосы Восточной Европы размерами (в среднем – 6–10 га). Геофизическая съемка позволила понять их внутреннюю пространственную организацию, локализовать участки с высокой плотностью построек. Собранный материал показал, что поселения отличает высокая концентрация и разнообразие находок (в том числе

престижных ценностей и вещей, связанных с дальней торговлей), присутствие остатков ремесленных производств. Изучение больших поселений привело Н.А. Макарова к мысли о том, что формирование сети таких селищ – один из магистральных путей организации расселения и хозяйства на северо-востоке Руси в X–XI вв.

Не менее интересный результат – определение среди суздальских селищ поселений XII–XIII вв. с находками предметов, связанных с обиходом знати. Это вислые свинцовые печати, скреплявшие официальные документы; книжные застёжки; стили для письма; фрагменты украшений из драгоценных металлов; оружие и детали парадного конского снаряжения; статусные церковные изделия (кресты-энколпионы) и апотропеи (амулеты-змеевики). Следы социальной элиты искали ранее исключительно внутри городских валов, но, выявив выразительные серии высокопрестижных предметов на 25 селищах, Н.А. Макаров смог, вполне обоснованно, прийти к заключению о присутствии на этих поселениях дворов знати.

Не отказалась Суздальская экспедиция, невзирая на сложность задачи, и от поиска остатков курганных могильников, связанных со средневековыми поселениями. Немногие уцелевшие после массовых раскопок середины XIX в. курганы сейчас полностью распаханы и там, где средневековая курганная археология делала первые шаги, можно идентифицировать следы лишь нескольких могильников. Среди них – один из крупнейших в центре Суздальской земли – могильник в окрестностях с. Шекшово (17 км от Суздаля). Здесь в 1852 г. А.С. Уваров раскопал около 250 насыпей с погребениями по обряду кремации и ингумации. Следы курганов полностью исчезли. Однако их удастся обнаружить, используя полевую документацию XIX в. и современные эффективные методы изучения пространственной организации (электротомографическая съемка выявляет кольцевые структуры курганов с окружающими ровиками). Н.А. Макаров и сотрудники его экспедиции смогли локализовать зону могильника и остатки погребальных сооружений, в результате чего за четыре полевых сезона (с 2011 г.) ими было вскрыто не менее девяти сnivelированных курганов.

В двух курганах были обнаружены погребения по обряду ингумации, которые датируются концом X – первой половиной XI в.; на площадках двух других курганов X в. открыты остатки кремаций, совершенных на стороне. Выявлены такие разновидности погребального обряда, о существовании которых в центре Ростово-Суздальской земли X–XI вв. не было известно (бескурганные ингумации и кремации с размещением остатков

трупосожжений в неглубоких ямках или на поверхности земли). В захоронениях и на площадке могильника найдены арабские, западноевропейские и византийские серебряные монеты; накладки и наконечники парадных мужских поясов; весовые гирьки; предметы вооружения; женские украшения поволжско-финских, славянских и балтийских типов. Выдающееся значение для изучения ранней истории Руси имеет находка парадного боевого топора с серебряной инкрустацией с изображением креста и трезубца, близкого родовому знаку князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Шекшово предстало перед нами как крупный могильник второй половины X – второй половины XII в., принадлежавший одному из больших поселений, образовавших в X–XI вв. основное ядро Северо-Восточной Руси.

Вместе с поселениями и курганными могильниками древнерусского времени Суздальская экспедиция исследует объекты иных эпох. В числе особых достижений – открытие (2007–2009) финского могильника первой половины I тыс. н.э. у д. Большое Давыдовское. Здесь изучены останки 22 погребенных, сопровождавшие их металлические украшения и бытовые вещи, орудия труда и предметы вооружения III–V вв. Известно, что финны – исторические предшественники славян в Волго-Окском междуречье. Но поиск их древностей – сложная задача. Финских могильников с погребениями этого времени насчитывается всего около 40, причем Большое Давыдовское на карте их распространения занимает крайнюю северо-западную точку. Это дает редкую возможность исследовать древности эпохи перехода от железного века к раннему средневековью, мало изученной в Волго-Клязьминском междуречье; реконструировать облик ранее не известной культуры локальной группы поволжских финнов.

Несомненно, за годы работ на Кубенском и Белом озерах, а затем во Владимиро-Суздальском Ополье Н.А. Макаров выработал особый метод изучения средневековых сельских поселений. В ближайшие десятилетия археологическое изучение древнерусской деревни будет базироваться на методических приемах, разработанных в его экспедициях. Ученики Н.А. Макарова уже образовали значительный отряд молодых ученых, усваивающих все тонкости созданных им подходов и методик полевого исследования в непосредственном рабочем контакте с руководителем, в процессе практического изучения памятников.

Труды Н.А. Макарова своевременно получили официальное признание в научном сообществе. В 1997 г. он был избран членом-корреспондентом

том, а в 2011 г. – академиком РАН. Это не случайно: экспедиционный и кабинетный труд ученого Н.А. Макаров всегда умело совмещал с административной работой. В 1995–1999 гг. он возглавлял отдел истории Российского гуманитарного научного фонда, в 1999–2002 гг. работал заместителем академика-секретаря Отделения истории РАН по научно-организационным вопросам, с 2012 г. является руководителем секции истории в Отделении историко-филологических наук РАН. Избранный в 2003 г. коллективом сотрудников Института археологии РАН директором, Н.А. Макаров до настоящего времени работает в этой должности.

Значительные усилия Н.А. Макаров прилагает к организации науки и развитию проблемных дискуссий по средневековой археологии в России. Им сформулирован ряд тем, выдвинутых для обсуждения на научных форумах, материалы которых получили широкий резонанс (сборники “Русь в XIII веке: Древности темного времени” / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2003. 416 с.; “Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга” / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2005. 326 с.; “Сельская Русь в IX–XVI веках: От новых методов изучения к новому пониманию” / Н.А. Макаров, С.З. Чернов, И.Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2008. 418 с.; “Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования” / Ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2010. 288 с.; “Русь в X–XII веках: общество, государство, культура” / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2014. 432 с.). Исключительно удачным стал опыт авторского составления и редактирования обширного исторического очерка о первых веках истории Древней Руси, основанного на анализе археологических открытий последних лет, сделанных ведущими учеными страны, собранными в единый коллектив (“Русь в IX–X веках: археологическая панорама” / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.).

Формируются и серии неперiodических изданий, объединенных общностью территории и хронологии. Работы в Суздальской земле убедили Н.А. Макарова в необходимости создания периодической конференции с целью координации исследований в регионе (первый научно-практический семинар “Археология Владимиро-Суздальской земли” состоялся во Владимире в 2006 г., к настоящему времени вышло пять выпусков материалов). Она проводится под его руководством ежегодно, позволяя оперативно вводить в научный оборот результаты новейших исследований древней Ростово-Суздаль-

ской земли и заметно консолидировать археологические работы в регионе.

Под руководством Н.А. Макарова продолжено такое авторитетное периодическое издание, как “Краткие сообщения Института археологии РАН”. Благодаря его усилиям как главного редактора они стали ежеквартальным (за годы руководства Николая Андреевича вышло в свет 19 выпусков).

Как руководитель Института археологии РАН Н.А. Макаров прилагает большие усилия для укрепления позиции института в системе археологических учреждений России; закрепления за РАН функций научной регламентации полевых археологических исследований; развития экспертной деятельности; совершенствования нормативной базы, регулирующей охрану археологического наследия России.

В числе особых заслуг Н.А. Макарова следует назвать постоянную готовность к прямым действиям, необходимым для охраны наследия и организации связанных с этим раскопок. В последние годы возглавляемая им Суздальская экспедиция постоянно работает на ключевых средневековых памятниках центра Северо-Востока в Суздале, Кидекше, Владимире, Боголюбове, Переславле-Залеском, выводя на новый уровень знания о развитии этих городов и их архитектуры. В настоящее время Н.А. Макаров прилагает значительные усилия для защиты от застройки и разрушения древнерусского Клещина (предшественник Переславля-Залеского), повышения уровня его охраны и придания этому уникальному археологическому комплексу статуса музейной территории.

Иначе, чем исключительной, трудно назвать роль Н.А. Макарова в налаживании эффективной системы охраны археологических памятников и противодействия нелегальным, грабительским раскопкам, а также всем формам коммерциализации, приносящим вред археологии как фундаментальной науке.

Всегда крайне строгий, стремящийся к проверке и перепроверке достоверности научных фактов, Н.А. Макаров предъявляет самые высокие требования к фундаментальности исторических исследований и обоснованности выводов, эффективно противодействуя, в том числе как член президиума Российского Исторического общества, фальсификациям истории и распространению паранаучных конструкторов.

Усиленное внимание уделяет Н.А. Макаров международным связям Института и своей работе в международных научных организациях. Он – координатор ряда интернациональных проектов по

изучению средневекового расселения и культурного ландшафта, участник многих конференций, проходящих в Западной Европе и США (в том числе международных экспедиций, помогающих внедрить в России самые современные полевые методики). Им прочитаны лекции по средневековой археологии России в ряде западных университетов. Н.А. Макаров – член международного научного совета “*Ruralia*”, который координирует исследования средневековых сельских поселений в Европе, а также член-корреспондент Немецкого (с 2005 г.) и Американского (с 2009 г.) археологических институтов. Длительное время Н.А. Макаров представлял российскую гуманитарную науку в международном фонде INTAS. В последние годы он является членом совета Фонда “Европейский совет исследований”, созданного Евросоюзом для поддержки научных проектов.

Нужно сказать несколько слов и о личных качествах Николая Андреевича как нашего коллеги и руководителя, тем более что они проявлены чрезвычайно ярко. Николай Андреевич ценит готовность к прямому и честному действию, способность брать на себя ответственность за организацию исследований и их

научный результат, умение справляться собственными силами, работать своими руками, видеть своими глазами – в общем, все те качества, которые мы привыкли называть мужскими. Недаром одна из самых важных для него формул при оценке соратника – “мужик”, и сам юбиляр заслуживает этой (положительной) характеристики в самой высшей степени.

В заключение отметим, что уже много лет Николай Андреевич является членом Редакционного совета журнала “Российская археология”. Он во многом определяет редакционную политику, оживляет наши дискуссии трезвыми и точными характеристиками представляемых материалов, выступает с основополагающими статьями. Мы надеемся, что в этом номере он обнаружит ряд работ, которые привлекут его внимание и окажутся близки его исследовательскому методу.

Свой юбилей Н.А. Макаров встречает в расцвете жизненных и творческих сил. Поздравляя Николая Андреевича с 60-летием, желаем ему здоровья, благополучия, ярких полевых открытий, увлекательных кабинетных исследований, новых учеников и новых книг. А возглавляемому им Институту археологии РАН – стабильности, успехов и процветания.

Институт археологии РАН, Москва

Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ДАХИ В IV–II вв. до н.э. (по данным археологии)

© 2016 г. А.С. Балахванцев

Институт востоковедения РАН, Москва (balakhvantsev@gmail.com)

В статье рассматривается вопрос о происхождении и локализации среднеазиатских дахов. Делается вывод, что в IV–II вв. до н.э. дахи занимали окраины Левобережного Хорезма, Бухарский и Самаркандский Согд, а также земли на Узбое и Атреке с его притоками. Принятый у дахов погребальный обряд позволяет утверждать, что отправной точкой их миграции в Среднюю Азию был район Орска на Южном Урале (Ново-Кумакский могильник).

Ключевые слова: дахи (даи), Средняя Азия, погребальный обряд, Южный Урал.

В древней истории Средней Азии, наряду с другими кочевыми объединениями, огромную роль сыграли дахи (даи). Именно завоевание одним из племен последних – парнами – селевкидской сатрапии Парфии около 238 г. до н.э. привело к возникновению здесь Парфянского государства, впоследствии вошедшего в число четырех сверхдержав древнего мира. Поэтому очевидно, какое значение будет иметь воссоздание подлинной истории дахской конфедерации для понимания этнополитических процессов, протекавших на территории Средней Азии в древности.

К решению вопроса о том, какую территорию в тот или иной период времени занимали дахи, возможно прийти лишь путем комплексного анализа письменных и археологических источников, позволяющим сначала на основе сведений античных авторов определить места обитания дахов, а затем сопоставить исследуемую этническую группу с погребальным обрядом¹, характерным для данных регионов. Если связь между ними будет установлена, она позволит сделать выводы о присутствии дахов и на других территориях, где выявлены аналогичные памятники, причем даже в том случае, если данных нарративной традиции на этот счет недостаточно или она отсутствует (Балахванцев, 2012а. С. 29).

Письменные источники показывают, что в IV–III вв. до н.э. дахи в Средней Азии занимали часть Согдианы (долина Зеравшана), окраины Левобережного Хорезма (Присарыкамьшская дельта Амударьи) и часть долины среднего Атрека с прилегающими к ней районами (Балахванцев, 2005.

С. 65; 2012а. С. 30–34; 2015). В археологическом отношении перечисленные выше территории объединяются наличием таких форм подкурганых могильных сооружений, как катакомбы, грунтовые ямы и подбои. Повсеместным правилом было совершение под курганной насыпью только одного захоронения. Костяки везде лежат вытянуто на спине и ориентированы головами на юг, подбои устроены в западной стенке могильной ямы, а катакомбы относятся к льяндакскому типу, при котором погребальная камера расположена на одной (меридиональной) оси с дромосом. Инвентарь состоит из оружия (наконечники стрел, мечи, кинжалы), станковой керамики, бронзовых зеркал, бус. В качестве погребальной пищи в могилу клали переднюю ногу овцы (иногда с лопаткой и ребрами). Важно отметить, что сочетание всех перечисленных выше признаков не встречается в других регионах Средней Азии (Горбунова, 1991. С. 21, 22; 2001. С. 132), за исключением района между Узбоем и заливом Кара-Богаз-Гол (Юсупов, 1977. С. 127–131; 1978. С. 59–61; Bader, Usupov, 1995. Р. 30, 31)², соединяющего Хорезм с северо-западными предгорьями Копетдага.

Исследователи уже не раз высказывали мнения о связи ряда погребений и курганных могильников из перечисленных регионов с сарматами (Берлизов, 2014. С. 30 с предшествующей литературой; Таиров, 2014. С. 227, 228) или дахами. Так, еще А.А. Марущенко приписал дахам раскопанные им курганы у Кизыл-Чешме и Хас-Кяриза (1959. С. 116). А.М. Мандельштам, согласившись с этой точкой зрения, считал, что “одному из племен

¹ Погребальный обряд рассматривается по трем группам признаков: конструкция погребального сооружения, состояние и положение костяка, состав погребального инвентаря (Ягодин и др., 1978. С. 187, 190, 191).

² Мне уже приходилось писать о том, что это свидетельствует о начале освоения данного региона дахами, а также о частичном вытеснении ими массагетов (Балахванцев, 2005. С. 66).

самых парфян” принадлежал Мешрепитахтинский могильник (1971. С. 72; 1984. С. 174). Ю.А. Заднепровский, основываясь на сходстве туркменских и согдийских катакомб, сделал вывод о присутствии дахов в Бухарском Согде (1997. С. 101, 102). Следует, впрочем, заметить, что данные точки зрения отнюдь не стали общепризнанными. Так, В.Н. Пилипко высказывал сомнение в существовании связи между туркменскими катакомбами и парфянами (1990. С. 83). Н.Г. Горбунова вообще отрицала возможность отождествления могильников Согда и прилегающих к нему районов с сарматами (2001. С. 148, 149).

Для того чтобы точно установить связь дахов с данными типами погребальных сооружений, необходимо решить вопрос с их датировкой. Наиболее ранними погребениями Южного Приаралья являются кург. 3 и 4 могильника Каскажол, расположенного на юго-востоке Устюрта. Кург. 3 по бронзовым наконечникам стрел датируется V – концом IV в. до н.э. (Ягодин, 1982. С. 55), кург. 4 по найденному в нем бронзовому зеркалу и мечу переходного типа – IV в. до н.э. (Ягодин и др., 1978. С. 156–158). Кург. 17 и 19 юго-западной группы могильника Туз-гыр относятся к IV–III вв. до н.э. (Трудновская, 1979. С. 109, 110). Кург. 42 могильника Сакар-чага 1, в котором была найдена раннекангуйская тонкостенная миска с плоским дном (Яблонский, 1999. Рис. 23, 8), датируется IV–II вв. до н.э. (Яблонский, 1999. С. 25).

Отдельно следует остановиться на времени сооружения кург. 2 могильника Гяур-IV, отнесенного В.Е. Масловым и Л.Т. Яблонским к концу II в. до н.э. – I в. н.э. (1996. С. 176). Ключевую роль в его датировке играет красноглиняный и красноангобированный кувшин, имеющий аналогии среди керамики нижнего горизонта городища Хазарасп (Воробьева и др., 1963. Рис. 12, 4; 13, 3/1)³, комплекс которой в хронологическом плане находится между посудой Калалы-гыр 1 и Кой-Крылган-калы (Воробьева и др., 1963. С. 182, 197). Это позволяет датировать кувшин IV в. до н.э., видимо, второй половиной. Не противоречат этой датировке обнаруженные в том же погребении железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами, поскольку в Средней Азии данный тип наконечников в IV в. до н.э. уже засвидетельствован (Горбунова, 2000. С. 40, 46; Литвинский, 2001. С. 94). Их появлению в среде среднеазиатских кочевников способствовала служба последних в ахе-

менидской армии, активно использовавшей такие наконечники (Schmidt, 1957. Pl. 76. № 15).

Косвенным доказательством применения подобных наконечников в Средней Азии являются их находки в степях Казахстана и на Южном Урале, так как в двух последних регионах они могли появиться благодаря ближневосточному и среднеазиатскому влиянию (Смирнов, 1961. С. 61, 63, 70; Гуцалов, 2004. С. 25). Кроме уже давно введенных в научный оборот данных (Смирнов, 1961. С. 65, 66. Рис. 40, 24), следует также учесть экземпляры из кург. 17/1 могильника Покровка 2 (Яблонский и др., 1994. С. 40; Гуцалов, 2004. С. 72: середина VI в. до н.э.), Северного Казахстана (Хабдулина, 1993. Рис. 1, 24–26. С. 32: конец V – IV вв. до н.э.) и кург. 25/2 могильника Лебедевка VI (Железчиков и др., 2006. Рис. 56, 16. С. 26, 38: IV в. до н.э.). Такие же наконечники обнаружены возле кург. 1 могильника Филипповка 1, функционировавшего с конца V по третью четверть IV в. до н.э. (Яблонский, 2013а. С. 54, 227. № 3159–3165). В погр. 3 соор. Б Прохоровского могильника более 110 аналогичных наконечников были найдены вместе с импортной серебряной чашей, по средиземноморским аналогиям датирующей серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. (Балахванцев, Яблонский, 2006. С. 104, 105). По данным С.Н. Заседателевой, в центральном погр. 3 кург. 2 второго Новоорского могильника был обнаружен один железный черешковый трехлопастный наконечник с опущенными жальцами⁴. Во впускном погр. 1, прорезавшим могильный выкид погр. 3 и, стало быть, являвшимся более поздним, был найден меч переходного типа с переломленным перекрестием. Теперь, после обнаружения аналогичного меча в погр. 1 Ново-Мусинского кург. 3 вместе с гераклеийской амфорой конца IV – первых двух десятилетий III в. до н.э. (Васильев, Сиротин, 2004. С. 179, 180), железный наконечник из кург. 2 второго Новоорского могильника можно с достаточной долей уверенности отнести к IV в. до н.э. Более 120 подобных наконечников было обнаружено в кургане 4/4 могильника Бердянка V (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 126. Рис. 4, 4). Учитывая заметное сходство с материалами кург. 1 Прохоровки и 10 Переволочана, это погребение можно датировать концом IV – III в. до н.э. (Яблонский, 2010. С. 72).

Что же касается обнаруженного в кург. 2 клинкового оружия – длинного (78 см) меча, перекрестие которого переломлено под тупым углом так, что вершина последнего направлена к острию клинка, а большая часть рукояти отсутствует, и кинжала

³ Датировка нижнего горизонта городища Хазарасп не ранее II в. до н.э. (Маслов, Яблонский, 1996. С. 171) является ошибочной.

⁴ Материал не опубликован. Благодарю С.Н. Заседателеву за предоставленную информацию.

с прямым перекрестием и разрушенной рукоятью (Маслов, Яблонский, 1996. Рис. 4, 2, 7), то о них можно сказать следующее. Кинжал датировать сложно, так как неизвестно, какую форму имело его навершие, если оно вообще было⁵. Тем не менее мечи и кинжалы с прямым перекрестием на территории Средней Азии известны с IV в. до н.э. (Обельченко, 1978. С. 117; Вайнберг, 1991. С. 58, 59). Утрата большей части рукояти меча также делает невозможным ответ на вопрос: имелось ли у него навершие? В то же время едва ли можно согласиться с точкой зрения авторов (Маслов, Яблонский, 1996. С. 174), сближающих его с мечом из кург. 63 могильника Тумек-кичиджик (Маслов, Яблонский, 1996. Рис. 4, 1), а также с рукоятью меча из погр. 2 кург. “Рошава Драгана” в Болгарии (Буюклиев, 1995. Рис. 2, 2, 3). Рукоять первого меча представляет собой довольно узкий округлый в сечении штырь (Вайнберг, 1991. С. 59), на конце которого находится шляпка для крепления деревянной обкладки; рукоять меча из кург. 2 значительно шире. Перекрестие меча из Болгарии, действительно, похоже, но одно это обстоятельство еще не является основанием для хронологического сближения. Дело в том, что мечи и кинжалы с такой же формой перекрестия известны в могильнике Чилик-Дере в Добрудже (Скорый, 2006. Рис. 4, 7. С. 142: VI–IV вв. до н.э.), кург. 28 могильника Филипповка 1 (Яблонский, 2013а. № 2464, 2600) и 16/1 могильника Покровка 2 (Яблонский и др., 1994. С. 36. Рис. 79, 7; Васильев, 2005. С. 98: I в. до н.э.; Гуцалов, 2007. С. 12, 15: III–I вв. до н.э.). Наиболее близкие аналогии мечу из кург. 2 – филипповский кинжал и покровский меч со сломанными перекрестиями и широкими рукоятями. Таким образом, кург. 2 могильника Гяур-IV следует отнести ко второй половине IV в. до н.э.

К IV–II вв. до н.э., судя по найденному кувшиновидному горшочку с горизонтальными ручками на тулове (Лоховиц, 1979. Табл. VI, 10), относится кург. 50 могильника Тумек-кичиджик (Лоховиц, 1979. С. 145; Вайнберг, 1991. С. 54). Красноглиняный кувшин из кург. 41 того же могильника (Лоховиц, 1979. С. 136. Табл. VI, 7)⁶ находит ближайшие аналогии в материалах из Коша-депе (Пилипко, 1980. С. 221. Рис. 5, 1), датирующихся серединой III в. до н.э. – первой половиной I в. н.э.

В долине Зеравшана наиболее ранним является кург. 4 могильника Акджартепе (к северу от Самар-

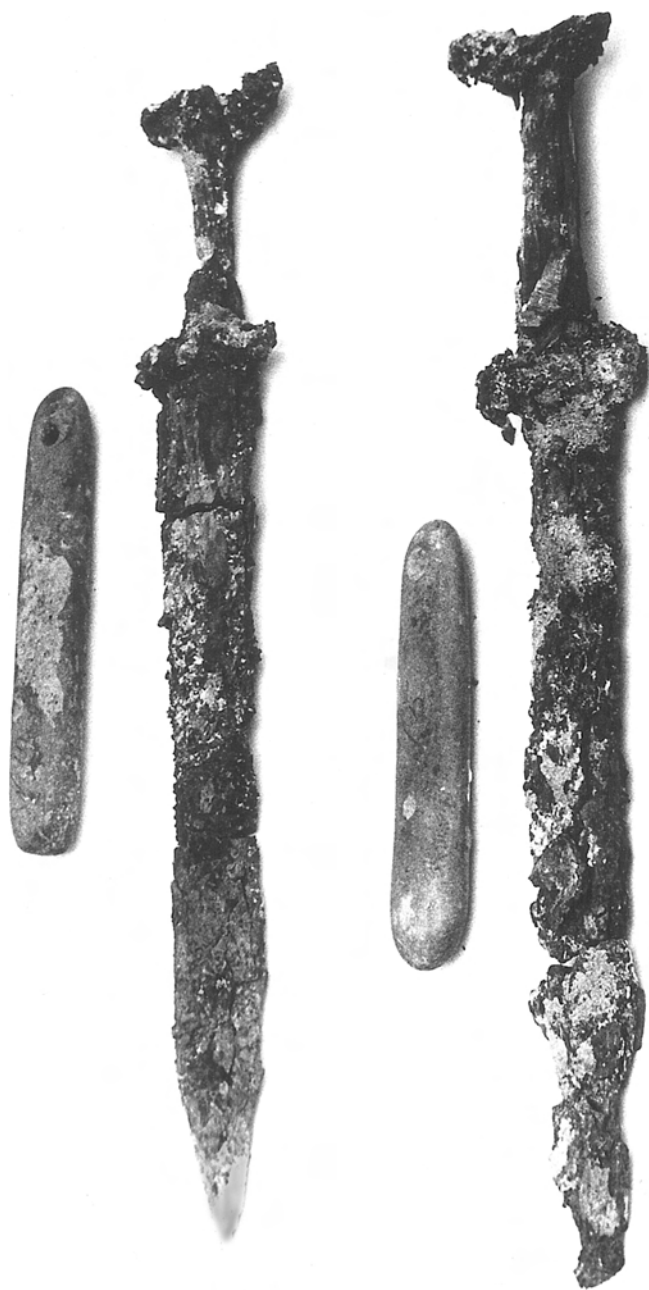
канда), который, судя по находке меча переходного типа с переломленным перекрестием и полукруглым навершием (Обельченко, 1962. Рис. 4), относится к IV в. до н.э. (Обельченко, 1978. С. 116). Кург. 7 Кую-Мазарского могильника (восточнее Бухары) датируется IV–III вв. до н.э. по обнаруженной в погребении костяной пряжке (Обельченко, 1956. Рис. 5), находящей наиболее близкие параллели в Ак-Тамском могильнике в Фергане (Гамбург, Горбунова, 1957. С. 82, 88. Рис. 29, 12). На эту же дату указывает и полусферическая чаша, покрытая двусторонним темно-красным ангобом (Обельченко, 1956. Рис. 4), аналогии которой присутствуют в нижнем слое Кой-Крылган-калы (Воробьева, 1967. Табл. III, 65) и эллинистическом комплексе Кампыр-тепе (Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99–102. Рис. 1, 6, 7, 11, 13, 18). Кург. 19 Кую-Мазарского могильника датируется по обнаруженному там кинжалу с переломленным (бабочковидным) перекрестием и волнитообразным навершием (Обельченко, 1956. Рис. 17), прямые аналогии которому имеются в кург. 16/6 и 19/2 могильника Лебедевка VII (Железников и др., 2006. Рис. 70, 3; 76, 2. С. 33, 35, 38: IV в. до н.э.), не позднее конца IV в. до н.э. (Вайнберг, 1991. С. 103. Прим. 127). Не противоречит этой дате и наличие в кургане меча с прямым перекрестием и без металлического навершия, поскольку мечи такого типа появляются как раз в эту эпоху (Хазанов, 2008. С. 53, 54; Скрипкин, 1990. С. 128; Гуцалов, 2007. Табл. 1, 19). Красноглиняный кувшин из кург. 30 Кую-Мазарского могильника (Обельченко, 1956. Рис. 12), судя по аналогии из могильника Сакар-чага 1 (Яблонский, 1999. С. 25. Рис. 23, 16), должен датироваться IV–III вв. до н.э. Находка О.В. Обельченко в 1975 г. при раскопках Кую-Мазарского могильника двух прохоровских мечей с прямым перекрестием и серповидным навершием (рисунок) также свидетельствует о том, что исследованные им курганы могут датироваться начиная с IV в. до н.э.⁷, причем широкие массивные рукояти мечей свидетельствуют в пользу более ранней даты (Федоров, 2001. С. 183). Остальные курганы Кую-Мазарского и Лявандакского могильников, видимо, относятся к последним векам до н.э.

Ввиду крайней бедности сопутствующего инвентаря очень сложно датировать подкурганые погребения, раскопанные Х. Юсуповым на плато Дордуль, на правом берегу Узоя (Юсупов, 1977. С. 127–131; 1978. С. 59–61). Наличие в одном из катакомбных погребений костяных накладок на лук (Юсупов, 1978. С. 60), казалось бы, говорит о срав-

⁵ В связи с этим не может не вызвать удивления утверждение, что все три кинжала из могильника Гяур-IV имели кольцевые навершия (Маслов, Яблонский, 1996. С. 172, 173).

⁶ В указанной публикации присутствуют многочисленные ошибки в подписях к иллюстрациям. Исправления см. Вайнберг, 1991. С. 99.

⁷ О возникновении этого типа мечей см. Васильев, 2001. С. 172; Федоров, 2001. С. 183; Гуцалов, 2007. С. 13; Скрипкин, Ким, 2013. С. 275.

Мечи из могильника Кую-Мазар. Раскопки О.В. Обельченко, 1975 г.

нительно поздней дате – II–I вв. до н.э. (Литвинский, 2000. С. 46). Однако имеющаяся информация о находках таких накладок в кург. 7 могильника Филипповка 1 (Пшеничнюк, 2012. С. 44. Рис. 96, 24–26), 2/3 могильника Покровка 2 (Моргунова, Трунаева, 1993. С. 17: V в. до н.э.) и 9/2 могильника Покровка 7 (Яблонский и др., 1996. С. 32. Рис. 46, 6; Гуцалов, 2004. Табл. 17, 9: конец V – IV в. до н.э.) заставляет еще раз обратиться к вопросу о времени распространения костяных накладок в Средней Азии. О возможности более ранней даты свидетель-

ствует и изображение сложносоставного лука на костяном навершии из Калалы-гыр 2 (Вайнберг, 2004. Рис. 5/24), датирующемся IV–II вв. до н.э., а также на монетах Аршака I и Аршака II, выпущенных не позднее 210 г. до н.э. (Sellwood, 1980. P. 21–27). В целом, узбойские курганы можно отнести к III–I вв. до н.э. Два кургана могильника Дегирменлидже по находкам хорезмийских кувшинов кангюйского времени и импортных золотых серег датируются II–I вв. до н.э. (Bader, Usupov, 1995. P. 30, 31, 38).

Наиболее ранним в юго-западной Туркмении является катакомбное захоронение в кург. 1 урочища Кизыл-Чешме, расположенного между железнодорожными станциями Бами и Кодж в подгорной полосе северо-западного Копетдага. Красноглиняный красноангобированный кувшин (Марущенко, 1959. Табл. III, 2) из этого погребения имеет аналогии в Калалы-гыр 2 (Болелов, 2004. Рис. 3/23. № 1, 11, 12) и на Гяур-кале 3 (IV–II вв. до н.э.)⁸. Шаровидные пряслица из алебаstra (Марущенко, 1959. Табл. III, 3) встречаются в сарматских погребениях IV–I вв. до н.э. в Южном Приуралье: Филипповка 1, кург. 3/1; Покровка 1, кург. 10/9 и 10; Липовка, кург. 14/1 (Пшеничнюк, 2012. С. 34. Рис. 67, 5; Яблонский и др., 1994. С. 20, 21. Рис. 40, 8; Смирнов, 1972. С. 13, 14, 23. Рис. 6, 5). С учетом того, что в насыпи кургана и на уровне древней поверхности были найдены фрагменты керамики, характерные для нижнего горизонта Кой-Крылган-калы (Марущенко, 1959. С. 112), Кизыл-Чешме можно датировать III–II вв. до н.э. Кург. Хаз-Кяриз, в котором обнаружен светлоглиняный кувшин (Марущенко, 1959. Табл. VI, 1), аналогичный представленным на Старой Нисе (Крашенинникова, 1963. С. 95, 96. Рис. 3, 8), следует отнести уже к I в. до н.э. Большинство же курганов юго-западной Туркмении (Пархайский и Мешрепитахтинский могильники)⁹ датируются в широких пределах I в. до н.э. – II в. н.э. (Мандельштам, 1963. С. 32; 1971. С. 71).

Проведенный выше анализ погребальных комплексов дает основания утверждать, что они, по праву времени и места, должны принадлежать дахам (даям). Данный вывод позволяет значительно расширить зону обитания этих племен в Средней Азии за счет тех регионов, о пребывании в которых дахов нарративная традиция ничего не знает: юго-восточный Устюрт (Каскажол), Самаркандский

⁸ Благодаря заведующего сектором археологии Средней Азии ГМИНВ С.Б. Болелова за указание на этот сосуд, происходящий из раскопок С.М. Колякова и хранящийся в фондах Музея Востока (полевой шифр 84 Г.К.3/550).

⁹ Я не рассматриваю здесь погребения, открытые И.Н. Хлопным на Сумбаре, в окрестностях Кара-Калы (1975. С. 51–53; 1979. С. 75–81), так как не известно, существовали ли над ними курганные насыпи.

Согд (Акджартепе), а также более точно очертить район обитания парнов на Атреке и его притоках. Теперь в него можно включить северо-западные предгорья Копетдага (Кизыл-Чешме, Хас-Кяриз), Ходжакалинскую долину (Мешрепитахтинский могильник), долину Сумбара (Пархайский могильник). Существенно, что разведки и рекогносцировки, проведенные между Чукуром и Нухуром, не выявили там памятников номадов античного времени (Мандельштам, 1963. С. 28), хотя и зафиксировали существование курганов с каменными обкладками, принадлежавших к иной историко-культурной традиции (Пилипко, 2009. С. 177, 188, 189, 192). Перспективными районами в плане поиска новых могильников парнов являются долины Сумбара в среднем и верхнем течении, а также долина Чандыра в пределах Туркмении, богатые водой и пастбищами (Балахванцев, 2015).

Определение областей обитания дахов (даев) в Средней Азии и установление их связи с конкретным типом погребального обряда позволяют теперь поставить и решить вопрос о том, где находилась их прародина. По моему мнению, конструкция распространенных у дахов погребальных сооружений, расположение в них костяков, сопутствующая пища, многие категории погребального инвентаря дают возможность говорить практически об идентичности погребального обряда среднеазиатских дахов и прохоровцев Южного Урала. Данное обстоятельство нельзя объяснить лишь взаимным культурным влиянием. Скорее всего, оно является результатом миграции или миграций. Об этом же свидетельствует и предполагаемая генетическая близость кочевого населения Левобережного Хорезма и Южного Приуралья во второй половине I тыс. до н.э. (Яблонский, 2000. С. 35).

Откуда же шло переселение? Какой регион – Южный Урал или Средняя Азия – выступал в качестве его центра? Вопреки мнению А.Д. Таирова (1998. С. 88), нет ни антропологических, ни археологических оснований полагать, что часть номадов Средней Азии в савроматскую эпоху мигрировала на Южный Урал и сыграла значительную роль в формировании прохоровской культуры (Яблонский, 2000. С. 38).

В пользу того, что отправной точкой переселения номадов был Южный Урал, говорят следующие факты. Уже в VI–V вв. до н.э. в Южном Приуралье, особенно в его восточных районах, существовала устойчивая традиция южной ориентировки погребенных (Мошкова, 1974. С. 17; Пшеничнюк, 1995. С. 64, 77, 83, 85, 89; Железчиков и др., 2006. С. 37; Яблонский, 2010. С. 63; Пшеничнюк, 2012. С. 65; Яблонский, 2013а. С. 48). В IV в. до н.э.

массовым явлением становятся захоронения в подбоях, появляются катакомбы лявандакского типа (Мошкова, 1974. С. 17; Железчиков, Кригер, 1978. С. 223, 225; Пшеничнюк, 1995. С. 64, 77, 83, 85, 89; Железчиков и др., 2006. С. 37; Яблонский, 2010. С. 21; Сиротин, 2010. С. 328; Пшеничнюк, 2012. С. 58, 65; Яблонский, 2013а. С. 157, 211, 214, 218; б. С. 308). Уже в савроматское время в состав заупокойной пищи стала входить передняя нога овцы (Мошкова, 1974. С. 20; Железчиков и др., 2006. С. 11, 18, 19).

Казалось бы, против сближения среднеазиатских дахов с номадами Южного Урала свидетельствует распространение у последних в IV в. до н.э. обычая сооружения курганов-кладбищ с двумя и более относительно близкими по времени захоронениями под одной насыпью (Железчиков и др., 2006. С. 40; Яблонский, 2010. С. 62, 63; Сиротин, 2010. С. 337; Пшеничнюк, 2012. С. 65; Яблонский, 2013а. С. 47; б. С. 308; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 130). Однако именно эта особенность погребального обряда прохоровской культуры позволяет выделить регион Южного Урала, который был прародиной среднеазиатских дахов. Дело в том, что в отличие от абсолютного большинства памятников IV в. до н.э. в Ново-Кумакском могильнике (восточнее Орска) погребения этого периода (Мошкова, 1962. С. 227; 1972а. С. 42; Смирнов, 1977. С. 18, 30, 32, 34), практически во всех отношениях совпадающие со среднеазиатскими, являются либо основными, либо впускными в курганы более раннего времени: кург. 12 (Мошкова, 1962. С. 216), 13 (Мошкова, 1962. С. 217), 16 (Мошкова, 1962. С. 218, 219), 18 (Мошкова, 1962. С. 219, 220), 33 (Мошкова, 1972а. С. 39, 40), 34 (Мошкова, 1972а. С. 40), 13/1 (Смирнов, 1977. С. 16), 20/7–8 (Смирнов, 1977. С. 29), 21/2 (Смирнов, 1977. С. 30), 24 (Смирнов, 1977. С. 33, 34). Характерно, что точно такая же картина – полное господство основных и по большей части единственных погребений под одной курганной насыпью – наблюдается и у среднеазиатских дахов, причем даже среди тех захоронений, которые явно относятся к III–I вв. до н.э. (Горбунова, 2001. С. 148; Балахванцев, 2005. С. 66). Наиболее логичным объяснением этого феномена может быть то, что проникновение дахов в Среднюю Азию, вопреки высказывавшимся ранее мнениям (Смирнов, 1984а. С. 117; Обельченко, 1992. С. 224; Заднепровский, 1997. С. 108–110), происходило преимущественно в IV в. до н.э. и шло из района Орска, где в это время обычая сооружения курганов-кладбищ не существовало. Вместе с тем использование среднеазиатскими дахами в III–II вв. до н.э. катакомб лявандакского типа предполагает,

что принесшая их последняя волна переселенцев¹⁰ отправилась в путь в первой половине III в. до н.э.¹¹, когда такие катакомбы получили определенное распространение на Южном Урале (Мошкова, Малашев, 1999. С. 180, 186).

В пользу локализации уральской прародины дахов в районе Орска свидетельствует еще одно обстоятельство: некоторые категории погребального инвентаря, бывшие типичными для кочевников Южного Урала IV в. до н.э. в целом, не встречаются ни в выделенной группе курганов Ново-Кумакского могильника, ни в погребениях среднеазиатских дахов. Речь, прежде всего, идет о костяных ложечках, известных на Южном Урале в 73 погребальных комплексах V–IV и IV–III вв. до н.э. (Федоров, 2013. С. 44, 46–50; Пшеничнюк, 2012. С. 44, 49, 61; Яблонский, 2013а. № 352, 1249, 1300, 1973, 2420, 2602, 2841; б. С. 306, 309; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 121, 124). Аналогичная картина наблюдается и в отношении таких элементов конского снаряжения, как удила и псалии. Без учета находок, сделанных в межкурганном пространстве, они встречаются в 35 погребальных комплексах IV в. до н.э. (Васильев, 2004. С. 155; Смирнов, 1961. С. 86, 87; Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 60–65; Смирнов, 1978. С. 62; 1984б. С. 10; Пшеничнюк, 1995. С. 64; Яблонский, 2010. С. 19; Сиротин, 2010. С. 326, 333; Пшеничнюк, 2012. С. 24, 25, 27, 40, 49, 51; Яблонский, 2013а. С. 61, 62, 67, 126, 127, 132–134, 145, 170, 175, 177, 179, 190, 192, 194, 200; б. С. 307; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 126), из которых лишь один относится к новокумакской группе (Мошкова, 1962. С. 217). В рассмотренных выше погребениях среднеазиатских дахов IV–II вв. до н.э. их нет вовсе. Наконечники копий зафиксированы в 36 комплексах (Васильев, 2001б. С. 80–92; Железчиков и др., 2006. С. 26, 34; Яблонский, 2010. С. 21, 22; Пшеничнюк, 2012. С. 48; Яблонский, 2013а. С. 88, 93, 110, 126, 145, 216; б. С. 306; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 123), но ни разу – в курганах Ново-Кумакского могильника или среднеазиатских памятниках.

Комбинируя данные письменных и археологических источников, можно представить историю среднеазиатских дахов в следующем виде. Жившие на Южном Урале номады стали появляться на границах левобережного Хорезма с рубежа VI–V вв. до н.э. из-за своих ежегодных меридио-

нальных перекочевок: каждую осень, стремясь избежать бескормицы, они уходили на юг и проводили зиму в богатых кормами западных районах Присарыкамышской дельты Амударьи, где практически не бывает невыпасных дней, а весной возвращались на север (Ягодин и др., 1978. С. 290; Вайнберг, 1992. С. 116; Таиров, 1993. С. 4, 13–17. Рис. 1). Часть их уже тогда, в V в. до н.э., стала оседать в районах зимовок и переходить к полуоседлой жизни (Ягодин, 1990. С. 79, 80; 2013. С. 192). Среди них были и дахи, упомянутые в Антидэвовской надписи Ксеркса около 484 г. до н.э. Конечно, нет надобности предполагать, что дахи были силой покорены Ксерксом (Дандамаев, 1985. С. 175), скорее, речь может идти о номинальном признании персидского господства и принятии обязательств приносить дары в обмен на возможность пользоваться зимними пастбищами. Вместе с другими уральскими кочевниками дахи приняли участие в подавлении египетского восстания в середине V в. до н.э. (Балахванцев, 2010. С. 116–122; 2012б. С. 20–25).

В начале IV в. до н.э. одни дахи связывают свою судьбу с Хорезмом, отпавшим от державы Ахеменидов (Балахванцев, 2006. С. 373), другие, не позднее середины того же столетия, проникают в Согд (долину Зеравшана) и становятся подданными персидских царей. Именно согдийские дахи сражались с македонцами при Гавгамелах и оказывали им ожесточенное сопротивление в междуречье Окса и Яксарта (Балахванцев, 2012а. С. 33). После смерти Александра Македонского часть хорезмийских дахов – парны (апарны), воспользовавшись распадом его империи, начинают совершать систематические набеги на Гирканию, Парфиену и Несайю (юго-западная Туркмения), а около середины III в. до н.э. переселяются на юг и обосновываются на берегах Оха (Атрека и его притоков).

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить О.В. Обельченко свою искреннюю признательность за возможность опубликовать фото мечей из могильника Кую-Мазар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С.* Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.) / Отв. ред. В.П. Никонов. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 64–67.
- Балахванцев А.С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. 2006. Т. II. С. 365–375.

¹⁰ Связать их с Ново-Кумакским могильником пока не представляется возможным.

¹¹ Значительное сокращение населения в III в. до н.э. как в районе Орска (Мошкова, 1972б. С. 72), так и на Южном Урале в целом (Мошкова, 1974. С. 47) не позволяет датировать эту миграцию более поздним временем.

- Балахванцев А.С.* К вопросу о времени и обстоятельствах появления ахеменидских импортов на Южном Урале // Древние культуры Евразии: материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама / Ред. В.А. Алекшин. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 116–122.
- Балахванцев А.С.* Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012а. № 1. С. 29–36.
- Балахванцев А.С.* Южноуральские дахи и держава Ахеменидов в V веке до н.э. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012б. Т. 11. Вып. 4. С. 20–25.
- Балахванцев А.С.* Историческая география ранней Парфии // Вестник ВГУ. 2015. № 4.
- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1. С. 98–106.
- Берлизов Н.Е.* Сарматы и Средняя Азия // Сарматы и внешний мир / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 30–39.
- Болелов С.Б.* Керамика // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме в IV–II вв. до н.э. / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. С. 93–147.
- Буюклиев Хр.* К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // РА. 1995. № 1. С. 37–46.
- Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1991. С. 5–109.
- Вайнберг Б.И.* Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 116–122.
- Вайнберг Б.И.* Культурная керамика и памятники искусства // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме в IV–II вв. до н.э. / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. С. 164–187.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и “проблеме” III в. до н.э. // МАВДС. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001а. С. 169–179.
- Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа: Гилем, 2001б. 153 с.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В.Н.* Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 98–100.
- Васильев В.Н., Сиротин С.В.* Ново-Мусинский 3 курган // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 173–180.
- Воробьева М.Г.* Керамика // Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1967. С. 102–131.
- Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразник Е.Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. Вып. 6: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М.: Наука, 1963. С. 157–200.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Ак-Тамский могильник // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 78–90.
- Горбунова Н.Г.* О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I половина I тысячелетия н.э.) // СА. 1991. № 3. С. 20–30.
- Горбунова Н.Г.* О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.) // РА. 2000. № 2. С. 40–50.
- Горбунова Н.Г.* Скотоводы Бактрии, Согды и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 126–151.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: ЗК ОЦИ и А, 2004. 136 с.
- Гуцалов С.Ю.* Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. VI Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории” / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 11–15.
- Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 316 с.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4. С. 218–227.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.
- Заднепровский Ю.А.* Древние номады Центральной Азии: сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Археологические изыскания; Вып. 40). 114 с.
- Крашенинникова Н.И.* Отвал битой тары середины I в. до н.э. из винохранилищ Старой Нисы // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1963. № 5. С. 93–98.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 528 с.
- Лоховиц В.А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма / Ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1979. С. 134–150.
- Мажитов Н.А., Пиеничнюк А.Х.* Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-западной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1977. С. 52–66.
- Мандельштам А.М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1963. № 2. С. 27–33.

- Мандельштам А.М.* Мешрепитахтинский могильник // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 66–72.
- Мандельштам А.М.* Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1984. С. 173–177.
- Марущенко А.А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТССР. 1959. Т. V. С. 110–122.
- Маслов В.Е., Яблонский Л.Т.* Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // РА. 1996. № 2. С. 168–181.
- Мошкова М.Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // Памятники скифо-сарматской культуры / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1962 (МИА; № 115). С. 206–242.
- Мошкова М.Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орск // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972а. С. 27–48.
- Мошкова М.Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972б. С. 49–78.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 51 с.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. С. 172–212.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.* “Прохоровские” погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. III. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 1999. С. 124–146.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н.* Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы Левобережного Илека. Вып. 1 / Ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1993. С. 15–17.
- Обельченко О.В.* Кую-Мазарский могильник // ТИИА АН УзССР. 1956. Вып. 8. С. 205–227.
- Обельченко О.В.* Могильник Акджартепе // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. С. 57–70.
- Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.
- Обельченко О.В.* Культура античного Согда. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Пилипко В.Н.* Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза // СА. 1980. № 4. С. 213–231.
- Пилипко В.Н.* Позднепарфянские памятники Ахала. Ашхабад: Ылым, 1990. 143 с.
- Пилипко В.Н.* Археологические памятники долины Дешт-Сайван-Ходжакала. Северо-Западный Копетдаг (Итоги рекогносцировочного обследования) // Центральная Азия и Южная Сибирь: Альманах. I / Сост. и отв. ред. С.И. Потабенко, Г.А. Кошеленко. М., 2009. С. 171–211.
- Пишеничнюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.
- Пишеничнюк А.Х.* Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б.* Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыр-тепе в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Ред. О.Н. Иневаткина. М.: Гос. Музей Востока, 2000. С. 99–104.
- Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т.* Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 // РА. 2014. № 4. С. 118–133.
- Сиротин С.В.* Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 323–338.
- Скорый С.А.* Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи / Ред. В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 140–171.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. 298 с.
- Скрипкин А.С., Ким М.Г.* Новоузенские курганы (к проблеме миграции южно-уральских кочевников в Нижнее Поволжье в IV в. до н.э.) // АВЕС. Вып. 10. Саратов: Научная книга, 2013. С. 271–280.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 101). 162 с.
- Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 3–26.
- Смирнов К.Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1977. С. 3–51.
- Смирнов К.Ф.* Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Ред. В.И. Козенкова. М.: Наука, 1978. С. 56–64.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984а. 183 с.
- Смирнов К.Ф.* Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1984б. С. 10–14.
- Таиров А.Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей / Ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. С. 3–23.
- Таиров А.Д.* Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. Вып. II. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 1998. С. 87–96.

- Таиров А.Д. Кочевники Южного Зауралья и “сарматы” Средней Азии // Сарматы и внешний мир / Ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 223, 234.
- Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма / Ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1979. С. 101–110.
- Федоров В.К. Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // МАВДС. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. пед. ун-та, 2001. С. 180–197.
- Федоров В.К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44–61.
- Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. С. 24–43.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 294 с.
- Хлопин И.Н. Погребения скифского времени в долине Сумбара // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л.: Наука, 1975. С. 51–53.
- Хлопин И.Н. Античные погребения на среднем течении Сумбара // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1979. № 3. С. 75–81.
- Юсупов Х. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 года // КД. Вып. V. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1977. С. 111–135.
- Юсупов Х. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1973 года // КД. Вып. VII. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1978. С. 48–77.
- Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма: археология и антропология могильников. М.: Восточная литература, 1999. 326 с.
- Яблонский Л.Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: сб. материалов IV Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Вып. 1 / Ред. В.Н. Мышкин, В.А. Скарбовенко. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 29–40.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 384 с.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. Кн. 1 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 2013а. 232 с.
- Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // АВЕС. Вып. 10. Саратов: научная книга, 2013б. С. 305–311.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. Раскопки курганных могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы Левобережного Илека. Вып. 4. М.: ИА РАН, 1996. С. 7–48.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы Левобережного Илека. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1994. С. 4–60.
- Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент: ФАН, 1982. С. 39–81.
- Ягодин В.Н. Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент: ФАН, 1990. С. 28–81.
- Ягодин В.Н. К вопросу о “савроматской” миграции VI–V веков до нашей эры на Юго-Восточный Устюрт // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 178–193.
- Ягодин В.Н., Бежанов Е.Б., Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978. 353 с.
- Bader A.N., Usupov Kh. Gold earrings from north-west Turkmenistan // In the Land of Gryphons: Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. A. Invernizzi. Firenze: Le Lettere, 1995. P. 23–38.
- Schmidt E.F. Persepolis. V. II: Contents of the Treasury and other Discoveries. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 166 p.
- Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia. 2nd ed. L.: Spink, 1980. 322 p.

CENTRAL ASIAN DAHAЕ IN 4th – 2nd cc. BC (ON THE ARCHAEOLOGICAL DATA)

Archil S. Balakhvantsev

Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow (balakhvantsev@gmail.com)

The article considers the problem of origin and localization of the Central Asian Dahae. The conclusion is made that in the 4th – 2nd cc. BC, the Dahae were occupying the vicinities of the left-bank Chorasnia, Bukhara and Samarkhand Sogdiana and also the lands of the Uzboy River and Atrek River with its tributaries. The accepted Dahae's burial rite allows arguing that the starting point of their migration to Central Asia was the district of Orsk in the Southern Urals (Novo-Kumakskiy burial ground).

Key words: the Dahae, Central Asia, burial rite, the Southern Urals.

REFERENCES

- Bader A.N., Usupov Kh., 1995. Gold earrings from north-west Turkmenistan. In *The Land of Gryphons: Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*. A. Invernizzi, ed. Florence: Le Lettere. P. 23–38.
- Balakhvantsev A.S., 2005. Sredneaziatskie dakhi v IV–II vv. do n.e.: proiskhozhdenie, khronologiya i lokalizatsiya [Middle Asian Dahae in the 4th – 2nd BC: origin, chronology and localization]. *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Central Asia from Achaemenid Dynasty to Timurid Empire: archaeology, history, ethnology, culture: materials of International conference]. V.P. Nikonorov, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk. P. 64–67.
- Balakhvantsev A.S., 2006. K voprosu o vremeni otpadeniya Khorezma ot derzhavy Akhemenidov: istochnikovedcheskiy aspekt [To the problem of the time of secession of Khoresm from Achaemenid Dynasty: historiographic aspect]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Department of Russian archaeological society], II. P. 365–375.
- Balakhvantsev A.S., 2010. K voprosu o vremeni i obstoitel'stvakh poyavleniya akhemenidskikh importov na Yuzhnom Urale [To the problem of the time and circumstances of the appearance of Achaemenid imports on the Southern Ural]. *Drevnie kul'tury Evrazii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ancient culture of Eurasia: materials of the International conference]. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: Info-ol. P. 116–122.
- Balakhvantsev A.S., 2012a. Dakhi Sredney Azii v epokhu Aleksandra Makedonskogo: dannye narrativnoy traditsii [Dahae of Middle Asia in the epoch of Alexandr the Great: the data of narrative traditions]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [East. African-Asian societies: history and modern times], 1. P. 29–36.
- Balakhvantsev A.S., 2012b. Yuzhnoural'skie dakhi i derzhava Akhemenidov v V veke do n.e. [Southern Dahae and the state of Achaemenid in the 5th BC]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: history, philology]. V. 11. Iss. 4. P. 20–25.
- Balakhvantsev A.S., 2015. Istoricheskaya geografiya ranney Parfii [Historical geography of early Parthia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Voronezh State University], 3.
- Balakhvantsev A.S., Yablonskiy L.T., 2006. Serebryanaya chasha iz Prokhorovki [Silver bowl from Prokhorovka]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 1. P. 98–106.
- Berlizov N.E., 2014. Sarmaty i Srednyaya Aziya [The Sarmats and Middle Asia]. *Sarmaty i vneshniy mir* [The Sarmats and outer world]. L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'ev, eds. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. P. 30–39.
- Bolelov S.B., 2004. Keramika [Ceramics]. *Kalaly-gyr 2: Kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme v IV–II vv. do n.e.* [Kalaly-gyr 2: Cult Centre in Old Khoresm in the 4th – 2nd cc. BC]. B.I. Vaynberg, ed. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 93–147.
- Buyukliev Khr., 1995. K voprosu o frakiysko-sarmatskikh otnosheniyakh v I – nachale II veka n.e. [To the problem of Thrace-Sarmatian relations in the 1st – the beginning of 2nd cc. AD]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 1. P. 37–46.
- Dandamaev M.A., 1985. Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy [Political history of the Achaemenid state]. Moscow: Nauka. 316 p.
- Fedorov V.K., 2001. Klinkovoe oruzhie i kolchannye nabory IV–III vv. do n.e. (o vremeni poyavleniya na Yuzhnom Urale mechey i kinzhaltov prokhorovskogo tipa) [Bladed weapon and quiver sets of the 4th – 3rd cc. BC (on the time of appearance of the axes and daggers of Prokhorov type in the Southern Ural)]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the archaeology of Volga-Don steppes], 1. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 180–197.
- Fedorov V.K., 2013. Kostyanye lozhechki v kolchanakh rannikh kochevnikov [Bone spoons in the quivers of early nomads]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 2. P. 44–61.
- Gamburg B.Z., Gorbunova N.G., 1957. Ak-Tamskiy mogil'nik [Ak-Tamskiy cemetery]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [BCIIMC], 69. P. 78–90.
- Gorbunova N.G., 1991. O podboyno-katakombnykh pogrebeniyakh rannikh kochevnikov Sredney Azii (konets I tysyacheletiya do n.e. – I polovina I tysyacheletiya n.e.) [On the cutting-catacomb burials of early nomads of the Middle Asia (the end of the 1st millennium BC – the first half of the 1st millennium AD)]. *Sovetskaya arkheologiya* [SA], 3. P. 20–30.
- Gorbunova N.G., 2000. O vooruzhenii sredneaziatskikh skotovodov (II (III?) v. do n.e. – V v. n.e.) [On the weapon of Middle Asian cattle farmers (2nd (3rd?) c. BC – 5th c. AD)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 2. P. 40–50.
- Gorbunova N.G., 2001. Skotovody Baktrii, Sogda i Tsentral'nykh Kyzylkumov [Cattle farmers of Bactria, Sogda and Central Kyzikum]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of State Hermitage], 35. P. 126–151.
- Gutsalov S.Yu., 2004. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. [Old nomads of the Southern Cis-Urals of the 7th–1st cc. BC]. Ural'sk: Zapadno-Kazakhstanskiy oblastnoy tsentr istorii i arkheologii. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., 2007. Mechi i kinzhaly kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v VI–I vv. do n.e. [Axes and daggers of nomads of the Southern Cis-Urals in the 6th–1st cc. BC]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya: doklady VI Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [Weapon of the Sarmats: regional typology and chronology: theses of the 6th International conference "Problems of Sarmatian archaeology and history"]. L.T. Yablonskiy, A.D. Tairov,

- eds. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. P. 11–15.
- Khabdulina M.K., 1993. Khronologiya nakonechnikov strelannogo zheleznogo veka Severnogo Kazakhstana [Chronology of pikes of the early Iron Age of the Northern Kazakhstan]. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes]*. A.D. Tairov, ed. Ekaterinburg: Ural'skaya izdatel'skaya firma "Nauka". P. 24–43.
- Khazanov A.M., 2008. Ocherki voennogo dela sarmatov [Essays of weaponry of the Sarmats]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 294 p.
- Khlopin I.N., 1975. Pogrebeniya skifskogo vremeni v doline Sumbara [Burials of the Scythian time in the valley of Sumbara]. *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii [Achievements of Middle Asian archaeology]*, 3. Leninograd: Nauka. P. 51–53.
- Khlopin I.N., 1979. Antichnye pogrebeniya na srednem techenii Sumbara [Old burials on the middle flow of Sumbara]. *Izvestiya Akademii nauk Turkmeniskoy SSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Proceedings of Academy of Sciences of Turkmen USSR. Series of social sciences]*, 3. P. 75–81.
- Krashenninnikova N.I., 1963. Otval bitoy tary srediny I v. do n.e. iz vinokhranilishch Staroy Nisy [Blade of broken containers of the middle of the 1st c. BC from the wine warehouse of Staraya Nisa]. *Izvestiya Akademii nauk Turkmeniskoy SSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Proceedings of Academy of Sciences of Turkmen USSR. Series of social sciences]*, 5. P. 93–98.
- Litvinskiy B.A., 2001. Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) [Temple of Oks in Bactria (Southern Tajikistan)], 2. Baktriyskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian weaponry in old Eastern and Greek context]. Moscow: Vostochnaya literatura. 528 p.
- Lokhovits V.A., 1979. Podboyno-katakombnye i kolektivnye pogrebeniya mogil'nika Tumek-kichidzhik [Cutting-catacomb and collective burials of the barrow Tumek-kichidzhik]. *Kochevniki na granitsakh Khorezma [Nomads on the borders of Khoresm]*. M.A. Itina, ed. Moscow: Nauka. P. 134–150.
- Mandel'shtam A.M., 1963. Nekotorye novye dannye o pamyatnikakh kochevogo naseleniya Yuzhnogo Turkmenistana v antichnuyu epokhu [Some new data on the sites of nomad population of the Southern Turkmenistan in antiquity]. *Izvestiya Akademii nauk Turkmeniskoy SSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Proceedings of Academy of Sciences of Turkmen USSR. Series of social sciences]*, 2. P. 27–33.
- Mandel'shtam A.M., 1971. Meshrepitakhtinskiy mogil'nik [Meshrepitakhtinskiy barrow]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 128. P. 66–72.
- Mandel'shtam A.M., 1984. Zametki o sarmatskikh chertakh v pamyatnikakh kochevnikov yuzhnykh oblastey Sredney Azii [Notes on the Sarmatian features in the sites of nomads of the southern districts of the Middle Asia]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time]*. A.I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka. P. 173–177.
- Marushchenko A.A., 1959. Kurgannye pogrebeniya sarmatskogo vremeni v podgornoy polose Yuzhnogo Turkmenistana [Burial grounds of the Sarmatian time in the lowland line of the Southern Turkmenistan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk Tadzhikskoy SSR [Proceedings of the Institute of History, archaeology and ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan SSR]*, V. P. 110–122.
- Maslov V.E., Yablonskiy L.T., 1996. Mogil'nik Gyauryv v Severnoy Turkmenii [The barrow of Gyauryv in the Northern Turkmenia]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 2. P. 168–181.
- Mazhitov N.A., Pshenichnyuk A.Kh., 1977. Kurgany rannesarmatskoy kul'tury v yuzhnoy i yugo-zapadnoy Bashkirii [The barrows of early Sarmat culture in the southern and south-western Bashkortostan]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala [Studies on the archaeology of the Southern Ural]*. R.G. Kuzeev, ed. Ufa: Bashkirskiy filial Akademii nauk SSSR. P. 52–66.
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. "Prokhorovskie" pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika ["Prokhorov burials 5 of Berdyans cemetery]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg region]*, III. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. P. 124–146.
- Morgunova N.L., Trunaeva T.N., 1993. Raskopki kurgana 2 mogil'nika Pokrovka 2 v 1991 godu [Excavations of the burial grounds 2 of the cemetery Pokrovka 2 in 1991]. *Kurgany Levoberezhnogo Iлека [Burial grounds of Ilek]*, 1. L.T. Yablonskiy, ed. Moscow: Institut arkheologii. P. 15–17.
- Moshkova M.G., 1962. Novo-Kumakskiy kurgannyy mogil'nik bliz g. Orska [Novo-Kumakskiy burial ground near Orsk]. *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury [Sites of Scythian-Sarmatian culture]*. K.F. Smirnov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 115). P. 206–242.
- Moshkova M.G., 1972a. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian burials of Novo-Kumakskiy cemetery near Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni [Sites of Southern Cis-Urals and Western Siberia of the Sarmatian time]*. K.F. Smirnov, ed. Moscow: Nauka. P. 27–48.
- Moshkova M.G., 1972b. Savromatskie pamyatniki severo-vostochnogo Orenburzh'ya [Sarmatian sites of the north-eastern Orenburg region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni [Sites of Southern Cis-Urals and Western Siberia of the Sarmatian time]*. K.F. Smirnov, ed. Moscow: Nauka. P. 49–78.
- Moshkova M.G., 1974. Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [The origin of early Sarmatian (Prokhorovskaya) culture]. Moscow: Nauka. 51 p.

- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzheniy [Chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial constructions]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i Srednevekov'ya* [Archaeology of Volga-Ural region in the epoch of early Iron Age and Middle Ages]. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 172–212.
- Obel'chenko O.V., 1956. Kuyu-Mazarskiy mogil'nik [Kuyu-Mazarskiy burial ground]. *Trudy instituta istorii i arkheologii Uzbekskoy SSR* [Transactions of Institute of history and archaeology of Uzbekistan SSR], 8. P. 205–227.
- Obel'chenko O.V., 1962. Mogil'nik Akdzhartepe [Burial ground Akjarpete]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan], 3. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoy SSR. P. 57–70.
- Obel'chenko O.V., 1978. Mechi i kinzhaly iz kurganov Sogda [Axes and daggers from the burial grounds of Sogda]. *Sovetskaya arkheologiya* [SA], 4. P. 115–127.
- Obel'chenko O.V., 1992. Kul'tura antichnogo Sogda [Culture of ancient Sogda]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Pilipko V.N., 1980. Parfyanskiy sloj poseleniya Kosha-depe u Babadurmaza [Parthian layer of the settlement Kosha-depe in Babadurmaza]. *Sovetskaya arkheologiya* [SA], 4. P. 213–231.
- Pilipko V.N., 1990. Pozdneparfyanskies pamyatniki Akhala [Late Parthian sites of Akhala]. Ashkhabad: Ylym. 143 p.
- Pilipko V.N., 2009. Arkheologicheskie pamyatniki doliny Desht-Sayvan-Khodzhakala. Severo-Zapadnyy Kopetdag (Itogi rekognostiurovochnogo obsledovaniya) [Archaeological sites of the valley of Desht-Saivan-Khojakala]. *Tsentrāl'naya Aziya i Yuzhnaya Sibir': Al'manakh* [Central Asia and Southern Siberia: Almanac], I. S.I. Potabenko, G.A. Koshelenko, eds., comp. Moscow. P. 171–211.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolchanskiy burial ground]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Burial grounds of the nomads of the Southern Ural]. B.B. Ageev, ed. Ufa: Gilem. P. 62–96.
- Pshenichnyuk A.Kh., 2012. Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale [Filippovka: Necropolis of the nomad elite of the 4th century BC on the Southern Ural]. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 280 p.
- Rtveladze E.V., Bolelov S.B., 2000. Keramicheskiy kompleks epokhi ellinizma na Kampyr-tepe v Severnoy Baktirii [Ceramic complex of the Hellenistic epoch in Kampar-tepe in the Northern Bactria]. *Srednyaya Aziya. Arkheologiya. Istoriya. Kul'tura* [Middle Asia. Archaeology. History. Culture]. O.N. Inevatkina, ed. Moscow: Gosudarstvennyy Muzei Vostoka. P. 99–104.
- Rukavishnikova I.V., Yablonskiy L.T., 2014. Issledovanie kurgana 2 mogil'nika Filippovka 2 [Studying of the burial ground 2 of the cemetery Filippovka 2]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 4. P. 118–133.
- Schmidt E.F., 1957. Persepolis, II. Contents of the Treasury and other Discoveries. Chicago: The University of Chicago Press. 166 p.
- Sellwood D.G., 1980. An Introduction in the Coinage of Parthia. 2nd ed. London: Spink. 322 p.
- Sirotnin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [The burial ground № 11 of the burial ground Perevolchan in the Trans-Urals Bashkortostan]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archaeology and paleoanthropology of the Eurasian steppes and the adjacent territory]. M.M. Gerasimova, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova, eds. Moscow: Taus. P. 323–338.
- Skoryy S.A., 2006. Rannie skify v Dobrudzhe: istoriografiya problemy i arkheologicheskie realii [Early Scyths in Dobrudzh: historiography of the problem and archaeological realia]. *Drevnosti skifskoy epokhi* [Antiquities of Scythian epoch]. V.G. Petrenko, L.T. Yablonskiy, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 140–171.
- Skripkin A.S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya [Asian Sarmatia]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. 298 p.
- Skripkin A.S., Kim M.G., 2013. Novouzenskie kurgany (k probleme migratsii yuzhno-ural'skikh kochevnikov v Nizhnee Povolzh'e v IV v. do n.e.) [Novouzenskiy burial grounds (to the problem of the migration of the Southern-Ural nomads into Nizhneye Povolzhye in the 4th century BC)]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeology of the Eastern-European steppe: interacademic collection of papers], 10. Saratov: Nauchnaya kniga. P. 271–280.
- Smirnov K.F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Weaponry of the Sarmats]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 101). 162 p.
- Smirnov K.F., 1972. Savromato-sarmatskie kurgany u s. Lipovka Orenburgskoy oblasti [Sarmatian burial grounds near the village Lipovka of the Orenburg Oblast]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Sites of the Southern Cis-Urals and Western Siberia Sarmatian time]. K.F. Smirnov, ed. Moscow: Nauka. P. 3–26.
- Smirnov K.F., 1977. Orskie kurgany rannikh kochevnikov [Orsk burial grounds of the early nomads]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Studies on the archaeology of the Southern Ural]. R.G. Kuzeev, ed. Ufa: Bashkirskiy filial Akademii nauk SSSR. P. 3–51.
- Smirnov K.F., 1978. Dromosnye mogily rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i vopros o proiskhozhdenii sarmatskikh katakomb [Passage graves of the early nomads of the Southern Cis-Urals and the problem of the origin of the catacombs]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Problems of the ancient and medieval archaeology of the Eastern Europe]. V. I. Kozenkova, ed. Moscow: Nauka. P. 56–64.

- Smirnov K.F., 1984a. Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii [The Sarmats and the assertion of their political domination in Scythia]. Moscow: Nauka. 183 p.
- Smirnov K.F., 1984b. Rannesarmatskiy kurgan pod Novoorsk Orenburgskoy obl. [Early Sarmatian burial ground near Novoorsk Orenburg Oblast]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time]. A.I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka. P. 10–14.
- Tairov A.D., 1993. Pastbishchno-kochevaya sistema i istoricheskie sud'by kochevnikov uralo-kazakhstanskikh stepey v I tysyacheletii do novoy ery [Arable-nomad system and historical fates of nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in the 1st millennium BC]. *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepey* [Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes]. A.D. Tairov, ed. Ekaterinburg: Ural'skaya izdatel'skaya firma "Nauka". P. 3–23.
- Tairov A.D., 1998. Genezis rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Urala [Genesis of early Sarmatian culture of the Southern Ural]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of Orenburg region], II. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. P. 87–96.
- Tairov A.D., 2014. Kochevniki Yuzhnogo Zaural'ya i "sarmaty" Sredney Azii [Nomads of the Southern Trans-Urals and the "Sarmats" of the Middle Asia]. *Sarmaty i vneshniy mir* [The Sarmats and outer world]. L.T. Yablonskiy, N.S. Savel'ev, eds. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. P. 223–234.
- Trudnovskaya S.A., 1979. Rannie pogrebeniya yugo-zapadnoy kurgannoy gruppy mogil'nika Tuz-gyr [Early burials of the south-western burial ground group of the cemetery Tuz-gyr]. *Kochevniki na granitsakh Khorezma* [Nomads of Khoresm]. M.A. Itina. Moscow: Nauka. P. 101–110.
- Vasil'ev V.N., 2001a. K khronologii ranneprokhоровского клинкового оружия и "проблеме" III в. до н.э. [To the chronology of early Prokhorovsky bladed weapon and "the problem" of the 3rd century BC]. *Materialy po arkheologii Volgo-Don'skikh stepey* [Materials on the archaeology of Volga-Don steppes], 1. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 169–179.
- Vasil'ev V.N., 2001b. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery [Weaponry and military craft of the nomads of the Southern Ural in the 6th – 2nd cc. AD]. Ufa: Gilem. 153 p.
- Vasil'ev V.N., 2004. K khronologii ranneprokhоровского комплекса [To the chronology of the early Prokhorovsky complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Vestnik], 5. P. 153–172.
- Vasil'ev V.N., 2005. Ob odnom redkom tipe mechey Yuzhnogo Priural'ya i Yugo-Zapadnogo Priural'ya [On one rare type of axes of the Southern Cis-Urals and south-western Cis-Urals]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Problems of history and archaeology of the Western Kazakhstan], 2. Aktope. P. 98–100.
- Vasil'ev V.N., Sirotin S.V., 2004. Novo-Musinskiy 3 kurgan [Novo-Musinskiy 3 burial ground]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa archaeological Vestnik], 5. P. 173–180.
- Vaynberg B.I., 1991. Izuchenie pamyatnikov Prisarykamyskoy del'ty Amudar'i v 70–80-kh godakh [Studying of the sites of the Prisarykamyskaya delta of Amu Darya in 70–80-s]. *Skotovody i zemledel'tsy Levoberezhnogo Khorezma (drevnost' i srednevekov'e)* [Cattle farmers and agricultural people of the Left Bank Khoresm (antiquity and Middle Ages)], 1. Moscow: Institut etnologii i antropologii. P. 5–109.
- Vaynberg B.I., 1992. Pamyatniki skotovodcheskikh plemen v levoberezhnom Khorezme [Sites of stock-raising tribes in the Left bank Khoresm]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe line of Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. M.G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka (Arkheologiya SSSR). P. 116–122.
- Vaynberg B.I., 2004. Kul'tovaya keramika i pamyatniki iskusstva [Cult ceramics and sites of art]. *Kalaly-gyr 2: Kul'tovy tsentr v Drevnem Khorezme v IV–II vv. do n.e.* [Kalaly-gyr 2: Cult Centre in the Old Khoresm in the 4th – 2nd cc. BC]. B.I. Vaynberg, ed. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 164–187.
- Vorob'eva M.G., 1967. Keramika [Ceramics]. *Koy-Krylgan-kala – pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n.e. – IV v. n.e.* [Koi-Krylgan-kala, the site of the Old Khoresm culture in the 4th c. BC – 4th c. AD]. Moscow: Nauka. P. 102–131.
- Vorob'eva M.G., Lapirov-Skoblo M.S., Nerazik E.E., 1963. Arkheologicheskie raboty v Khazaraspe v 1958–1960 gg. [Archaeological works in Khazaraspe in 1958–1960]. *Materialy Khorezmskoy ekspeditsii* [Materials of Khoresm expedition], 6. Polevye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 g.g. [Field investigations of the Khoresm expedition]. Moscow: Nauka. P. 157–200.
- Yablonskiy L.T., 1999. Nekropoli drevnego Khorezma: arkheologiya i antropologiya mogil'nikov [Necropolises of the Old Khoresm: archaeology and anthropology of cemeteries]. Moscow: Vostochnaya literatura. 326 p.
- Yablonskiy L.T., 2000. Antropologicheskie aspekty formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury [Anthropological aspects of the formation of the early Sarmatian culture]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiya: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [Early Satrmatian culture: formation, development, chronology: collection of the materials of the 4th International conference "Problems of Sarmatian archaeology and history"], 1. V.N. Myshkin, V.A. Skarbovenko, eds. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. P. 29–40.
- Yablonskiy L.T., 2010. Prokhorovka. U istokov Sarmatskoy arkheologii [Prokhorovka. At the origins of the Sarmatian archaeology]. Moscow: Taus. 384 p.

- Yablonskiy L.T., 2013a. Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): katalog kollektsii [The gold of Sarmatian leaders. Elite necropolis Filippovka 1 (on the materials of the excavations of 2004–2009)], 1. M.G. Moshkova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 232 p.
- Yablonskiy L.T., 2013b. Kurgan-svyatilishche mogil'nika Filippovka 2, rol' i mesto zhivotnykh v pogrebal'nom obryade [Burial ground-sanctuary of the cemetery Filippovka 2, the role and place of animals in the funeral rite]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeology of Eastern-European steppe: interacademic collection of works], 10. Saratov: Nauchnaya kniga. P. 305–311.
- Yablonskiy L.T., Devis-Kimball Dzh., Demidenko Yu.V., Malashev V.Yu., 1996. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka 1, 2, 7 i 10 v 1995 godu [Excavations of the ground cemeteries Pokrovka 1, 2, 7 and 10 in 1995]. *Kurgany Levoberezhnogo Iлека* [Burial grounds of the Left bank Ilek], 4. Moscow: Institut arkheologii. P. 7–48.
- Yablonskiy L.T., Trunaeva T.N., Vedder Dzh., Devis-Kimball Dzh., Egorov V.L., 1994. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 godu [Excavation of the ground cemeteries Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1993]. *Kurgany Levoberezhnogo Iлека* [Burial grounds of the Left bank Ilek], 2. Moscow: Institut arkheologii. P. 4–60.
- Yagodin V.N., 1982. Arkheologicheskoe izuchenie kurgannykh mogil'nikov Kaskazhol i Berniyaz na Ustyurte [Archaeological studying of the cemeteries of Kaskazhol and Berniyaz on Ustyurt]. *Arkheologiya Priaral'ya* [Archaeology of Priaralye], 1. Tashkent: FAN. P. 39–81.
- Yagodin V.N., 1990. Kurgannyi mogil'nik Devkesken-4 [Burial ground Devkesken-4]. *Arkheologiya Priaral'ya* [Archaeology of Priaralye], IV. Tashkent: FAN. P. 28–81.
- Yagodin V.N., 2013. K voprosu o “savromatskoy” migratsii VI–V vekov do nashey ery na Yugo-Vostochnyy Ustyurt [To the problem of the “Sarmatian” migration of the 6th–5th cc. BC on the Southern-Eastern Ustyurt]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions on the Southern Ural]. A.D. Tairov, N.O. Ivanova, eds. Chelyabinsk: Rifei. P. 178–193.
- Yagodin V.N., Bezhanov E.B., Manylov Yu.P., Yusupov N.Yu., 1978. Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura Yugo-Vostochnogo Ustyurta [Ancient and medieval culture of the Southern-Eastern Ustyurt]. Tashkent: FAN. 353 p.
- Yusupov Kh., 1977. Rezul'taty arkheologicheskikh rabot v Severo-Zapadnoy Turkmenii vesnoy 1971 goda [Results of the archaeological works in the Northern-Western Turkmenistan in the spring of 1971]. *Karakumskie drevnosti* [Karakum antiquities], V. Ashkhabad: Akademiya nauk Turkmenskoy SSR. P. 111–135.
- Yusupov Kh., 1978. Rezul'taty arkheologicheskikh rabot v Severo-Zapadnoy Turkmenii vesnoy 1973 goda [Results of the archaeological works in the Northern-Western Turkmenistan in the spring of 1973]. *Karakumskie drevnosti* [Karakum antiquities], VII. Ashkhabad: Akademiya nauk Turkmenskoy SSR. P. 48–77.
- Zadneprovskiy Yu.A., 1997. Drevnie nomady Tsentral'noy Azii: sbornik statey [Ancient nomads of the Central Asia: collection of papers]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (Arkheologicheskie izyskaniya; 40). 114 p.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergatskov I.V., 2006. Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.) [The antiquities of Lebedevka (6th–2nd cc. BC)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 159 p.
- Zhelezchikov B.F., Kriger V.A., 1978. Katakombnye zakhoroneniya Ural'skoy oblasti [Catacomb burials of the Ural Oblast]. *Sovetskaya arkheologiya* [SA], 4. P. 218–227.

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ ОТ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ (К 60-ЛЕТИЮ Н.А. МАКАРОВА)

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАДПИСИ БАЗИЛИКИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ВИФЛЕЕМЕ

© 2016 г. Ю.А. Артамонов*, А.А. Гиппиус**, И.В. Зайцев***

**Институт всеобщей истории РАН, Москва (artamonov5@yandex.ru)*

***Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва (agippius@mail.ru)*

****Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы
им. М.И. Рудомино, Москва (iliaz@libfl.ru)*

В статье публикуются девять восточнославянских надписей XII–XVII вв. из базилики Рождества Христова в Вифлееме – выразительное эпиграфическое свидетельство восточнославянского паломничества в Святую землю в древнерусский период и позднесредневековую эпоху.

Ключевые слова: базилика Рождества в Вифлееме, славянская эпиграфика XII–XVII вв., древнерусское паломничество.

Одной из наиболее почитаемых и древних святынь христианского мира является пещера Рождества в Вифлееме. Первый храм здесь был построен еще при императоре Константине Великом и его матери Елене (освящен 31 мая 339 г.). В 529 г. он погиб в результате пожара. Новый был возведен Юстинианом I (527–565), о чем, согласно сообщению александрийского патриарха Евтихия (начало X в.), перед императором ходатайствовал сам преподобный Савва Освященный¹.

Несмотря на многочисленные войны, землетрясения и естественные процессы старения, здание избежало серьезных разрушений и перестроек последующих эпох. В своей конструктивной основе оно представляет собой традиционную византийскую базилику, общие размеры которой составили 53.2 × 26.8 м при длине трансепта (поперечного нефа) – 36 м (Беляев, 2004. С. 599). Стены строились из тесаного камня, кровля – из дерева. Четыре колоннады (по 10 колонн в каждой) разделили среднюю часть храма на 5 нефов: центральный и по 2 боковых с каждой стороны. Восточная часть представляет собой трифоллий: две абсиды находятся в окончаниях трансепта с юга и севера, главная ориентирована на восток. Средокрестие фланкируют четыре пилон, каждый из них с двух внешних сторон дополнен полуколоннами, зрительно продолжающими ряды колонн в нефах и трансепте базилики. Под при-

поднятым полом пресвитерия располагается пещера-крипта, в которой родился Спаситель. В нее ведут две лестницы с южной и северной сторон. Нижние части стен базилики были облицованы мраморными плитами (сейчас утрачены), верхние – украшены мозаиками (сохранились частично). Колонны с капителями коринфского ордера изготовлены из местного известняка розового цвета.

С IV в. базилика Рождества в Вифлееме становится местом посещения паломников, стекавшихся на Святую землю со всех уголков христианского мира. Арабское завоевание Палестины в 30-е годы VII в., вероятно, несколько снизило активность этих потоков, но не уничтожило их полностью. Известно, например, что при халифе ал-Хакиме (996–1021) в 1009 г. южный трансепт базилики был предоставлен христианам для поклонения (Беляев, 2004. С. 600). Вероятно, уже в первой половине – середине XI в. на Святой земле появились первые паломники из новокрещенной Руси. По крайней мере, в “Житии” Феодосия Печерского сообщается, что будучи еще юношей (30–40-е годы XI в.), преподобный услышал “о святых местех, иде же Господь наш Иисусь Христос плътию походи, и жадаше (желаше) тамо походити и поклонитися имъ” (Успенский сборник, 1971. С. 75). Феодосию даже удалось договориться с возвращавшимися в Палестину “странниками” о том, чтобы они взяли его с собой, однако реализации этого замысла помешала мать святого. В этом же агиографическом сочинении говорится о паломничестве на Святую

¹ Об этом не упоминают ни Прокопий Кесарийский в своем трактате “О постройках”, ни Кирилл Скифопольский в житии Саввы Освященного.

землю игумена Дмитриевского монастыря в Киеве Варлаама (60-е годы XI в.)².

Взятие Иерусалима участниками первого крестового похода в 1099 г. и последующее создание Иерусалимского королевства стали благоприятными условиями для активизации христианского паломнического движения. В этой связи весьма показательны, что к начальному периоду существования государства крестоносцев относится первый памятник паломнической литературы на Руси – “Житие и хождение Даниила, Русьския земли игумена”. Житель Черниговщины, настоятель одного из здешних монастырей Даниил совершил свое путешествие приблизительно в 1106–1108 гг. (Подскальски, 1996. С. 321). В Палестине он провёл почти 16 месяцев, посетив главные библейские и христианские святыни. В числе прочего, Даниил побывал и в ц. Рождества Христова в Вифлееме, оставив ее краткое описание, в котором указал на конструктивную особенность храма (“создана есть церкви велика крестомъ”) и его внутреннее убранство. В своем сочинении он дает понять, что, будучи на Святой земле, ощущал себя молитвенником за “всю Русскую землю”³.

Можно думать, что в XII в. посещения Палестины выходцами из Руси не были редкими. Новгородское летописание, например, сообщает, что в начале 60-х годов XII в. здесь побывала группа, состоявшая из 40 новгородцев, вернувшихся в родной город со святыми мощами и благословением Иерусалимского патриарха⁴. В 70-е годы XII в. на Святую землю вместе с братом Давидом и сестрой Евпраксией отправилась полоцкая княгиня Ефросиния. Вероятно, что и после взятия Иерусалима в 1187 г. египетским султаном Салах ад-Дином, который гарантировал паломникам неприкосновенность, посещения русскими христианами Палестины продолжались.

² “Божествъныи же Варлаамъ, сынъ Иоана боярина, игуменъ же манастиря святого мученика Дмитрия, иже възгради христоролюбивыи князь Изяславъ, иде въ святыи градъ Иерусалимъ. Таче похидивъ святая та места, възвратися въ свои манастирь” (Успенский сборник, 1971. С. 95).

³ Даниил просил иерусалимского короля Балдуина I поставить “свое кандило на гробе святемъ отъ всея Русьския земли”. В заключении он пишет: “И Богъ тому послухъ и святыи гробъ Господень, яко во всехъ местехъ святыихъ не забыхъ именъ князь русьскихъ, и княгинь, и детей ихъ, епископъ, игуменъ, и боярь, и детей моихъ духовныхъ, и всехъ христиан, николиже не забылъ есмь” (Малето, 2005. С. 201, 205).

⁴ “В лето 6671 (1163/4) г. поставиша Иоана архиепископом Новугороду. При сем ходиша во Иерусалим калицы и при князе рустем Ростиславле. Се ходиша из Великаго Новагорода от святой Софеи 40 муж калицы ко граду Иерусалиму ко Гробу Господню. И Гроб Господень целоваша и ради быша. И поидоша, взявше благословение у патриарха и святыи мощи” (Назаренко, 2003. С. 55).

Несмотря на всю сложность политической ситуации в регионе, базилику Рождества в Вифлееме в 1370 г. посетил архимандрит смоленского Богородичного монастыря Агрефений (Малето, 2005. С. 272, 273). В XV в. здесь побывал иеродиакон Троице-Сергиева монастыря Зосима (1419–1422), отметивший сравнительно хорошее состояние храма, его красоту и величие⁵. Во второй половине XV в. на Святую землю приходили иеромонах Варсонофий (1456, 1461, 1462) и русский купец Василий (1465, 1466). В XVI–XVII вв. наряду с частными путешественниками здесь стали чаще бывать официальные миссии из Москвы для раздачи милостыни обедневшему христианскому духовенству Палестины.

Очевидно, что столь устойчивая традиция посещения базилики Рождества в Вифлееме не могла не оставить свой след в его эпиграфике. Руководствуясь этим предположением, авторы настоящей статьи в ноябре 2012 г. начали работы по выявлению славянских паломнических надписей. В общей сложности на мраморных колоннах и облицовочных плитах крипты пещеры было зафиксировано девять восточнославянских надписей XI–XVII вв. Описание этих эпиграфических находок предлагается ниже.

Надпись № 1 (рис. 1) начертана на западной стороне полуколонны, примыкающей к юго-западному пилону с южной стороны. Она расположена на высоте 106 см от базы. Граффито состоит из восьми строк, окончание первых трех в настоящий момент скрыто стеной XIX в., вплотную пристроенной к полуколонне. В сохранившейся части их длина равняется 9.5, 9.2 и 9.2 см. Размер четвертой строки составляет 2.7 см, пятой – 1.5, шестой – 5.8, седьмой – 8.2, восьмой – 2.3 см. Причинами уменьшения длины текста в четвертой и пятой строках стали механические выщербины на поверхности колонны, а в шестой и седьмой – небольшое включение кальцита. Надпись выполнена хорошо заостренным орудием, поэтому все буквы читаются уверенно.

*Палеографическое описание*⁶. А – зеркальное (5). Б – петля с изломом (II). В – округлая нижняя петля (I). Г – основного вида (I). Д – на щеч-

⁵ “И оттуду поидохъ въ Вифлеем, – пишет в своем хождении Зосима – ту стоить церковь святое Рожество Христово, чудна велми, надъ вертьпомъ и надъ яслями, кде Христосъ родилсѧ, но во Иеросалиме такое нетъ” (Малето, 2005. С. 306).

⁶ В основу палеографического анализа положены принципы описания графики букв в берестяных грамотах. В скобках указываются типы и виды начерков букв по палеографическим таблицам, отражающим эволюцию письма на бересте (Зализняк, 2000. С. 134–250).

1

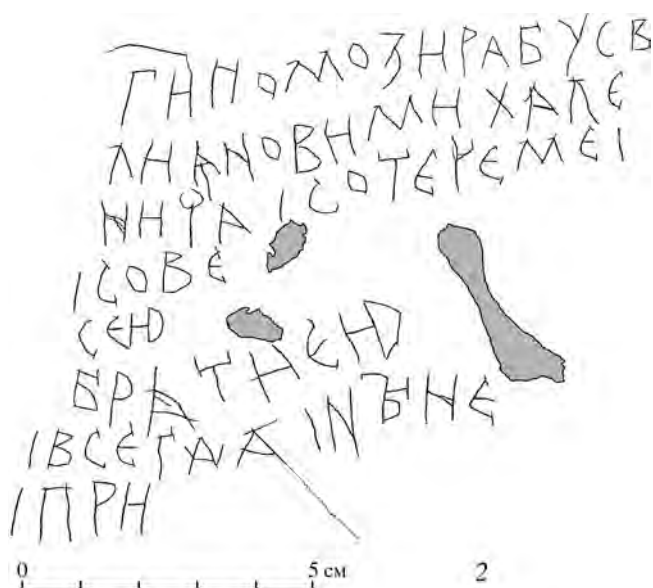

Рис. 1. Надпись № 1: 1 – фото; 2 – прорись.

ках, острая петля (IIIa). Е – вертикальное (II). З – правонаклонное, развилка (Iб). И – основного вида (I). І – простое, без засечек (IIa). Л – верхняя засечка (2). М – верхние засечки (2). Н – основного вида, перемычка (Iв). О – основного вида (I). П – основного вида (I). Р – округлая петля, прямая мачта (Ia). С – основного вида (I). Т – основного вида (I). У – основного вида, простое (Ia). Х – без засечек (4). Ц – зеркальное, целиком в строке (3, 4). Ч – бокальчик (Ia). Ы – высокая перемычка, молоточек (Ia, 1). Ю – основного вида (I). **▲** – основного вида, острое (Ia).

Ги помози рабу св...

ли▲нови михале...

нича і с отцеме і ...

і со ве

сею

братиею

і всегда і ныне

і при

Несмотря на лакуны в первых трех строках, содержание надписи может быть восстановлено. В окончании первой строки читалось продолжение слова *св(о)му*) и начало имени автора надписи, заканчивающегося на *лианови*. Из форм распространенных на Руси христианских имен подходят только *Оулианови* и *Емелианови*. *Михале...* во второй строке естественно, на первый взгляд, трактовать как отчество *Михале(вичу)*, но с такой трактовкой не вяжется фрагмент *нича* в начале следующей строки. Вписать его в грамматически корректную реконструкцию можно, по-видимому, единственным способом – предположив, что на *-нича* заканчивалось отчество типа *(Ива)нича*, относившееся к имени *Михаль*, представленному в надписи притяжательным прилагательным, согласованным со следовавшим за ним существительным. На роль последнего более всего подходит слово *сынъ*. Реконструируемое сочетание *Михале(ву сыну Ива)нича* идеально отвечает правилам выражения принадлежности в древнерусском языке, представляя один из древних типов притяжательной конструкции с обозначением обладателя, выраженным словосочетанием. В такой конструкции первый член словосочетания выступает в форме притяжательного прилагательного, тогда как второй ставится в родительном падеже (Потебня, 1968. С. 406–408).

Как способ обозначения лиц с указанием имен отца и деда, эта модель широко засвидетельствована памятниками XV в.⁷ Но она встречается и ранее: в Повести временных лет под 1097 г. – *Святоша Давыдовъ сынъ Святославича*; в Ипатьевской летописи под 1262 г. – *Прѣиборъ ѿнъ Степановъ Родивича*⁸. В древнерусской храмовой эпиграфике данная модель до сих пор не была засвидетельствована. Сравним, однако, надпись № 102 из Киевского Софийского собора, где та же конструкция выступает с опорным словом *отрокъ*: “Гѣ помози рабу своему Безоуеви Иванъ (= <Иваню>) отроку Дъбрынича”, т.е. ‘Безую, отроку Ивана Добрынича’ (Высоцкий, 1966. С. 25)⁹. Нельзя исключать, что и в публикуемой надписи стояло не слово *сынъ*, а какой-то социальный термин типа *отрокъ*, *мечникъ*. Однако упоминание в тексте членов семьи писавшего (см. ниже) делает более вероятным, что он идентифицировал себя, назвав имена собственных отца и деда, а не имя и отчество своего патрона.

⁷ См. примеры, приводимые В.К. Чичаговым: *Семен Фомин сын Даниловича* (1496), *Константин Богдан Федоров сын Юрьевича* (1522), *Русин Федоров сын Фомича* (1525–1526) (1959. С. 67).

⁸ Лаврентьевская летопись, 1997. С. 856 (см. Маросевич, 1985. С. 49–51).

⁹ Буква *ж* употреблена здесь в значении *ю* (Зализняк, 2004. С. 266).

В зависимости от того, как звали автора надписи – Ульян или Емельян, в невидимой части первой строки может быть от пяти до семи букв. Из вариантов реконструкции окончания второй строки следует поэтому (предполагая примерно равную длину первых трех строк) выбрать самый короткий, насчитывающий девять букв: *михале(ву сыну ива)нича*. Столько же букв содержит наиболее естественная конъектура для окончания третьей строки: *і с отецме і (сѣ матеріу)*.

В отличие от большинства древнерусских надписей молитвенного содержания, автор испрашивает у Бога помощи не для одного себя, но для всех родных, отдельно называя отца, мать и “всю братию”. Эта триада находит параллель в концовке “Поучения” Владимира Мономаха: “а иже от Бога будет смерть, то *ни отец, ни мати, ни братья* не могут отъяти, но оче добро есть блюсти, Божие блюденъе лѣплѣесть человеческого” (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 252). Примечателен и набор имен, названных в граффито: автора надписи, его отца и деда. Такая тройная самоидентификация также уникальна в древнерусской храмовой эпиграфике; между тем она заставляет вспомнить “Поучение” – его начало, в котором автор, называя собственное имя, поминает “благословенного и славного” деда – Ярослава, “возлюбленного” отца и мать “из рода Мономахов” (Потебня, 1968. С. 240). Вместе зачин и концовка “Поучения” называют тот же ближний семейный круг, который очерчен и вифлеемским граффито.

Неординарность публикуемой надписи проявляется и в том, что вместо слова “аминь”, которым иногда заканчиваются молитвенные граффиты, она содержит развернутую заключительную формулу: “*і всегда і ныне і при(сно и во вѣкы вѣкомъ. Аминь)*”. Не следует думать, что формула и надпись в целом остались недописанными: оборванные таким образом финальные молитвословия обычны для древнерусской литургической книжности. Нет необходимости объяснять личной неискушенностью автора и употребление союза *и* при всех членах этой формулы, начиная с первого (ср. канонический вид: “*всегда, нынѣ и присно и во вѣкы вековъ*”). Такое же ее оформление находим, например, в новгородском служебнике XIII в. “*Ты бо еси Бъ нашъ и тебѣ славоу вѣсылаемъ Оцю и Сѣюу и Стѣюу дѣюу и всегда и нынѣ и присно и во вѣкы вѣкомъ. АМНѢ*”¹⁰. Постановка союзов перед *всегда* и перед *нынѣ* явно объясняется здесь инерцией предшествующей части формулы: “*и Сѣюу и Стѣюу дѣюу и всегда и нынѣ и присно...*”. Сходным образом строится и

¹⁰ РНБ. Соф. 519. Л. 7об. (см.: <http://byzantinorossica.org.ru/sources/sluzh/519a.pdf>).

наше граффито, с той разницей, что в нем инерция повторения союза идет от перечисления родных автора, причем *и* стоит уже при первом члене этого ряда (*и с отце́ме*).

Текст с конъектурами:

Гѣ, помози рабу св(оему Еми)|ли~~а~~нови,
Михале(ву сыну Ива)|нича, і с отце́ме, і (съ ма-
терию)|, і со ве|сею братією,| і всегда, і ныне,| і
при<сно, и во вѣкы вѣкомъ, аминь>

Надпись, несомненно, сделана выходцем из Руси. На восточнославянское происхождение автора указывают употребление *ю* в соответствии с этимологическим *jŕ* (*весею, братією*), ~~а~~ в соответствии с этимологическим [*ʼa*] (...ли~~а~~нови), а также типично древнерусская бытовая орфография с заменой этимологического *ь* на *е* (*отце́ме, весею*) и *ѣ* на *е* (*ныне*). В берестяных грамотах расцвет бытовой орфографии приходится на XII–XIV вв. Более точно датировать надпись позволяет состояние редуцированных. Сохранение неконечного слабого *ь* в *отце́ме* (<отѣцьмь>) и *весею* (<вьсею>) делает маловероятной датировку позже 20-х годов XIII в. ранним признаком является также сохранение мягкости конечного [*мʼ*], отверждение которого, происшедшее после падения редуцированных, постепенно отражается памятниками XII–XIII вв. С другой стороны, слабый *ь* опущен в *всегда*, а написание *с отце́ме* свидетельствует об утрате слабого редуцированного в предлоге – в берестяных грамотах такой рефлекс сочетания *ѣ + о* встречается со второй половины XII в. Таким образом, по языковым параметрам граффито можно отнести ко второй половине XII – началу XIII в.

Палеография букв граффито позволяет относить его к середине XII – концу XIII в. Однако особенности начертания *а* и *і*, а также архаическое написание буквы *ѿ* (округлая нижняя петля) дает основание сузить хронологический интервал до 40–80-х годов XII в.

Автор надписи ощущал себя молитвенником за своих близких. В семейно-родовом масштабе он выразил, в сущности, ту же духовную ответственность за оставшуюся в Руси братию, какую на более высоком общественном уровне демонстрировал в своем “Хожении” игумен Даниил.

Надпись № 2 (рис. 2) начертана на западной стороне колонны (большая ее часть скрыта стеной XIX в.), фланкирующей окончание колоннады южного нефа и начало трансепта. Высота от пола составляет 159 см. К северу (слева) от колонны находится полуколонна с надписью № 1, так что в интерьере храма два граффита соседствуют друг с другом. Надпись состоит из двух строк: длина первой – 2 см, а второй – 3.2 см.

Рис. 2. Надпись № 2: 1 – фото; 2 – прорись.

Палеографическое описание. А – основного вида, острое (Ia). В – нижняя петля углом вперед (1). Д – длинные ножки (3). И – основного вида (I). П – основного вида (I). Р – округлая петля, прямая мачта (Ia). С – основного вида (I). Х – без засечек (4). Ъ – округлая петля (I).

Текст с конъектурами:

въ ад
прид[е] Хс̃

Палеография надписи позволяет отнести ее ко второй половине XI – середине XII в. На это указы-

вает весьма древнее начертание букв *в* и *ъ*. Написание остальных букв не противоречит этому выводу. Близкую аналогию (начертание *д*, *р*, *ъ*) представляет граффито о мире на Желяни из Софийского собора в Киеве, заключение которого Б.А. Рыбаков относит к 1104 г. (1964. С. 21, 22. № 12), а С.А. Высоцкий – к 1097 (1966. С. 24–34. № 5). Сходное написание *д* и *р* (*приде*) обнаруживаем в граффито о приходе Святополка Изяславича (1093 г.), расположенном рядом с записью о мире на Желяни (Высоцкий, 1966. С. 34–37. № 6).

Правее надписи поверхность колонны покрыта множественными царапинами, из-за которых неясно, следовал ли за *д* в первой строке конечный *ъ* или нет. После *с* во второй строке его точно не было, что для сокращенной записи слова *Христосъ* вполне естественно.

Граффито выполнено в свободной манере, с известным эстетизмом. Различия в размере букв носят явно преднамеренный характер, особенно показательно размашистое *х*, графически объединенное со знаком титла.

Нестандартно и содержание надписи. В отличие от большинства паломнических граффити, она представляет собой законченное богословское высказывание, навеянное, вероятно, пасхальным богослужением. Слова *въ адъ приде Христос* могут рассматриваться как словесный аналог композиции “Сошествие во ад”, выражающей богословское значение праздника Воскресения Христова.

Надпись № 3 (рис. 3) выполнена на южной стороне полуколонны, примыкающей к юго-восточному пилону с южной стороны. Высота от пола – 180 см. Граффито является однострочным, его длина составляет 18,2 см. С левой стороны (на расстоянии 2 см от первой буквы) выбито изображение четырехконечного креста. Автор надписи, по всей видимости, писал правой рукой стоя на одном месте. Об этом говорит дугообразная линия строки, а также тот факт, что штрихи первых четырех букв (находились слева от писавшего) выполнены с меньшим нажимом. Возможно, он хотел остаться незамеченным со стороны алтарной части базилики.

Палеографическое описание. А – петля с изломом, острая (Ia). Л – основного вида, острое (Ia). М – основного вида, острое (Ia). Н – основного вида, перемычка (Iв). Ъ – петля с изломом, наклонная мачта (IIa). Ь – петля с изломом, вертикальная мачта (IIб). Ѧ – основного вида, острое (Ia).

Текст с конъектурами:

[д]ѡм[ъ]ѡнь ѡаль

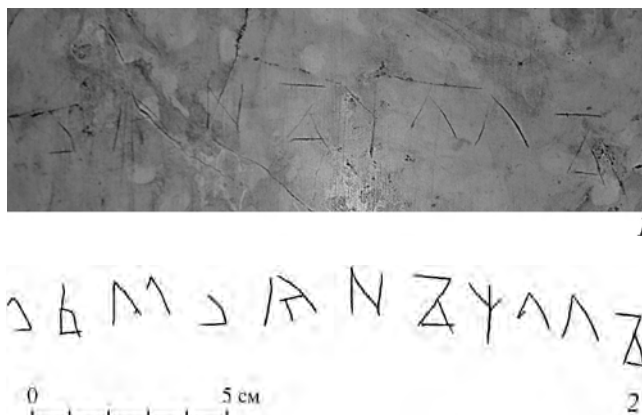

Рис. 3. Надпись № 3: 1 – фото; 2 – прорись.

Модели букв надписи являются типичными для письменности средневековой Руси, поэтому в целом она может быть отнесена к XII–XIV вв. Но, думается, что датировку имеет смысл ограничить периодом второй половины XIII – XIV в. На это, как кажется, указывает двойной излом петли буквы *ъ*. Для собственно древнерусского периода более характерно написание либо округлой петли, либо петли с одним изломом (углом вниз). В пользу более позднего выполнения надписи свидетельствует также вертикальная (а не наклонная) мачта *ъ*.

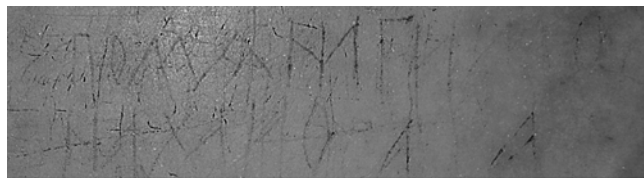
Граффито относится к типу надписей-автографов, одному из самых популярных в русской средневековой эпиграфике¹¹: в Софии Киевской – *Мат(ф)ѡи ѡль, ѡль Ставьрь Городѡтин(и)чь, Иванъ ѡль* (Высоцкий, 1966. С. 56–58. № 17, 18, 21); в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде – *Моисей ѡ Поповце, Путила ѡъ* (Рождественская, 1991. С. 50); в Софии Константинопольской – *Грьчинъ ѡль, Бориславо ѡло*.

Надписи № 4–6 (рис. 4) располагаются на облицовочных плитах белого мрамора справа от архивольта южного входа в крипту.

Граффито № 4 (рис. 4, А) состоит из двух строк: длина первой – 17 см, второй – 14,8 см. Высота от пола (второй ступени лестничного спуска в крипту) составляет 178 см, расстояние от стыка плиты слева – 112,5 см. Все буквы надписи читаются уверенно, за исключением *с* и *ф*, штрихи которых едва прослеживаются. Последние две буквы слова *помяни* переданы лигатурой: совмещены правая мачта *н* с левой мачтой *и*.

Палеографическое описание. А – петля с изломом, острая (Ia). Г – основного вида (I). И – наклонная перекладина (II). М – основного вида, острая (Ia).

¹¹ О классификации древнерусских граффити см. Рождественская, 1991. С. 45–60.

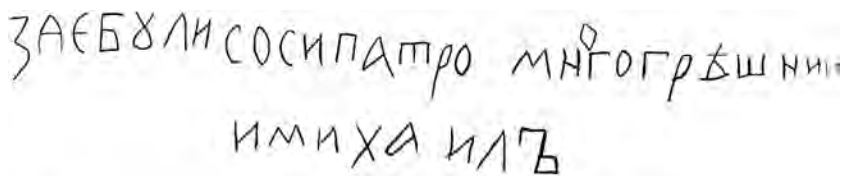
1

2

1

2

1

2

Рис. 4. А – надпись № 4: 1 – фото; 2 – прорись; Б – надпись № 5: 1 – фото; 2 – прорись; В – надпись № 6: 1 – фото; 2 – прорись.

Н – основного вида, перемычка (Iв). О – основного вида (I). П – основного вида (I). С – основного вида (I). Ф – основного вида (I). Х – прямолинейная, без засечек (I). **А** – V-образный язычок, острая (IIIa).

Текст:

ПОМѦНИ ГИ МО
НАХА ИОСАФА

В пользу поздней датировки граффито свидетельствуют особенности начертания *и*, *н*, **А**, *а*. Наиболее вероятным временем выполнения надписи следует считать XVI–XVII вв.

Граффито относится к типу молитвенных надписей, к которому принадлежит подавляющее большинство памятников русской храмовой эпиграфики (Рождественская, 1991. С. 50; 1992. С. 14): в Спасо-Преображенской церкви Ефросиньевского монастыря в Полоцке – *ПомѦни ѿ ерѣя Ивана* (Калечыц, 2001. С. 116. № 16), в Зверинецком пещерном монастыре в Киеве – *ПомѦни ѿ души раба своего КлимѦньтьѦ игумена* (Высоцкий, 1985. С. 53. № 341).

Надпись № 5 (рис. 4, Б) состоит из двух строк: длина первой – 17,3 см, второй – 6,6 см. Высота от пола (второй ступени лестничного спуска в крипту) составляет 169 см. Первую *о* в слове *многогрѣшни(и)* автор сначала пропустил, а затем дописал в верхнем уровне строки.

Палеографическое описание.

А – петля с изломом, острая (Ia). Б – петля с двумя изломами (III). Г – основного вида (I). Д – Δ-образная (II). Е – вертикальная (II). З – вертикальная с переломом (IIa). И – наклонная переключина (II). Л – основного вида (I). М – основного вида, острая (Ia). Н – основного вида, перемычка (Iв). О – основного вида (I). П – основного вида (I). Р – петля с двумя изломами, наклонная мачта (13). С – основного вида (I). Т – треногое (II). У (оук) – основного вида (II). Х – прямолинейная, без засечек (I). Ш – платформа по низу строки (I). Ъ – петля с двумя изломами (II). Ъ – петля с изломом, наклонная мачта выступает над строкой (IIa, 7).

Текст:

зде були Сосипатро мн(о)гогрѣшн[и]
и Михайль

На поздний характер граффито указывает написание петель с двумя изломами (*б* и *ѡ*), а также особенности начертания *и* и *т*. Формула *зде были*, наряду с *зачином тут был* (или *был тут*), является отличительной чертой надписей-автографов XVI–XVII вв. Этот тип граффити приходит на смену надписям с указанием имени автора и глаголом *писал* (см. надпись № 3), имевшим широкое бытование в XI–XV вв.: в Софии Киевской – *Року 1642 был тут Федор Михайлович, Был тут Филон... року 1645*

(Высоцкий, 1976. С. 115. № 244, 245); в Кирилловской церкви в Киеве – *Был тут Гаврило Тишк(о)вич* (Высоцкий, 1985. С. 97. № 398); в ближних пещерах Киево-Печерского монастыря – *Тут бы(л) Михало, Зде биль многогрешны(и) рабъ Б(о)жи Герасим Шоурьна*¹². Форма имени *Сосипатро* (типа *Петро, Павло*), а также глагольная форма *були* позволяют уверенно говорить об украинском происхождении автора граффито.

Надпись № 6 (рис. 4, В), по всей видимости, задумывалась автором как однострочная, но недостаток места (строка упирается в обрамление арочного проема) вынудил его написать последние четыре буквы в верхнем уровне строки. Длина надписи (без учета выносной части) составляет 8.2 см, высота от пола (второй ступени лестничного спуска в крипту) – 171 см.

Текст:

поман(и) Ги рабовъ

Рядом с надписью отсутствуют штрихи, которые указывали бы на возможность ее продолжения. По всей видимости, оно и не предполагалось. Дело в том, что слева граффито почти соприкасается с окончанием первой строки надписи № 5. Предполагаем, что сначала была выполнена именно эта надпись, а затем ее авторы, Сосипатр и Михаил, посчитав недостаточным указание на факт своего присутствия в храме (*зде були*), решили оставить подобающее месту обращение к Господу. Для этого они прочертили здесь же, на уровне первой строки граффито № 5, справа зачин молитвенной надписи. На выполнение этих граффити в одно время указывает сходство в начертании букв *а, б, и, м, о, р, ь*. Таким образом, “рабы” надписи № 6 есть те самые Сосипатр и Михаил, упомянутые в надписи № 5.

Надпись № 7 (рис. 5) расположена на мраморной облицовочной плите (вторая снизу) внутренней правой стороны дуги архивольты южного входа в крипту. Граффито является однострочным, его длина составляет 6.7 см. Буквы надписи читаются плохо, что, скорее всего, объясняется либо спешкой при ее выполнении, либо плохо заостренным орудием письма.

Палеографическое описание. Г – без боковых засечек (3). Е – язычок вверх (5). И – наклонная переключина (II). М – основного вида, острая (Ia). Н – горизонтальная переключина (II). О – основного вида (I). П – основного вида (I). С – основного вида (I). Θ – без боковых засечек (1).

¹² Авторы выражают благодарность Т.А. Бобровскому, который предоставил возможность познакомиться с прорисовками надписей, обнаруженных им в 2008 г. в Ближних пещерах Киево-Печерской обители.

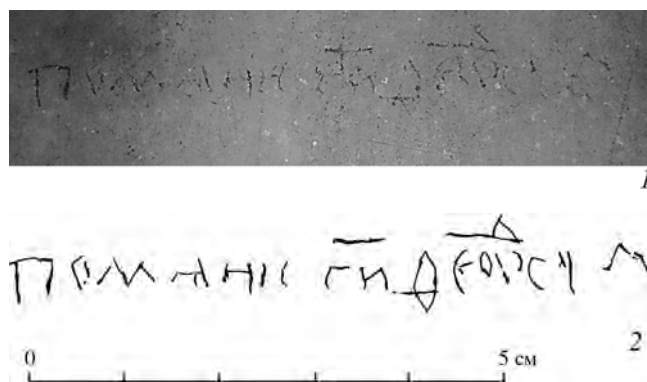

Рис. 5. Надпись № 7: 1 – фото; 2 – прорись.

Текст с конъектурами:

пом(▲)н[и] Ги Феод(о)с(и▲)

В пользу поздней датировки граффито свидетельствуют особенности начертания *е, и, н*. Наиболее вероятным временем выполнения надписи следует считать XVI–XVII вв. Она относится к типу молитвенных надписей.

Надпись № 8 (рис. 6) выполнена на юго-западной стороне колонны белого мрамора, находящейся в крипте у северо-восточной стороны яслей. Высота от пола – 168.5 см. Граффито состоит из трех строк: длина первой – 4.7 см, второй – 5.3, третьей – 5.2 см. Надпись выполнена хорошо заостренным орудием, но, вероятно, в спешке. На это указывают многочисленные соскоки, а также не всегда доведенные до соприкосновения линии букв.

Текст:

помгани Ги

Попка і Вукса

па ГДружицу

Палеографической особенностью надписи является сочетание полуустава и скорописи. При этом некоторые буквы скорописи выполнены в традициях не великорусского, а украинского “делового письма”. К ним, прежде всего, следует отнести *в* и *ц* (длинная ножка) (Черепнин, 1956. С. 379, 380). Выполнение надписи может быть датировано XVI–XVII вв.

Имя *Вуксай*, очевидно, не славянское. Его удастся интерпретировать на финно-угорской почве как получившую протетическое *в-* форму имени *Уксай*. Последнее фигурирует в списке марийских имен (Справочник марийских имен) и, согласно А.В. Дыбо (устная консультация), может означать ‘сучок’. Наличие протезы *в-* перед *у*, регулярно представленной только в юго-западной диалектной зоне русского языка (Диалектологический атлас..., 1986. Карта № 60), а также в украинском и бело-

1

Рис. 6. Надпись № 8: 1 – фото; 2 – прорись.

1

Рис. 7. Фрагмент надписи № 9: 1 – фото; 2 – прорись.

русском, казалось бы, противоречит марийскому происхождению имени, но это противоречие разрешаемо. Вуксай мог принадлежать к украинским черемисам – этнической группе марийцев, переселившихся в украинские воеводства Речи Посполитой в ходе Черемисских войн второй половины XVI в. и раньше, в 1527 г., когда часть пленных черемисов, помещенных на западной границе Московского княжества, бежала через Белоруссию на Волынь (Этнические меньшинства..., 1996. С. 164, 165).

С этим предположением хорошо согласуется прозвище Вуксая – *Яружница*, производное от *яруга* ‘овраг’. Данное слово, хорошо известное по употреблению его в “Слове о полку Игореве” (*пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, вѣлци грозу вѣсрощать по яругамъ*), является тюркизмом, на восточнославянской почве представленным преимущественно в украинском языке и смежных с ним великорусских говорах (Словарь-справочник..., 1984. С. 199, 200; Котков, 1975. С. 19, 20). Типично для украинской территории и прозвище спутника Вуксая *Попко*, давшее начало соответствующей фамилии.

Таким образом, все говорит о том, что надпись могла быть сделана выходцами с Украины в XVI–XVII вв., один из которых, Вуксай, был этническим черемисом.

Надписи № 9 (рис. 7) выполнена на облицовочной плите белого мрамора, расположенной справа

от архивольта северного входа в крипту¹³. Знак между двумя буквами *p* прочитывается как оригинальная лигатура *a-b-d*: верхняя часть петли и спинка *a* вписаны в петлю *d*, правая часть петли *d* совмещена с мачтой *b*. Элемент *a* использован трижды; таким образом, лигатура служит обозначением буквенной последовательности *абада*.

Текст:

(пом▲)ни Ѓи раба Дарафѣа

Палеографическое описание. А – петля с изломом, острая (Ia). Б – петля с изломом (II). Г – основного вида (I). Д – основного вида, острая (II). И – основного вида (I). Н – основного вида, полудиагональ (Iб). Р – петля с двумя изломами (V). Ф – основного вида (I). Ѓ – петля с двумя изломами (III). **Ѓа** – перемычка наклонно вниз (II в).

С одной стороны, граффито сохраняет относительно древнее начертание буквы *и*, с другой – содержит не характерное для древнерусского периода написания *p* (в слове *раба*) и *ѣ*. Но с учетом исходной формулы (*помяни господи*) и наличия лигатуры наиболее вероятным временем выполнения следует считать XV–XVI вв. Отражение аканья в имени Дорофей явно объясняется не малограмотностью автора, а открываемой таким образом возможностью передать одной лигатурой исход слова *раба* и начало собственного имени.

Граффито относится к типу молитвенных надписей (см. № 4, 6, 7).

Не давая оснований для серьезных обобщений, опубликованные девять надписей являются тем не менее выразительным эпиграфическим свидетельством восточнославянского паломничества в Святую землю как в древнерусский период, так и в позднесредневековую эпоху.

Статья написана в рамках проекта “Русское средневековое паломничество в Святую землю по данным эпиграфики” Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре” и в рамках проекта “Эпиграфическая письменность Древней Руси (XI–XV вв.): электронная база данных” Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН “Язык и литература в контексте культурной динамики”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Вифлеем // Православная энциклопедия. Т. VIII: Вероучение – Владимиро-Вольская Епархия. М.: Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, 2004. С. 599, 600.
- Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев: Наукова думка, 1966. 240 с.
- Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. Киев: Наукова думка, 1976. 456 с.
- Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев: Наукова думка, 1985. 207 с.
- Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР: в 3 вып. Вып. 1: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 215 с.
- Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 гг. Т. X. М.: Наука, 2000. С. 134–416.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004 (Studia philologica). 879 с.
- Калечыц Л.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск: Беларус. навука, 2001. 271 с.
- Котков С.И. Лексические элементы “Слова о полку Игореве”, связанные с Новгород-Северской землей // Русская речь. 1975. № 5. С. 13–24.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII–XV вв.: исследование, тексты, комментарии / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. 437 с.
- Мароевић Р. Посесивне изведенице у староруском језику. Београд: Филолошки факултет, 1985 (Монографије / Филолошки факултет Београдског универзитета; 59). 158 с.
- Назаренко А.В. Крест – “Иерусалимский”? “Новгородский”? “Хильдесхаймский”? (К истории одной древнерусской паломнической реликвии) // Православный паломник: Журнал Паломнического Центра Московского Патриархата. 2003. № 6 (13). С. 54–58.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А.В. Назаренко; под ред. К.К. Акентьева. 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: Византинороссика, 1996 (Subsidia Byzantinorossica; Т. 1). 572 с.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного / Общ. ред., предисл. и вступит. ст. чл.-корр. АН СССР В.И. Боровского. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

¹³ Надпись была выявлена при просмотре фотографий, поэтому необходимые замеры сделаны не были. Попытка зафиксировать ее в ходе последующей поездки (7–14 декабря 2014 г.) успехом не увенчалась.

- Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV вв.: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 1991. 96 с.
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб.: СПбГУ, 1992. 166 с.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука, 1964. 48 с.
- Словарь справочник “Слова о полку Игореве”: в 6 вып. / Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; сост. В.Л. Виноградова. Вып. 6: Т–Я и дополнения. Л.: Наука, 1984. 278 с.
- Справочник марийских имен / На основе справочника “Марий лумвлак: ойкангаш полшык”. Крыммарий Азим, 2008 г. (Электронный ресурс) Режим доступа: [http:// lumvlak.marlamuter.com/index.php](http://lumvlak.marlamuter.com/index.php). Дата обращения: 08.10.2015.
- Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. 751 с.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. 2-е изд. М.: Политиздат, 1956. 616 с.
- Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 126 с.
- Этнические меньшинства Украины. Киев: Институт социологии НАН Украины. Центр этносоциологических и этнополитических исследований, 1996.

EAST SLAVIC INSCRIPTIONS IN THE BASILICA OF THE NATIVITY IN BETHLEHEM

Iurii A. Artamonov*, Alexei A. Gippius**, Ilia V. Zaitsev***

*Institute of General History RAS, Moscow (artamonov5@yandex.ru)

**National Research University “Higher School of Economics”, Moscow (agippius@mail.ru)

***Margarita Rudomina All-Russia State Library for Foreign Literature, Moscow (iliaz@libfl.ru)

The article deals with the publication of nine East Slavic inscriptions in the Basilica of the Nativity in Bethlehem dated back to the 12–17 cc. These graffiti provide an epigraphic evidence of East Slavic pilgrimage to the Holy Land in early and late medieval era.

Key words: Church of the Nativity in Bethlehem, Slavonic epigraphy, 12–17 centuries, Old Russian pilgrimage.

REFERENCES

- Belyaev L.A.*, 2004. Vifleem [Bethlehem]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*, VIII. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”. P. 599, 600.
- Cherepnin L.V.*, 1956. Russkaya paleografiya [Russian paleography]. 2nd edition. Moscow: Politizdat. 616 p.
- Chichagov V.K.*, 1959. Iz istorii russkikh imen, otchestv i familiy (Voprosy russkoy istoricheskoy onomastiki XV–XVII vv.) [From the history of Russian names (Problems of Russian historical onomastics of the 15th–17th cc)]. Moscow: Uchpedgiz. 126 p.
- Dialektologicheskii atlas..., 1986. Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeyskoy chasti SSSR [Dialectological atlas of the Russian language: the Centre of European part of the USSR], 1. Vstupitel'nye stat'i. Spravochnye materialy. Fonetika [Introduction. Reference materials. Phonetics]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley, eds. Moscow: Nauka. 215 p.
- Etnicheskie men'shinstva..., 1996. Etnicheskie men'shinstva Ukrainy [Ethnic minorities of the Ukraine]. Kiev: Institut sotsiologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy, Tsentr etnosotsiologicheskikh i etnopoliticheskikh issledovaniy.
- Kalechyts I.L.*, 2001. Epigrafika Belarusi X–XIV stst. [The Epigraphic of Belarus of the 10th–14th cc.]. Minsk: Belaruskaya navuka. 271 p.
- Kotkov S.I.*, 1975. Leksicheskie elementy “Slova o polku Igoreve”, svyazannye s Novgorod-Severskoy zemley [Lexical elements of “The Song of Igor’s Campaign” connected with Novgorod-Seversk land]. *Russkaya rech' [Russian Speech]*, 5. P. 13–24.
- Maleto E.I.*, 2005. Antologiya khozheniy russkikh puteshestvennikov, XII–XV vv.: issledovanie, teksty, kommentarii [Anthology of khozheniy of Russian pilgrims, 12th–15th cc.: researches, texts, commentaries]. A.N. Sakharov, ed. Moscow: Nauka. 437 p.
- Maroevich R.*, 1985. Posesivne izvedenitse u staroruskom jeziku. Beograd: Filoloski fakultet [Possessive derivative in the Old Russian language] (Monografiye) / Filoloski fakultet Beogradskog univerziteta, 59). 158 p.
- Nazarenko A.V.*, 2003. Krest – “Ierusalimskiy”? “Novgorodskiy”? “Khil'deskhaymskiy”? (K istorii odnoy drevnerusskoy palomnicheskoy relikvii) [Cross – “Jerusalem?”, “Novgorod?”, “Hildesheim?”] (To the history of

- one old Russian pilgrim relics)]. *Pravoslavnyy palomnik: Zhurnal Palomnicheskogo Tsentra Moskovskogo Patriarkhata* [Orthodox pilgrim: J. of Pilgrim Centre of Moscow Patriarchy], 6 (13). P. 54–58.
- Podskal'ski G., 1996. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.) [Christianity and theological literature in Kyiv Rus (988–1237)]. A.V. Nazarenko, trans., K.K. Akent'ev, ed. 2nd revised and enlarged edition. St. Petersburg: Vizantinorossika (Subsidia Byzantinorossica; 1). 572 p.
- Lavrent'evskaya letopis' [Laurentius chronicle], 1997. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], I. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 496 p.
- Rozhdestvenskaya T.V., 1991. Drevnerusskaya epigrafika X–XV vv.: uchebnoe posobie [Old Russian epigraphic of the 10th–15th cc.: study book]. St. Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 96 p.
- Rozhdestvenskaya T.V., 1992. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: Novye istochniki XI–XV vv. [Old Russian graffiti on the walls of temples: New origins of the 11th–15th cc.]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 166 p.
- Rybakov B.A., 1964. Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv. [Russian dated graffiti of the 11th–14th cc.]. Moscow: Nauka. 48 p.
- Slovar'..., 1984. Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igor-eve" [Dictionary of "The Song of Igor's Campaign"], 6. T–Ya i dopolneniya [T–Ia additions]. B.L. Bogorodskiy, D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov, eds., V.L. Vinogradova, comp. Leningrad: Nauka. 278 p.
- Spravochnik mariyskikh imen. Na osnove spravochnika "Mariy l'ymvlak: oykaŋash polshyk" [The Dictionary of Mari names. On the basis of the dictionary "Mariy l'ymvlak: oykaŋash polshyk"]. Krymmariy Azim, 2008 g. Electronic resource. URL: <http://lumvlak.marlamuter.com/index.php>.
- Uspenskiy..., 1971. Uspenskiy sbornik XII–XIII vv. [Uspenskiy collection of the 12th–13th cc.]. S.I. Kotkov, ed. Moscow: Nauka. 751 p.
- Yysotskiy S.A., 1966. Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoy XI–XIV vv. [Old Russian graffiti of Sophia Kiyevskaya of the 11th–14th cc.], 1. Kiev: Naukova dumka. 240 p.
- Yysotskiy S.A., 1976. Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoy: Po materialam graffiti XI–XVII vv. [Medieval graffiti of Sophia Kiyevskaya: On the material of graffiti of the 11th–17th cc.]. Kiev: Naukova dumka. 456 p.
- Yysotskiy S.A., 1985. Kievskie graffiti XI–XVII vv. [Kyiv graffiti of the 11th–17th cc.]. Kiev: Naukova dumka. 207 p.
- Zaliznyak A.A., 2000. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [Paleography of birchbark manuscripts and their outer stratigraphic dating]. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste: Iz raskopok 1990–1996 gg.* [Novgorod birchbark manuscripts: From the excavations of 1990–1996], X. Moscow: Nauka. P. 134–416.
- Zaliznyak A.A., 2004. Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorod dialect]. 2nd edition, revised. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (Studia philologica). 879 p.

ГОРОДИЩЕ ВАСИЛЬКОВО НА РЕКЕ НЕРЛЬ

© 2016 г. Н.А. Кренке, И.Н. Ершов

Институт археологии РАН, Москва (nkrenke@mail.ru)

Изучение вала и рва городища Васильково на р. Нерль позволило предположить, что древнейший ров относится к поселению фатьяновской культуры. Обилие находок этой культуры указывает на стационарный характер поселения. После значительного перерыва городище было вновь заселено в раннем железном веке. Сооружение укреплений (вала и рва) происходило в конце I тыс. до н.э. – на рубеже эр. Облик материальной культуры городища в железном веке ближе к городецкой культуре, чем к дяковской.

Ключевые слова: фатьяновская культура, дяковская культура, текстильная керамика, радиоуглеродное датирование, городище.

В археологии бронзового и железного веков Волго-Окского междуречья актуальной задачей остается изучение поселений фатьяновской культуры, а также определение культурной принадлежности памятников железного века, расположенных восточнее устья Москвы-реки. Материалы раскопок городища Васильково, проведенных в 2013 и 2014 гг. в рамках работ Суздальской экспедиции, возглавляемой Н.А. Макаровым, могут рассматриваться как “реперные” комплексы.

Городище Васильково расположено в Суздальском р-не Владимирской обл. на правом берегу р. Нерль в 350 м от ее русла на стрелке, образованной слиянием двух оврагов, в 150 м к северо-востоку от церкви с. Васильково (рис. 1). Расстояние до устья р. Нерль – около 12 км. Высота над уровнем воды в реке – 23–30 м. В системе балтийских высот отметки площадки городища – 115–122 м (рис. 2). Городище защищено рвом и валом с напольной стороны. Площадка понижается в сторону долины Нерли, падая на 5–6 м на протяжении 40–50 м. Высота верхушки вала в его центре над поверхностью площадки – 1 м. Со стороны реки стрелка мыса городища имеет небольшой уступ-эскарп, который ниже основной площадки на 3 м. Поверхность мыса бугристая (заметны отвалы старых раскопов), поросла травой и редким кустарником. С напольной стороны на пашне изредка встречаются печины, очажные камни и средневековая керамика.

Городище является частью большого археологического комплекса, имеющего в своем составе несколько древнерусских селищ (к северу, востоку и юго-западу от городища), несколько значительных групп древнерусских курганов к северо-востоку и

северу от городища. Курганы были сnivelированы раскопками А.С. Уварова в 1851 г., но их следы прослеживаются на космических снимках.

Раскопки городища Васильково были начаты А.С. Уваровым также в 1851 г. В публикации эти работы описаны очень кратко, всего несколько строк (Уваров, 1872. С. 41). Не очень понятно, какие задачи ставил перед собой автор, проводя эти исследования на памятнике, где вещевой материал очень небогат. Однако важно подчеркнуть, что это были едва ли не первые площадные раскопки городища в Европейской России. План, снятый в 1851 г., показывает, что городище имело округлую форму (рис. 1), что не вполне совпадает с современной топосъемкой, на которой городище имеет овально-яйцевидную форму, круговой вал отсутствует. Судя по краткому описанию А.С. Уварова, культурный слой городища имел толщину чуть менее 1 м и делился на верхний и нижний горизонты. В валу городища с запада имелся проход. Этот проход описывают и позднейшие исследователи памятника. Раскопы 1851 г., по описанию А.С. Уварова, имели вид “длинных канав” в средней части площадки. В настоящее время они выглядят как единая раскопанная площадь прямоугольной формы (рис. 2).

Следующий этап исследования памятника наступил в 1974 г. Н.Я. Щелокова (Дрессепер), возглавлявшая отряд Северной верхнепалеолитической экспедиции (руководитель – проф. О.Н. Бадер), заложила на площадке городища продольную траншею (1 × 40 м), протянувшуюся от тыльной части вала до оконечности мыса, а также раскоп площадью 64 м², примыкавший с юга к траншее (Щелокова, 1974). Описывая материал из раскопок,

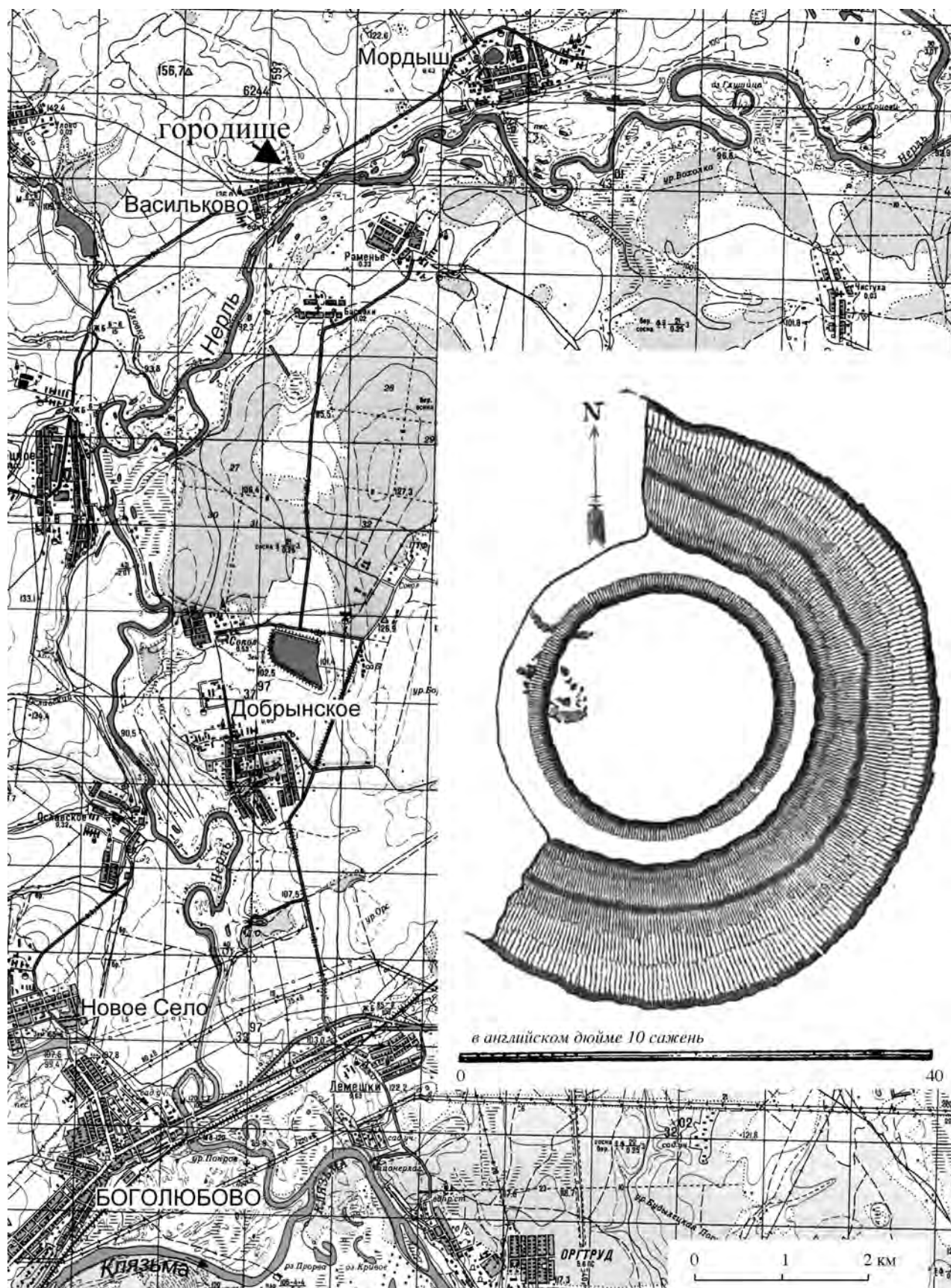

Рис. 1. Городище Васильково на карте. На врезке – план городища из альбома А.С. Уварова 1851 г.

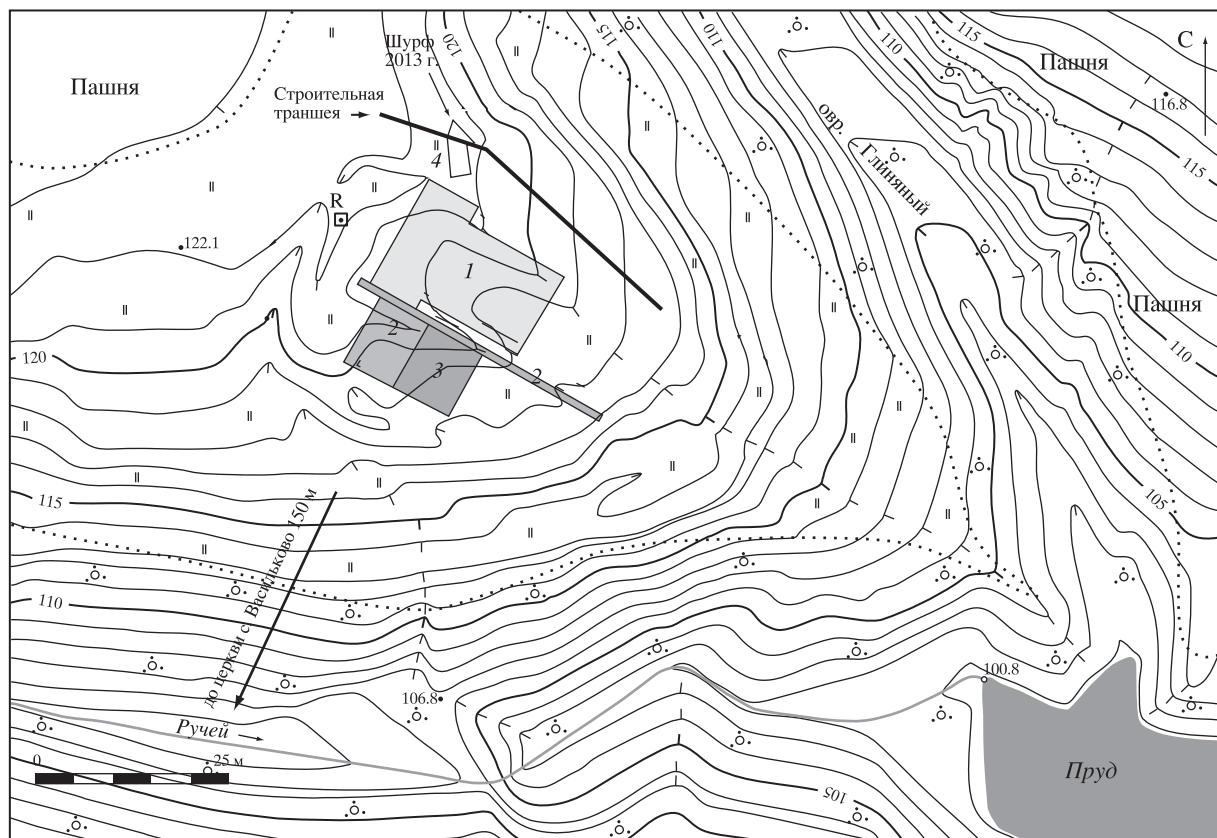

Рис. 2. Городище Васильково. 1 – раскоп А.С. Уварова 1851 г.; 2 – раскопы Н.Я. Щелоковой (Дрессепер) 1974 г.; 3 – раскоп Т.Ф. Мухиной 1980 г.; 4 – раскопы 2013 и 2014 гг. Горизонталы проведены через 1 м. Высотные отметки даны в Балтийской системе.

Н.Я. Щелокова выделяла керамику бронзового века (рис. 3), не давая ее культурной атрибуции, и материалы железного века. В траншее в значительном количестве была встречена “деревенская” керамика XVIII–XIX в. Итоговый вывод отчета о том, что городище – однослойный памятник железного века (Щелокова, 1974. С. 9) противоречит ее собственным описаниям. Коллекции из раскопок 1974 г. частично сохранились во Владимирском музее. На хранении в музее имеется около 500 фрагментов керамики и индивидуальные находки (в отчете указывается, что керамики было найдено 2965 фрагментов, в том числе 606 круговых XVIII–XIX вв.).

В 1980 г. раскопки городища были продолжены Т.Ф. Мухиной (Яковлевой). Раскоп 1974 г. был расширен на восток. Площадь раскопа 1980 г. равнялась 100 м² (Мухина, 1980). Таким образом, в 1974 и 1980 гг. всего было раскопано 204 м².

Раскопки 1980 г. велись довольно тонкими пластами (по 10 см). Всего было найдено 3414 фрагментов керамики (37 эпохи бронзы; 1825 раннего железного века; 21 древнерусских XI–XIII вв.; 1531 позднесредневековых). Вероятно, часть керамики

эпохи бронзы (неорнаментированная гладкостенная) была автором подсчитана как керамика эпохи железного века. По традиционной для тех лет схеме всю текстильную керамику автоматически отождествляли с дьяковской культурой, хотя керамический и вещевой комплекс весьма близок к материалам Городецкого городища, эпонимного памятника городецкой культуры.

Коллекция керамики во Владимирский музей не поступила. Зато индивидуальные находки представлены в хранении почти полностью. Среди них есть как кремневые изделия бронзового века, так и комплекс раннего железного века. Обращает на себя внимание синяя глазчатая бусина скифского времени (рис. 4, 10). Аналогичные бусы часто встречаются в слоях V–III вв. до н.э. на городищах железного века лесной зоны Восточной Европы (Кренке, 2011. С. 54, 55).

В северной части раскопа на материке был обнаружен след двухкамерной столбовой постройки, состоявшей из узкого “тамбура” и “комнаты”. Подобные постройки типичны для городищ дьякова типа, днепро-двинской и верхнеокской археоло-

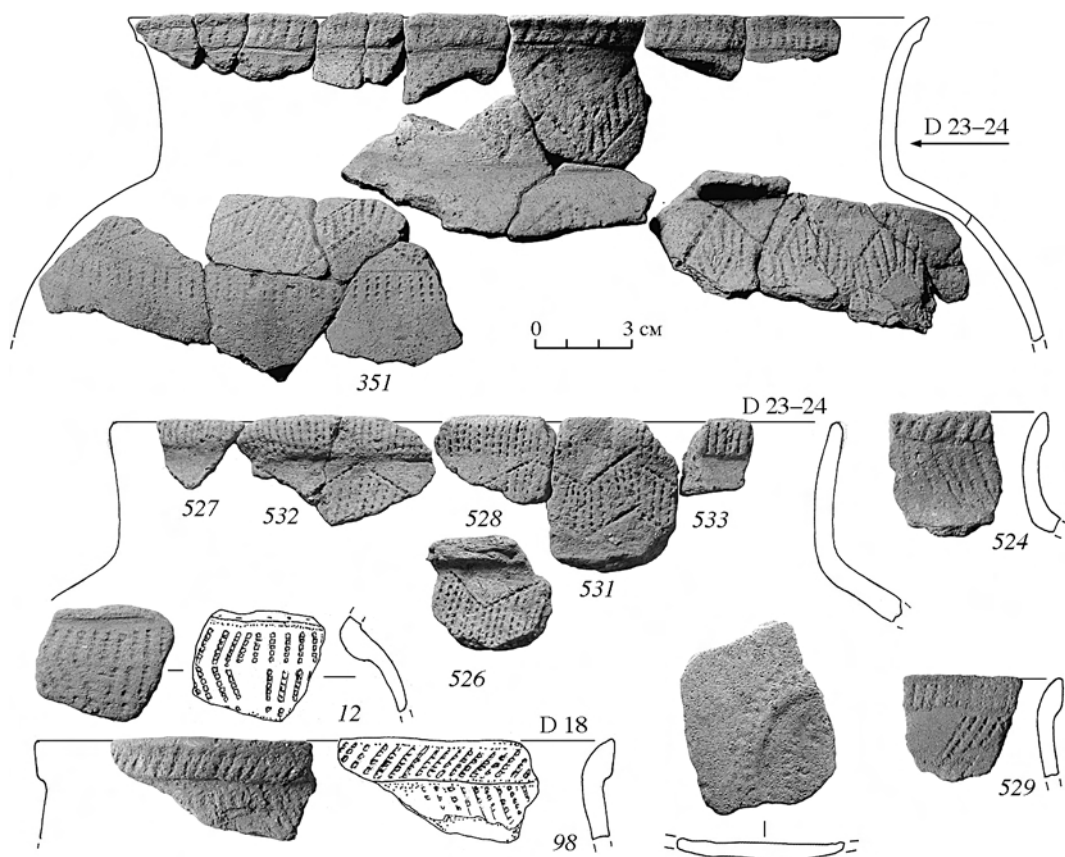

Рис. 3. Фатьяновская керамика из раскопок 1974 г. городища Васильково (номера музейные).

гических культур и были широко распространены в лесной зоне Восточной Европы во второй половине I тыс. до н.э.

По итогам работ 1974 и 1980 гг. на городище и окружающих его селищах была подготовлена статья (Лапшин, Мухина, 1988). Данная работа ценна прежде всего описаниями средневековых находок. При этом авторы излишне осторожно описывают керамику бронзового века, не упоминая даже термин “фатьяновская культура”, а пользуясь определением “керамика эпохи раннего металла”. Спорным представляется выделение керамики первых веков н.э. Грубая гладкостенная керамика, на которую ссылаются авторы (Лапшин, Мухина, 1988. Рис. 3, 26, 28), – это также составная часть керамического комплекса фатьяновской культуры (кухонная неорнаментированная посуда). Один из груболепных сосудов (Лапшин, Мухина, 1988. Рис. 3, 27) – это, скорее всего, находка, относящаяся к раннему средневековью (IX–X вв.). Упомянутую выше глазчатую бусину середины I тыс. до н.э. авторы совершенно напрасно сопоставляли с материалами Старой Ладogi.

А.Л. Леонтьев вместе с В.П. Глазовым в 1989 г. провел осмотр городища, выявил наличие кабель-

ной траншеи и зачистил ее стенку (Леонтьев, 1989). А.Л. Леонтьев отметил, что первоначальный ров был засыпан при подсыпке насыпи вала. Среди находок отмечены исключительно материалы раннего железного века (текстильная керамика).

В 2013 г. участок той же кабельной траншеи длиной 6 м был зачищен сотрудниками Суздальской экспедиции ИА РАН под руководством А.Н. Федориной. При этом было установлено, что профиль зачищенного участка вскрывает разрез вала с погребенной под ним почвой и частично обнажает ров, не достигая его дна. При зачистке было собрано довольно значительное количество керамики (около 40 фрагментов). Вся керамика была лепной и разделялась на две группы: гладкая фатьяновской культуры бронзового века и текстильная раннего железного века.

В результате к концу прошлого века в науке сложилось мнение, что городище в основном было обитаемо в раннем железном веке и в древнерусское время (Археологическая..., 1995. С. 257, 258).

Продолжение изучения городища было нацелено на поиск ответов на следующие вопросы: когда возникли фортификационные укрепления городища –

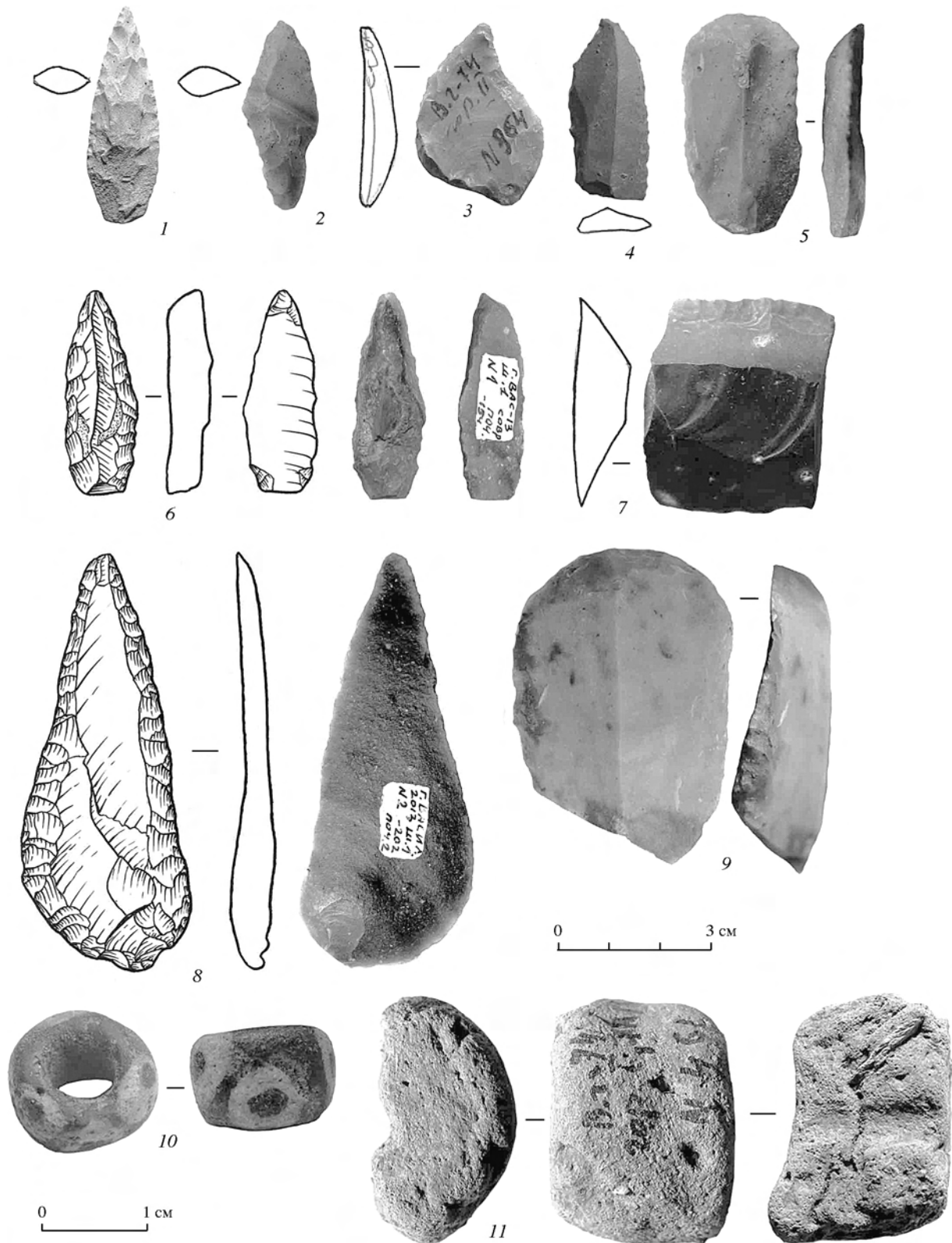

Рис. 4. Кремневые изделия фатьяновской культуры (1–9); синяя глазчатая бусина (10) и глиняное пряслице (11) раннего железного века из раскопок городища Васильково.

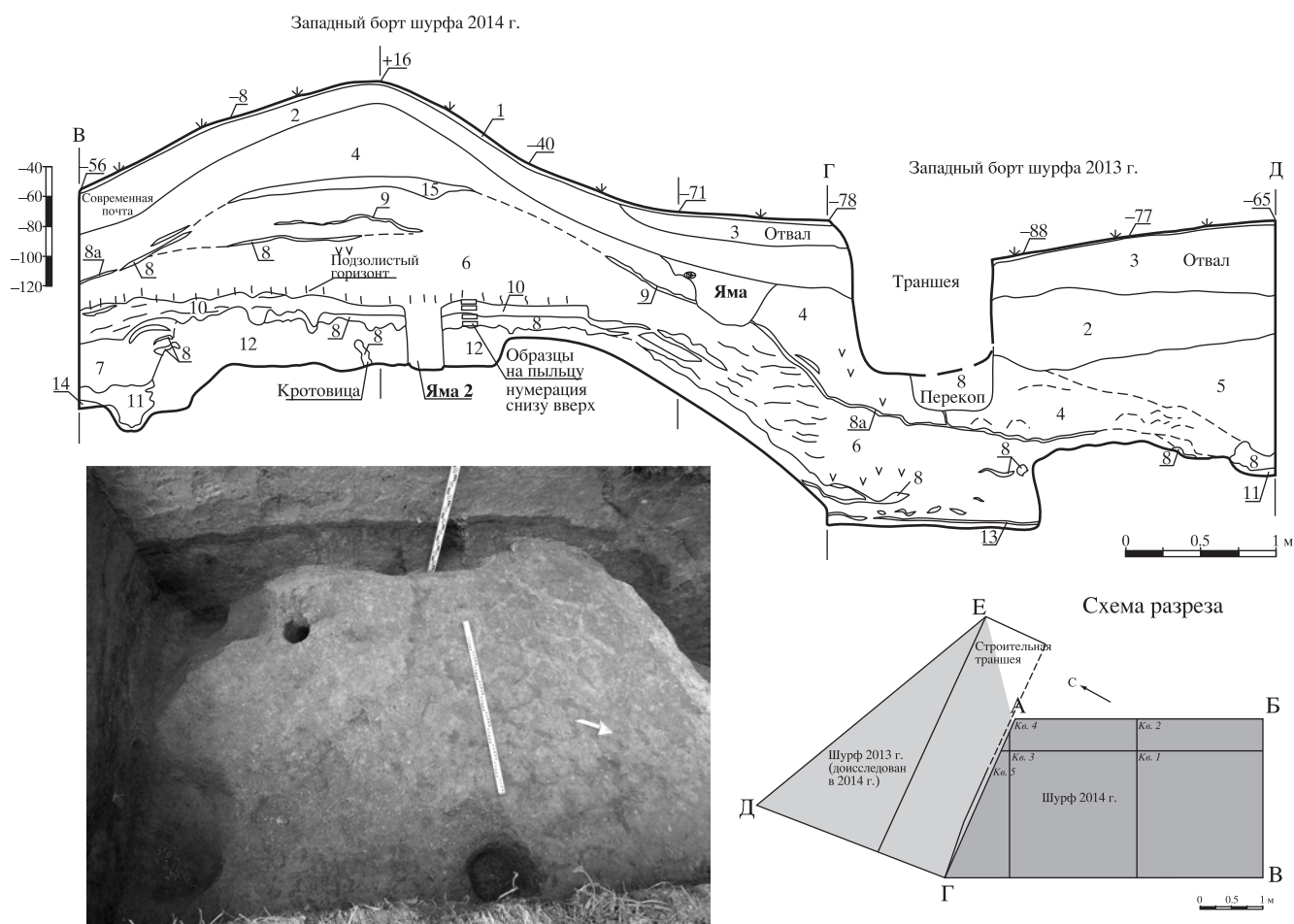

Рис. 5. Профиль разреза вала и рва городища Васильково и фото поверхности погребенной почвы со следами столбовых ям вдоль края рва. Цифрами обозначены: 1 – дерн; 2 – темно-серая супесь; 3 – мешаный с гумусом бурый суглинок; 4 – плотный бурый комковатый суглинок с белесыми включениями по трещинам; 5 – легкий бурый суглинок; 6 – мешаный с гумусом плотный бурый суглинок с редкими печинами и углями; 7 – слоистая мешаная темно-серая супесь с бурым суглинком и подзолом; 8 – светло-серая супесь (гумус); 9 – уголь; 10 – тонкослоистый гумус с линзами бурого суглинка; 11 – гумус, мешаный с бурым суглинком; 12 – плотный бурый суглинок; 13 – светло-желтый песок; 14 – рыхлый бурый суглинок с включениями гумуса; 15 – светло-бурая супесь.

в бронзовом веке или позднее; как эволюционировала система укреплений городища; какова культурно-хронологическая соотнесенность находок бронзового и раннего железного веков.

В 2013 г. для решения указанных выше проблем было начато изучение фортификационных сооружений. Для этого в месте зачистки 2013 г. был заложен разрез поперек вала и рва. Площадь разреза составила 16 м², ширина исследовательской траншеи равнялась 2,5 м. При этом отбирались образцы для радиоуглеродного датирования, проводились почвоведческие работы.

На глубине 150 см от гребня вала был обнаружен горизонт погребенной почвы дерново-подзолистого типа с сильно нарушенным гумусовым горизонтом. На поверхности почвы прослеживались ямы от крупных столбов диаметром около 0,2 м,

стоявших в ряд с интервалом около 2 м между столбами. Столбы стояли вдоль края рва, отступив от него внутрь площадки городища примерно на 1 м. В столбовых ямах какие-либо органические остатки и угли не сохранились. Столбовые ямы были перекрыты остатками двух-трех сгоревших бревен (?), лежавших вдоль оси вала.

Интригующая находка – древнейший ров. Глубина рва от поверхности погребенной почвы – 130 см, ширина по дну – 120. Дно плоское, стенки отвесные, сохранились лишь в придонной части (рис. 5). На городищах раннего железного века рвы с таким профилем не встречаются. Зато такая форма профиля типична для ям фатьяновских погребений, аналогичный профиль имеет и ров на городище Ош Пандо, вероятно, относящийся к фатьяновско-балановскому этапу существования

поселения (Степанов, 1967). В основании заполнения первоначального рва городища Васильково прослеживался “натоптанный” горизонт, содержащий исключительно фрагменты фатьяновской керамики. Эти аргументы позволяют выдвинуть гипотезу, что этот ров связан с поселением фатьяновской культуры. Логично предположить, что ров и столбовые ямы, тянувшиеся вдоль его края, были элементами единой оборонительной конструкции (возможны и другие версии интерпретации). Рядом с данными ямами на поверхности погребенной почвы выявлены отдельные фрагменты и развалы фатьяновских горшков.

Насыпь вала имела двучастное строение. Первоначальная насыпь была высотой около 1 м, состояла из мешаного материкового суглинка бурого цвета с линзами белесого подзола. На поверхности насыпи сформировалась слаборазвитая почва серого цвета с угольками от пожара, поверхность ее понижалась в сторону рва. В момент сооружения этой насыпи первоначальный ров был уже частично заполнен обрушившимся в него грунтом. Ров с напольной стороны, соответствовавший первоначальной насыпи вала, имел вогнуто-дугообразную форму в разрезе (U-образное дно). Внешний край этого рва был “съеден” более поздним рвом.

Радиоуглеродный анализ углей из бревен, лежавших в основании насыпи, дал следующие результаты: 1900 ± 30 (ГИН-15110) и 2030 ± 30 (ГИН-15111). Калиброванные значения этих дат: 60–135 гг. н.э.; 60 г. до н.э. – 30 г. н.э. (вероятность 68,2%)¹. Как видим, даты расходятся на 130 лет. Есть основания полагаться на более древнюю датировку. Дело в том, что на внешнем скате насыпи и в заполнении рва были найдены многочисленные рассеянные угли от пожара, очевидно, связанного с гибелью укреплений, стоявших на первичной насыпи вала. По этим углям была получена радиоуглеродная дата 2000 ± 40 (ГИН-15094), калиброванное значение которой укладывается в интервал 45 г. до н.э. – 55 г. н.э. с вероятностью 68%. Таким образом, можно предположить, что укрепления были построены в I в. до н.э. и вскоре были сожжены (примерно на рубеже эр).

На внешнем скате первичного вала найдены фрагменты текстильной керамики, в том числе развал горшка (рис. 6, 1). Характерная особенность формы этого горшка – вогнутая верхняя часть тулова, донце с закраиной, наличие ряда отверстий под венчиком.

¹ Датирование проводилось в лаборатории Геологического института РАН под руководством М.М. Певзнер, за что авторы приносят ей благодарность.

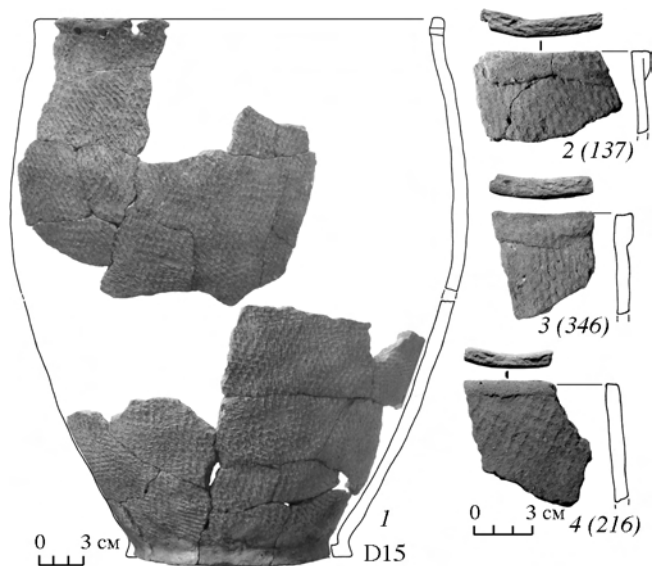

Рис. 6. Текстильная (1–3) и рогожная (4) керамика из раскопок городища Васильково 1974 и 2013 гг. (в скобках – музейные номера).

Вторая насыпь вала, видимо, была создана вскоре после гибели конструкций первой насыпи. Ее высота на гребне вала достигала 60–80 см. Ров стал шире, и его тальвег сместился далее в напольную сторону. Археологические материалы, четко привязанные ко второй насыпи, отсутствуют.

Всего в разрезе рва найдено 446 фрагментов керамики, в том числе 347 фатьяновских и 99 текстильных.

Фатьяновские находки включают в себя два развала сосудов. Сосуд № 1 (рис. 7, б) залегал в юго-восточном углу шурфа на уровне погребенной почвы. Сосуд имеет уплощенное днище-“лепешку” с вмятиной в центре на наружной стороне. Венчик прямой с черновым краем, загнутым наружу и “приглаженным” к стенке. Плечики покатые. Общая форма реконструируется как округло-удлиненная. Аналогии по форме известны на фатьяновском поселении РАНИС на Москве-реке (Кренке и др., 2013. Рис. 8, 1). Сосуд № 2 представлен лишь верхней частью (рис. 7, 1). Профиль венчика сосуда с плавным отгибом края наружу, плечики округло-покатые. Черновой край венчика отвернут наружу и выкрошился. Орнаментации нет. Подобного типа горшки были ранее зафиксированы в поселенческих комплексах фатьяновской культуры в широком ареале (Степанов, 1967. Табл. VIII, 19; Археология..., 2008. Рис. 39). Орнаментированной фатьяновской керамики относительно мало, однако фрагменты очень характерные (рис. 3, 7). Орнамент нанесен либо мелкозубчатым штампом, либо прочерчен. Внешний бортик венчика украшен

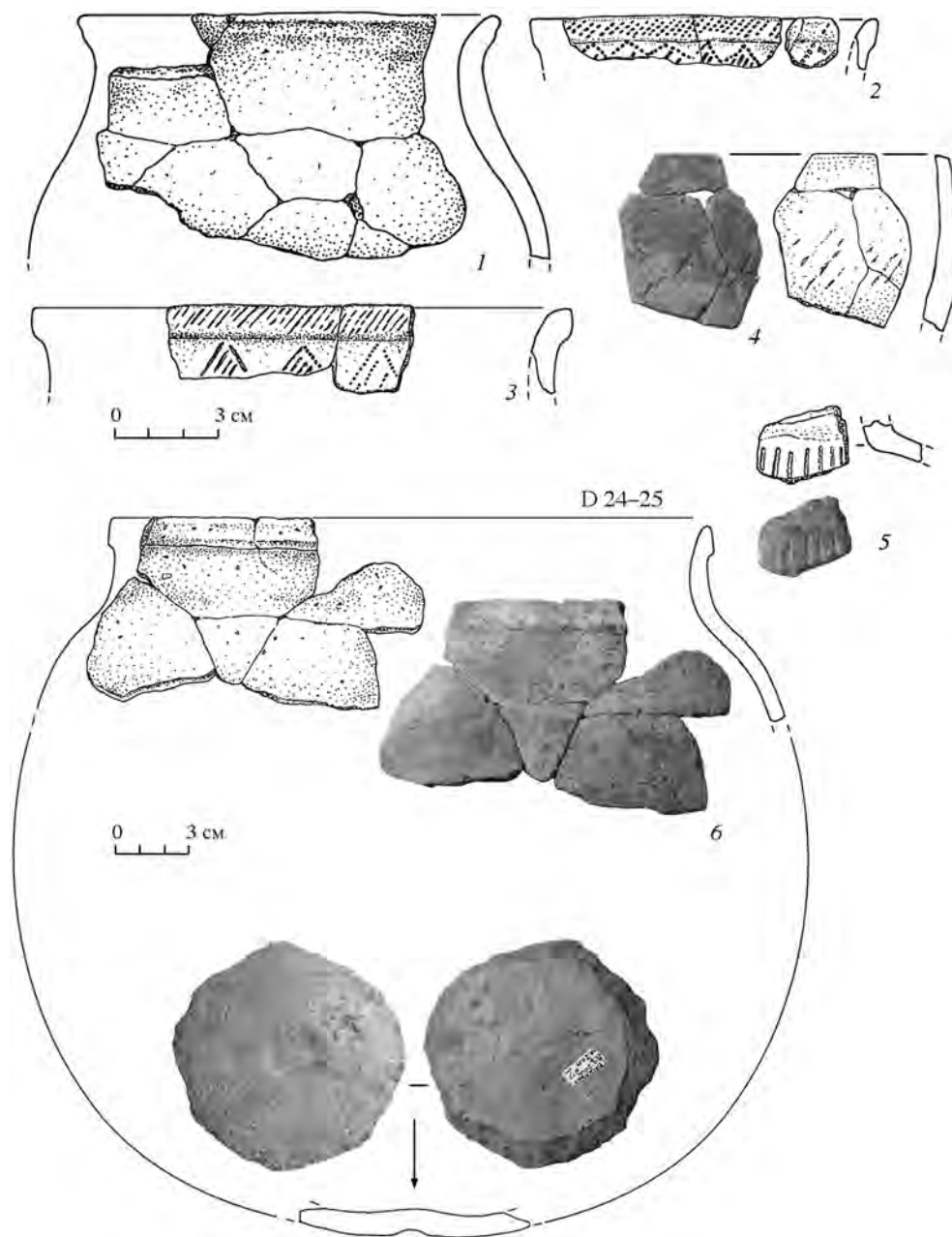

Рис. 7. Фатьяновская керамика (1–6) из раскопок 2013–2014 гг. городища Васильково.

параллельными вертикальными или наклонными вдавлениями мелкозубчатого штампа. На шейках имеются заштрихованные треугольники (ромбы?), либо двойной “балановский” зигзаг. Представлена также орнаментация шейки параллельными наклонными линиями. Эти виды декора характерны для фатьяновских памятников изучаемого региона (Гадзяцкая, 1976. Табл. 18), в том числе в большом количестве – на поселении Ош Пандо в Мордовии.

Судя по новым данным, подобные находки имеют радиоуглеродные даты в интервале 4000–3700 л.н.,

что при калибровке указывает на середину–вторую половину III тыс. до н.э. (Кренке, 2014).

Кремневые изделия из раскопок предыдущих лет и из шурфа 2013–2014 гг. составляют единую группу изделий, типичных для памятников фатьяновской культуры москворецкого и клязьминского бассейнов. Наконечники стрел (рис. 4, 1, 2) – один с выделенным черешком и подтреугольным жалом с крутой ретушью краев и плоской ретушью черешка с двух сторон, другой иволистный с поперечно срезанным основанием и двусторонней ретушью – являются характерными изделиями для поздних

этапов фатьяновской культуры в целом. Скребки концевые (рис. 4, 5, 9) на фрагментах массивных пластин, обломок ножа и в особенности серия так называемых остроконечников-перфораторов (рис. 4, 3, 4, 6, 8) также весьма характерны для памятников фатьяновской культуры Москворечья (таких, например, как поселение Церера в парке Царицыно).

Текстильные фрагменты с городища Васильково подразделяются по форме на группы. Группа 1 имеет уплощенный торец венчика, черновой край отогнут наружу и примазан к стенке горшка (рис. 6, 2, 3). Группа 2 – торец венчика без загиба наружу, не имеет выраженной уплощенности, хотя он часто слегка приплюснут, по краю идет ряд отверстий (рис. 6, 1). Важно отметить, что в единичных экземплярах представлены горшки с “рогожными” отпечатками (рис. 6, 4), аналогичными таковым на керамике городищ городецкой культуры – Городецком, Давыдовском, Троице-Пеленицком в бассейне Оки (Смирнов, Трубникова, 1965. Табл. 6–8).

Текстильная керамика по своей профилировке отличается от керамики городищ дьякова типа бассейна Москвы-реки и Верхней Клязьмы (например, Максимково в г. Королев, раскопки В.И. Вишневого 1993, 1994 гг.). Специфика керамики городища Васильково – вогнутая внутрь форма верхней части горшков, уплощенный торец венчика, в некоторых случаях загиб чернового края наружу, что не характерно для текстильной керамики городищ дьякова типа. Также не характерно для дьяковской керамики (хотя и встречается иногда в восточных районах Москворечья) наличие ряда сквозных проколов под венчиком. Отмеченные черты находят аналогии на городищах верховьев р. Воронеж, например на Пекшеевском городище (Медведев, 1999), на Средней Оке в районе Спасск-Рязанского на Городецком городище (Смирнов, Трубникова, 1965. Табл. 6–8), Тюковом городке, стоянке Фефелов Бор 1 (Фоломеев, 1975).

Глиняные пряслица в виде цилиндров (грузики дьякова типа отсутствуют совершенно) с городища Васильково (рис. 4, 11) также характерны именно для очерченного выше круга древностей, расположенных восточнее и южнее Владимира.

На основании раскопок городища Васильково можно сделать следующие выводы.

1. Видимо это поселение типологически сходно с поселением на городище Ош Пандо в бассейне р. Сура в Мордовии. Расстояние между двумя памятниками – 400 км. Вероятно, поселение фатьяновской культуры Васильково имело элемент оборонительной системы – ров. С внутренней стороны рва, возможно, шла ограда, от которой остались столбовые ямы.

2. В середине I тыс. до н.э. после перерыва в заселенности в полторы тысячи лет на площадке мыса возникло городище раннего железного века. Наиболее надежный хронологический репер – находка синей глазчатой бусины. Текстильная керамика по аналогиям также датируется примерно серединой I тыс. до н.э. или даже более ранним временем (вторая четверть I тыс. до н.э.), но угли, в контексте с которыми она была найдена, дали более позднюю дату. Разрешить это противоречие пока нельзя. Можно лишь предполагать, что либо существующие представления о хронологии текстильной керамики следует скорректировать, либо в слое пожара оказалась более древняя керамика, чем сам пожар.

Нет оснований связывать горизонт раннего железного века на городище Васильково с дьяковской культурой. Этот комплекс стоит между дьяковской и городецкой культурами, скорее, ближе к последней. Вероятно, в ходе дальнейших работ можно будет выделить в особую культурную группу городища раннего железного века Владимирской области с аналогичным керамическим и вещевым комплексом.

3. Время второй подсыпки вала остается пока неопределенным. Вряд ли такой низкий вал (около 1.5 м высотой) мог относиться к древнерусскому времени, когда были распространены более мощные укрепления. Единичность древнерусских находок на городище Васильково также косвенно свидетельствует в пользу того, что вал не средневековый. Следовательно, можно предположить, что он относится к эпохе раннего железа. В таком случае последняя перестройка оборонительных сооружений на городище происходила на рубеже эр, так как предметы начала I тыс. н.э. на памятнике не найдены.

Авторы приносят благодарность зав. отделом археологии Владимирского музея Н.А. Кокориной за помощь в работе.

ПОЧВЫ ГОРОДИЩА ВАСИЛЬКОВО

А.Л. Александровский

Институт географии РАН, Москва

Почвы Владимирского ополья характеризуются повышенным плодородием по сравнению с окружающими территориями: полесьями (песчаные равнины), моренными грядами и др. На почвенных картах ополье, протягивающееся от Владимира до Александрова, или даже до Плещеева озера, выделяется в виде пятна серых лесных почв, среди более бедных дерново-подзолистых (пятна серых лесных почв по другим опольям также проникают далеко на север по отношению к основной части зоны серых лесных почв). Местами цвет почвы становится очень темным, отчего уже у первых исследователей территории сложилось впечатление о черноземном облике почв территории в прошлом (Танфильев, 1899). В действительности настоящих черноземов во Владимирском ополье нет, но есть почвы с темными гумусовыми горизонтами, которые относятся к темно-серым лесным (темно-серым по новой классификации). Эти горизонты, часто имеющие большую мощность и цвет до черного, в средней и нижней их части являются реликтовыми ранне-среднеголоценовыми, о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты. В результате воздействия почвенных процессов позднего голоцена данные реликтовые горизонты сохранились не повсеместно. Значительно лучше они сохраняются на более тяжелых суглинисто-глинистых породах (особенно в понижениях рельефа) на слабоволнистых платообразных поверхностях. Именно такими особенностями отличаются природные условия ополей.

Почвы, послужившие основой для образования темноокрашенных горизонтов, вероятно, исходно были черноземами и лугово-черноземными, т.е. почвами, сформированными под степью или степными участками лесостепи. Об этом говорят темная окраска и высокая устойчивость гумуса, что соответствует черноземам. Также темноцветные горизонты сходны с черноземами и по аналитическим данным: это высокое содержание гумуса, его гуматный состав, преобладание устойчивой фракции гуминовых кислот, связанных с кальцием, высокие значения оптической плотности гуминовых кислот (Караваева, 1978). Формирование черноземов на месте современных лесных почв объясняется продвижением границы между лесом и степью к северу в раннем и среднем голоцене.

Реликтовый гумусовый горизонт, получивший название второго гумусового (ВГ), представляет собой нижнюю сохранившуюся часть исходной прогумусированной толщи чернозема. Ее верхняя часть была полностью разрушена в позднеголоценовый этап, характеризовавшийся наиболее активным развитием подзолистого процесса, а на ее месте сформировались современный светлогумусовый и элювиальный (подзолистый) горизонты. Дерново-подзолистые и серые лесные почвы с ВГ широко распространены во Владимирском и других опольях, но встречаются и на Клинско-Дмитровской гряде, и в других геоморфологических и ландшафтных позициях, исключая территории, сложенные с поверхности песками. Мощность исходных темногумусовых горизонтов в пределах распространения современных дерново-подзолистых и светло-серых лесных почв была небольшой, поэтому ВГ часто располагается в пределах элювиального горизонта. Это относится и к району городища Васильково, расположенному на окраине рассматриваемого ополья.

Значительно лучше исходные черноземы и производные от них почвы, содержащие ВГ, сохранились в погребенном состоянии – под курганами, под аллювием пойм и другими отложениями. В пределах Владимирского ополья такие почвы пока не обнаружены, но они исследованы на территории южной части лесной зоны, в пойме Оки и Москвы-реки, а также под курганами на Оке и Средней Волге (Александровский, Александровская, 2005). Часто в их профиле сохраняются такие характерные для черноземов признаки, как карбонатный горизонт и ходы степных землероев (слепышей и др.).

В последнее время по этим почвам получены палинологические данные, также подтверждающие степное происхождение их темноокрашенных гумусовых горизонтов (Ershova et al., 2014).

В пределах Владимирского ополья, как и многих других территорий в лесостепи и южной части лесной зоны, данные горизонты встречаются не повсеместно. Это определяется не только разной их устойчивостью, но и постепенным в течение голоцена распространением лесов. На участках лесной растительности, появившихся на ранних этапах голоцена, степень развития исходных черноземов

была небольшой, а продолжительность их деградации значительной. Вероятно, в центральной части ополья, в районе Юрьева, и в ряде других мест с темными почвами степи сохранились дольше.

Почва городища Васильково, вскрытая под оборонительным валом, прослеживается четко. Хорошо видна насыпь и поверхность почвы. На поверхности лежит тонкий (около 5 см) слой серо-бурых отложений. Возможно это перепереложенный материал верхнего горизонта почвы, взятый из рва в начале создания оборонительных сооружений. В профиле погребенной почвы гумусовый ее горизонт был срезан незадолго до погребения. Но полностью или частично сохранился второй гумусовый горизонт, и ниже лежащие горизонты профиля.

Под насыпью вала вскрываются следующие горизонты погребенной почвы.

0–5 (7) см. Серо-бурый к темно-серо-бурому суглинок. Неоднородная окраска: темно-серые и серо-бурые пятна. Переход резкий, граница ровная. Гумусированный слой на срезанной поверхности почвы.

AhEL 5 (7)–12 (15) см. Темно-серый с белесым оттенком суглинок, плитчатый, слабо уплотненный, в виде клиньев внедряется в ниже лежащий. Переход постепенный. Реликтовый ВГ горизонт.

ABth 12 (15)–20 см. Белесо-бурый с серой, постепенно ослабевающей книзу, прокраской реликтовым гумусом, переход постепенный. Нижняя часть ВГ.

BT1 20–60 см. Бурый суглинок, ореховатый, уплотненный. Глинистые натеки (кутаны) на гранях агрегатов. Переход постепенный. Иллювиальный горизонт.

BT2 60–115 см. Бурый суглинок ореховато-призматический, плотный. Переход четкий.

BCsa 115–140 см. Светло-бурый суглинок, карбонатные конкреции, вскипает от HCl.

На месте данного профиля под центральной частью вала почва срезана примерно на 15 см. Глубина среза несколько увеличивается влево по стенке траншеи, в сторону площадки городища, в результате чего здесь сохранились только клинья белесо-темно-серого материала темноцветного (второго гумусового) горизонта. Причины среза поверхности почвы не ясны. Следы распашки не видны. В числе возможных процессов – эоловые, менее вероятны – делювиальные, также не исключен случайный или целенаправленный срез поверхности человеком.

Фоновая почва исследована по этому же борту оврага городищенского мыса на удалении от вала в заброшенном карьере, освоенном промоиной

(рис. 2). В стенке карьера под насыпанным при эксплуатации карьера слоем вскрыта почва, сходная с погребенной. Выделяются горизонты: A1 0–20 см – BELh 20–33 см – BT1 33–95 см – BT2 95–160 см – BC 160–200 см. На глубине 60–90 см – глинофибры (глинистые уплотненные волнистые прослойки иллювиального генезиса). В горизонтах BT имеются глинистые и гумусо-глинистые натеки.

В целом профиль сходен с погребенной почвой. Вместе с тем до глубины 2 м не обнаружен карбонатный горизонт. По сравнению с погребенной почвой, в которой карбонаты исходно залегают на уровне 130 см, в фоновой почве они выщелочены ниже более чем на 70 см. Это свидетельствует о меньшей влажности климата в период сооружения вала и погребения почвы. Реликтовый ВГ в профиле фоновой почвы деградирован значительно сильнее, чем в профиле погребенной почвы. От него сохранились отдельные серые пятна.

На поверхности вала сформирована мощная почва. Однако она имеет неоднородное сложение, и, вероятно, представляет собой насыпанный гумусированный материал, в дальнейшем проработанный почвообразованием. Несколько ниже лежит гумусированная прослойка (разделяющая насыпь вала на два слоя). Однако в ней никаких следов почвообразования *in situ* не видно. Нижняя часть вала сложена бурым суглинком с белесыми пятнышками оподзоленного материала. Строение насыпи необычное: сначала на погребенную почву уложен бурый суглинок, взятый из нижней части рва, затем гумусированный, характерный для верхних горизонтов почвы, залегающих на уровне верхней части рва.

Среди исследованных угольков (таблица) преобладает ясень, также встречается вяз и единично дуб, клен и, предположительно, береза.

Общие представления об эволюции почв и ландшафтов Владимирского ополья. Гипотезы относительно истории почв территории предлагались начиная с середины XIX в. Предполагалось, что это своеобразные черноземы, или что это лесные почвы с черноземным степным прошлым, или почвы с болотным прошлым, или просто острова серых и темно-серых лесных почв среди подзолистых. Накопившиеся к настоящему времени по этой территории и смежным регионам южной части лесной зоны и лесостепи данные палеопочвоведения и палеогеографии позволяют верифицировать эти гипотезы и в общих чертах представить историю почв и ландшафтов.

Реликтовые темноцветные почвы, со среднеголоценовыми датами характерны для ополья. Также

Данные исследования угольков (уг.) – антракология

Место находки	Общее количество	Породы дерева	Число
Ш. 1, кв. 4, пл. 7, погребенная почва, уг. № 3, -145	Много	Ясень	6
Ш. 1, кв. 4, пл. 7, уг. № 4	Мало	Дуб	2
		Ясень	6
Ш. 1, кв. 3, угли во рву, на уровне текстильной керамики	—“—	Ясень	2
Ш. 1, кв. 3, дно рва (в траншее), уг. № 2, -264	—“—	Вяз	5
		Клен	1
			1
Ш. 1, кв. 2, пл. 2, уг. № 1, -27	—“—	Неопределенное	2
Ш. 1, пл. 6, заполнение рва 2013 г., уг. № 5	Много	Ясень	12
		Вяз	2
		Ясень	2
		Рассеяннопоровое (береза?)	4

здесь встречаются почвы с мощными гумусовыми карманами и датами до 10–11 тыс. лет (Милановский, 2009). Вместе с тем имеющиеся данные, в основном по смежным территориям, показывают, что история ландшафтов и темногомусовых почв юга лесной зоны в раннем и среднем голоцене изучена еще недостаточно. В общем ясно, что облесенность в то время была ниже и есть основания полагать, что максимальное распространение степей к северу относится к раннему голоцену или даже к аллереду. Ранние черноземы, формировавшиеся в то время, отличались малой мощностью, высокой оглиненностью. Для них характерна высокая устойчивость по отношению к диагенезу. В северной части их ареала (Вятка) по второму гумусовому горизонту получены даты до 8900 лет (Прокашев, 1999). Затем в течение всего голоцена шло колебательное наступление леса на степь. Периоды аридизации и возвратного остепнения относятся к началу атлантического периода и к его середине (Спиридонова, 1991; Сычева, Гласко, 2003).

Следы ранних изменений среды и почв, например, почвы с явными следами деградации исходных раннеголоценовых темноцветных почв, обнаруживаются под курганами бронзового века (абашевской и балановской археологических культур, район Чебоксар). Эти данные показывают, что к середине суббореала степи уже давно покинули район исследованного кургана и деградация черноземов под лесом продвинулась уже достаточно далеко. Вместе с тем темно-серые лесные почвы, лежащие под курганом, значительно ближе к исходным черноземам, чем к современным дерново-подзолистым почвам. В их профиле сохранились высокий уровень залегания карбонатов и темноцветный гумус, свидетельствующие о недавней аридной

стадии почвообразования. Реконструируются условия, характерные для юга зоны широколиственных лесов, а предшествующие (ранний голоцен) – для лесостепи. К нашему времени в условиях дальнейшего увлажнения климата почвы превратились в дерново-подзолистые, ландшафты – в северную часть зоны широколиственных лесов на границе с подтайгой. Реликтовые темноцветные горизонты деградировали в этих условиях в значительной степени.

Сходные изменения ландшафтов и почв происходили, видимо, и в районе Владимирского ополья. В момент древнерусского освоения район ополья был уже полностью занят лесами, однако его почвы отличались высоким плодородием и этим привлекали земледельцев. Последний этап формирования темногомусовых почв (черноземов) относится к среднему суббореалу (средняя бронза), когда в средней полосе отступали леса и распространялись степи. В это время на север в пределы лесной зоны, вплоть до тайги, проникли племена “фатьяновцев” и др. Затем (эпоха поздней бронзы) начинается основной этап распространения лесов и оподзоливание почв. В это время еще могли сохраняться небольшие участки лугово-степной растительности. В условиях некоторого иссушения климата в сарматское время (III в. до н.э. – III в. н.э.) острова степной растительности могли частично восстанавливаться. Новый этап увлажнения климата и облесения территории начался в V в. н.э., а максимальное распространение лесов относится ко времени малого ледникового периода. В этот период территория Владимирского ополья оказалась в пределах зоны смешанных лесов (подтайги). В результате таких сложных процессов развития ландшафтов на территории ополья сформировался сложный

почвенный покров, в котором среднеголоценовые темногумусовые почвы хорошей сохранности обнаруживаются в основном на территориях недавнего облесения. Если в период бронзового века здесь преобладали темно-серые лесные почвы, возможно, с участками черноземов, то сейчас доминируют серые и светло-серые лесные почвы. Лишь местами сохраняются темно-серые лесные почвы с темным, почти черным гумусовым горизонтом, по ряду признаков близкие к черноземам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.
- Археологическая карта России (АКР). Владимирская обл. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Археология парка "Царицыно". М.: ИА РАН, 2008. 206 с.
- Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М.: Наука, 1976 (САИ; Вып. В1-21). 136 с.
- Караваева Н.А. Генезис и эволюция второго гумусового горизонта в почвах южной тайги Западной Сибири // Почвообразование и выветривание в гумидных ландшафтах. М.: Наука, 1978. С. 133–157.
- Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Кренке Н.А. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. 2014. № 4. С. 5–18.
- Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В. Памятники шнурового и "поспешного" горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 208–223.
- Латишин В.А., Мухина Т.Ф. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Сузда-
лем // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.: Ин-т археологии, 1988. С. 132–143.
- Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14624.
- Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.: Наука, 1999. 169 с.
- Милановский Е.Ю. Гумусовые вещества почв как природные гидрофобно-гидрофильные соединения. М.: ГЕОС, 2009. 188 с.
- Мухина Т.Ф. Отчет о раскопках на Васильковском городище в Суздальском районе в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12363.
- Прокашев А.М. Почвы со сложным органопротилем юга Кировской области. Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. 176 с.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М.: Наука, 1965 (САИ; Вып. Д1-14). 40 с., 21 с. ил.
- Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.
- Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1967. 212 с.
- Сычева С.А., Гласко М.П. Ритмичность осадконакопления и почвообразования на Среднерусской возвышенности в голоцене // Изв. РГО. 2003. Т. 135, вып. 1. С. 45–57.
- Танфильев Г.И. Еще о владимирском черноземе // Почвоведение. 1899. № 1. С. 26–32.
- Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная тип., 1872. 232 с.
- Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.
- Щелокова Н.Я. Отчет о раскопках на Васильковском городище в Суздальском районе Владимирской области в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5523.
- Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A. Paleosols, paleovegetation and Neolithic occupation of the Moskva River floodplain, Central Russia // Quaternary International. 2014. V. 324. P. 134–145.

FORTIFIED SETTLEMENT VASILKOVO ON THE RIVER NERL

Nikolai A. Krenke, Ivan N. Ershov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (nkrenke@mail.ru; ershovin@yandex.ru)

The study of the rampart and the fosse of the fortified settlement Vasilkovo on the River Nerl has allowed suggesting that the most ancient fosse is related to a settlement of the Fatyanovo culture. The plenty of the finds of this culture points at the permanent character of the settlement. After a significant gap the settlement was inhabited again in the early Iron Age. Fortifications (the rampart and the fosse) were being built in the end of the 1st millennium of BC – at the turn of eras. The character of the material culture of the fortified settlement in the Iron Age is closer to the Gorodetskaya culture than to the Dyakovo one.

Key words: the Fatyanovo culture, the Dyakovo culture, textile ceramics, radiocarbon dating, fortified settlement.

REFERENCES

- AKR, 1995. Arkheologicheskaya karta Rossii. Vladimirskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Vladimirskaya Oblast']. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Aleksandrovskiy A.L., Aleksandrovskaya E.I., 2005. Evolyutsiya pochv i geograficheskaya sreda [Soils evolution and geographical environment]. Moscow: Nauka. 223 p.
- Arkheologiya..., 2008. Arkheologiya parka "Tsaritsyno" [Archaeology of the park "Tsaritsyno"]. Moscow: IA RAN. 206 p.
- Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A., 2014. Paleosols, paleovegetation and Neolithic occupation of the Moscow River floodplain, Central Russia. *Quaternary International*, 324, pp. 134–145.
- Folomeev B.A., 1975. Tyukov gorodok [Tyukov town]. *SA [SA]*, 1, pp. 154–170.
- Gadzyatskaya O.S., 1976. Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury. Ivanovsko-Gor'kovskaya gruppa [Sites of the Fatyanovo culture. Ivanovo-Gorkovskaya group]. Moscow: Nauka. 136 p. (Arkheologiya SSSR. SAI, VI-21).
- Karavaeva N.A., 1978. Genezis i evolyutsiya vtorogo gumusovogo gorizonta v pochvakh yuzhnoy taygi Zapadnoy Sibiri [Genesis and evolution of the second humus horizon in the soils of the Taiga of the Western Siberia]. *Pochvoobrazovanie i vyvetrивание v gumidnykh landshaf-takh [Soil-forming and eolation in humid landscapes]*. Moscow: Nauka, pp. 133–157.
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura nasele-niya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The Dyakovo fortified settlement: the culture of the population of the Moscow River basin]. Moscow: IA RAN. 546 p.
- Krenke N.A., 2014. Moskvoretskie pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury [Moskvoretskiy sites of the Fatyanovo culture]. *RA [RA]*, 4, pp. 5–18.
- Krenke N.A., Aleksandrovskiy A.L., Ershov I.N., Ershova E.G., Lazukin A.V., 2013. Pamyatniki shnurovogo i "postshnurovogo" gorizontov bronzovogo veka na Moskve-reke [Sites of cord and "postcord" horizons of the Bronze Age on the Moscow River]. *KSIA [BSIA]*, 231, pp. 208–223.
- Lapshin V.A., Mukhina T.F., 1988. Rannesrednevekovyy arkheologicheskiy kompleks u sela Vasil'kovo pod Suzdalem [Early Middle Age archaeological complex at the village of Vasilkovo not far from Suzdal]. *Problemy izucheniya drevnerusskoy kul'tury [Problems of studying of the ancient Rus culture]*. Moscow: IA, pp. 132–143.
- Leont'ev A.E. Otchet o rabote Volgo-Okskoy ekspeditsii v 1989 g. [Report on the work of Volga-Oka expedition in 1989]. *Arkhib IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, № 14624 (unpublished).
- Medvedev A.P., 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya [Early Iron Age of the forest-steppe Podonye]. Moscow: Nauka. 169 p.
- Milanovskiy E.Yu., 2009. Gumusovye veshchestva pochv kak prirodnye gidrofobno-gidrofil'nye soedineniya [Humus matters of soils as natural hydrophobic and hydrophilic compositions]. Moscow: GEOS. 188 p.
- Mukhina T.F. Otchet o raskopkakh na Vasil'kovskom gorodishche v Suzdal'skom rayone v 1980 g. [Report on the excavation works on the Vasilkovo fortified settlement in Suzdal District in 1980]. *Arkhib IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, № 12363 (unpublished).
- Prokashev A.M., 1999. Pochvy so slozhnym organoprofilom yuga Kirovskoy oblasti [Soils with complex organic profile of the southern of Kirov Oblast]. Kirov: Izd-vo Vyatsk. gos. ped. univ. 176 p.
- Shchelokova N.Ya. Otchet o raskopkakh na Vasil'kovskom gorodishche v Suzdal'skom rayone Vladimirskoy oblasti v 1974 g. [Reports on the excavation works on the Vasilkovo fortified settlement in Suzdal District of Vladimir Oblast in 1974]. *Arkhib IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, № 5523 (unpublished).
- Smirnov A.P., Trubnikova N.V., 1965. Gorodetskaya kul'tura [The Gorodetskaya Culture]. Moscow: Nauka. 40 p., 21 p. il. (Arkheologiya SSSR. SAI, D1-14).
- Spiridonova E.A., 1991. Evolyutsiya rastitel'nogo pokrova basseyna Dona v verkhnem pleystotsene-golotsene [Evolution of the floral cover of the Don River basin in Upper Pleistocene-Holocene]. Moscow: Nauka. 221 p.
- Stepanov P.D., 1967. Osh Pando [Osh Pando]. Saransk: Mordov. knizhnoe izd-vo. 212 p.
- Sycheva S.A., Glasko M.P., 2003. Ritmichnost' osadkonakopleniya i pochvoobrazovaniya na Srednerusskoy vozvyshennosti v golotsene [The rhythm of the deposition of sediments and soil-forming on the Srednerusskaya upland in Holocene]. *Izvestiya RGO [Bulletin of Russian Geographical Society]*, t. 135, vyp. 1, pp. 45–57.
- Tanfil'ev G.I., 1899. Eshche o vladimirskom chernozeme [One more on the Vladimir black soil]. *Pochvovedenie [Pedology]*, 1, pp. 26–32.
- Uvarov A.S., 1872. Meryane i ikh byt po kurgannym raskopkam [The Merya people and their lifestyle on the barrow excavations]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 232 p.

САРКОФАГ ИЗ ПЛИНФЫ В СОБОРЕ НОВГОРОДСКОГО ПАНТЕЛЕЙМОНОВА МОНАСТЫРЯ

© 2016 г. Вл.В. Седов

Институт археологии РАН, Москва (sedov1960@mail.ru)

Статья посвящена открытому при раскопках собора Новгородского Пантелеймонова монастыря саркофагу из византийского кирпича (плинфы), вероятно, сооруженному в 1220-е годы для ктитора каменной монастырской церкви боярина Федора Пинецинича. Подобные саркофаги, пришедшие, по мнению автора статьи, из Южной Руси, в Новгороде очень редки. Они имеют византийское происхождение.

Ключевые слова: Новгород Великий XII–XIII вв., саркофаги из плинфы, форматы кирпича, погребения в храмах.

Пантелеймонов монастырь был основан на южной окраине Новгорода в первой половине XII в. киевским князем Изяславом Мстиславичем, поставившим во главе обители игумена Аркадия, позднее ставшего епископом Новгородским (Седов, 2011). Первый собор был деревянным, а на его месте в 1207 г. по заказу некоего Федора Пинецинича был построен каменный храм: “Того же лета съвърши церковь святого Пянтѣлѣмона Федоръ Пинецинищъ” (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 50). “В то же лето свершиша церковь святого Пянтѣлѣмона Федоръ Пинецинищъ, в манастире” (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 247). Кто был этот Федор Пинецинич, точно не известно, но он принадлежал к верхушке новгородского боярства хотя бы потому, что был ктиторм каменного храма. Его прозвище – Пинецинич – было родовым, во всяком случае, мы можем назвать двух других представителей той же семьи: Гюряту (Юрята – Юрий) Пинецинича, убитого в 1240 г. (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 77, 294), и Михаила Пинецинича, упомянутого в летописи в 1256, 1259 и 1270 гг. (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 81, 82, 89, 309, 310, 320).

Ремонт собора Пантелеймонова монастыря, проведенный в 1372 г. (фактически это была полная перестройка разрушившегося домонгольского храма), был отмечен Пятой новгородской летописью: “... того же лета поновиша церковь камену святаго Пантелеймона, бе бо палася” (Шахматов, 1938. С. 204, 205). Этот второй храм, выстроенный в XIV в., был полностью перестроен в XIX в.: возникший в это время третий каменный храм в формах раннего классицизма был разобран в 1930-е годы.

В 1978 г. северную и западную части собора 1207 г. изучала экспедиция под руководством П.А. Раппопорта; тогда был открыт и западный притвор храма 1207 г., сохранившийся в виде фундаментных рвов: внутренняя часть северной стены притвора на чертежах из публикации тех исследований показана прикрытой большой плитой прямоугольной формы, еще одна плита не очень правильной формы располагалась в южной части притвора, внутри него, и частично закрывала основание западной стены (Раппопорт, 1982а).

С 2007 г. Новгородский архитектурно-археологический отряд Новгородской археологической экспедиции ИА РАН под руководством автора этой статьи продолжил изучение собора Пантелеймонова монастыря, остатки которого находятся в восточной части Музея деревянного зодчества “Витославлицы” на южной окраине Великого Новгорода. В процессе исследования собора и окружающего его культурного слоя были открыты основания стен и столбов собора Пантелеймонова монастыря 1207 г., исследована известково-цемяночная заливка древнего пола, а также следы ремонта или перестройки 1372 г.: известковые заливки пола, каменные кладки стен и столбов, поставленные над древними кладками. Было установлено, что храм 1372 г. был построен уже без притвора.

В 2011 г. вместе с другими участками подробно изучался древний западный притвор собора, вернее, его южная часть. В этой части притвор был открыт заново, были зафиксированы небольшие участки основания стен и фундаментные рвы. Одним из направлений повторных работ на притворе собора, помимо доследования каменных конструкций,

было исследование погребений, не вскрывавшихся во время работ П.А. Раппопорта.

В южной части раскопа 2011 г. был открыт ладьевидный каменный саркофаг с парным погр. 9, относящийся ко второй половине XIV в. В северной части раскопа на месте притвора 2011 г. в кв. 4 и 10 была открыта каменная известняковая плита (фиксировалась и на планах раскопа П.А. Раппопорта 1978 г.) (рис. 1; 2). С севера она имела гладкую поверхность, с юга, запада и востока была обломана, так что только северный край сохранился хорошо. Приблизительная длина плиты – 160 см, сохранившаяся ширина – 80 (что близко к предполагаемому первоначальному размеру), толщина – 7–8 см. По нивелировочным отметкам видно, что эта каменная плита (+46...+49) находилась примерно в том же уровне, что и ладьевидный саркофаг (+69...+76); плита его основания – +26...+35. Это позволяет предположить, что плита с севера и саркофаг с юга были размещены перед западным фасадом храма примерно в одно время, вероятнее всего, около 1372 г., когда в процессе перестройки храма 1207 г. был разобран древний притвор и перед западным фасадом в грунте появился ладьевидный саркофаг с захоронением, которое можно связать с ктиторами перестройки 1372 г. Тогда же, видимо, была положена плита с севера, накрывшая часть разобранной кладки притвора и другую конструкцию, о которой будет сказано ниже.

Когда плита была снята, под ней обнаружилось очень плохо сохранившееся погр. 10, устроенное в саркофаге, сложенном из плинфы на известково-цемяночном растворе с примесью толченой плинфы. От погребения остались только две кости вверху, плечевая и берцовая, и две кости под ними, фрагменты правой лучевой и локтевой костей – они лежали в восточной части погребения, нарушенного еще в древности. Кости, вероятнее всего, принадлежали мужчине около 50 лет (определение А.А. Евтеева). По-видимому, погребение было потревожено во время работ по новому строительству храма в 1372 г., когда древний западный притвор был разобран. В это время была разобрана южная стенка саркофага, примыкавшая к нижней части стены притвора и ее фундаменту, а погребение было сильно повреждено, но все же не было полностью разрушено и даже в какой-то степени было восстановлено: оставшаяся часть саркофага была накрыта каменной плитой. В таком виде погребение просуществовало до раскопок 1978 г., когда плита была расчищена, но не поднималась.

В зачищенном первом уровне погр. 10 было видно, что с юга его ограничивал слой развала, с

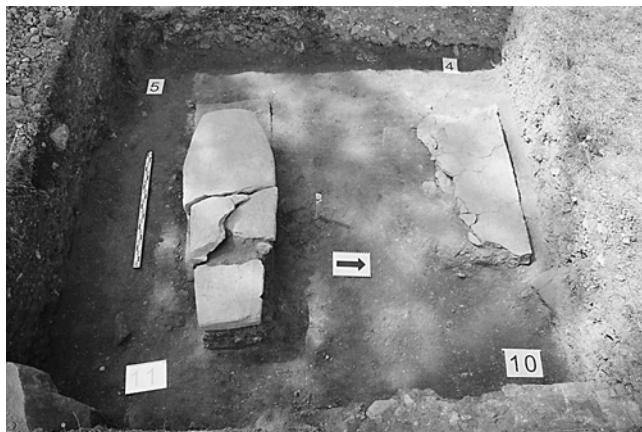

Рис. 1. Собор Пантелеймонова монастыря. Раскоп 2011 г. на месте притвора. Вид с запада. Слева – ладьевидный саркофаг погр. 9, справа – плита погр. 10.

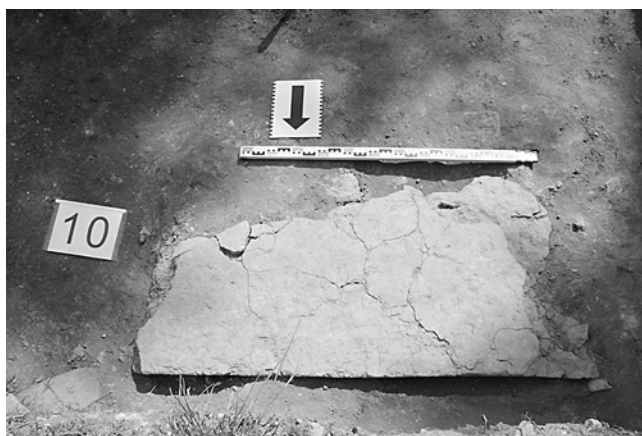
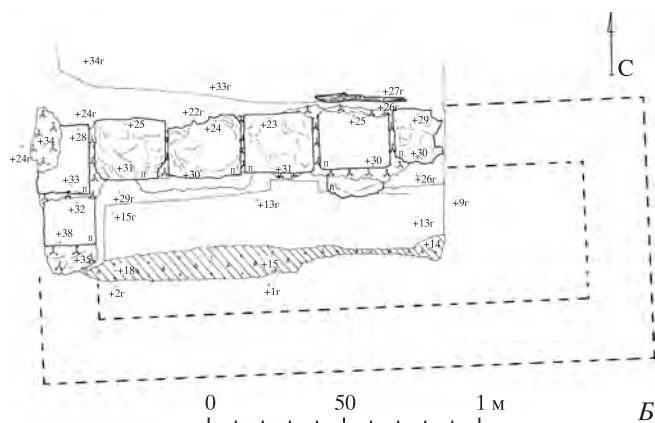

Рис. 2. Собор Пантелеймонова монастыря. Раскоп 2011 г. на месте притвора. Плита погр. 10. Вид с севера.

севера и запада – стенки, сохранившиеся на высоту от одного до трех рядов, из плинфы красного цвета, положенной в один ряд на довольно тонком известково-цемяночном растворе розового цвета; сходятся под прямым углом, с юга и востока не сохранились. Размеры сохранившейся части конструкции – 25 × 130 (внутренние) и 50 × 150 (внешние) см. В основании западной и северной стенок, положенных без фундамента, были отмечены фрагменты известково-цемяночной заливки дна плинфяного ящика, которую образовывала эта конструкция. Под заливкой был темно-серый плотный гумусированный слой. Слой известково-цемяночного щебня с юга от найденной конструкции объясняется тем, что с этой стороны стенка была разобрана (как уже было сказано, еще в XIV в., когда разбирали стены притвора); следом этой разборки и является слой щебня. Предполагаемые внешние размеры саркофага – 95 × 225 см (рис. 3, А).

А

Б

Рис. 3. Собор Пантелеймонова монастыря. Раскоп 2011 г. на месте притвора. А – саркофаг погр. 10 с ситуацией. Вид с севера; Б – саркофаг погр. 10, чертеж.

Саркофаг погр. 10 был устроен в виде заглубленной в грунт прямоугольной в плане коробки из четырех или трех стенок (возможно, восточной, обращенной к западной стене храма, стенки у саркофага не было, тогда как южная обязательно должна была быть) (рис. 3, Б). Толщина стенок – 25 см (в одну плинфу). Сверху эта коробка должна была быть накрыта каменной плитой, иногда такие плиты находились в уровне пола. Возможно, накрывавшая оставшуюся часть конструкции плита принадлежала первоначальной конструкции и лишь при ее частичном разрушении в XIV в. была использована вновь как предмет, консервирующий еще сохранившиеся части древнего погребения.

Размеры зачищенных плинф саркофага погр. 10 (в см): $5.6 \times 21 \times 25$, $4.5 \times 19 \times ?$, $6 \times 21 \times 25$, $? \times 23-24 \times 29$, $4-4.5 \times 19 \times ?$, $? \times 20-21 \times 27$, $? \times 26 \times 29$, $5-5.5 \times 21 \times 25$, $? \times 21 \times 26$, $? \times 21-21.5 \times ?$. Средние размеры плинфы, таким образом, составляют $4-5.5 \times 19-21 \times 25-27$ (29, скорее, исключение) см. Саркофаг был устроен внутри уже построенного храма 1207 г., так что аналогии плинфе, из которой он сложен, следует искать в начале XIII в.

В этот ряд вписывается и формат плинфы из саркофага погр. 10 Пантелеймонова монастыря, причем по размерам она близка плинфе ц. Рождества на Перыни и саркофагов в притворе собора

Размеры новгородской плинфы начала XIII в., см

Церковь	Год	Размеры	Источник
Пантелеймона	1207	$3.5-4.5 \times 17-19 \times 26$	Штендер, 1980. С. 86;
Параскевы Пятницы на Торгу	1207	$4-5 \times 18-19 \times 26-27$	Раппопорт, 1982б. С. 198
Никольский собор на Дворище (закладка окон)	1210-е	$4.3-4.5 \times 16-17 \times 26-27$	Штендер, 1980. С. 86; Раппопорт, 1982б. С. 198
Пятницы на Торгу (закладка окон)	1210-е	$4.5 \times 11 \times 24$	Седов, Скрипцова, 2000
Михаила Архангела на Прусской улице	1219-1224	$4.5 \times 14.5 \times 23.5$	Булкин, 1997. С. 380
Павла в Павловом монастыре	1224	$5.5 \times 13.5-14 \times 27.5-28$ $6-7 \times 14-15 \times 29.5-30$	данные И.Ю. Анкудинова
Рождества Богородицы на Перыни	1220-1230-е	$4-5.5 \times 18.5-20 \times 24.5-26$	Штендер, 1980. С. 86; Раппопорт, 1982б. С. 198
Саркофаги притвора храма Благовещенского монастыря на Мячине			
Погр. 33	2007	$4.5 \times 18-18.5 \times 26-27$	Седов и др., 2008
Погр. 38	2008	$4.5 \times 18 \times 26-27$	Седов и др., 2009

Благовещенского монастыря на Мячине. Плинфу из саркофага погр. 10 можно датировать 1220-ми годами.

Следует подчеркнуть, что саркофаг погр. 10 – единственное свидетельство существования домогольского некрополя вокруг собора (погребения XIV–XV вв., в том числе статусные, в каменном саркофаге и под массивными каменными плитами вокруг храма есть). Сам по себе дорогостоящий саркофаг из плинфы является, несомненно, индикатором высокого положения погребенного. Заметим, что он сложен не из той плинфы, из которой был построен собор 1207 г., а из более поздней, судя по формату. Промежуток между строительством собора и сооружением саркофага составляет 10 и более лет. Можно предположить, что этот саркофаг был устроен для погребения ктитора храма Пантелеймона 1207 г. Федора Пинещинича (рис. 4).

Устройство погребения ктитора не в наосе храма Пантелеймона, а в западном притворе можно объяснить тем, что внутри небольшого каменного храма (размеры – 8×12 м) не было места для устройства саркофага: расстояние от западных столбов до западной стены равняется примерно 180 см, и саркофаг длиной 225 см просто здесь не поместится. Поэтому он был устроен в притворе, размеры которого были, возможно, специально связаны с предполагавшимся здесь погребением или погребениями (если бы тут планировалась семейная усыпальница). Заметим, что в сооруженном в 1189 г. по заказу Семьюна Дыбучевича Успенском соборе соседнего с Пантелеймоновым Аркажского монастыря каменные саркофаги XII–XIII вв. тоже располагались в притворе (правда, это не плинфяные, а “сборные” саркофаги из плит; Орлов, Красноречьев, 1967. С. 69–72). Собор Пантелеймонова монастыря был построен, как мы предполагаем, по образцу собора Аркажского монастыря (хотя у первого притвор узкий, а у второго – широкий; Седов и др., 2013. С. 68, 69), так что идея устроить погребение ктитора в притворе небольшого храма могла быть заимствована из более раннего памятника.

Саркофаги из плинфы были довольно широко распространены в Древней Руси, в основном, в Южной. Сводку подобных саркофагов дала Т.Д. Панова, отнеся их к типу “кирпичных гробниц” и к виду “подземных кирпичных гробниц”. Они датируются XI – началом XIII в. и есть в храмах и около храмов Киева, Чернигова, Переяславля Южного, Полоцка, Смоленска, Рязани (Старой Рязани) и Новгорода (Панова, 2004. С. 93–98). Саркофаги этого вида мы, вслед за В.Г. Ивакиным, говорящим о “плинфяных саркофагах” (Ивакин, 2008. С. 123), предлагаем называть “подземными или подпольными плинфяными

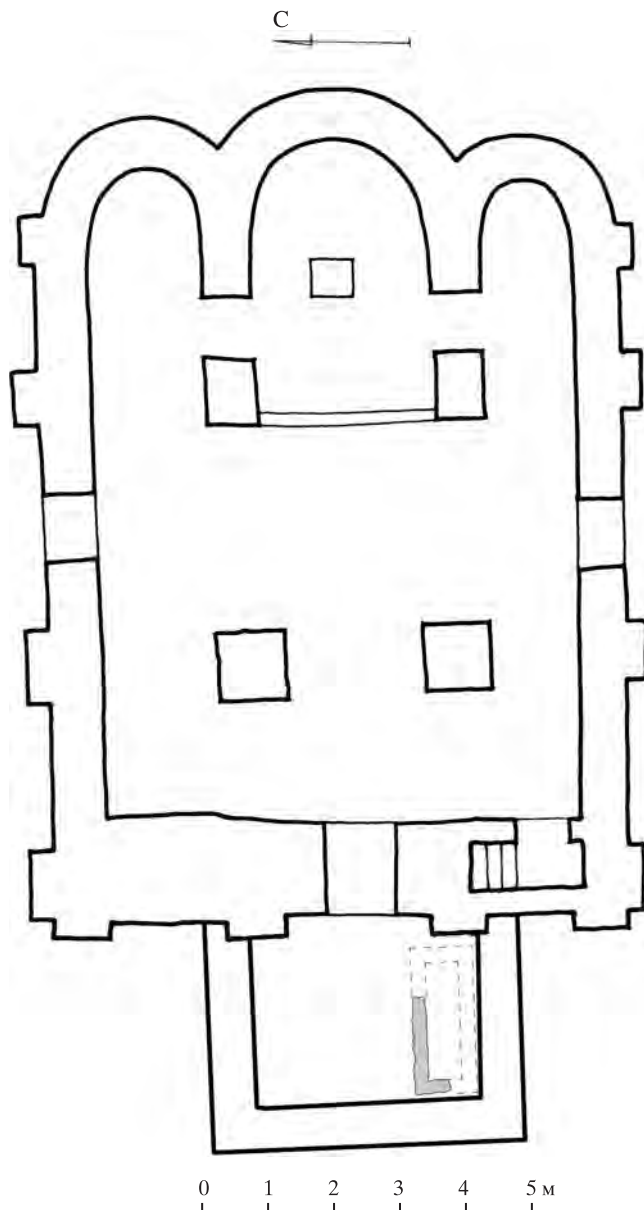

Рис. 4. Собор Пантелеймонова монастыря. План-реконструкция на 1207 г. с показанием саркофага в притворе.

саркофагами”, что позволяет отделить их от более поздних саркофагов, сложенных уже не из плинфы, а из брускового кирпича, а также от напольных кирпичных гробниц, таких, например, как гробница архиепископа Мартирия в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.

Помимо перечисленных в обобщающей работе Т.Д. Пановой южнорусских подпольных плинфяных саркофагов, мы можем указать еще на несколько подобных погребальных сооружений. В Киеве еще один плинфяной саркофаг был обнаружен в “божнице” у западного фасада Успенского собора Киево-Печерского монастыря, в котором, вероятно,

в 1109 г. была погребена княгиня Евпраксия Всеволодовна, сестра князя Владимира Мономаха. Это погребение с подпольным саркофагом из плинфы (перекрывалось, вероятно, шиферной плитой, обломки которой найдены), помещенным в сложенную из плинфы небольшую часовню, выделяется среди расположенных неподалеку погребений в сборных шиферных саркофагах (Сіткарьова, 2000. С. 127, 143–145, 158).

Два погребения в “кирпичных саркофагах” открыты при раскопках собора Федоровского Вотча монастыря в Киеве, строительство которого было начато в 1129 г. Саркофаги были сложены из “желобчатого кирпича” размером $6 \times 10 \times 23$ см, дно было выстлано кирпичом, стенки сложены на глине; авторы считают погребения в этих саркофагах княжескими и относят к XII – началу XIII в. (Килиевич, Харламов, 1989. С. 185–187).

Еще одно погребение в плинфяном саркофаге было открыто в 1990 г. у северо-восточного угла выступающей к северу части притвора ц. Спаса на Берестове в Киеве. Это было погребение женщины с подголовником, устроенным из битой плинфы и цемяночного раствора (Ивакин, 2008. С. 113, 114. Рис. 5).

В Новгороде плинфяные саркофаги встречаются редко, они датируются временем от второй половины XII – до первой трети XIII в. Т.Д. Панова указала на три памятника, в которых имеются подобные погребальные сооружения: два были найдены в ц. Бориса и Глеба в Детинце, три – в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, два – в Мартирьевской паперти Софийского собора (2004. С. 97). Надо отметить, что количество памятников этого типа в Новгороде можно скорректировать.

Есть сведения о том, что плинфяные саркофаги были в ц. Бориса и Глеба в Новгородском Детинце. Следует отметить, что авторы раскопок 1940 г. не различали плинфяную и кирпичную кладки, а потому если в публикации написано “представляют интерес два саркофага, выложенные из кирпича (погр. 122 и 128)” (Строков, 1945. С. 68), то у нас нет полной уверенности в том, что это за сооружения: поздние кирпичные гробницы XVI–XVII вв. или все же плинфяные саркофаги домонгольского периода? Добавим также, что в Мартирьевской паперти Софийского собора предположительно существовали две плинфяные гробницы, перекрытые плитами (Янин, 1988. С. 82, 87). Но во время наших раскопок 1999 г. саркофаги домонгольского времени в северо-западном углу не были обнаружены, а также выяснилось, что два кирпичных склепа в северо-западном углу паперти были сооружены в XVI–XVII вв.

Рис. 5. Церковь Благовещения на Мячине в Новгороде. Раскопки 2007 г. Парный плинфяной саркофаг в северо-западной части. Вид с запада.

Зато в Георгиевском соборе Юрьева монастыря М.К. Каргером действительно были обнаружены три подобных плинфяных саркофага: один – в средней части нартекса, два других, представлявшие собой парный саркофаг, – в северной (погр. V и VI). В парном саркофаге, по предположению М.К. Каргера, были погребены посадник Мирошка Нездичин, умерший в 1203 г., и его сын, посадник Дмитрий Мирошкинич, умерший в 1207 г., а в погр. VII с плинфяным саркофагом – посадник Семен Борисович, убитый в 1230 г. (Каргер, 1946. С. 207–211, 220–222; последнюю атрибуцию В.Л. Янин отрицает: 1988. С. 98–101). Заметим, что по данным М.К. Каргера, все плинфяные саркофаги Георгиевского собора относятся к началу XIII в.

Еще один парный плинфяной саркофаг с остатками одной из каменных крышек, покрывавших его, был обнаружен нами во время раскопок в соборной церкви новгородского Благовещенского на Мячине монастыря (рис. 5). Саркофаг был расположен в северной части западной трети церкви. Храм в этом монастыре был сооружен в 1179 г., а размеры плинфы этого парного саркофага совпадают с размерами плинфы храма, тем самым саркофаг можно уверенно датировать временем около или сразу после 1179 г. (Седов и др., 2008).

А в западном притворе того же Благовещенского храма были найдены два саркофага (рис. 6; 7), сложенные из плинфы (табл.), судя по ее размерам, в начале XIII в. (Седов и др., 2008; 2009).

Как видим, плинфяные саркофаги появились в Новгороде в последней четверти XII в. и сооружались также в первой трети XIII в. Ареал их распространения в Новгородской земле и на Северо-Западе в целом ограничен одним Новгородом, что говорит

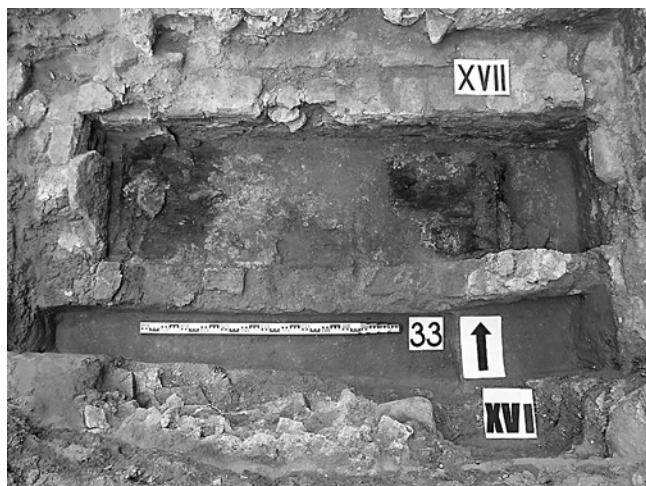

Рис. 6. Церковь Благовещения на Мячине в Новгороде. Раскопки 2007 г. Плинфяной саркофаг погр. 33 в притворе. Вид сверху.

Рис. 7. Церковь Благовещения на Мячине в Новгороде. Раскопки 2008 г. Плинфяной саркофаг погр. 38 в притворе. Вид сверху и с юга.

о том, что это были исключительные сооружения, сам тип которых заимствован.

Мы уверенно можем утверждать, что традиция устройства погребений в подпольных плинфяных саркофагах связана, прежде всего, с Южной Русью, где она получила наибольшее распространение, причем раньше, чем в Новгороде. По нашему мнению, в Новгороде плинфяные саркофаги появились как развитие южнорусской традиции, также как сборные из шести известняковых плит саркофаги Новгорода – развитие подобных же сборных шиферных (пироксилитовых) саркофагов Южной Руси. Кажется, что погребальная традиция саркофагов Древней Руси вообще поначалу развилась на Юге, а потом перешла на Север, в Новгородскую землю.

Можно предположить, что все типы каменных саркофагов пришли на Русь из Византии, но наши знания о погребальной культуре Византии пока очень ограничены. Мы можем указать только на несколько примеров плинфяных саркофагов из Болгарии, находившейся в период Первого Болгарского царства под сильным культурным влиянием Византии. Они были найдены в Преславе, тогдашней столице Болгарии: гробница IX–X вв., расположенная в северной части притвора небольшой церкви в местности Мостич (Георгиев, 1993. С. 89, 98. Рис. А); гробница, обнаруженная в средней части притвора Средней монастырской церкви, бывшей, вероятно, собором монастырского комплекса, называемого Дворцовым монастырем (Тотев, 1998. С. 38, 39. Обр. 4а. Табл. III). Она была сложена из “квадратного и прямоугольного кирпича” (т.е. плинфы), вероятно, для ктитора монастыря и может быть датирована IX–X вв. Т. Тотев, издатель сведений о монастыре и гробнице приводит три аналогичные гробницы в самом Преславе и его окрестностях, принадлежавшие той же эпохе и выполненные в той же технике: в церквях 3 в местности Селище (Шкорпил, 1930. Табл. XVIII. Обр. 1), 8 в городском парке (во внешнем городе Преслава) и в церкви на левом берегу Румской реки (Тотев, Георгиев, 1979. Обр. 16).

Известны плинфяные саркофаги в церкви монастыря Мирелейон (Striker, 1981) в Константинополе (Стамбуле); они помещаются в подклете храма и сложены в конце XIII – начале XIV в., когда этот храм стал усыпальницей одной из ветвей императорской семьи Палеологов.

Особым вариантом плинфяных гробниц можно считать сооружения, в которых в одну конструкцию включено несколько саркофагов, расположенных по сторонам прохода или с одной стороны от него. Они делались в монастырях и были, видимо, связаны с обычаем погребения монахов на какой-то срок и дальнейшим изъятием костей и помещением их в особые хранилища (костницы). Такие конструкции, обычно расположенные в первых этажах церквей (под храмом) или в особых сооружениях при храме, или под нартексом, известны как в самой Византии, так и в Болгарии, в XI–XII вв. входившей в состав Византии. Подземная гробничная постройка с шестью плинфяными саркофагами, помещенными в аркосолии, была открыта к северу от средней церкви Дворцового монастыря в Преславе и вместе с саркофагами датируется X в. (Тотев, 1998. С. 39–43. Обр. 4а, 10. Табл. VI).

Но подобные гробницы из плинфы, перекрытые плитами, характерны для Восточно-Римской империи: известны такие гробницы позднеантичного

времени (IV в.) в грунтовом некрополе близ болгарского с. Сандански (Кузманов, 1978. С. 14, 15). В конечном счете, традиция устройства подобных саркофагов из плинфяных стен и перекрывающих их плит восходит еще к эллинистическому периоду древнегреческой цивилизации или к римскому времени, свидетельством чему могут служить фракийские погребения I–III вв. н.э. в Болгарии, вокруг Стары Загоры, в которых обнаружены подобные саркофаги (Буюклиев, 1973. С. 35–44).

Этот беглый очерк дает некоторое представление о той давней и широкой традиции устройства плинфяных саркофагов, которая, зародившись в Античности, перешла в Византию, а затем была перенесена на Русь. Из Южной Руси этот тип саркофага пришел и в Северную, в Новгород, где появился относительно поздно, во второй половине XII в., и получил некоторое распространение в начале XIII. К этой традиции принадлежит и частично сохранившийся, но все же очень легко реконструируемый саркофаг, обнаруженный в притворе собора Пантелеймонова монастыря, содержавший, вероятно, останки ктитора каменного храма Пантелеймона 1207 г. Федора Пинещинича, умершего, по-видимому, в 1220-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булкин В.А. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 377–392.
- Буюклиев Х. Тракийски могилини погребения от околностите на Стара Загора // Археология. 1973. Кн. 4. С. 35–44.
- Георгиев П. Классификация и характер на гробничните постройки и съоръжения в Преслав // Преслав. 1993. Сб. 4. С. 79–106.
- Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и “погребение Юрия Долгорукого” // РА. 2008. № 2. С. 107–117.
- Івакін В.Г. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ: КИТ, 2008. 272 с.
- Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. № VIII. С. 175–224.
- Кирилович С.Р., Харламов В.А. Исследование храма Вотча Федоровского монастыря в Киеве // Древние славяне и Киевская Русь / Ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1989. С. 180–188.
- Кузманов Г. Късноантичен некропол в Сандански // Археология. 1978. Кн. 1. С. 11–19.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова // ПСРЛ. Т. 3. М.; Л.: АН СССР, 1950. 576 с.
- Орлов С.Н., Красноречьев Л.Е. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси: Сб. статей в честь профессора М.К. Каргера / Отв. ред. Артамонов М.И. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 69–81.
- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 183 с.
- Ратнопорт П.А. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. 1982а. Вып. 172. С. 79–82.
- Ратнопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1982б. Вып. 1(11). С. 189–202.
- Седов Вл.В. О ранней истории новгородского Пантелеймонова монастыря // Древняя Русь. 2011. № 4. С. 13–31.
- Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Мерзлютина Н.А. Раскопки Благовещенского монастыря на Мячине и собора Пантелеймонова монастыря в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 38–52.
- Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Мерзлютина Н.А. Работы Новгородского архитектурно-археологического отряда НАЭ в 2008 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 162–174.
- Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Мерзлютина Н.А. Архитектурно-археологические раскопки Пантелеймонова и Благовещенского на Мячине монастырей и разведки средневековых каменных зданий в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф., посв. 80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского, Великий Новгород. Вып. 27: 22–24 января, 2013. Великий Новгород, 2013. С. 60–79.
- Седов Вл.В., Скрицова Е.В. Закладка окон Николо-Дворищенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Архив архитектуры. Вып. XI: Новгородские древности. Вып. 5. М., 2000. С. 5–23.
- Ситкарёва О.В. Успенский собор Киево-Печерской Лавры. Київ, 2000. 232 с.
- Строков А.А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИ-ИМК. 1945. Вып. XI. С. 65–72.
- Тотев Т. Дворцовият манастир в Преслав. Шумен, 1998.
- Тотев Т., Георгиев П. Две църкви в Преслав // Плиска-Преслав. Т. 1. София, 1979. С. 46–57.
- Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: АН СССР, 1938. 374 с.
- Шкортил К. Паметници от столица Преслав / България 1000 г. София, 1930. С. 197, 198.
- Штендер Г.М. “Деисус” Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. С. 77–92.
- Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Striker C.L. The Mirelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981. 134 p.

THE SARCOPHAGUS FROM A PLINTHIFORM BRICK IN THE CATHEDRAL OF NOVGOROD SAINT PANTELEIMON MONASTERY

Vladimir V. Sedov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (sedov1960@mail.ru)

The article is devoted to the sarcophagus which was found during the excavation works of the St. Panteleimon Monastery in Novgorod Velikiy. The sarcophagus is made of a Byzantine brick (a plinthiform brick) which, probably, had been built in 1220-s for the ktitor of the Monastery church boyar Fyodor Pineshchinich. Such sarcophagi came to Novgorod from the South Rus and according to the author are very rare in Novgorod. They have a Byzantine origin.

Key words: Novgorod Velikiy of the 12th–13th cc., sarcophagi from a plinthiform brick, brick's formats, burials in temples.

REFERENCES

- Bulkin V.A.*, 1997. Tserkov' Mikhaila Arkhangela na Prusskoy ulitse v Novgorode i novgorodskoe zodchestvo nachala XIII v. [The Church of the Archangel Michael in the street Prusskaya in Novgorod and Novgorod art of the beginning of the 13th century]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rus'. Vizantiya. Balkany. XIII vek [Old Russian Art. Rus. Byzantine. The Balkans. 13th century]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. P. 377–392.
- Buyukliev Kh.*, 1973. Trakiyski mogilni pogrebeniya ot okolnostite na Stara Zagora [Thracian barrow from the vicinity of the settlement Staraya Zagora]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4. P. 35–44.
- Georgiev P.*, 1993. Klassifikatsiya i kharakter na grobnichnite postroyki i s"or"zheniya v Preslav [Classification and character of the tomb construction in Preslav]. *Preslav [Preslav]*, 4. P. 79–106.
- Ivakin G.Yu.*, 2008. Nekropol' tserkvi Spasa na Berestove v Kieve i "pogrebenie Yuriya Dolgorukogo" [Necropolis of the church of the Saviour at Berestov in Kyiv and "the burial of Iurii Dolgorukii"]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 2. P. 107–117.
- Ivakin V.G.*, 2008. Khristiyans'ki pokhoval'ni pam'yatki davn'orus'kogo Kieva [Christian burial sites of the Old Russian Kyiv]. Kiiv: KIT. 272 p.
- Karger M.K.*, 1946. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) [Excavation works and restoration in the George Cathedral of Iuriev Monastery in Novgorod (1933–1935)]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, VIII. P. 175–224.
- Kilievich S.R., Kharlamov V.A.*, 1989. Issledovanie khrama Votcha Fedorovskogo monastyrya v Kieve [Research of the temple Votcha of the Fyodorovo Monastery in Kyiv]. *Drevnie slavyane i Kievskaya Rus' [Ancient Slavs and Kyiv Rus']*. P.P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka. P. 180–188.
- Kuzmanov G.*, 1978. K"snoantichen nekropol v Sandanski [Ancient necropolis in Sandansk]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1. P. 11–19.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of old and young recensions], 1950. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 3. A.N. Nasonov, ed. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 576 p.
- Orlov S.N., Krasnorech'ev L.E.*, 1967. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Arkazhskogo monastyrya pod Novgorodom [Archaeological researches on the place of Arkazskiy Monastery near Novgorod]. *Kul'tura i iskusstvo Drevney Rusi: sbornik statey v chest' professora M.K. Kargera [Culture and art of Ancient Rus: collection of papers in the honor of Prof. M.K. Karger]*. M.I. Artamonov, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. P. 69–81.
- Panova T.D.*, 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov [Kingdom of death. Funeral rite of medieval Rus of the 11th–16th cc.]. Moscow: Radunitsa. 183 p.
- Rappoport P.A.*, 1982a. Arkheologicheskie issledovaniya pamyatnikov drevnego novgorodskogo zodchestva [Archaeological researches of sites of ancient Novgorod art]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical collection]*, 1(11). P. 189–202.
- Rappoport P.A.*, 1982b. Tserkov' Panteleymona v Novgorode [Church of Panteleimon in Novgorod]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 172. P. 79–82.
- Sedov V.I.*, 2011. O ranney istorii novgorodskogo Panteleymonova monastyrya [On the early history of Novgorod Panteleimon Monastery]. *Drevnyaya Rus' [Ancient Rus]*, 4. P. 13–31.
- Sedov V.I., Skriptsova E.V.*, 2000. Zakladka okon Nikolo-Dvorishchenskogo sobora v Novgorode v nachale XIII v. [Windows laying of Nikolo-Dvorishchenskiy Cathedral in Novgorod in the beginning of the 13th century]. *Arkhiv*

- arkhitektury [Architectural archive], XI. Novgorodskie drevnosti [Novgorod antiquities], 5. Moscow. P. 5–23.*
- Sedov V.I., Vdovichenko M.V., Merzlyutina N.A., 2008. Raskopki Blagoveshchenskogo monastyrya na Myachine i sobora Panteleymonova monastyrya v 2007 g. [Excavations of the Cathedral of Annunciation on Miachin and Panteleimon Cathedral in 2007]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the Scientific Conference], 22. Velikiy Novgorod. P. 38–52.*
- Sedov V.I., Vdovichenko M.V., Merzlyutina N.A., 2009. Raboty Novgorodskogo arkhitekturno-arkheologicheskogo otryada NAE v 2008 godu [Works of Novgorod architectural and archaeological group in 2008]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the Scientific Conference], 23. Velikiy Novgorod. P. 162–174.*
- Sedov V.I., Vdovichenko M.V., Merzlyutina N.A., 2013. Arkhitekturno-arkheologicheskie raskopki Panteleymonova i Blagoveshchenskogo na Myachine monastyrey i razvedki srednevekovykh kamennykh zdaniy v 2012 g. [Architectural and archaeological excavations of Panteleimon and Annunciation on Miachin Monasteries in 2012]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the Scientific Conference], 27. Velikiy Novgorod. P. 60–79.*
- Shakhmatov A.A., 1938. Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. [Review of Russian chronicles of the 14th–16th cc.]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 374 p.
- Shkorpil K., 1930. Pametnitsi ot stolitsa Preslav [Sites of the capital Pereslav]. *B''lgariya. 1000 godini [Bulgary. 1000 years]. Sofiya. P. 197, 198.*
- Shtender G.M., 1980. “Deisus” Martir'evskoy paperti Sofiyskogo sobora v Novgorode [“Dejesus” of Martirevskiy porch of the Sophia Cathedral in Novgorod]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Monumental'naya zhivopis' XI–XVII vv. [Ancient Art. Monumental painting of the 11th–17th cc.]. Moscow: Nauka. P. 77–92.*
- Sitkar'ova O.V., 2000. Uspens'kiy sobor Kievo-Pechers'koi Lavri [The Cathedral of the Assumption of the Kiev-Pecherskaya Laura]. Kiiv. 232 p.
- Spokov A.A., 1945. Raskopki v Novgorode v 1940 g. [Excavations in Novgorod in 1940]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [BCIH-MC], XI. P. 65–72.*
- Striker C.L., 1981. The Mirelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 134 p.
- Totev T., 1998. Dvortsoviyat manastir v Preslav [Palace monastery in Preslav]. Shumen: Antos. 138 p.
- Totev T., Georgiev P., 1979. Dve ts'rkvi v Preslav [Two churches in Preslav]. *Pliska-Preslav [Pliska-Preslav], 1. Sofiya. P. 46–57.*
- Yanin V.L., 1988. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora [Necropolis of the Sophia Cathedral]. Moscow: Nauka. 240 p.

ВИСЛЫЕ АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ ИЗ РАСКОПОК В ЯРОСЛАВЛЕ

© 2016 г. А.В. Энговатова, П.Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва (engov@mail.ru, russianchange@yandex.ru)

В 2004–2013 гг. экспедицией Института археологии РАН в ходе широкомасштабных раскопок на территории ярославского кремля были обнаружены четыре вислые свинцовые печати, датирующиеся XII – первой третью XIII в. Три печати – княжеские, одна – церковная. По мнению авторов статьи, одна княжеская печать принадлежала Всеволоду Константиновичу (1210–1238), первому ярославскому князю; другая – Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо (1154–1212), его сыну Юрию Всеволодовичу (1188–1238) или внуку Всеволоду Юрьевичу (1213–1238); третья не атрибутирована. Владелец церковной печати был смоленский епископ Афанасий, занимавший кафедру после 1226 г.

Ключевые слова: Ярославль, ярославский кремль, вислые печати, Всеволод Константинович, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, Юрий Всеволодович, Всеволод Юрьевич, смоленский епископ Афанасий.

В литературе уже отмечалась редкость находок актовых печатей в городах центральных районов Ростово-Суздальской земли. Так, в Суздале за всю историю его археологического изучения в XX в. были найдены лишь две печати, во Владимире – шесть печатей, в Ростове – две (Макаров, Гайдуков, 2013. С. 224). В последнее десятилетие коллекция сфрагистических материалов в этом регионе пополнилась новыми древнерусскими и византийской буллами XII – начала XIV в., обнаруженными при раскопках во Владимире и, впервые, в Переславле-Залесском (Родина, 2007; Костылева, Уткин, 2007; Уткин, Костылева, 2015; Макаров и др., 2015). Впервые найдены печати и в Ярославле, но до настоящего времени были опубликованы лишь фотографии и краткие сведения о двух из них (Археология древнего Ярославля..., 2012. С. 58).

В 2004–2013 гг. ИА РАН проводились спасательные археологические исследования на территории ярославского кремля – древнейшей части города, расположенной на стрелке р. Волги и Которосли и ограниченной с северо-запада Медведицким оврагом (так называемая Стрелка или Рубленный город). Общая площадь раскопок составила более 8000 м² (рис. 1).

В ходе работ на трех крупнейших раскопах (“Успенский, 2004–2006 гг.”; “Рубленный город, 2007–2008 гг.”; “Волжская наб., д. 1, 2007–2011 гг.”) были исследованы многочисленные археологические объекты, относящиеся к разным этапам существования Ярославля, в том числе постройки, содержавшие вещевые материалы XII – начала XIII в., а также участки городских фортификационных сооружений XI–XII вв. (Энговатова, 2006;

2012; Энговатова и др., 2009; Карпухин и др., 2011; Engovatova et al., 2012).

Нужно отметить, что именно на территории кремля были обнаружены артефакты, дополнительно свидетельствующие о статусности данного участка в пределах Ярославля. Многочисленные раскопки на территории других районов города за пределами кремля подобных материалов не дали (Аграфонов и др., 2009). Это как фрагменты импортных стеклянных сосудов, так и впервые найденные в Ярославле четыре вислые свинцовые печати, которым посвящена настоящая публикация.

На раскопе Волжская наб., д. 1 (раскопки А.В. Энговатовой) в 2010 г. были найдены две печати (рис. 1). Они находились в 9 м друг от друга, в верхней части культурного слоя с многочисленными перекопами. Здесь содержалось значительное количество артефактов и керамические материалы разных периодов, в том числе XI–XIII вв. В нижних непо потревоженных слоях раскопа были вскрыты деревянные постройки начала – первой трети XIII в. Таким образом, стратиграфическая привязка булл из данного раскопа малоинформативна.

Первая булла из раскопа Волжская наб., д. 1–2010 относится к разряду печатей с изображением святых на обеих сторонах, который является самым представительным среди русских печатей XII–XIII вв. (Янин, 1970. С. 193–216; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 129–148). К концу XX в. насчитывалось более 600 подобных булл, оттиснутых 180 парами матриц (Белецкий, 2001. С. 60). Еще Н.П. Лихачев доказал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (1928. С. 52, 53; Белецкий, 2001. С. 60).

г. Ярославль.

Схема центральной части города

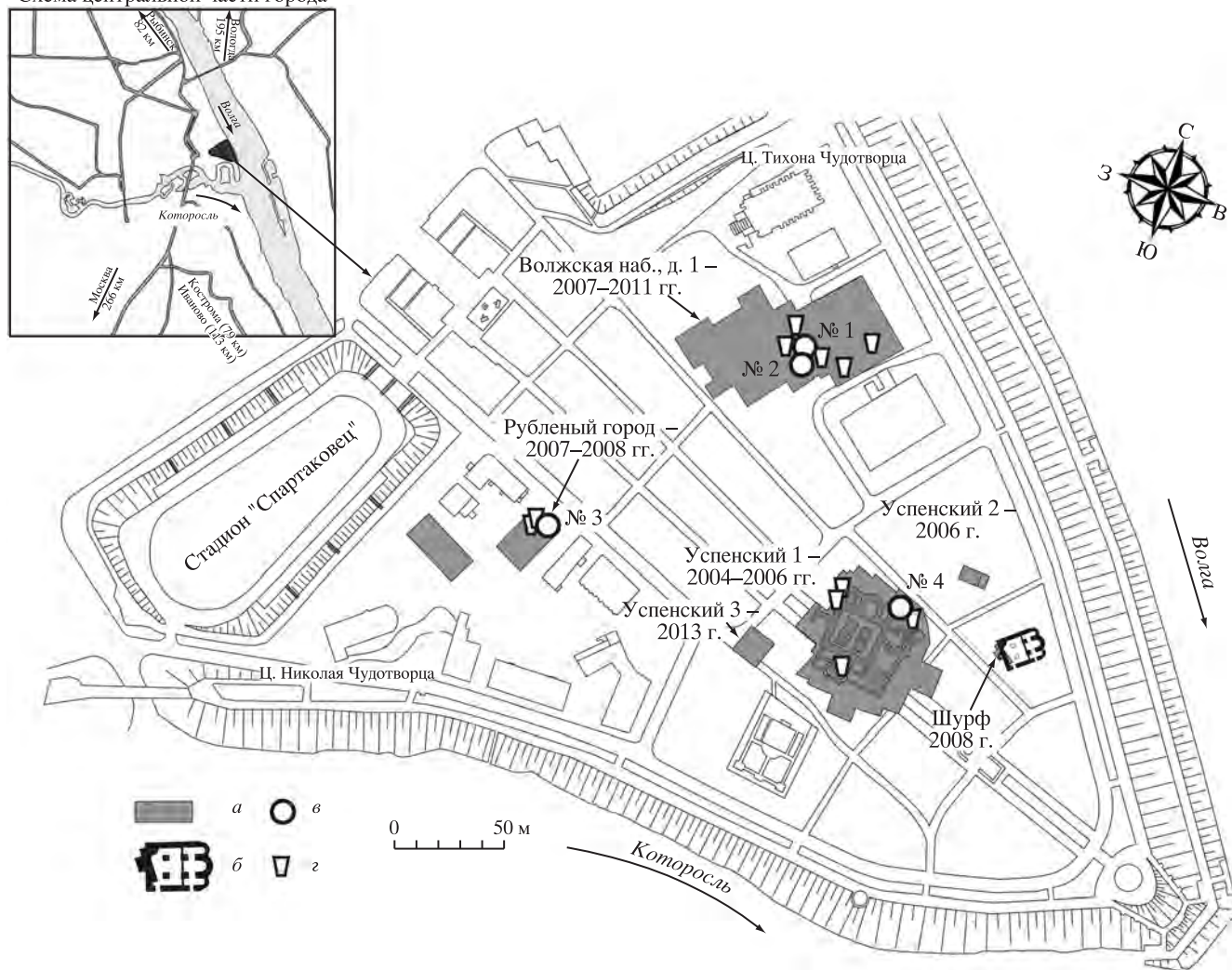

Рис. 1. Раскопки ИА РАН на территории древнего кремля г. Ярославля. План. Условные обозначения: *a* – раскопки ИА РАН 2004–2013 гг.; *b* – предполагаемое местоположение собора XVI в. (в засыпке технологического пространства с внешней стороны его фундамента найдены крупные блоки плинфяной кладки с раствором от церкви 1215 г.); *v* – места находок печатей; *z* – места находок фрагментов импортных стеклянных сосудов.

На одной стороне печати в линейном ободке помещена фигура св. Иоанна Предтечи в полный рост, правая рука поднята вверх в благословляющем жесте, в левой – развернутый свиток. По сторонам сокращенная надпись $\text{I}\omega(\acute{\alpha}\nu\eta\eta\varsigma)$ и монограмма (Прѣдрѣоꙋс). На другой стороне в линейном ободке помещена фигура св. Константина в рост в полном императорском облачении, в правой руке – крест на длинном древке, в левой – развернутый свиток. По сторонам – колончатая надпись АГИОС – КО(С)-ТЯНТИН. Оттиснута на круглой литой заготовке со сквозным каналом. Диаметр печати – 23,5–25 мм, толщина – 2,5 мм (рис. 2, *A*, *I*; *B*, *I*). По нумерации Корпуса “Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” получила № 213А (таблица, № 1).

Подобная печать обнаружена впервые. Она принадлежала князю с крестильным именем Иоанн или Константин (т.е. Иоанну Константиновичу или Константину Иоанновичу), но ее смело можно отнести к первому из них. Всеволод (Иоанн) Константинович (1210–1238) – второй сын великого князя Владимирского Константина Всеволодовича (1185–1218) и внук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1154–1212). Всеволод Константинович, получивший после смерти отца в удел Ярославль, считается первым ярославским князем. Погиб в битве с монголами на р. Сить 4 марта 1238 г. (Экземплярский, 1891. С. 65–69). Известны печати его отца, Константина Всеволодовича, княжившего в Новгороде в 1205–1208 гг. На них изображены в

А

Б

Рис. 2. Печати из Ярославля: А – фото в двойном увеличении; Б – прорись в натуральную величину.

Описание и паспортные данные вислых свинцовых печатей из раскопок в Ярославле

№ п/п	№ по своду	Краткое описание (атрибуция, датировка)	Раскоп, год находки	Уч.	№ п/о	Кв.	Гл., см	Размер, мм	Рис.
1	213А	<i>Л.с.</i> Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост. <i>О.с.</i> Изображение св. Константина в полный рост. Ярославский князь Всеволод Константинович (1210–1238)	Волжская наб., д. 1, 2010	14	1	43	–261	25 × 23.5 × 2.5	2, <i>А, 1</i> ; <i>Б, 1</i>
2	335в	<i>Л.с.</i> Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. <i>О.с.</i> Изображение процветшего шестиконечного креста. Атрибуция не установлена	Волжская наб., д. 1, 2010	13	2	24	–265	22 × 21.5 × 3	2, <i>А, 2</i> ; <i>Б, 2</i>
3	636-1	<i>Л.с.</i> Пятистрочная надпись: АФАНА СИЕП ТЬ СМОЛИ НСКЫ И. <i>О.с.</i> Погрудное изображение Богоматери “Знамение”. Смоленский епископ Афанасий (после 1226)	Рубленый город II, 2008	–	900	40	–310	22 × 20 × 2.5	2, <i>А, 3</i> ; <i>Б, 3</i>
4	212а-4	<i>Л.с.</i> Изображение св. Димитрия в полный рост с копьем в правой руке и щитом в левой. <i>О.с.</i> Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и щитом в левой. Князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212) или князь Всеволод Юрьевич (его внук, 1213–1238)	Успенский I, 2005	5П	1198	203	–173	16 × 9 × 2.5 (фрагмент)	2, <i>А, 4</i> ; <i>Б, 4</i>

полный рост свв. Константин и Димитрий Солунский (Янин, 1970. С. 206. № 201, 202).

Вполне вероятно, что печать Всеволода Константиновича была найдена неподалеку от его княжеского двора, упоминающегося в Никоновской летописи под 1221 г.¹ Стоит отметить, что в ходе археологических исследований 2008 г. к востоку от раскопа Волжская наб., д. 1, в юго-восточной части кремля был локализован участок наиболее возможного расположения Успенской церкви 1215 г. (Энговатова, Яганов, 2008; 2011).

Вторая печать, происходящая из данного раскопа, принадлежит к разряду булл с изображениями различных святых на одной стороне и Христа (или символического ему изображения процветшего или простого креста) – на другой (Янин, 1970. С. 224–226; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 155–158). Эти печати, как и буллы с изображением святых на обеих

сторонах, принадлежали русским князьям. Лишь печати с изображением Богоматери, также входящие в этот разряд, относятся к сфере церковного делопроизводства (Лихачев, 1928. С. 51, 52; Янин, 1970. С. 150–153). Для большинства печатей этого разряда на современном уровне развития русской сфрагистики персональная атрибуция невозможна.

На одной стороне печати в точечном ободке помещена фигура св. Иоанна Богослова в полный рост, правая рука – у груди в благословляющем жесте, в левой – свиток или кодекс. По сторонам колончатая надпись $\text{O } \acute{\alpha}\gamma(\iota)\text{o } \text{I}\omega - \Theta\epsilon\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron(\varsigma)$. На другой стороне в точечном ободке помещено изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам в центральной части – надпись IC-XC (под титлами), та же надпись повторена в зеркальном изображении у верхней перекадины креста. Матрицы печати изготовлены очень искусным мастером. Оттиснута на круглой литой заготовке со сквозным каналом. Диаметр печати – 21.5–22 мм, толщина – 3 мм (рис. 2, *А, 2*; *Б, 2*). По нумерации Корпуса “Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” получила № 335в (таблица, № 2).

¹ “Того же лета погоре град Ярославль мало не весь, и церквей згоре 17; двор же князь милостию Божиею и молитвою блаженного князя Константина Всеволодича избавлен бысть от огня” (Летописный сборник..., 1965. Т. X. С. 87).

Печать таких матриц обнаружена впервые. Точная персональная атрибуция ее затруднена, поскольку изображения на булле не дают к тому достаточно сведений. Она принадлежала какому-то князю Иоанну, жившему во второй половине XII – начале XIII в. Относить ее к ярославскому князю Всеволоду Константиновичу не представляется возможным. Во-первых, на печати изображен Иоанн Богослов, а не Иоанн Креститель; во-вторых, стилистически изображение тяготеет к более ранним княжеским печатям.

Из аналогий публикуемой печати можно перечислить лишь две буллы: одна, чрезвычайно близкая по композиции изображений, происходит из Белоозера; вторая, матрицы которой вырезаны менее искусным резчиком, найдена в Новгороде на Троицком раскопе (Гайдуков, Янин, 2004. С. 149, 155. № 335б. Рис. 18; Янин, Гайдуков, 1998б. С. 348, 342. № 335а. Рис. 20).

Из раскопа Рубленый город II–2008 (раскопки А.В. Энговатовой) происходит печать с пятистрочной надписью “АФАНАСИЙ ЕПИСКОП СМОЛЕНСКИЙ” и погрудным изображением Богоматери Оранты. Она залегала в темно-коричневом слое со щепой, который датируется первой половиной XIII в. Печать изготовлена необычным способом. Она оттиснута на согнутой пополам тонкой (около 1 мм) свинцовой пластине, которую после оттиска подрезали по краю вдоль ободков, придав печати округлую форму. В месте сгиба пластина осталась нетронутой, этот ровный край хорошо виден справа от фигуры Богоматери. Диаметр печати – 20–22 мм, толщина – около 2.5 мм (рис. 2, А, 3; Б, 3). По нумерации Корпуса “Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” она получила № 63б-1 (таблица, № 3).

Изображение на печати свидетельствует о ее принадлежности иерархам Русской православной церкви, а легенда называет имя и статус владельца. Сохранилось мало сведений о ранней истории смоленской епархии, основанной в 1136 г. Список смоленских епископов домонгольской поры насчитывает восемь имен. Среди них имеется Афанасий, который стоит между Лазарем (умер до 1225/1226) и Иоанном (Архиереи Русской православной церкви..., 1995. С. 667). Годы занятия смоленской кафедры Афанасия и год его смерти неизвестны, как и у сменившего его Иоанна. Поэтому датировать епископство Афанасия следует временем после 1226 г.

Кроме ярославской находки известны еще две неопубликованные печати, оттиснутые той же парой матриц, но на обычных литых свинцовых заготовках со сквозным каналом. Одна из них происходит из Починковского р-она Смоленской обл. (зарегистрирована в 2007 г.), вторая найдена на

городище Вщиж (Жуковский р-он Брянской обл., зарегистрирована в 2009 г.).

Опубликованы печати следующих смоленских епископов: Мануила (поставлен в 1136, упоминается вплоть до 1168; три печати от двух пар матриц) и Лазаря (первая четверть XIII в., умер до 1225/1226; одна печать) (Янин, 1970. С. 57, 58, 178. № 63-1, 63-2; Янин, Гайдуков, 1998а. С. 36, 37, 120. № 63а; 2001. С. 183, 194. № 63Аа. Рис. 3). Кроме этого известны еще несколько неопубликованных печатей смоленских владык (зарегистрированы в 2005–2015 гг.): три печати Мануила (№ 63-3, 63-4, 63-5), две печати от одной пары матриц Симеона I (упоминается в 1197; № 63Аб-1, 63Аб-2) и две печати от одной пары матриц св. Игнатия I (упоминается в 19.03.1205; № 63Ав-1, 63Ав-2).

Таким образом, на сегодняшний день древнерусская сфрагистика располагает 14 печатями (оттиснуты 6 парами матриц) 5 из 8 смоленских епископов домонгольской поры. Неизвестными остаются печати Константина (упоминается в 1180), Иоанна и св. Меркурия (умер в 1239).

Булла из Успенского раскопа обнаружена в 2005 г. (раскопки Д.О. Осипова). Она, как и первая из описанных, относится к разряду княжеских печатей XII–XIII вв. с изображением святых на обеих сторонах. Булла залегала в слое темно-серой супеси со значительной примесью угля, который датируется первой половиной XIII в.

Печать имеет плохую сохранность. Она сильно потерта, верхняя часть (более четверти печати) в древности отрезана. Однако ее удалось атрибутировать благодаря наличию еще семи печатей (три из них опубликованы), оттиснутых теми же матрицами. На одной стороне этих булл в линейном ободке помещена фигура св. Димитрия в полный рост с копьем в правой руке и щитом в левой. По сторонам – колончатая надпись (видна лишь справа) (О ДИМИ) – ТРИО. На другой стороне в линейном ободке представлена фигура св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам колончатая надпись ОАГИ(ОС) – ГЕОР(ГИ). Ярославская печать оттиснута на круглой литой заготовке со сквозным каналом. Ее диаметр – 16–9 мм (фрагмент), толщина – 2.5 мм (рис. 2, А, 4; Б, 4; прорись выполнена по опубликованным ранее печатям). По нумерации Корпуса “Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” она получила № 212а-4 (таблица, № 4).

Печать принадлежала князю с крестильным именем Дмитрий или Георгий (т.е. Дмитрию Георгиевичу или Георгию Дмитриевичу). Опубликованные печати отнесены к Всеволоду (Дмитрию) Юрьевичу

(1213–1238), сыну великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича и внуку Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 47, 48, 142. № 212а-1, 212а-2; Гайдуков, Янин, 2007. С. 153. № 212а-3).

Атрибуция печатей с изображениями свв. Димитрия Солунского и Георгия, но двух других пар матриц, была предложена В.Л. Яниным в 1970 г. на основании того, что Всеволод Юрьевич дважды по полгода княжил в Новгороде (в 1222 и 1224 гг.), и две из трех известных к тому времени печатей происходили из этого города (Янин, 1970. С. 99, 106, 208. № 211, 212). Позже еще две печати, описанные в Корпусе “Актовые печати Древней Руси X–XV вв.” под № 212 (с изображением св. Димитрия, вынимающего меч из ножен, и конного св. Георгия), были обнаружены в Биляре и Суздале (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 142. № 212-2, 212-3). Это позволило М.В. Седовой поставить под сомнение первоначальную атрибуцию печати и убедительно обосновать ее возможную принадлежность Всеволоду (Дмитрию) Юрьевичу (Георгиевичу) III Большое Гнездо (1985; 1997). Новые еще неопубликованные находки подобных булл подтверждают атрибуцию М.В. Седовой. К настоящему времени зарегистрированы еще пять печатей с изображением св. Димитрия, вынимающего меч из ножен, и конного св. Георгия: одна – известных матриц (№ 212-4) и четыре от двух новых пар матриц (№ 212Аа-1, 212Аа-2, 212Аа-3; № 212Аб). Все они происходят из Владимиро-Суздальских земель: Вязниковского, Суздальского и Юрьев-Польского р-ов Владимирской обл., а также из Гаврилово-Посадского р-она Ивановской обл.

Рассмотрим топографию находок печатей с изображением в рост свв. Димитрия и Георгия, оттиснутых теми же матрицами, что и публикуемая булла из Ярославля. Три упоминавшиеся ранее печати происходят из Новгородского Городища, Владимира и Юрьев-Польского р-она Владимирской обл. (Янин, Гайдуков, 1998а. С. 47, 48, 142. № 212а-1, 212а-2; Гайдуков, Янин, 2007. С. 153. № 212а-3). Еще четыре печати пока неопубликованы (зарегистрированы в 2008–2015 гг.). Одна булла найдена при раскопках Новгородского Городища, вторая – при раскопках поселения Усть-Шексна в Рыбинске, еще две происходят из Юрьев-Польского р-она Владимирской обл.

Значительное количество и широкий ареал находок рассматриваемых печатей (Владимир и Владимирские земли, Ярославль, Усть-Шексна, Новгород) свидетельствуют об обширной деятельности их владельца. Однако письменные источники не подтверждают значительной активности в корот-

кой жизни Всеволода Юрьевича. “Слишком юн был этот князь (он родился в 1212 г. и погиб во время осады Батыем города Владимира в 1238 г. в возрасте 25 лет), слишком мало успел сделать, чтобы оставить такое большое сфрагистическое наследие” (Седова, 1985. С. 358, 359). Это дает основание поставить под сомнение первоначальную атрибуцию этих булл, но не позволяет однозначно назвать их владельца. По мнению М.В. Седовой, владельцами печати с изображением свв. Димитрия и Георгия на коне мог быть как Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212), так и его сын Юрий Всеволодович (1188–1238) (1985. С. 360). Присоединяясь к заключению М.В. Седовой, мы относим к гипотетическим владельцам печати из Ярославля как двух указанных князей, так и Всеволода Юрьевича младшего. Стратиграфическая датировка печати (первая половина XIII в.) не противоречит этому.

Большинство издаваемых печатей датируется началом XIII в., что лишний раз подтверждает прослеженный по другим археологическим материалам расцвет Ярославля. Картирование археологических находок XII – начала XIII в. свидетельствует о довольно больших размерах города в этот период. Ярославль вышел за пределы домонгольского поселения фактически только на рубеже XVI–XVII вв. (Энговатова, 2013). Интенсивность жизни, косвенным показателем которой может служить количество археологических объектов и артефактов (Энговатова, 2009а; б; 2010–2012), также говорит о подъеме города в XII – начале XIII в., прерванном катастрофой 1238 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 288 с.
- Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. / Авт.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
- Архиереи Русской православной церкви (конец X – середина XIII в.) / Сост. А.В. Назаренко // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 2: История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриархата (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 663–674.
- Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб.: Петербургское стат., 2001 (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада; Вып. 4). 192 с.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгород-

- ская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 18: 27–29 января 2004. Великий Новгород, 2004. С. 137–157.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 138–164.
- Карпунин А.А., Соловьева Л.Н., Энгватова А.В. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: Таус, 2011. С. 92–114.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. “День печати” (О находке древнерусской печати во Владимире) // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. 2007. № 1 (7). С. 5, 6.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. IX. 2-е изд. М.: Наука, 1965. 256 с.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. X. 2-е изд. М.: Наука, 1965. 244 с.
- Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л.: Изд-во АН СССР, 1928 (Тр. музея палеографии; Вып. I). 175 с.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г. Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополя // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 224–231.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Седов Вл.В., Бейлекчи В.В. Печать константинопольского патриарха Афанасия из переславского Спасо-Преображенского собора // РА. 2015. № 4. С. 196–202.
- Родина М.Е. Атрибуция редких находок из раскопок 2004 г. на княжем дворе во Владимире // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 145–154.
- Седова М.В. Актовая княжеская печать из Суздаля // “Слово о полку Игореве” и его время / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 357–362.
- Седова М.В. К вопросу об атрибуции одной группы княжеских актов печатей // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников: тез. науч. конф. Казань, 1997. С. 76, 77.
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. Древнерусская актовая печать из Владимира-на-Клязьме // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2015. С. 197–200.
- Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. II: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские / Издание графа И.И. Толстого. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. 707 с.
- Энгватова А.В. Археологические раскопки в Ярославле // Природа. 2006. № 12. С. 41–45.
- Энгватова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. // Архив ИА РАН. 2009а. Р-1. № 30438–30446.
- Энгватова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльской набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленый Город II–2008 г.) // Архив ИА РАН. 2009б. Р-1.
- Энгватова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 30435–30437.
- Энгватова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. № 30889–30897.
- Энгватова А.В. Ярославль в XI веке // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 91, 92.
- Энгватова А.В. Ярославль в XVII в. (по данным археологических исследований 2004–2013 гг.) // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: тез. докл. науч. конф. Москва, 20–22 ноября 2013 г. М.: ИА РАН, 2013. С. 40, 41.
- Энгватова А.В., Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. 2009. № 2. С. 68–78.
- Энгватова А.В., Яганов А.В. Топография “Рубленого города” Ярославля (по материалам археологических исследований 2007 г.) // Московская Русь. Проблемы археологии, истории и архитектуры: К 60-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН, 2008. С. 90–97.
- Энгватова А.В., Яганов А.В. Новые данные об Успенском соборе в XIII–XVI вв. в Рубленом городе Ярославля // РА. 2011. № 3. С. 141–150.
- Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970. 328 с.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998а. 502 с.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 12. Новгород, 1998б. С. 338–357.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 179–197.
- Engvatova A.V., Zaitseva G.I., Dobrovolskaya M.V., Burova N.D. Potential of the Radiocarbon Method for Dating Known Historical Events: The Case of Yaroslavl, Russia: Proceedings of the Sixth Radiocarbon and Archaeology Symposium, held in Paphos, Cyprus, 10–15 April 2011 // Radiocarbon. 2012. V. 54. № 3, 4. P. 615–624.

PENDENT ACT SEALS FROM THE EXCAVATIONS IN YAROSLAVL

Asia V. Engovatova, Piotr G. Gaidukov

*Institute of Archaeology RAS, Moscow
(engov@mail.ru, russianchange@yandex.ru)*

In 2004–2013 there were found four pendent act seals dated back to the 12th – the first quarter of the 13th cc. by the expedition of the Institute of Archaeology RAS during the extensive excavations on the territory of the Yaroslavl Kremlin. Three seals are princely and another one belonged to a church. According to authors' opinion, one of the princely seals belonged to Vsevolod Konstantinovich (1210–1238), the first Yaroslavl Prince; the second one belonged to Vsevolod Iurievich the Big Nest (1154–1212), his son Iurii Vsevolodovich (1188–1238) or the grandson Vsevolod Iurievich (1213–1238). The third one has not been attributed. The owner of the church seal was the bishop of Smolensk Afanasii who took the position after 1226.

Key words: Yaroslavl, Yaroslavl Kremlin, pendent seals, Vsevolod Konstantinovich, Vsevolod Iurievich the Big Nest, Iurii Vsevolodovich, Vsevolod Iurievich, the bishop of Smolensk Afanasii.

REFERENCES

- Agrafonov P.G., Prazdnikov V.V., Spiridonova E.V., 2009. *Istoriya yaroslavskoy arkheologii* [History of Yaroslavl Archaeology]. Moscow: Kvadriga. 288 p.
- Arkheologiya..., 2012. *Arkheologiya drevnego Yaroslavl-ya. Zagadki i otkrytiya* [Archaeology of Old Yaroslavl. Misteries and discoveries]. 2nd edition, revised and supplemented. A.V. Engovatova, comp. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 296 p.
- Arkhieriei..., 1995. *Arkhieriei russkoy pravoslavnoy tserkvi (konets X – seredina XIII v.)*. A.V. Nazarenko, comp. [Hierarchs of Russian Orthodox Church (the end of the 10th – the middle of the 13th c.)]. Makariy (Bulgakov), mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of Russian Church], 2. *Istoriya Russkoy Tserkvi v period sovershennoy zavisimosti ee ot Konstantinopol'skogo patriarkhata (988–1240)* [History of Russian Church in the period of its complete dependence on Constantinople patriarchy (988–1240)]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyr'ya. P. 663–674.
- Beletskiy S.V., 2001. *Vvedenie v russkuyu dopetrovskuyu sfragistiku* [Introduction into Russian pre-Peter sphragistics]. St. Petersburg: Peterburgkoskomstat (Issledovaniya i muzeefikatsiya drevnostey Severo-Zapada, 4). 192 p.
- Ekzempl'yarskiy A.V., 1891. *Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoy Rusi v tatarskiy period, s 1238 po 1505 g.* [Great and appanaged Princes of Northern Rus in Tatar period from 1238 till 1505], II. *Vladetel'nye knyaz'ya Vladimirskikh i Moskovskikh udelov i velikie i udel'nye vladetel'nye knyaz'ya Suzdal'sko-Nizhegorodskie, Tverskie i Ryazanskie* [Ruling Princes of Vladimir and Moscow Udel and great and appanaged ruling princes of Suzdal-Nizhnii Novgorod, Tver and Ryazan]. I.I. Tolstoy, publisher. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 707 p.
- Engovatova A.V., 2006. *Arkheologicheskie raskopki v Yaroslavle* [Archaeological excavations in Yaroslavl]. *Priroda* [Nature], 12. P. 41–45.
- Engovatova A.V., 2009a. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu Volzhskaya naberezhnaya, d.1 v 2008 g.* [Report on the rescue archaeological excavations in Yaroslavl in the address Volzhskaya embankment, 1 in 2008]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of Institute of Archaeology RAS]. R-1. № 30438–30446.
- Engovatova A.V., 2009b. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu: kvartal, ogranichennyy ploshchad'yu Chelyuskintsev i Kotorosl'skoy naberezhnoy, 1 (na uchastke stroitel'stva) (Rublenyy Gorod II–2008 g.)* [Report on the rescue excavations in Yaroslavl in the address: Quarter limited by the square of Cheliuskintsev and Kotorosl'skiy embankment, (on the territory of construction) (Rublenniy Gorod 2–2008)]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of Institute of Archaeology RAS]. R-1.
- Engovatova A.V., 2010. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu Volzhskaya naberezhnaya, d.1 v 2009 g.* [Report on the rescue archaeological excavations in Yaroslavl in the address Volzhskaya embankment, 1 in 2009]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of Institute of Archaeology RAS]. R-1. № 30435–30437.
- Engovatova A.V., 2011. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu Volzhskaya naberezhnaya, d.1 v 2010 g.* [Report on the rescue archaeological excavations in Yaroslavl in the address Volzhskaya embankment, 1 in 2010]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of Institute of Archaeology RAS]. R-1. № 30889–30897.
- Engovatova A.V., 2012. *Yaroslavl' v XI veke* [Yaroslavl in the 11th century]. *Rus' v IX–X vv.: obshchestvo, gosudarst-*

- vo, kul'tura: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Rus in the 9th–10th cc.: society, state, culture: theses of the International Scientific Conference]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 91, 92.
- Engovatova A.V., 2013. Yaroslavl' v XVII v. (po dannym arkheologicheskikh issledovaniy 2004–2013 gg.) [Yaroslavl in the 17th century (on the data of archaeological researches 2004–2013)]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii* [From the Times of Troubles to the Empire. New discoveries in the field of archaeology and history of Russia of the 16th–18th cc.: theses of the conference]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 40, 41.
- Engovatova A.V., Osipov D.O., Faradzheva N.N., Buzhilova A.P., Goncharova N.N., 2009. Massovye srednevekovye zakhoroneniya v Yaroslavle: analiz arkheologicheskikh i antropologicheskikh materialov [Massive medieval burials in Yaroslavl: analysis of archaeological and anthropological materials]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 2. P. 68–78.
- Engovatova A.V., Yaganov A.V., 2008. Topografiya “Rublenogo goroda” Yaroslavlya (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 2007 g.) [Topography of “Rublenniy Gorod” of Yaroslavl (on the materials of archaeological researches in 2007)]. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii, istorii i arkhitektury: K 60-letiyu Leonida Andreevicha Belyaeva* [Moscow Rus. Problems of archaeology, history and architecture: to the 60th anniversary of Leonid Andreevich Belyaev]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 90–97.
- Engovatova A.V., Yaganov A.V., 2011. Novye dannye ob Uspenskom sobore v XIII–XVI vv. v Rublenom gorode Yaroslavlya [New data on the Uspenskiy cathedral in the 13th – 16th cc.]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 3. P. 141–150.
- Engovatova A.V., Zaitseva G.I., Dobrovolskaya M.V., Burova N.D., 2012. Potential of the Radiocarbon Method for Dating Known Historical Events: The Case of Yaroslavl, Russia: Proceedings of the Sixth Radiocarbon and Archaeology Symposium, held in Paphos, Cyprus, 10–15 April 2011. *Radiocarbon*. V. 54. №. 3, 4. P. 615–624.
- Gaydukov P.G., Yanin V.L., 2004. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 2003 g. [Old Russian pendent seals registered in 2003]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the conference], 18. Velikiy Novgorod. P. 137–157.
- Gaydukov P.G., Yanin V.L., 2007. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 2006 g. [Old Russian pendent seals registered in 2006]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the conference], 21. Velikiy Novgorod. P. 138–164.
- Karpukhin A.A., Solov'eva L.N., Engovatova A.V., 2011. Dendrokronologicheskoe datirovanie sooruzheniy XIII v. iz raskopok v Yaroslavle [Tree-ring dating of the constructions of the 13th century from the excavations in Yaroslavl]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical researches of the laboratory of scientific methods], 2. Moscow: Taus. P. 92–114.
- Kostyleva E.L., Utkin A.V., 2007. “Den' pečati” (O nakhodke drevnerusskoy pečati vo Vladimire) [“Day of a seal” (On the find of Old Russian seal in Vladimir)]. *Nasha Rodina – Ivanovo-Voznesensk* [Our fatherland is Ivanovo-Voznesensk], 1(7). P. 5, 6.
- Likhachev N.P., 1928. Materialy dlya istorii vizantiyskoy i russkoy sfragistiki [Materials for the history of Byzantine and Russian sphragistics]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR (Trudy muzeya paleografii; I). 175 p.
- Makarov N.A., Gaydukov P.G., 2013. Pechat' knyazya Mikhalki Yur'evicha iz Suzdal'skogo Opol'ya [The seal of the Prince Mikhalka Iurevich from the Suzdal high plains]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [BCIA], 231. P. 224–231.
- Makarov N.A., Gaydukov P.G., Sedov V.I., Beylekchi V.V., 2015. Pechat' konstantinopol'skogo patriarkha Afanasiya iz pereslavskogo Spaso-Preobrazhenskogo sobora [The seal of the Constantinople Patriarch Afanasii from Pereyasavl Cathedral of the Transfiguration of the Savior]. *Rossiyskaya arkheologiya* [RA], 4. P. 196–202.
- Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis' [Patriarch or Nikon chronicle], 1965. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles], IX. 2nd edition. Moscow: Nauka. 256 p.
- Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis' [Patriarch or Nikon chronicle], 1965. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles], X. 2nd edition. Moscow: Nauka. 244 p.
- Rodina M.E., 2007. Atributsiya redkikh nakhodok iz raskopok 2004 g. na knyazhem dvore vo Vladimire [Attribution of rare finds from the excavation of 2004 on the Prince yard in Vladimir]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [BCIA], 221. P. 145–154.
- Sedova M.V., 1985. Aktovaya knyazheskaya pechat' iz Suzdalya [Act Prince seal from Suzdal]. “Slovo o polku Igoreve” i ego vremya [“The Song of Igor's Campaign” and its time]. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka. P. 357–362.
- Sedova M.V., 1997. K voprosu ob atributsii odnoy gruppy knyazheskikh aktovykh pečatey [To the problem of attribution of one group of Princes act seals]. *Bilyar i Volzhskaya Bulgariya: Izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamyatnikov: tezisy nauchnoy konferentsii* [Bilyar and Volga Bulgaria: Studying and conservation of archaeological sites: theses of the conference]. Kazan'. P. 76, 77.
- Utkin A.V., Kostyleva E.L., 2015. Drevnerusskaya aktovaya pechat' iz Vladimira-na-Klyaz'me [Old Russian act seal from Vladimir-upon-Klyazma]. *Arkheologiya Vladi-*

- miro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: materials of the scientific workshop]*, 5. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 197–200.
- Yanin V.L., 1970. Aktovye pečati drevney Rusi X–XV vv. [Act seals of Old Rus of the 10th–15th cc.], I. Pečati X – nachala XIII v. [Seals of the 10th – the beginning of the 15th cc.]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G., 1998a. Aktovye pečati drevney Rusi X–XV vv. [Act seals of Old Rus of the 10th–15th c.], III. Pečati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg. [Seals registered in 1970–1996]. Moscow: Intrada. 502 p.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G., 1998b. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 1997 g. [Old Russian pendent seals registered in 1997]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the conference]*, 12. Novgorod. P. 338–357.
- Yanin V.L., Gaydukov P.G., 2001. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 2000 g. [Old Russian pendent seals registered in 2000]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: materials of the conference]*, 15. Velikiy Novgorod. P. 179–197.

КЛАДБИЩЕ ДЕРЕВНИ ВЛАСЬЕВСКОЙ XIV–XV вв. И ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО КРАЯ

© 2016 г. С.З. Чернов

Институт археологии РАН, Москва (chernovs@sumail.ru)

В статье публикуются материалы грунтового могильника средневековой деревни XIV–XV вв. Данный тип памятников впервые выявлен на территории Московского региона. Дунинский могильник атрибутируется как кладбище волостной д. Власьевской звенигородского с. Козинского и датируется второй половиной XIV – XV в. Погребения совершались по православному обряду, на глубине 0.3–1.2 м, и не были обозначены на земле надгробиями. Автор связывает появление кладбища в середине XIV в. с этапом христианизации сельского населения.

Ключевые слова: Дунинский грунтовый могильник, шестое Дунинское селище, средневековая деревня, Козинское, Звенигородский удел, вятичи, погребальный обряд, христианизация.

Московский край известен своими курганами, насыпавшимися до середины XIII в. Наличие богатых находками курганных могильников имело и свою оборотную сторону: оно приводило к снижению археологического интереса к сельским грунтовым могильникам, которые воспринимались как малоинформативные и систематически не выявлялись. Сложившееся положение затрудняет изучение широкого круга вопросов, касающихся населения, особенно в период, когда грунтовые могильники стали единственной формой захоронений. Недостаточное изучение этого круга древностей в Московском крае особенно ощутимо при сравнении с другими районами Древней Руси. Так, работы, проведенные в Белозерье, показали, что средневековый сельский грунтовый могильник, исследованный археологами и антропологами по единой научной программе, становится источником уникальной информации, касающейся погребального обряда и христианизации населения (Макаров, 2009).

Впервые могильник, связанный со средневековой деревней, был обнаружен в 2011 г. на Шестом Дунинском селище под Звенигородом. Цель предлагаемой публикации – ввести в научный оборот археологические данные о его погребениях и рассмотреть их на фоне хронологии и планиграфии поселения, на котором была изучена синхронная могильнику усадьба. Исследованные и проанализированные в предложенном ключе особенности погребального обряда и топографии такого памятника помогут выявить изменения, происходившие в сознании сельского населения.

Топография поселения. Традиционный для археологии вопрос о том, как могильник соотносился с поселением хронологически и топографически, применительно ко второй половине XIII – XVI в., когда мертвых стали хоронить рядом с живыми, становится ключевым.

Шестое Дунинское селище дает возможности для подобного исследования, поскольку расположено автономно и отличается хорошей сохранностью культурного слоя и природного окружения. Оно находится в 5.5 км к востоку от Звенигорода и 0.8 км от д. Дунино и занимает возвышенность (“гриву”), ограниченную на юге Артельским оврагом, а на севере – равниной, распространяющейся до Москвы-реки (рис. 1). Вершина гривы (164 м) возвышается над дном оврага (155 м) на 9 м, а над уровнем поля (157 м) – на 7. С запада селище ограничено кладбищем, возникшим в 1941 г., и артелью “Металлист”, созданной в 1919 г. У подножия возвышенности пролегал Старая Можайская дорога (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к).

Селище было обнаружено на поляне, в западной части возвышенности (Чернов, 1997. С. 11). 18 июня 2011 г. сотрудники Дома-музея М.М. Пришвина, осматривая расположенные в центре возвышенности траншеи 1941 г., обнаружили в их стенках кости. Зачистка показала, что это погребения средневекового времени, поэтому вблизи траншеи, на могильнике, был заложен шурф № 1 (рис. 1).

Для изучения поселения были заложены четыре линии шурфов (№ 2–22, размером 1 × 0.5 м)

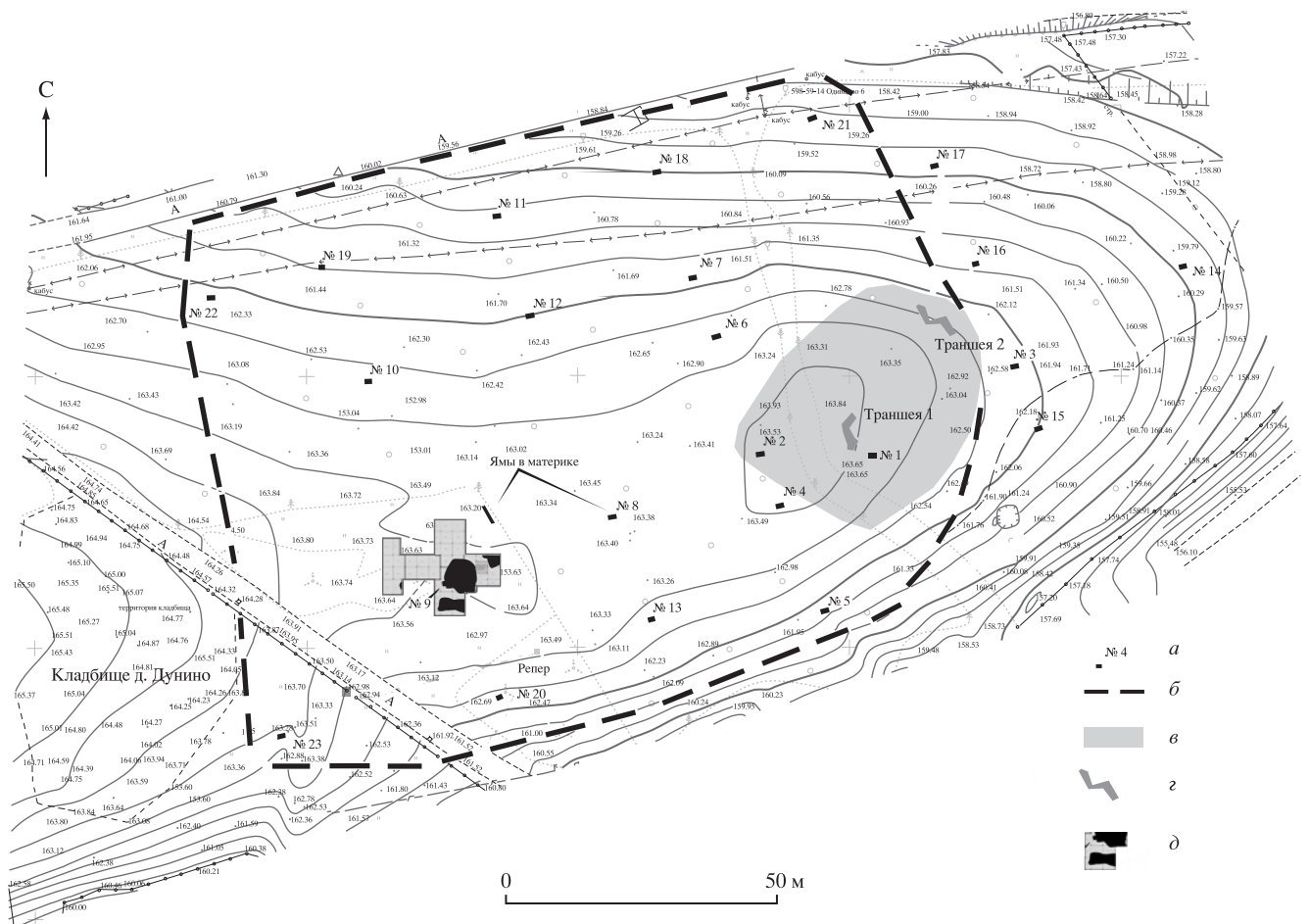

Рис. 1. Шестое Дунинское селище и Дунинский грунтовый могильник. План. Условные обозначения: а – шурф и его номер; б – границы селища; в – грунтовый могильник; г – траншеи 1941 г., затронувшие погребения Дунинского грунтового могильника; д – раскоп 2012 г. и выявленные в нем ямы от построек XV в.

(Чернов, 2011; фиксация Н.Н. Потапова). На желтом песке – буром горизонте погребенной почвы (подзол сохранялся фрагментарно, следов пашен не прослежено) – залегал культурный слой, перетолженный в ходе формирования лесных почв в буро-серую и серую супесь. Там, где нижний горизонт слоя сохранился *in situ* (шурфы № 7, 11, 13, 21, 30), он имел вид черной супеси. На восточном краю мыса супесь мощностью 6–18 см, почти не содержала керамики (шурф № 14). Шурфы восточной линии зафиксировали слой лишь на северном склоне (34 см), а на возвышенности (18 см) и южной бровке (14–20 см), – скорее, следы освоения. Фрагменты керамики XVI в. встречены повсеместно: у подножия северного склона (шурф № 17) – красная грубая, а на вершине мыса (шурф № 3) и южной бровке (шурф № 15) – курганная и серая, что говорит о том, что восточная окраина возвышенности была освоена в XIII и XVI вв.

Центральная линия шурфов пересекла возвышенность в зоне могильника. В шурфе № 2,

под дерном и серой супесью толщиной 20–30 см, были открыты его следы. Зачистка на уровне –50 см зафиксировала полосу материка шириной 1–0.6 м, ориентированную ЮЗ–СВ, а по обе стороны от нее – серо-бурую супесь и грязный песок. Полоса материка представляла собой останец между могильными ямами. Из керамики (23 фр.) к XIII–XIV вв. относились курганная и серая, а также пряслице, выполненное из стенки горшка, а к XVI в. – белоглиняная грубая. Кроме того, в шурфе № 2 была найдена лепная сетчатая керамика – следы поселения дьяковской культуры I тыс. н.э.

Шурфы № 6 и 7, разбитые к северу от могильника, зафиксировали слой толщиной 14–20 см, содержащий керамику XIII–XVI вв. У подножия склона (шурфы № 18, 21) его мощность достигла 26–38 см, а насыщенность керамикой составляла 68–70 фрагментов (против 14–16 в шурфах № 6 и 7). Керамика была представлена как курганной, серой и красной грубой, так и материалом второй половины XV – XVI в., включая расписную по ангобу. Обнаруже-

ние мощного культурного слоя у подножия склона показало, что близ Можайской дороги имелась застройка. К югу от могильника (шурфы № 4 и 5) мощность слоя понижалась до 12–16 см, а содержащаяся в нем керамика (5 и 21 фр.) относилась исключительно к XVI в.

Западная линия шурфов прошла по центру селища. Шурф № 8, заложенный на вершине возвышенности, попал на отложения серой супеси (40 см) с включениями угольков и пещины. Зачистка на уровне –40 см открыла яму глубиной более 1 м с обожженной глиной, датируемую последней четвертью XV – XVI в. Найденная в ней керамика была представлена красной гладкой – 34 фр., белоглиняной грубой – 8 фр., ангобированной – 6 фр. и чернолощеной – 2 фр. Начало освоения этого места относится к XIII в. (курганная и серая керамика представлена 5 фр.). На северном склоне (шурфы № 11, 12) прослежен слой (18 см), насыщенный керамикой (38 и 27 фр.) XIII – первой половины XV в. (курганная – 2 фр., серая – 14 фр., красная грубая – 33 фр.) и пещиной. Керамики конца XV – XVI в. меньше (красная гладкая – 5 фр., белоглиняная грубая – 6 фр., ангобированная – 4 фр.).

На поляне, в западной части селища, в шурфе № 9 под слоем серой супеси толщиной 30 см открылся край ямы в материке, заполненной черной супесью с угольками и пещиной, в которой были обнаружены красная грубая керамика и обломки чугунного котла. Такой же мощный слой (26 см) распространялся до южной бровки (шурф № 20). В 40 м к северу, на бровке (шурф № 10) и склоне (шурфы № 19, 22), насыщенность слоя (12–18 и 20–26 см) керамикой XIII–XVI вв. была в 5 раз ниже, чем над ямой (10–11 фр. – в шурфах № 10, 19; 5 – в шурфе № 22). Таким образом, на ранней стадии (вторая половина XIII–XIV в.) поселение занимало вершину холма и часть северного склона, в XV в. охватило западную часть холма и весь склон, а в XVI в. достигло 8000 м² (рис. 1).

Хронология поселения. Керамика шурфов № 2–22 (451 фр.) делится на четыре группы: лепная дяковская, курганная и серая XIII–XIV в. (19%), красная грубая XIV – третьей четверти XV в. (24%) и красная гладкая, белоглиняная грубая и чернолощеной последней четверти XV – XVI в. (56%).

Курганная керамика имеет толщину стенок от 4 (рис. 2, А, 118, 131, 143, 157) до 8 мм (рис. 2, А, 89); сделана из красной глины с включением дресвы (кварциты – 0,5–2 мм). Поверхность сосудов оранжевая, кирпично-красная, серая. В изломе черепок двух- или трехслойный, что свидетельствует о неполном окислительном обжиге. Сосуды украшены горизонтальным орнаментом, глубоко врезаемым

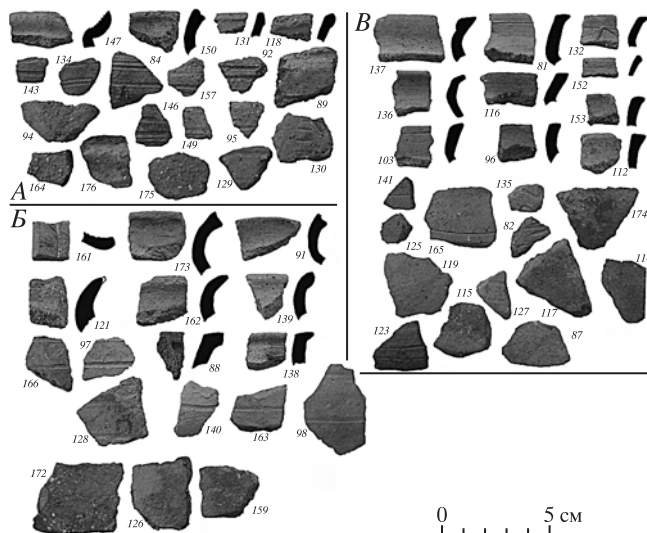

Рис. 2. Шестое Дунинское селище. Керамика из шурфов № 2–22: А – курганная; Б – серая; В – красноглиняная грубая.

по влажной поверхности. Отогнутый венчик с валиком снаружи и упором под крышку (рис. 2, А, 147) имеет аналогии в материалах курганных погребений, датируемых первой половиной – серединой XII в. (Московская керамика, 1991. Табл. 8, 32), нижнем слое Богоявленского монастыря первой трети XIII в. (Московская керамика, 1991. Табл. 21, 510, 518) и срубе 1 Исторического проезда в Москве с порубочными датами 1249, 1251 гг. (Московская керамика, 1991. Табл. 32, 734, 737); венчик с бороздкой по срезанному краю (рис. 2, А, 150) – в слое Богоявленского монастыря (Московская керамика, 1991. Табл. 22, 515, 8991). Венчики воронкообразных горшочков (рис. 2, А, 118, 131) близки сосудам сруба 1 и ямы 3 Исторического проезда (Московская керамика, 1991. Табл. 32, 868; 39, 2128), а также селища Царево-1 второй половины XIII в. (Московская керамика, 1991. Табл. 62, 3, 9).

Серая керамика технологически близка курганной (кварциты – от 0,5 до 2 мм), но заглажена (рис. 2, Б), стенки тоньше (5–6 мм) (рис. 2, Б, 91, 139, 162, 173), а редкий горизонтальный орнамент нанесен по подсохшей поверхности (рис. 2, Б, 97, 128, 140, 163, 166). Срезанные венчики (рис. 2, Б, 91, 173) имеют аналогии в комплексах селищ Лешково-2 первой половины XIV в. (Московская керамика, 1991. Табл. 65, 72А, 73, 76), Дубинкин лес-1 третьей четверти XIV в. (Кренке, 2005. С. 308. Рис. 34, 15) и Шавыкин монастырь 1380–1390-х годов (Чернов, 1995. С. 140. Рис. 7: 3-й сверху). Некоторые сужаются к краю (рис. 2, Б, 121, 162) наподобие венчиков из комплексов селищ Семхоз-4 (Чернов, 1996. С. 85, 96-1) и Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. С. 310. Рис. 36, 4). Венчик с

эллипсоидным валиком (рис. 2, Б, 139) аналогичен венчикам горшков первой–третьей четверти XIV в. из комплексов Лешково-2 (Московская керамика, 1991. Табл. 66, 74), сруба 6 Исторического проезда (Московская керамика, 1991. Табл. 46, 2236), сруба 2 Монетного двора (Московская керамика, 1991. Табл. 55, 1928), Лешково-4 (Московская керамика, 1991. Табл. 67, 510) и Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. Рис. 33, 3; 34, 3). Воронковидные сосуды (рис. 2, Б, 88, 138) бытовали со второй половины XIII в. (Московская керамика, 1991. Табл. 39, 2128; 62, А, 9) до третьей четверти XIV в. (Московская керамика, 1991. Табл. 57, 3967; Кренке, 2005. С. 305. Рис. 32, 2). Таким образом, формы серой керамики имеют связи с комплексами второй половины XIII – третьей четверти XIV в.

Второй этап жизни поселения маркирован красноглиняной грубой керамикой. В качестве примеси в тесто использован среднезернистый песок, поверхности бурого и серого цвета, заглажены, имеются как однослойные (рис. 2, Б, 117, 127, 141), так и трехслойные (рис. 2, Б, 81, 136, 137) стенки. Горшок с заостренным краем (рис. 2, Б, 136, 103) близок сосудам с селища Дубинкин лес-1 (Кренке, 2005. Рис. 32, 2), вертикально стоящий венчик (рис. 2, Б, 103) – венчикам комплексов селищ Шавыкин монастырь (Чернов, 1995. Рис. 8: 10-й сверху), Михайловское-2 (Московская керамика, 1991. Табл. 71, 185) и у Воскресенского погоста (Московская керамика, 1991. Табл. 74, 332). Горшки с подтреугольным валиком внутри (рис. 2, Б, 137) есть в материалах селищ Шавыкин монастырь (Чернов, 1995. Рис. 8: 1-й сверху), Старое Ваганьково (Московская керамика, 1991. Табл. 76, 195) и сруб 7 Исторического проезда, датируемом берестяной грамотой № 1 первой трети XV в. (Московская керамика, 1991. Табл. 79, 2559). Из сосудов с вертикально стоящим венчиком и плоским краем (рис. 2, Б, 132, 81, 96, 112, 116, 153) венчик 132, орнаментированный “косой волной”, имеет аналогии в комплексах селищ Михайловское-2 (Московская керамика, 1991. Табл. 71, 150), Старое Ваганьково (Московская керамика, 1991. Табл. 76, 194) и в сруб 7 (Московская керамика, 1991. Табл. 79, 2560); венчик 81 – в сруб 7 (Московская керамика, 1991. Табл. 79, 2498), остальные (рис. 2, Б, 96, 112, 116, 153) – в комплексах селищ Шавыкин монастырь (Чернов, 1995. Рис. 8: 2-й снизу), Михайловское-2 (Московская керамика, 1991. Табл. 70, 164 и др.) и у Воскресенского погоста (Московская керамика, 1991. Табл. 74, 334). В целом формы красной грубой посуды тяготеют к комплексам последней четверти XIV в. (селища Шавыкин монастырь), первой половины XV в. (селища Михайловское-2, Старое Ваганьково и сруб 7) и третьей четверти XV в. (селище у Воскресенского погоста).

Процентное соотношение курганный, серой и красной грубой керамики (18/27/55) – результат смешения посуды, бытовавшей длительный период: начало его пришлось на время совместного бытования курганный и серой посуды и появления красной грубой. Такое соотношение (36/54/10) известно по сборам в Лешково-8 близ Радонежа (23/52/25), где в последней четверти XIII – первой четверти XIV в. наблюдалось “доживание” курганный традиции до появления красной грубой керамики (Чернов, 2004. С. 256, 257). Завершение периода относится к концу XIV – первой половине XV в., когда красная грубая керамика встречалась наряду с краснолощеной (95/5).

В позднем комплексе доминирует красноглиняная гладкая (60%) керамика, которая сочетается с белоглиняной грубой (27%) и новыми типами столовой посуды (ангобированной – 10%, чернолощеной – 1%) (рис. 3). Подобное соотношение типов показывает, что поселение существовало в последней четверти XV в., когда красноглиняная керамика доминировала (54–81%). Среди белоглиняных венчиков нет формы середины XVI в. с эллипсоидным валиком, а белоглиняная гладкая посуда, появившаяся в 1550–1560-х годах, отсутствует. Следовательно, поселение процветало в последней четверти XV – начале XVI в. и, затухая, продолжало существовать до Смутного времени.

Усадьба XV в. В 2012 г. в 60 м к западу от могильника был заложен раскоп площадью 156 м² (рис. 1), открывший три ямы, которые отражают группу сооружений (Чернов, 2012). Из подвала центральной постройки (5.5 × 5.5 м; глубина – 2 м) происходят сапожные гвоздики, иглы, бронзовые поясные накладки, ножницы, криноконечный и

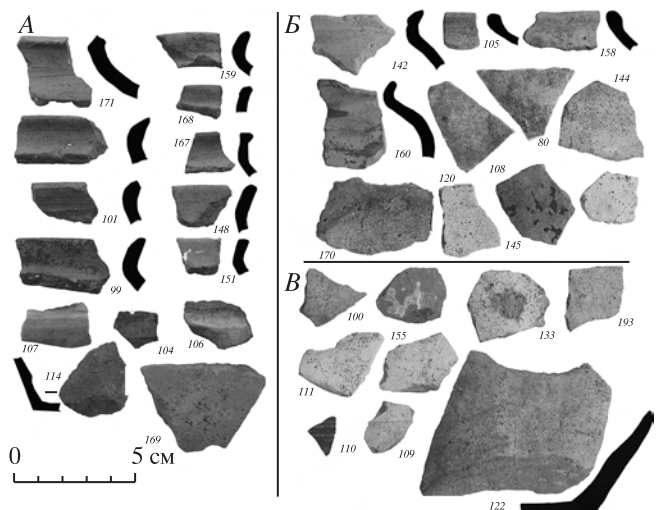

Рис. 3. Шестое Дунинское селище. Керамика из шурфов № 2–22: А – красноглиняная гладкая; Б – белоглиняная грубая и шероховатая; В – ангобированная, крашеная, чернолощеной (110).

квадратноконечный кресты-тельники. О состоятельности владельцев постройки свидетельствует поливная посуда, перстень, монетные весы, две серебряные деньги Василия I (с изображениями пехоты – 1389 – начало 1390-х годов и всадника – рубеж XIV–XV вв.), деньги Василия Кирдяпы (1390-е годы – начало XV в.) и полуденга кн. Владимира Андреевича с изображением кентавра конца 1390-х годов. Сочетание монет характерно для периода до 1425 г., однако керамический комплекс отражает этап, на котором еще доминировала красная грубая посуда (63–76%: краснолощеной 6–8%), но уже начинали распространяться красная гладкая ранняя (8–18%), белоглиняная грубая (5–7%) и чернолощеной (0.5–1%) – вторая–третья четверть XV в. Из восьми радиоуглеродных дат (Ki-17888–17895) большинство интервалов калиброванного возраста захватывают первую половину и середину XV в. Наиболее точный калиброванный интервал получен для даты 490 ± 40 лет: 1413–1443 гг. Таким образом, второй этап жизни поселения датируется концом XIV – третьей четвертью XV в. – временем, к которому относится часть захоронений могильника.

Топография могильника. Могильник зафиксирован в траншеях 1 и 2 и шурфах № 1 и 2, но не прослежен в шурфах № 3–6, 15, 16. Соответственно, его размеры составляют 40×35 м, площадь – около 1400 м². Могильник занимал восточную мысовую часть возвышенности (рис. 1). В XIV–XV вв. “селения мертвых”, преимущественно, располагались на восточной окраине поселений (Чернов, 1991. С. 97). Объяснение этому следует искать, опираясь на канонические установления и учитывая особенности эсхатологических представлений. Как известно, крест ставится у ног усопшего Распятием к лицу покойного в напоминание о том, что при всеобщем воскресении умерших, восстав от гроба, он сможет взирать на Христа. Второе пришествие ожидалось в XIV–XV вв. – не в отдаленном будущем, но здесь и сейчас¹. Поэтому забота о том, чтобы в этот момент физические преграды не помешали видеть Спасителя, может рассматриваться как наиболее вероятное объяснение наблюдаемой особенности раннемосковских могильников.

Для изучения могильника была проведена фиксация стенок траншей, а затем к югу от траншеи 1 заложены шурф № 1 площадью 12 м² (рис. 4, Б, врезка).

Следы культурного слоя на территории могильника и его terminus post et ante quem. Излагая

данные раскопок этого почти полностью безымянного могильника, нельзя упустить возможность определить его хронологические рамки с помощью датировки перекрывающих его отложений, а также нарушенного им культурного слоя.

Поверхность шурфа № 1 (–30...–49) имела уклон на юго-восток (рис. 4, А). Верхние три пласта представляли собой могильный перекоп (серо-бурая супесь). Первый пласт выделялся гумусированностью, а на северном профиле отчетливо читался как слой, перекрывавший могильный перекоп (рис. 5, В). В нем (наряду с ранней – 15 фр.) была найдена отсутствующая ниже красная гладкая (20 фр.) (рис. 6, Б, 49), белоглиняная грубая (4 фр.) (рис. 6, Г) и чернолощеной (3 фр.) керамика XVI в., гладкостенная (3 фр.) и белоглиняная (6 фр.) керамика XVIII–XIX вв. (рис. 6, Д, 32, 45, 52), а также фарфоровая солонка XX в. Уточняют дату слоя, перекрывшего могильник, венчик (рис. 6, Б, 11) и орнаментированный фрагмент (рис. 6, Б, 23), аналогичные сосудам из построек, сгоревших в 1492 г. (Московская керамика, 1991. Табл. 84–86, 92–98, 104–108). Соотношение красной гладкой, белоглиняной грубой и чернолощеной керамики (37/10/7) типично для комплексов, предшествующих доминированию белоглиняной грубой керамики второй четверти XVI в. Следовательно, поселение придвинулось к могильнику и перекрыло его “горизонтом замусоривания” в последней четверти XV – первой четверти XVI в. Таков *terminus ante quem* могильника.

Хозяйственная деятельность велась тогда рядом с могилами. Насыщенность керамикой шурфа № 1 (36 фр. на 12 м²) соответствует участку раскопа 2012 г., расположенному в 6–12 м от постройки. По-видимому, один из дворов прямо примкнул к кладбищу, подобно с. Рождествено, где в XVI в. дворы обступали кладбище с севера, запада и юга (Богомолов, 2012. С. 380). Большинство могил к тому времени уже были выкопаны, за исключением могилы 21, в которой в пл. 4 был найден белый грубый венчик (рис. 6, Г, 67, 70).

Меньше данных мы имеем о слое, разрушенном могильником. *In situ* его фрагмент (черная супесь толщиной 4 см на подзоле) был обнаружен в профиле траншеи 1 (рис. 4, Б, врезка, И; Чернов, 2011. Рис. 29). Судить о нем можно только по керамике (71 фр.), происходящей из могильного перекопа (в пластах 1–5 найдены 15, 12, 14, 7, 6 фр. соответственно), которая делится на лепную дьяковскую (25 фр.), курганную (9 фр.), серую (15 фр.), красную грубую (20 фр.) и краснолощеной (2 фр.).

Лепная керамика представлена сосудами баночной формы с круглыми вдавлениями (рис. 7, А, Б, 15, 35, 36), аналогии которым встречены на Дья-

¹ Летописный свод 1408 г. в тверской редакции 1412 г. под 25.03.1380 г. прямо говорит о конце света в 1492 г. (Рогожский летописец, 1922. Стлб. 136), что, впрочем, могло восприниматься лишь как догадка, поскольку “о дни же томъ или о часѣ никто же вѣсть” (Евангелие от Марка, XIII, 32).

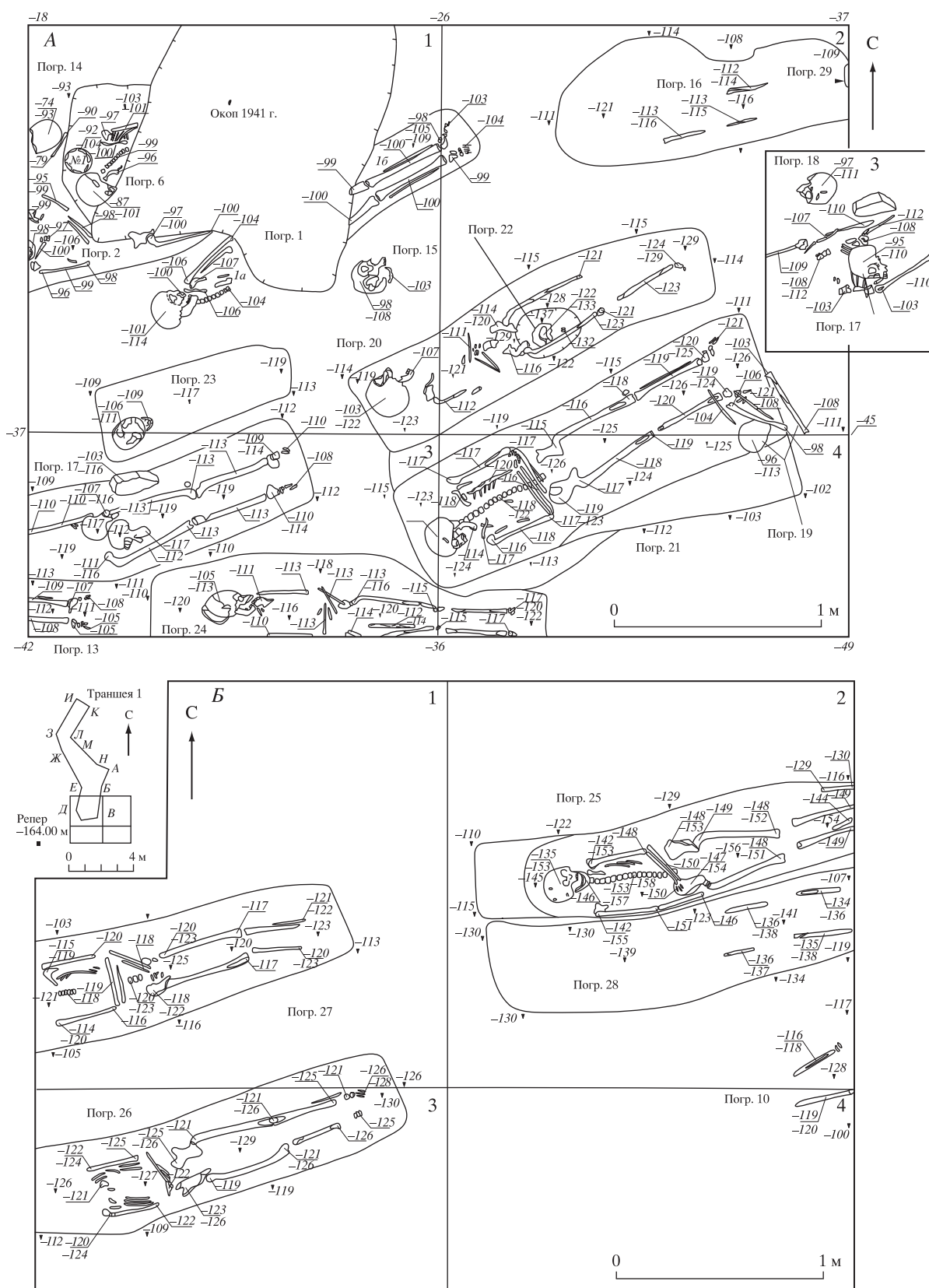

Рис. 4. Дунинский могильник. Шурф № 1: А – план погребений верхнего горизонта (-90...-120). На врезке – перезахороненные останки над погр. 17; Б – план погребений нижнего горизонта (-120...-150). На врезке – схема расположения траншеи 1 и шурфа № 1.

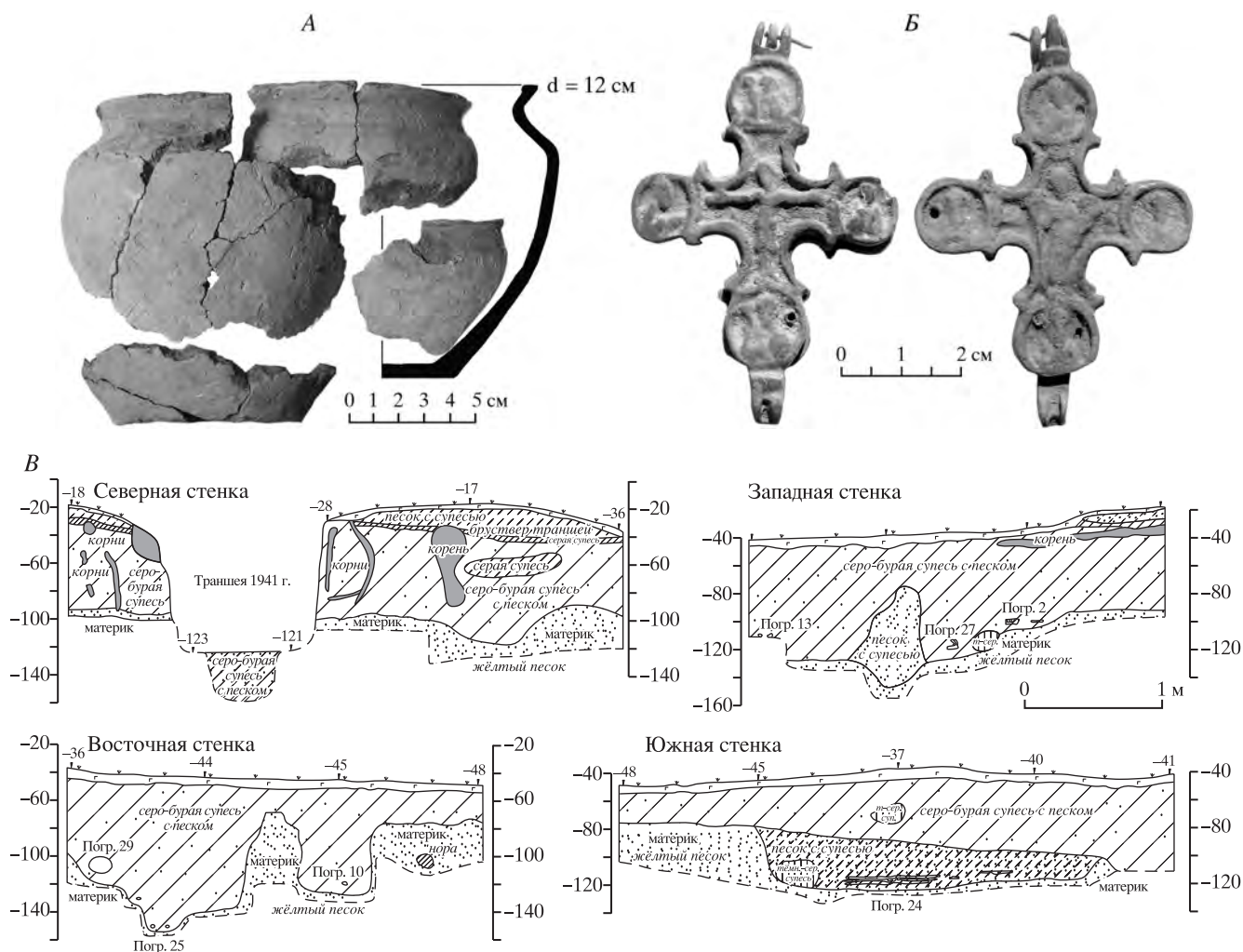

Рис. 5. Дунинский могильник. Шурф № 1: А – слезница из погр. 6 (Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей); Б – крест-энколпийон из погр. 5 (рис. 4, Б, врезка, между И и 3) (Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина (Захарово-Вяземы), Большие Вяземы; фото А.А. Алексеева); В – профили стенок.

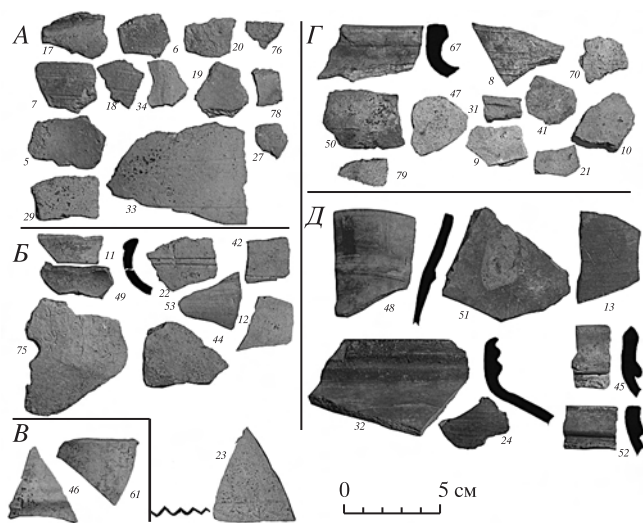

Рис. 6. Шестое Дунинское селище. Керамика из шурфа № 1. А – красноглиняная грубая; Б – красноглиняная гладкая; В – краснолощенная; Г – белоглиняная грубая; Д – чернолощенная (13, 48, 51), белоглиняная XVIII в. (45, 52), красноглиняная XVIII в. (32).

ковом городище (Кренке, 2011. С. 316. Рис. 18, 1, 2). Курганная (рис. 7, В, 40, 57) украшена волнистым орнаментом (рис. 7, В, 54). Фрагмент горшка (рис. 7, В, 66) близок сосудам середины XII – XIII в. (Московская керамика, 1991. Табл. 8, 32; 2, 734). Срезанный венчик (рис. 7, В, 58) имеет аналогии в слое Богоявленского монастыря (Московская керамика, 1991. Табл. 23, 61) и яме 3 Исторического проезда (Московская керамика, 1991. Табл. 39, 2072) XIII в.

Серая керамика представлена венчиками (рис. 7, Г, 16, 63), имеющими аналогии в слое Богоявленского монастыря (Московская керамика, 1991. Табл. 25, 121 и др.), срубе 1 (Московская керамика, 1991. Табл. 32, 944, 945) и яме 3 (Московская керамика, 1991. Табл. 39, 2079). Срезанный венчик (рис. 7, Г, 64) находит параллели в материалах селища Лешково-2 первой половины XIV в. (Московская керамика, 1991. Табл. 65, 255 и др.), а венчик (рис. 7, Г, 1) напоминает сужа-

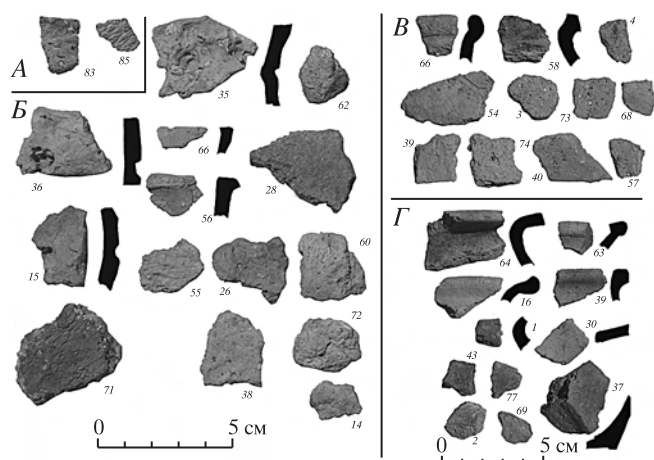

Рис. 7. Шестое Дунинское селище. Керамика из шурфа № 1. А, Б – лепная дяковская (Б – из шурфа № 2); В – курганная; Г – серая.

ющиеся к краю срезанные сосуды комплексов селища Семхоз-4 третьей четверти XIV в. (Чернов, 1996. С. 87. Рис. 11, 94–114). Красноглиняная грубая керамика маловыразительна (рис. 6, А, 17).

Соотношение курганной, серой и красной грубой керамики (20/35/45) показывает, что слой, пробитый могилами, начал формироваться в XIII в., поскольку в комплексах первой половины XIV в. (например, Лешково-2) курганная керамика составляет всего 4–5% (Московская керамика, 1991. С. 26, 28). В то же время наличие 45% красной грубой посуды свидетельствует о том, что хозяйственная деятельность протекала здесь до середины XIV в. Таков *terminus post quem* могильника. Доля серой керамики на его территории выше (35 против 27%), а доля красной грубой – ниже (45 против 55%), чем на селище в целом. Следовательно, в конце XIV – середине XV в. поселение развивалось. Место некрополя располагалось за пределами зоны, в которой происходило расселение.

Описание погребений. Стратиграфия могил показывает, что вначале погребения (2, 10, 25–28) совершались на глубине 72–112 см от уровня дневной поверхности (–120...–150), затем их глубина (погр. 1, 6, 13–24) уменьшилась до 60–80 см (–90...–120) (рис. 4). Описание погребений дается с учетом антропологического заключения, сделанного Н.Н. Гончаровой.

Погребения верхнего горизонта (за исключением 13, 24) ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Пять из них (23, 17 и 15, 20, 21) образуют два ряда, четыре (6, 1, 13, 24) нарушают рядность (рис. 4, А). Погр. 6, содержавшее скелет женщины 40–45 лет, в северо-западном углу шурфа пробили погр. 2 и 14, а также нарушила траншея 1941 г. Скелет лежал вытянуто,

головой на ЮЗ. Сохранился череп (–87...–111), нижняя челюсть и кости верхней половины тела – часть позвонков, ребер, левая лопатка (на уровне –97) и ключица, часть плечевой кости (–101). Череп повернут лицевым отделом на ЮВ. Дно могилы (–106) – на глубине 75 см. Впритык к затылочной части черепа *in situ* стоял миниатюрный горшок, растрескавшийся, но не утративший форму (–92...–104) (рис. 5, А). От погр. 14 (был захоронен мужчина 45–70 лет) в западной стенке шурфа сохранился череп, лежавший лицом вниз (–74...–93), и часть локтевой кости (–79...–90). Глубина могилы (–95) – 65 см.

Погр. 1 (мужчина 40–45 лет) располагалось в 0.5 м к югу от погр. 6, параллельно ему. Оглавия погребений совпадают и вместе они выбиваются из ряда погребений верхнего горизонта. Центральная часть погребения разрушена в 1941 г. Могильная яма (ширина – 30 см) начала читаться на уровне –98...–101, когда уже показались кости. Глубина могилы (–109) – 68 см. Скелет лежал вытянуто, головой на ЮЗ. Сохранились череп, повернутый лицевым отделом на СЗ (–101), нижняя челюсть, верхняя часть позвоночника, ключица, левые плечевая (–104) и лучевая кости, фрагменты бедренных костей, берцовые кости (–100) и кости стоп (–98...–99).

К югу от погр. 1 прослежены два ряда погребений. Западный включал погр. 17 и детское погр. 23. В западной части могилы 23 (1 × 0.4 м) обнаружены фрагменты черепа (–106) и нижняя челюсть (–111) ребенка 2.5–3.5 лет. Глубина ее залегания (–117) – 76 см. В 0.4 м к СВ от погр. 23, на глубине 70 см, зафиксировано погр. 15 – череп (–98...–108) и нижняя челюсть (–103) ребенка 10–12 лет.

Одно из сложных для реконструкции погребений – 17 – открылось к югу от детской могилки как могильная яма (–109...–113), ориентированная по линии ЮЗ–СВ (1.1 × 0.5 м). Оглавие ее уходило в западную стенку шурфа. Над бедренными костями был расчищен череп (–95...–110) (рис. 4, А, врезка). По-видимому, он происходил из нижележащей могильной ямы 26, оглавление которой было затронуто при копке ямы погр. 17. Это предположение подтверждается отсутствием черепа в погр. 26. Скелет погр. 17 (мужчина 35–40 лет) лежал вытянуто, головой на ЮЗ (рис. 4, А). Череп не вошел в пределы шурфа. Позвонки, ребра, локтевые и лучевые кости были затронуты погр. 13. В анатомическом порядке залегали тазовые (–107...–112), бедренные (–111...–113), большеберцовые (–113) кости и кости стоп (–109). Глубина могилы – 80 см.

Номер 18 получил перемещенный череп (–97...–111) и нижняя челюсть (–111) женщины старше 60 лет, лежавшие к северу от могилы погр. 17 на глубине 77 см. Погр. 13, перебившее погр. 17, зале-

гало в ЮЗ углу шурфа по линии ЗВ и уходило в его западную стенку. В раскоп вошли большеберцовые кости (–107...–109) и кости стоп (–105...–108). Глубина могилы (–112) – 72 см.

Погр. 24 (женщина 20–25 лет) залегало вдоль южной стенки шурфа по линии ЗВ. На уровне –105 см появились кости черепа, на уровне –110 см – могильная яма (длина – 180 см, глубина – 80–85 см). Скелет женщины лежал вытянуто головой на запад. Обнаружены посмертно деформированный череп (лицевым отделом на север), фрагменты левой ключицы и левой лопатки (–111), локтевых, бедренных (–113), большеберцовых костей (–117) и кости стоп (–117...–120). В районе ног над костями и под ними читался древесный тлен от колоды (–110...–112). Кости правой руки лежали на животе, кости левой – в районе таза. Изножие затронуто могильной ямой погр. 21.

Восточный ряд могил состоял из двух погребений – женского (20) и мужского (21). Их могильные ямы заложены параллельно друг другу и ориентированы по линии ЮЗ–СВ, оглавия находятся на одной линии, что позволяет предполагать, что погребения принадлежат родственникам, возможно, супругам. В могильной яме погр. 20 (180 × 45 см; дно –131...–124 на глубине 100 см) зафиксирован скелет женщины 35–40 лет, лежавший вытянуто, головой на ЮЗ. Череп (–103) деформирован землей, повернут лицевым отделом на СЗ. Сохранились нижняя часть позвоночника, правая ключица и часть плечевой кости (–112), а также лежавшие на груди части локтевых костей правой и левой (–111) рук, бедренная кость (–121) левой ноги и кости стопы (–119, –124). Под правой бедренной костью обнаружены перезахороненные кости, помещенные в ямку (35 × 28 см) глубиной 9 см (дно – 137 см) (погр. 22). Это фрагменты черепа мужчины 50–55 лет (–122...–133), происходящего, по-видимому, из нижележащего погр. 28, в котором не найдено следов черепа и оглавие которого было затронуто погр. 20.

Погр. 21 мужчины 30–35 лет найдено в могильной яме (длина – 190 см), отличавшейся большой шириной (60–70 см; отметки дна –124...–126, глубина – 90–100 см). Скелет вытянут, положен головой на ЮЗ, анатомический порядок сохранен. Череп (–107) повернут лицевым отделом на ЮВ. Сохранились практически все кости скелета (за исключением части ребер): ключицы (–117), позвоночник (–118...–122), тазовые (–114...–123), бедренные (–116...–119), берцовые, а также кости стоп (–120). Руки сложены на животе. В погр. 21, как и в соседнем погр. 20, имеются прихороненные кости (погр. 19). Они были сложены в изножии могильной ямы в составе черепа (–96...–113), большеберцовых и

малоберцовой костей женщины 18–25 лет и происходили, видимо, из погр. 10 нижнего горизонта.

Погребения нижнего горизонта, зафиксированные на отметках –120...–150, состояли из двух рядов. Западный ряд включал погр. 2, 26 и 27 (рис. 4, Б; 8, Б).

Погр. 2 (женщина 30–45 лет) было ориентировано по линии ЮЗ–СВ. Череп находился в западной стенке шурфа, в профиле найдена нижняя челюсть (–98) и левая лопатка. Сохранились ключицы, плечевая (–96), локтевая и лучевая кости (–98), правая бедренная кость (–100) и фрагмент костей таза (–97). Правая рука погребенной лежала на груди. Кости левой руки смещены при рытье ямы погр. 6, а левая бедренная и другие кости ног утрачены в 1941 г. Глубина ямы – 72 см.

Погр. 27 открылось (–103...–116) после снятия погр. 1 и ему предшествовало. Оглавие погребения уходит в западную стенку. Длина ямы – 150 см, ширина 40–50 см, глубина (–123...–127) – 90 см. Погребенная, предположительно женщина, лежала вытянуто, головой на ЮЗ. Сохранились нижняя челюсть (–112), частично позвонки и ребра, левая лопатка (–115...–119), плечевые кости (–114), фрагменты локтевых, лучевых и тазовых костей (–118), бедренные кости (–120) и фрагменты большеберцовых (–120) костей. Кости правой руки лежат на груди, левой – в районе таза.

Погр. 26 находилось в полуметре от погр. 27 на отметках –119...–120, под погр. 17, было совершенно в его яму. Оба ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма погр. 26 (около 170 × 45 см) имела глубину 90 см (–127...–130). В яме находилось погребение мужчины (возраст – не менее 40 лет). Череп отсутствовал. Видимо, его затронули при копке могилы 17 и перезахоронили в нее. Сохранились фрагменты лопаток (–121), частично ребра, плечевые кости (–120), фрагменты левой локтевой и лучевой костей, тазовые (–123, –125), бедренные (–119...–121), большеберцовые (–126), частично левая малоберцовая кости и кости стоп (–126...–128). Левая рука лежала на груди.

Восточный ряд могил включает погр. 16, 25, 28, 10 (рис. 5, Б; 8, Б).

Погр. 16 (ребенок 5–8 лет) сохранилось плохо (бедренная кость и две большеберцовых на отметках –112...–113). Ориентировано по линии ЮЗ–СВ, глубина – 75 см (–116...–121). Погр. 25 и 28 примыкают к погр. 16 и друг к другу, хотя и расположены на разных уровнях (погр. 25 – наиболее глубокое). Их изножия ориентированы на ЮЮЗ, а оглавия – на З. Ямы 26 и 27 нижнего горизонта имеют ту же особенность.

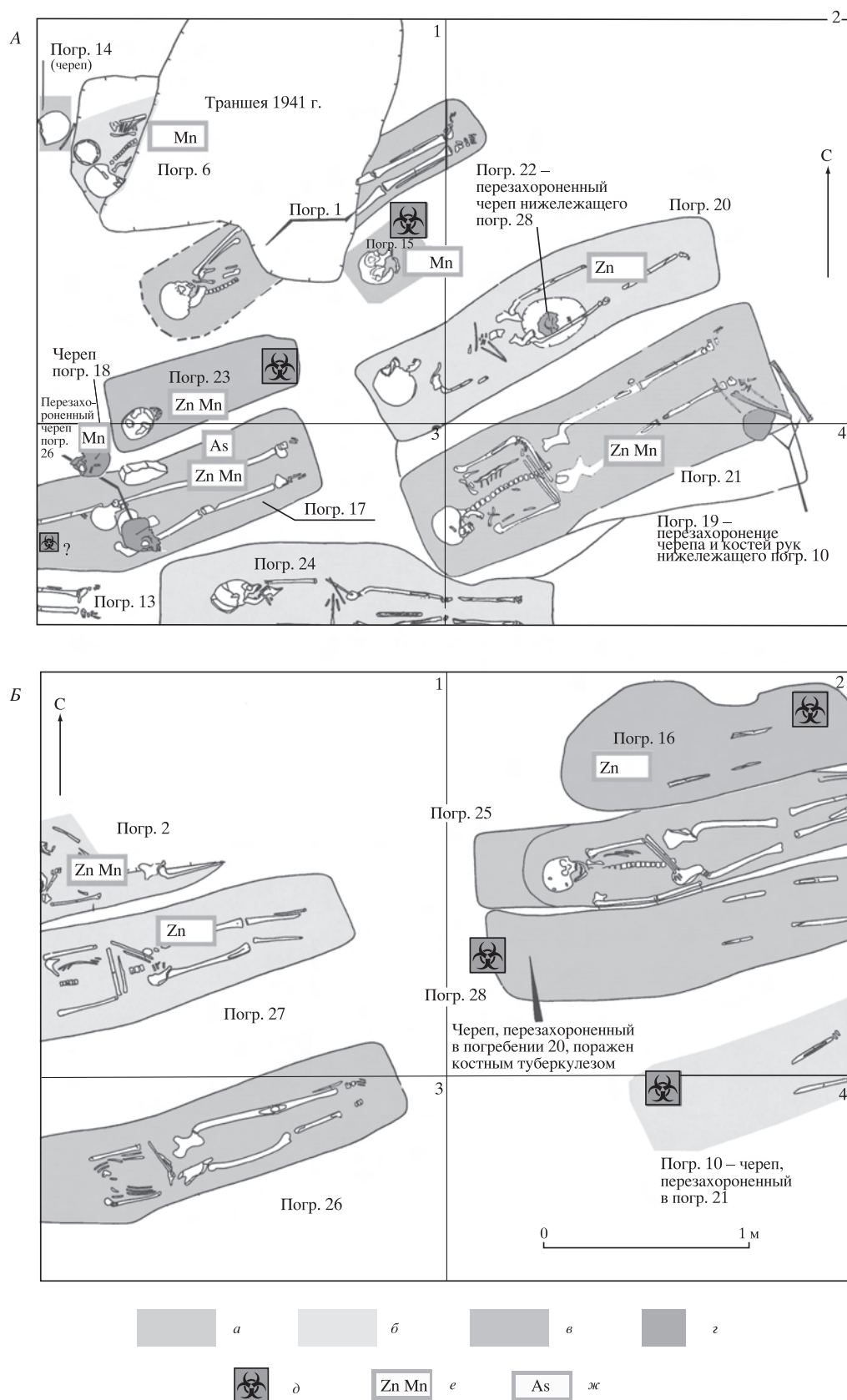

Рис. 8. Дунинский могильник. Шурф № 1. Схема расположения мужских (а), женских (б), детских (в) погребений и перезахороненных останков (г) верхнего (А) и нижнего (Б) горизонтов. Данные микроэлементного анализа костной ткани: д – превышение по железу; е – превышения по цинку и марганцу; жс – превышение по мышьяку.

Моги́льная яма (160 × 35–45 см) погр. 25 (мужчина 45–55 лет) фиксировалось в материке в виде пятна серо-бурой супеси (–110...–115) и имела глубину 120 см (–155). Череп не смещен (–135), скелет лежал вытянуто головой на ЮЗ. Анатомический порядок не нарушен. Сохранились плечевые кости (–142), часть ребер и полностью позвоночник (–153), кости таза и бедренные (–149). Левая рука (–142...–148) сложена на животе (кисть руки – на тазовых костях, на отметке –150), правая – вытянута вдоль тела. В заполнении (–129, –144) найдены фрагменты костей другого погребенного.

Погр. 28. Моги́льная яма в 15 см к ЮВ от пог. 25, имела вид пятна серо-бурой супеси (–120...–130 см). Сохранившиеся фрагменты (–134...–136) определены как диафизы длинных костей правого предплечья и часть плечевой кости. Моги́льная яма (95–100 × 45 см) имела глубину (–139...–141) 100 см. Отсутствие черепа и большей части костей скелета может быть объяснено тем, что погребение было нарушено могилой 20, в которой был перезахоронен череп (рис. 4, Б; 8).

Столь же плачевное состояние имело и погр. 10, расположенное в 0,5 м к югу от предыдущего. Сохранились большеберцовые кости (–116...–119), левая малоберцовая кость и кости левой стопы. Кости правой стопы уходят в восточный профиль. Ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Моги́льная яма шириной 50 см читалась в профиле с уровня материка (–76...–82) и имела глубину 82 см (–126...–128). Наличие третьего ряда могил демонстрирует череп (погр. 29), выступающий из восточной стенки шурфа (–100) (рис. 5, В)².

Датировка могильника и особенности погребального обряда. Могильник датируется по находке слезницы в погр. 6. В качестве слезницы был использован миниатюрный (высота – 11,5 см, диаметр венчика – 12 см) красноглиняный грубый горшок (рис. 5, А), изготовленный из глины с примесью среднезернистого песка. Неполный окислительный обжиг дал трехслойный в изломе черепок. Поверхность заглажена, на плечике – излом, шейка, орнаментированная узором “косая волна”, отогнута под 45°, венчик имеет подтреугольный валик. Аналогии находятся в комплексах, происходящих с селищ Шавыкин монастырь 1380–1390-х годов (Чернов, 1995. Рис. 8) и Козья горка первой четверти XV в. (Чернов, 1999. Рис. 29, 99-К-131, –132). Слезница датируется последней четвертью XIV – первой четвертью XV в. и вписывается в 125-летнее хронологическое “окно”, образовав-

шееся между двумя периодами хозяйственной активности на памятнике (1350–1475 гг.).

В северной части траншеи 1, в западной стенке, в 20 см к северу от черепа погр. 5 был обнаружен бронзовый округлоконечный наперсный крест-энколпион (рис. 5, Б). Одна из его створок несет изображение триумфирующего Христа с предстоящими, другая – архангела со святыми. Аналогии происходят из некрополя храма Афанасия в Радонеже 1570–1610-х годов (Чернов, 1999. С. 68. Рис. 4, 25, 26. С. 88) и клада Никольского погоста (Алексеев, 2008. С. 57. Рис. 3а, 32).

Погребения идентичны по обряду: это ингумации в деревянных колодах (прослойки гумуса и тлен в погр. 24) с ориентировкой головой на ЗЮЗ, З (погр. 13, 24) и СЗ (погр. 30–33). В погребениях, в которых сохранились кости рук, они сложены на груди покойного, иногда одна рука помещена в районе тазовых костей или вытянута вдоль тела. Распределение моги́льных ям по глубине³: 30 см – 1; 40–45 см – 3; 50–55 см – 5; 60–65 см – 6; 70–75 см – 7; 80 см – 3,90 м – 4; 1–1,20 м – 3. За двумя исключениями погребения безынвентарны.

Анализ наложения моги́льных ям позволяет выделить три этапа функционирования кладбища (рис. 8). На первом (вторая половина XIV в.) было совершено семь погребений в двух рядах: три мужских, три женских и одно детское на глубинах от 72 (погр. 10) – 80 (погр. 28) до 90 (погр. 16) и 120 см (погр. 25); четыре моги́льные ямы имели искривленную форму, возможно, связанную с неровностью колод.

На втором этапе судьба ранних могил оказалась различной. Две северные женские могилы западного ряда (погр. 2 и 27) были забыты и перекрыты женской (погр. 6) и мужской (погр. 1) могилами, заложенными без учета старых рядов. Женское погр. 6 со слезницей пробило изножие женского погр. 2. Мужское погр. 1 перекрыло изножие женского погр. 27, но, будучи заложено на глубину 58 см, не достигло его уровня.

На втором и третьем этапах погребения закладывались на меньшую глубину, чем на первом. Делалось ли это, чтобы не нарушить старых погребений, или в XV в. могилы вообще стали закладывать неглубоко? Ответ на этот вопрос мы находим там, где наблюдается преемственность захоронений. Мужское погр. 17 было совершено в старую могилу с небольшим смещением к западу. Следовательно,

² После антропологического исследования останки возвращены на свои места и, по совершении панихиды, закопаны.

³ В период функционирования могильника уровень дневной поверхности был ниже современного примерно на 10 см, поскольку последний вырос за счет выбросов из ям и отложений XVI в.

могилы осмысленно копались на меньшую глубину, чтобы не потревожить старые захоронения.

Тем не менее полностью избежать разрушения старых могил не удавалось, ведь на поверхности погребения отмечались лишь земляными холмиками и деревянными крестами. Копая новую могилу (погр. 17) в старой, землекопы наткнулись на череп, возвышавшийся над уровнем скелета, и перезахоронили его в новой могиле (рис. 8). Он был зафиксирован на тазовых костях погр. 17. Данная интерпретация опирается на совпадении пола и возраста перезахороненного черепа (35–40 лет) и посткраниального скелета погр. 26 (не менее 40 лет) в антропологическом заключении. Судя по всему, могила погр. 17 копалась по истечению 10–20 лет после совершения погр. 26 – срока, за который в условиях песчаного грунта колода истлевала, а труп минерализовался. Через некоторое время погр. 17 было задето погр. 13, ориентированным по-новому, – с запада на восток. С той же ориентировкой было заложено и женское погр. 24 в колоде.

На третьем этапе было совершено парное погр. 20 и 21 (возможно, супругов). Этот вывод, основанный на факте перекрытия могилой 21 могилы 24, совпадает с обнаружением в засыпке могилы 21 венчика XVI в. К этому времени наземные ориентиры ранних могил восточного ряда (погр. 10, 25, 28), по-видимому, настолько стерлись как на самой местности, так и из памяти жителей, что новые могильные ямы пробили оглавия ранних могил 10 и 28. Мужское погр. 25 не пострадало только потому, что было совершено на глубине 1.20 м. И вновь, как и в случае с погр. 17, потревоженные черепа и кости были перезахоронены. Скорее всего, мы имеем дело со стереотипом поведения, который воспроизводился в случае обнаружения останков. Черепа не возвращали на прежние места и не отбрасывали, но перезахоранивали в новую могилу, возможно, с совершением определенного обряда. Кладбище функционировало около 100–150 лет и часть перезахоронений происходила до истечения 70-летнего срока от времени погребения, т.е. в “зоне памяти”. Следовательно, останки воспринимались как погребения предков жителей деревни.

Как следует из плана земельной дачи с. Козина 1760-х годов, селище и могильник расположены в пределах ее заречной части (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к). История этого владения известна с начала XV в., когда кн. Юрий Дмитриевич Звенигородский передал с. Козинское с землями Савино-Сторожевскому монастырю. Судя по тексту грамоты, выданной ранее 10 мая 1404 г., до перехода к монастырю жители этого владения платили князю дань, ям, подводу, тамгу, осьмничее, костки, явку,

пересуд и правой десяток. Их судили “наместницы звенигородские и волостели и их тивуни” (Акты..., 1964. № 53. С. 79, 80). Состав владения реконструируется благодаря грамоте 1470–1472 гг., по которой кн. Андрей Васильевич (сын Василия II) выменял у монастыря наряду с с. Козинским “селище Дудинское, да село Поречкое, да деревню Демехово, да деревню Власьевскую, да три селища Власьевские: Ивашково, да Григореново, да Якушев” (Акты..., 1964. № 58а. С. 91). Шестое Дунинское селище, совпадающее с кустом Власьевских микропопонимов (Гончарова, Чернов, 2015), идентифицируется с “деревней Власьевской”.

Жители д. Власьевской около 1350–1475 гг. хоронили умерших не у Никольской церкви с. Козинского, а за восточной околицей деревни – возможно из-за удаленности от церкви. Погребения совершались по православному обряду: оглавия обращены к западу, а руки сложены на груди. Могилы имели рядность, но не были обозначены на земле валунами-гольгофами или плиточными надгробиями. Глубина могил колебалась от 0.3 до 1.2 м (главным образом, 0.5–0.7 м). Большинство погребений не содержало нательных крестов и инвентаря. Находка слезницы позволяет заключить, что священник совершал над умирающим таинство соборования.

Удалось выделить ранний (вторая половина XIV в.) и поздний (XV в.) этапы развития кладбища. Лишь в одном из трех случаев позднюю могилу копали, точно зная расположение ранней: видимо, такая преемственность была обусловлена родственными связями. Чаще поздние могилы затрагивали старые. При этом практиковалось перезахоронение черепов и других частей скелетов – жители деревни относились к останкам как к православным христианам и своим предкам (“родителям”).

Полученные данные свидетельствуют о значительной степени христианизации населения этой волостной деревни. Насколько они представительны и что дают нам для понимания процессов воцерковления сельского населения Московского края?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть этапы развития кладбища. В 1404–1472 гг. д. Власьевская – не менее трех процветающих усадеб у Можайской дороги – входила в подгородный приход, который не мог не испытывать влияния одного из монастырей Сергиевского круга. Поэтому второй этап развития кладбища вписывается в существующие представления о христианизации сельского населения. О раннем этапе развития этого селения известно, что оно располагалось на княжеских землях. Археологические материалы говорят о преемственной связи проживавших здесь людей с кругом населения, оставившего курганы XI – пер-

вой трети XIII в., содержавшие погребальный убор вятичей. Антропологические данные указывают на значительную роль автохтонного восточно-финского населения в формировании этой группы населения (Гончарова, Чернов, 2015). Судя по археологическим данным, около середины XIV в. эти люди начали хоронить своих близких таким образом, чтобы те смогли вскоре узреть Христа, грядущего в силе и славе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: т. I–III / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Т. III / Сост. И.А. Голубцов. М.: Наука, 1964. 688 с.
- Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.; Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2008. 280 с.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 281–326.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 366–388.
- Гончарова Н.Н., Чернов С.З. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М., 2015.
- Кренке Н.А. “Взлет на холмы”. Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. III: Ментальный ландшафт. Московские села и слободы / Ред. С.З. Чернов. М.: Наука, 2005. С. 293–325.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Макаров Н.А. Язычество и христианство // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 106–115.
- Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН, 1991 (Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 5). 200 с.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг.: Государственная археографическая комиссия АН СССР, 1922. 133 с.
- Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана / Отв. ред. Э.А. Шулёпова. М.: НИИ культуры, 1991. С. 73–97.
- Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв.: сб. ст. / Ред. Л.А. Беляев, Т.И. Макарова, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1995. С. 123–182.
- Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 1996 (Тр. Музея истории г. Москвы; Вып. 9). С. 60–96.
- Чернов С.З. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны усадьбы Поречье. Т. 3 // Архив Минкультуры МО. М., 1997. 46 с.
- Чернов С.З. Археологические исследования на селище у пос. Козья горка в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22034.
- Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. 2000. № 1. С. 63–81.
- Чернов С.З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 256, 257.
- Чернов С.З. Археологические исследования объектов археологического наследия “Шестое Дунинское селище” и “Грунтовый могильник Дунино” для их постановки на охрану в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 36327; 36328.
- Чернов С.З. Отчет об охранных археологических исследованиях Шестого Дунинского селища в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Чернов С.З., Лебедева Е.Г. Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978–2008 гг. // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 175–203.

THE CEMETERY OF THE VILLAGE VLASYEVSKAYA OF THE 14th – 15th cc. AND THE CONFIRMATION OF THE RURAL POPULATION OF MOSCOW KRAI

Sergei Z. Chernov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (chernovs@sumail.ru)

The article presents the materials of the ground cemetery of the medieval hamlet of the 14th–15th cc. This type of sites has been found for the first time. Dunin burial is attributed as a cemetery of the Volost hamlet Vlasyevskaya of Zvenigorod village Kozinskoye and dated back to the second half of the 14th – 15th c. The burials were being done in respect to the Christian Orthodox rite on the depth of 0.3–1.2 m and were not marked on the ground by headstones. The author connects the appearance of the cemetery in the middle of the 14th century to the stage of Christianization of the rural population.

Key words: Dunin ground cemetery, sixth Dunin ancient settlement, medieval hamlet, Kozinskoye, Zvenigorod udel, Viaticchi, funeral rite, Christianization.

REFERENCES

- Akty..., 1964. Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. [Acts of social and economic history of the Northern-Eastern Rus at the end of the 14th – the beginning of the 16th c.], III. L.V. Cherepnin, ed., I.A. Golubtsov, comp. Moscow: Nauka. 688 p.
- Alekseev A.V., 2008. Tserkovnye drevnosti Zvenigorodskoy zemli [Church antiquities of Zvenigorod land]. Ocherki tserkovnoy arkheologii. Moscow; Zvenigorod: Zvenigorodskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey. 280 p.
- Bogomolov V.V., Gonyanyy M.I., Zaidov O.N., Shebanin G.A., Shekov A.V., 2009. Arkheologicheskie issledovaniya pogosta XV–XVI vekov u sela Rozhdestveno [Archaeological researches of the churchyard of the 15th – 16th cc. near the village Rozhdestveno]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*, 5. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 281–326.
- Bogomolov V.V., Gonyanyy M.I., Zaidov O.N., Shebanin G.A., Shekov A.V., 2012. Arkheologicheskie komplekсы раннего этапа поселения при погосте у села Rozhdestveno [Archaeological complexes of early stage of habitation near the churchyard at the village Rozhdestveno]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*, 8. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 366–388.
- Chernov S.Z. Arkheologicheskie issledovaniya na selishche u pos. Koz'ya gorka v 1999 g. [Archaeological researches in the ancient settlement at the village Kozya gorka in 1999]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*. R-1. № 22034.
- Chernov S.Z. Arkheologicheskie issledovaniya ob"ektov arkheologicheskogo naslediya "Shestoe Duninskoe selishche" i "Gruntovyy mogil'nik Dunino" dlya ikh postanovki na okhranu v 2011 g. [Archaeological researches of the objects of the archaeological heritage "The sixth Dunin ancient settlement" and "The ground cemetery of Dunino" for their recording in 2011]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*. R-1. № 36327, 36328.
- Chernov S.Z. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Shestogo Duninskogo selishcha v 2012 g. [Report on the rescue archaeological researches of the Sixth Dunin ancient settlement in 2012]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1.
- Chernov S.Z., 1991. Sel'skie nekropoli XIV–XVI vv. na severo-vostoke Moskovskogo knyazhestva [Village necropolises of the 14th – 16th cc. on the north-east of Moscow Principality]. *Moskovskiy nekropol'. Istoriya. Arkheologiya. Iskusstvo. Okhrana [Moscow necropolis. History. Archaeology. Art. Conservation]*. E.A. Shulepova, ed. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury. P. 73–97.
- Chernov S.Z., 1995. Uspenskiy Dubenskiy Shavykin monastyr' v svete arkheologicheskikh dannykh [Uspenskiy Dubenskiy Shavykin Monastery in the light of archaeological data]. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. XIV–XVII vv.: sbornik statey [Culture of medieval Moscow. 14th – 17th cc.: collection of papers]*. L.A. Belyaev, T.I. Makarova, B.A. Rybakov, eds. Moscow: Nauka. P. 123–182.
- Chernov S.Z., 1996. Zaselenie vodorazdelov Radonezha po dannym arkheologicheskikh issledovaniy sel'tsa Nikol'skoe Poddubskoe [Inhabitation of water-parting lines of Radonezh on the data of archaeological researches of the village Nikolskoye Poddubskoye]. *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya: materialy*

- nauchnogo seminara [Archaeological sites of Moscow and Moscow region: materials of the scientific workshop]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow (Trudy Muzeya istorii goroda Moskvy; 9). P. 60–96.
- Chernov S.Z., 1997. Kompleksnye arkheologicheskie i istoriko-landshaftnye izyskaniya dlya razrabotki proekta zon okhrany usad'by Porech'e. T. 3 [Complex archaeological and historical and landscape surveys for the development of the project of the zones of the conservation of the manor Porechye. V. 3]. *Arkhir Ministerstva kul'tury Moskovskoy oblasti [Archive of the Ministry of culture of Moscow region]*. Moscow. 46 p.
- Chernov S.Z., 2000. Pogost Afanasiya i Kirilla Aleksandriyskikh v Radonezhe po dannym arkheologicheskikh issledovaniy 1997–1998 gg. [The churchyard of Afanasii and Cyrill Alexandriiskii in Radonezh on the data of archaeological surveys of 1997–1998]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*. 1. P. 63–81.
- Chernov S.Z., 2004. Selishcha na ruch'e Orzhavets u derevni Leshkovo i osobennosti material'noy kul'tury Radonezhskoy volosti v posledney chetverti XIII – pervoy polovine XIV veka [Ancient settlement on the stream Orzhavets at the village Leshkovo and the peculiarities of the material culture of Radonezhskaya Volost in the last quarter of the 13th – the first half of the 14th cc.]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 256, 257.
- Chernov S.Z., Lebedeva E.G., 2012. Pokrovskiy v Khot'kove monastyr' po dannym arkheologicheskikh issledovaniy 1978–2008 gg. [Pokrov in Khotkovo Monastery on the data of the archaeological researches of 1978–2008]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*, 8. A.V. Engovatova. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 175–203.
- Goncharova N.N., Chernov S.Z., 2015. Naselenie srednevekovoy derevni v svete antropologicheskikh i mikroelementnykh issledovaniy mogil'nika d. Vlas'evskoy [The population of a medieval hamlet in the light of anthropological and micro element researches of the cemetery of the hamlet Vlas'yevskoye]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: Arkheologiya, istoriya, kul'tura [Cities and ancient villages of medieval Rus: Archaeology, history and culture]*. Moscow.
- Krenke N.A., 2005. "Vzlet na kholmy". Arkheologicheskie raskopki selishcha Dubinkin les-1 i osvoenie Teplostanskoy vozvyshennosti v XIV–XV vv. ["Rise to the hills". Archaeological excavations of the ancient settlement Dubinkin les-1 and the exploitation of the Tepliy Stan altitude in the 14th – 15th cc.]. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskie landschafty [Culture of medieval Moscow: Historical landscapes]*, III. *Mental'nyy landschaft. Moskovskie sela i slobody [Mental landscape. Moscow settlements and sloboda]*. S.Z. Chernov, ed. Moscow: Nauka. P. 293–325.
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleeniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Dyakovo site. Culture of the population of the Moscow river basin in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 548 p.
- Makarov N.A., 2009. Yazychestvo i khristianstvo [Paganism and Christianity]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere: v 3 tomakh [Archaeology of northern Rus village of the 10th – 13th cc.: Medieval sites and cemeteries on the Kubenskoye lake: 3 volumes]*, 3. Moscow: Nauka. P. 106–115.
- Moskovskaya keramika..., 1991. Moskovskaya keramika: novye dannye po khronologii [Moscow ceramics: new data on chronology]. S.Z. Chernov, M.D. Poluboyarinova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy; 5). 200 p.
- Rogozhskiy letopisets [Rogozhskiy chronographer], 1922. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. XV. Vyp. 1. Petrograd: Gosudarstvennaya arkheograficheskaya komissiya Akademiya nauk USSR. 133 p.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ: МАТЕРИАЛЫ РАБОТ 2009–2014 гг.

© 2016 г. Л.А. Беляев, И.Н. Ершов, О.В. Зеленцова, С.В. Кузьминых

Институт археологии РАН, Москва

(labeliaev@bk.ru, ershovin@yandex.ru, olgazelentsova2010@yandex.ru, kuzminykhsv@yandex.ru)

С 2009 г. по настоящее время в зоне Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря проводятся археологические работы, заново осветившие этот незаурядный проект Патриарха Никона и раннюю вестернизацию Московии. Однако на монастырском холме открыты и слои гораздо более раннего поселения эпохи финальной бронзы – раннего железа. Кроме того, в слоях обнаружались переотложенные предметы из камня (эпоха неолита?); цельнолитой бронзовый кинжал, типология которого уводит в Сибирь; серия украшений финно-угорского типа, суммарно датируемых IX–XII вв., и др. Слоев этих периодов на холме не обнаружено, при этом особенность находок – их хорошее состояние. В статье публикуются все ранние находки и высказываются предположения о путях их появления на холме Нового Иерусалима.

Ключевые слова: неолит, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, культура текстильной керамики, раннее средневековье.

Ново-Иерусалимская экспедиция ИА РАН (руководитель – д-р ист. наук Л.А. Беляев) была создана в 2009 г. для участия в процессе воссоздания Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря (заложен в 1656 г.). За годы работ ею получен огромный и выдающийся по значению материал для характеристики развития культуры Московского государства в эпоху его расцвета (Бадеев и др., 2013. С. 59–67; Беляев, 2012. С. 23–30; 2013. С. 30–41; 2014а. С. 48–61; б. С. 2–5; Беляев, Глазунова, 2014. С. 341–349; 2015. С. 147–154; Воронова, 2012. С. 34–36; 2013. С. 53–58; Глазунова, 2013. С. 68–77; Капитонова, 2013. С. 42–52 и др.).

Однако в ходе раскопок, то тут, то там, на занятом ныне монастырем холме обнаруживались находки и слои, связанные с гораздо более древними эпохами. Таких объектов накопилось достаточно для того, чтобы попытаться осмыслить их присутствие.

Общее состояние культурного слоя на памятнике в момент начала работ, невзирая на многочисленные перекопы (кладбищенские, многократные строительные, инфраструктурные), может считаться удовлетворительным. Его мощность (1.5–2.5 м) не слишком велика, но достаточна для того, чтобы нижние уровни и ямы сохранялись при поздних вторжениях. До начала работ участки непотроженного слоя и сохранные части первых сооружений 1650–1680-х годов (жилых, церковных, производственных, мемориальных) занимали не менее 80% всей площади. Поэтому стратиграфические

контексты, в которых встречены интересующие нас вещи, выделяются надежно, но следует учитывать, что возраст архитектурного комплекса невелик – едва достиг трех с половиной веков.

Выделим, прежде всего, находки, взятые из сохранный предматерикового слоя. Они показывают, что на холме, задолго до появления монастыря, существовало, по крайней мере, одно поселение финала бронзового – начала раннего железного века (IX–III вв. до н.э.). Его слои были обнаружены осенью 2009 г. в районе восточного прясла ограды монастыря в ходе наблюдений за геологическими шурфами вдоль фундаментов стены и башен (рис. 1). Поселение довольно обширно, судя по фиксации в ходе дальнейших раскопок более позднего (переходного к раннедьяковскому) культурного слоя, занимавшего несколько десятков метров от северного склона холма до южного вдоль восточной стены монастыря (от Дамасской до Гефсиманской башни).

Культурный слой достаточно мощный (до 25–30 см), насыщен очажными камнями, лепной керамикой и другими артефактами (в раскопах (далее – р.) 7, 10, 41 и шурфах наблюдения (далее – ш.н.) 14, 41 и 92). В р. 26 к западу от Сионской башни у южного прясла погребенная почва не содержала древней керамики, но она есть в нижнем слое с примесью кирпичной крошки и извести. Практически все раскопы и шурфы расположены у самой восточной стены монастыря или неподалеку,

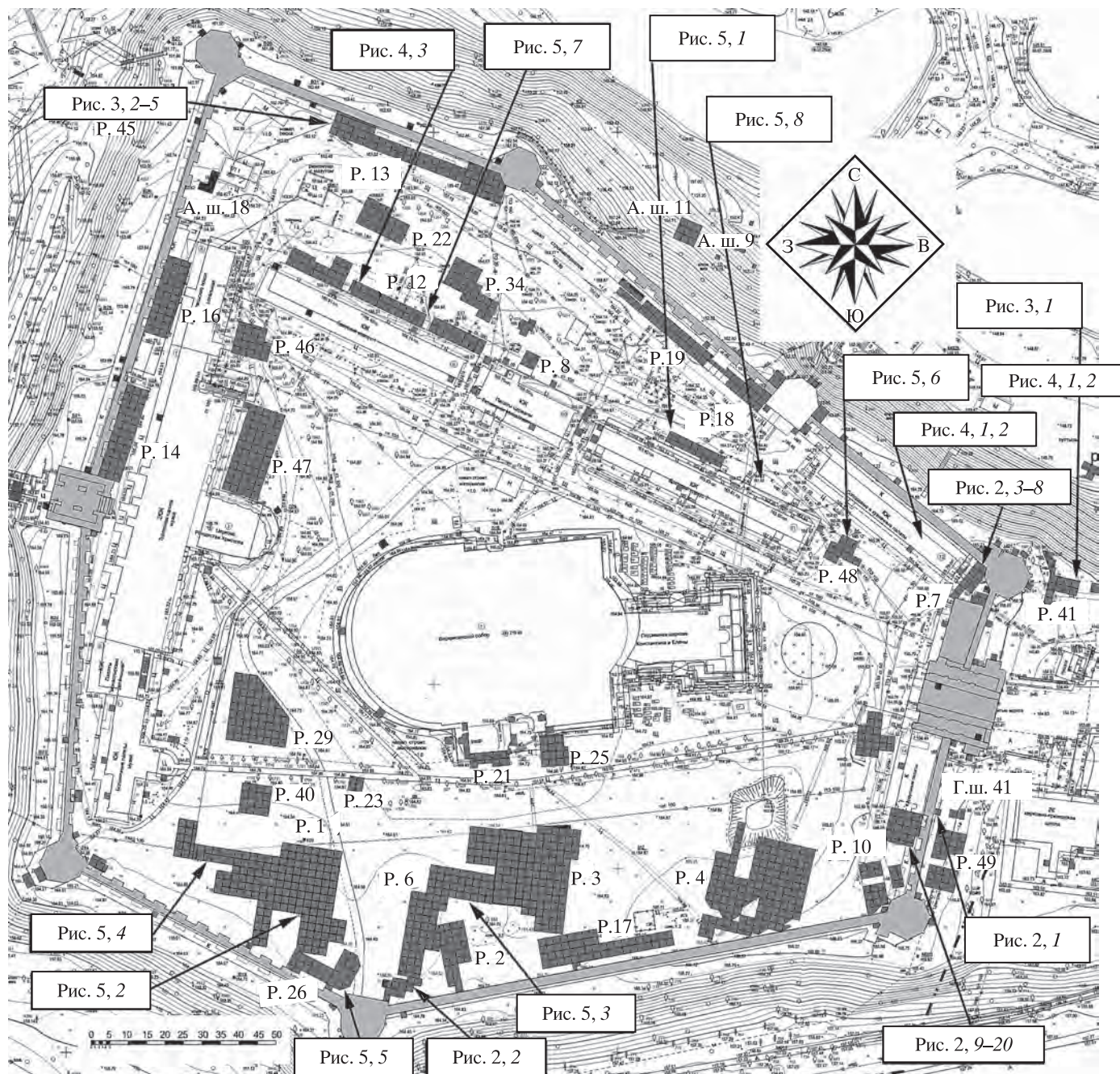

Рис. 1. Ново-Иерусалимский монастырь. Сводная схема раскопов 2009–2013 гг. с указанием мест, где были найдены древнейшие артефакты.

кроме р. 26, заложенного посередине южной стены рядом с Сионской башней. Весьма вероятно, что остатки культурного слоя находятся также к западу и востоку от восточного прясла ограды на 15–20 м. Лепная керамика (рис. 2, 3–20; 3, 1), по определению Н.А. Кренке, является типичной раннедьяковской и датируется в пределах VIII–V вв. до н.э. (в основном текстильный орнамент, однако часто встречаются орнаменты и в виде наклонных ямок-тычков по плечу слабопрофилированного

сосуда, и гребенчатого штампа; венчики сосудов вертикальные или слабоогнутые; ср. Кренке и др., 2010. С. 39). Довольно высокий процент орнаментов гребенчатого и “ямки-тычки” и характерный косой срез внутренней стороны ряда венчиков с гребенчатым орнаментом по этому срезу (рис. 2, 15, 18) свидетельствуют о том, что начало жизни на поселении приходится на рубеж IX–VIII вв. до н.э., а возможно, и на более раннее время (Кренке, 2011. С. 10).

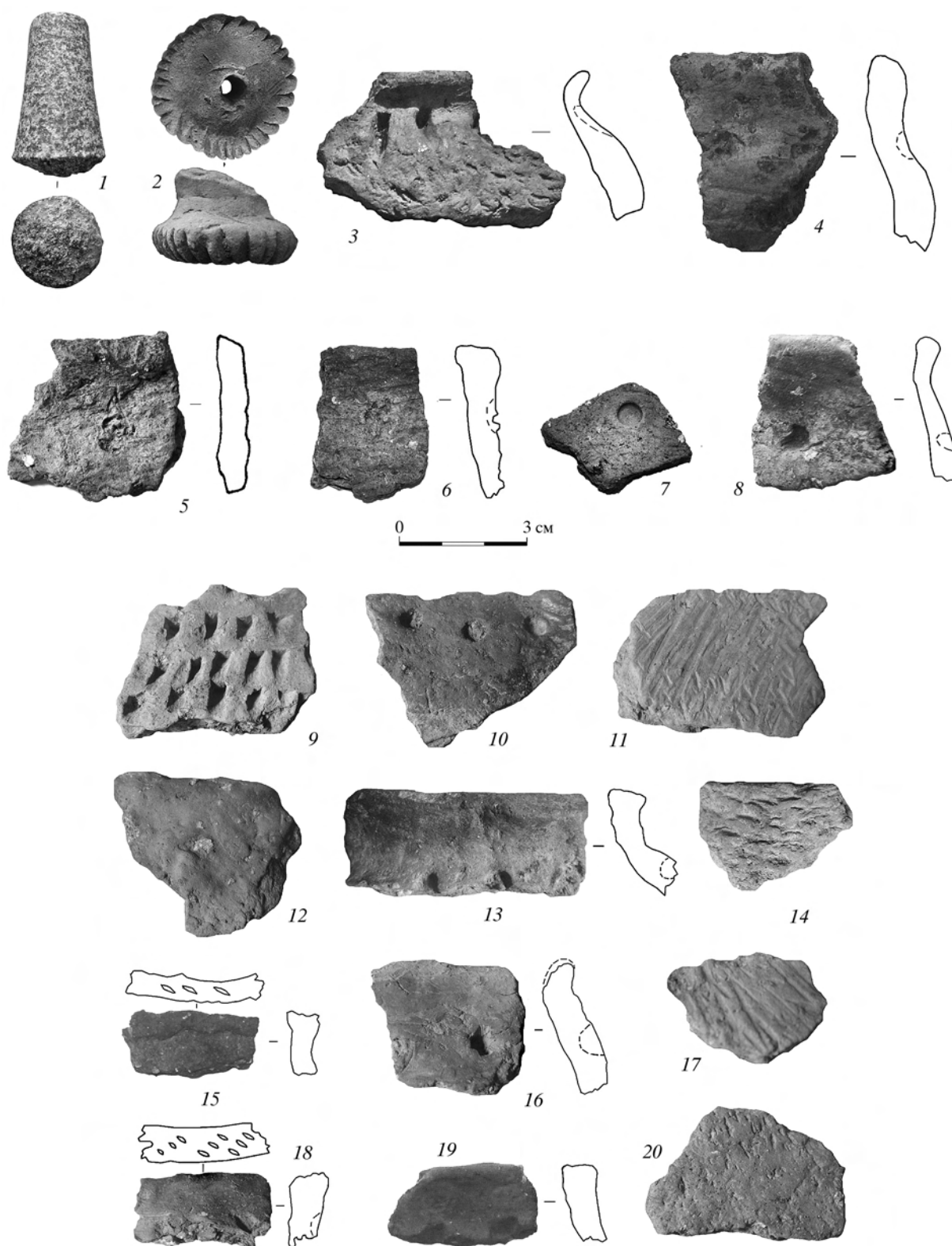

Рис. 2. Ново-Иерусалимский монастырь. Изделия из камня и глины: 1 – высверлина каменного топора (г. ш. 41); 2 – грузик дяковского типа (р. 6, уч. 6, кв. 40); 3 – фрагмент венчика сосуда эпохи финальной бронзы (ш. н. 8); 4–7 – фрагменты венчиков и стенки сосудов эпохи финальной бронзы (р. 7); 8 – фрагмент венчика сосуда эпохи финальной бронзы (ш. н. 41); 9–11, 14, 17, 20 – фрагменты стенок сосудов эпохи финальной бронзы и раннего железного века (р. 10, уч. 4, кв. 8, 12, 16); 12, 13, 15, 16, 18, 19 – фрагменты венчиков сосудов эпохи финальной бронзы (р. 10, уч. 4, кв. 8, 12, 16).

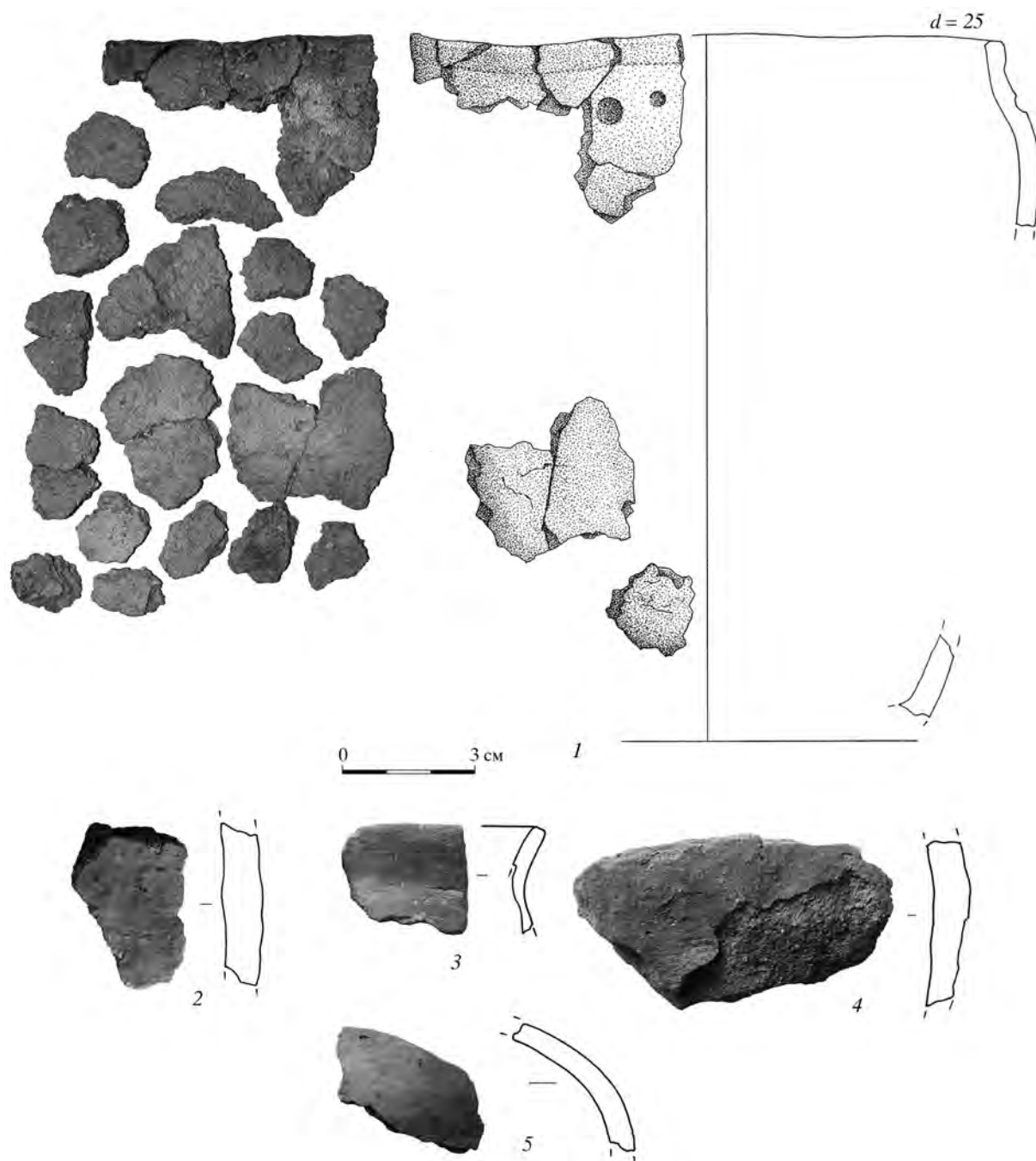

Рис. 3. Ново-Иерусалимский монастырь. Изделия из глины: 1 – развал лепного сосуда раннего железного века (р. 41, кв. 21, 22); 2, 3 – фрагменты стенок позднедьяковских сосудов (р. 13); 4, 5 – фрагменты подлощенных стенок позднедьяковских сосудов (р. 13).

Хорошим дополнением к комплексу керамики являются такие находки, как высверлина от каменного топора (рис. 2, 1), взятая непосредственно из раннедьяковского слоя (геологический шурф (далее – г.ш.) 41), и глиняный орнаментированный грузик дьяковского типа (рис. 2, 2), найденный в переложном виде у южной стены монастыря (р. 6). Не исключено, что к тому же вещевому комплексу

относятся отщепы и микропластина из р. 10. Каменная индустрия имела большое значение в культуре обществ финальной бронзы – раннего железного века Подмосковья, прекрасная иллюстрация тому – комплекс каменных и кремневых изделий с поселения Олимп близ Звенигорода, где есть и схожая высверлина от каменного топора (Кренке и др., 2010. С. 37. Рис. 3, 12). Аналогии грузику известны

в широком ареале дьяковских поселений (Кренке, 2011. С. 368, 369. Рис. 70, 71, 119–125) и датируются V–III вв. до н.э.

Работы 2013 г. позволяют предположить, что поселение было укреплено. В районе восточного прясла стены между Входиерусалимской церковью и Гефсиманской башней (р. 10) был выявлен сохранный участок раннедьяковского культурного слоя с небольшой ямкой, где собрана коллекция раннедьяковской керамики. В 6 м северо-восточнее раскопа, но уже снаружи существующей стены (г. ш. 41), также зафиксирован фрагмент культурного слоя раннедьяковского времени с керамикой и вещевыми находками, однако здесь он залегал глубже: на 1.5–1.6 м ниже культурного слоя в раскопе. Мы предполагали, что крепостная стена монастыря стоит на засыпанном рву дьяковского поселения, но р. 49 этого не подтвердил: вероятно, линия древнего рва и ров эпохи строительства монастыря, проходивший в меридиональном направлении через холм от Гефсиманской к Дамасской башне, здесь совпали. Подобная система укреплений (рвы без валов) очень характерна именно для памятников раннедьяковского времени Подмосковья (Кренке и др., 2010. С. 40). Возможность существования рва высока: он замыкал естественные овражные углубления, существовавшие, как показали работы на восточном рву монастыря (р. 41 и 49), с северного и южного склонов холма; их засыпали или углубили при сооружении рва в 1690-х годах. В р. 41 зафиксирован восточный край рва с сохранившимся слоем и такой же лепной керамикой, что позволяет полагать, что на северной части склона строители монастыря использовали существовавший ров древнего поселения.

Обитаемыми эти территории оставались и в позднедьяковское время, о чем свидетельствуют находки небольшой коллекции лепной гладкостенной керамики позднедьяковского времени, собранные в р. 13, заложенном внутри монастырской ограды в отложениях оранжереи XIX в. (рис. 3, 2–5). Коллекция состоит из фрагментов гладкостенной и подлощенной керамики, датирующейся Н.А. Кренке I–V вв. н.э. Можно предполагать, что эта керамика попала в раскоп не с площади монастырского раннедьяковского поселения, а откуда-то извне с одного из селищ позднедьяковского времени: необходимая для оранжерей богатая органикой земля имела в то время их функционирования на монастырских огородах в пойме р. Истра к северу и северо-востоку от монастыря, на берегах монастырских прудов. Вероятно, именно там следует искать позднедьяковское селище. Окрестности Истры в позднедьяковское время были достаточно плотно заселены: известны

селища Трусовские 1 и 2 (Археологическая карта..., 1997–1998. Ч. 4. № 852 (34), 853 (36)), два селища у с. Вельяминово (Археологическая карта..., 1997–1998. Ч. 4. № 66 (47), 867 (61)), селище у с. Качаброво (Археологическая карта..., 1997–1998. Ч. 4. № 874 (44), 875 (45)) и др.

Это все, что пока известно о поселении дьяковской эпохи, несомненно здесь существовавшем. Однако на соседних (а в некоторых случаях – и на достаточно удаленных от обнаруженных пятен культурного слоя раннего железного века) участках было встречено значительное количество находок, которые нельзя (без хронологических или географических натяжек и при нынешнем уровне знаний) уверенно связать ни с этим поселением, ни с самим монастырем. Опишем их в традиционном порядке, от каменных изделий к металлическим.

В погребенной почве в основании культурных отложений внутри Солодовых палат, вплотную примыкающей к северному пряслу монастырской стены между Ефремовой и Дамасской башнями, были обнаружены серповидный и кинжаловидный ножи (шурфы наблюдения (далее – ш. н.) 69 и 87).

Важно, что кремневые ножи найдены недалеко друг от друга и происходят из слоя, отложившегося, несомненно, ранее строительства монастыря. Длина кинжаловидного ножа – 62 мм, ширина у рабочей части – 24 мм, толщина – 6 мм. Форма ножа вытянуто-подтреугольная (рис. 4, 1). Боковые края довольно аккуратно подправлены плоской ретушью, обушок приостренный. Длина серповидного ножа – 112 мм, ширина – 26 мм, толщина – 6–7 мм. Нож имеет подпрямоугольно срезанный по отношению к длинным сторонам и приостренный плоской ретушью торец, а также слабовыделенный клювовидный конец-острие (рис. 4, 2). Лезвия ножей по краям обработаны пальчатой ретушью, необходимой, очевидно, для срезки стеблей растений. Оба изделия изготовлены из одинакового по цветности пестроватого коричнево-темно-серого кремня в технике двустороннего неполного ретуширования поверхности массивных пластинчатых сколов. Среди фасеток различаются более старые и более свежие (вероятно, изделия многократно подновлялись). На концах серповидного ножа и на одной из длинных сторон кинжаловидного ножа в средней части видна заполированность, возникшая, очевидно, в результате интенсивного использования орудий в однотипной трудовой операции (скорее всего, в срезке травянистых растений).

Ножи могут быть предварительно датированы эпохой поздней бронзы. Возможно, это часть клада, разрушенного и рассеянного по площади монастыря при строительстве (предметы найдены буквально на западной окраине описанного выше

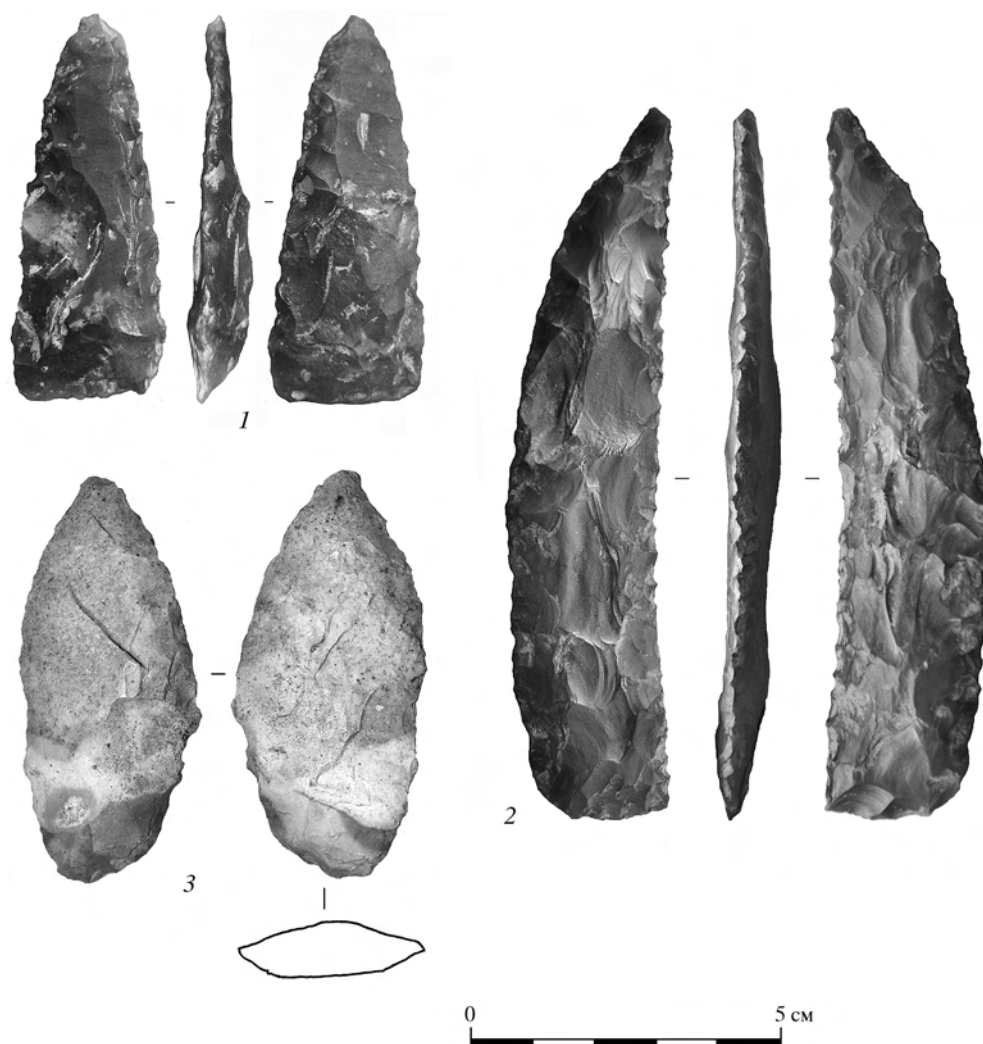

Рис. 4. Ново-Иерусалимский монастырь. Изделия из кремня: 1 – нож (ш. н. 69); 2 – нож-серп (ш. н. 87); 3 – наконечник дротика иволистный (р. 12, уч. 5, кв. 31).

поселения начала раннего железного века). Техника обработки и морфология изделий высокая, напоминает технику некоторых фатьяновских кремневых орудий (ножи-острия), обнаруженных в Подмоскowie (Археология парка Царицыно..., 2008. С. 45. Рис. 37, 9, 10, 12).

Добавим, что из каменных изделий в слоях монастырских отложений XVIII–XIX вв. найдены нескольких отщепов и микропластинок, а на раскопе 12 – наконечник листовидного двустороннеобработанного дротика, вероятно, относящегося к эпохе неолита (рис. 4, 3). Судя по цветности кремня, он, как и два каменных ножа, сделан из местного сырья.

В коллекции бронзовых изделий самое раннее и самое необычное – двулезвийный цельнолитой кинжал (рис. 5, 1). К сожалению, твердых стратиграфических оснований для того, чтобы отнести его

к упомянутому выше поселению, нет. Он найден в переотложенном состоянии у северного фасада восточного Братского корпуса (XVIII – начало XX в., досоветский период) и, с известным допуском, по времени бытования соотносится с вещами и керамикой из культурного слоя поселения эпохи финального бронзового – раннего железного века, от основного пятна которого был найден на расстоянии 20–30 м. Несмотря на то, что иные версии его попадания на территорию монастыря (в качестве объекта раннего коллекционирования, подарка кому-нибудь из монастырской братии и т.п.) мало вероятны, полностью исключать их нельзя.

Общая длина кинжала составляет 282 мм, длина клинка – 162 мм, ширина – 37 мм, толщина – 6 мм. Длина рукояти (вместе с навершием и перекрестием) равна 120 мм, ширина доходит до 24 мм, толщина – до 13 мм. Длина перекрестия – 65 мм, ширина – 11 мм,

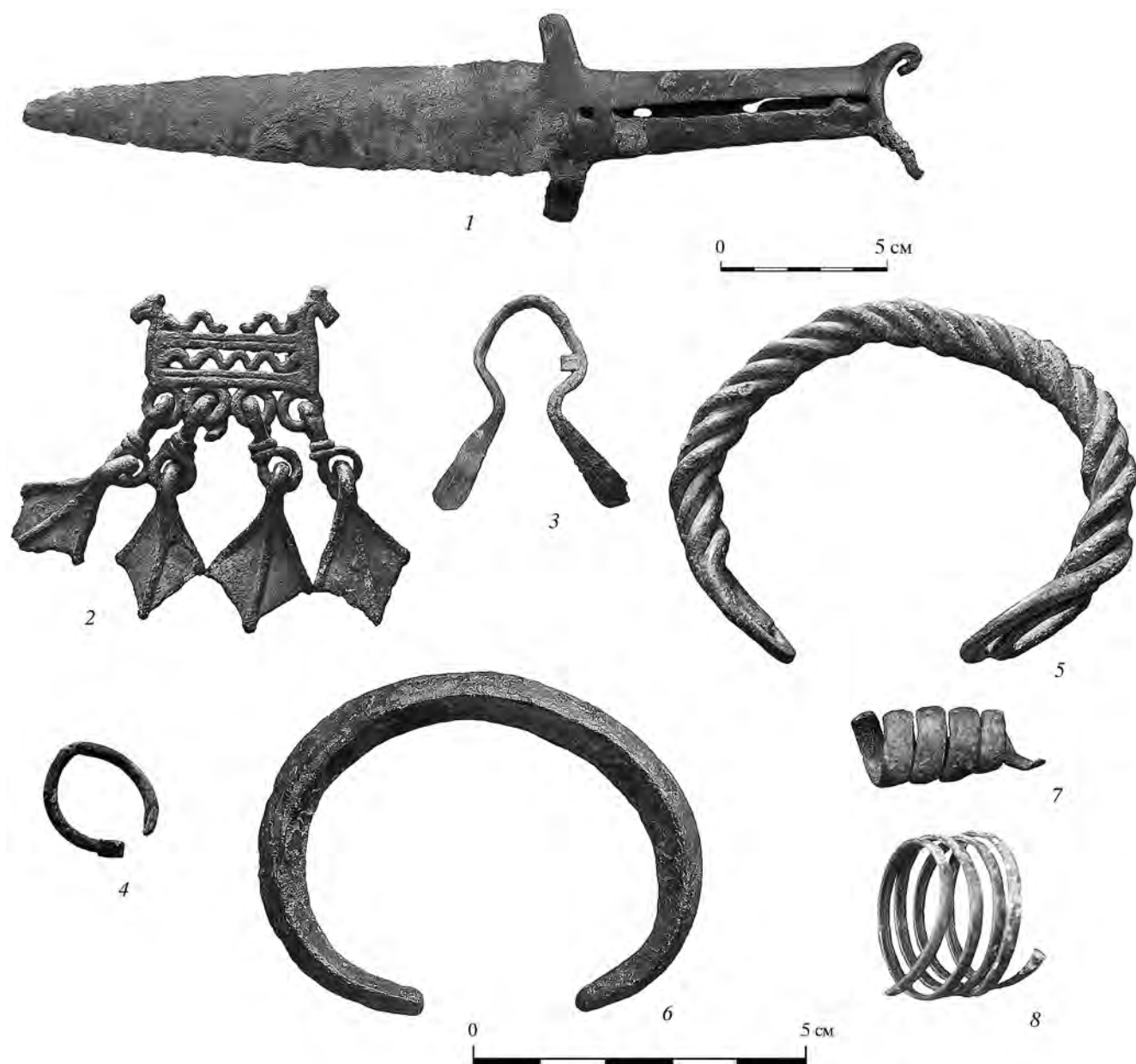

Рис. 5. Ново-Иерусалимский монастырь. Изделия из бронзы: 1 – кинжал литой (р. 18, кв. 8); 2 – подвеска (р. 1, уч. 2, кв. 22); 3 – застёжка-сюлгана (р. 6, уч. 7, кв. 54); 4 – фрагмент кольцевидной сюлганы (р. 1, уч. 14, я. 7); 5 – браслет витой (р. 26, уч. 2, кв. 23); 6 – браслет дровотый цельнолитой (р. 48, уч. 3, кв. 20); 7 – пронизка спиральная (ш. н. 86); 8 – фрагмент спиральной пронизки (р. 12, уч. 3, кв. 14).

толщина – 6–7 мм. Кольцевое навершие (диаметром до 35 мм) было сломано в древности или находчиками. Рукоять – полая, овальная в сечении, с одной стороны – с прорезью в виде узкой щели по всей длине рукояти. Два отверстия с противоположной стороны (верхнее с литейным браком), вероятно, имели технологическое значение – для фиксации в двухстворчатой литейной форме глиняного вкладыша для формовки полости в рукояти и щели. С одной стороны вкладыш узкой выступающей час-

тью опирался на стенку первой матрицы, благодаря чему при отливке формировалась щель; другая его сторона фиксировалась во второй матрице с помощью двух шпёчков. Отверстия как раз указывают на место их упора в стенку литейной формы. После отливки через щель вкладыш выколачивался из рукояти. Этим облегчался вес оружия и экономился металл. Клинок – подтреугольно-листовидной формы, со сглаженным ребром посередине, несколько асимметричный в плане (по отношению к рукояти),

с выщербленным лезвием ромбовидно-линзовидным в сечении. Гарды перекрестия слегка опущены, на концах утоньшены со слабо намеченными выемками при упоре в них клинка.

Кинжал хорошей сохранности. Морфологически (опущенные с выемкой гарды перекрестия, полая со щелью рукоять, кольцевое навершие) оружие относится к карасукскому типу, известному в археологических комплексах и среди случайных находок конца позднего бронзового века Южной Сибири (Членова, 1967. С. 14. Табл. 3, 1–3; 1976.

Табл. 2, 1–9). Н.Л. Членова относил подобные кинжалы к особой группе так называемых предтагарских кинжалов (1976. С. 35). Не вдаваясь в сложную проблематику, связанную с их принадлежностью к карасукской или лугавской культурам (Хаврин, 1994. С. 108–113), отметим, что бронзовые кинжалы близких форм продолжают бытовать на раннем этапе тагарской культуры. Однако морфологически кинжал из Нового Иерусалима все же ближе к образцам финала бронзового века Южной Сибири и может быть датирован XII/XI–IX/VIII вв. до н.э.

Рентгено-флуоресцентный анализ кинжала (рис. 5, 1), проведенный в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН

Анализ (№)	Металл, %									
	Cu	Sn	Pb	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
50340	82.7	7.78	0.09	0.06	0.05	0.22	1.68	0.36	0.45	0.1

Кинжал отлит из оловянно-мышьяковой бронзы; несколько повышенное содержание сурьмы и никеля в этом многокомпонентном сплаве, вероятно, геохимически взаимосвязано с лигатурой мышьяка.

Нет сомнения в том, что при любой из версий попадания кинжала в Новый Иерусалим (древний импорт и связь с вещами и керамикой из культурного слоя открытого рядом поселения эпохи финальной бронзы или диковинная вещь, привезенная в монастырь в Новое время), он был изготовлен, скорее всего, в производственных центрах карасукской или лугавской культур Южной Сибири или переходного карасук-тагарского времени. В суммарных аналитических сериях этих культур доминируют мышьяковые бронзы (Бобров и др., 1997. Табл. 3, 4. Рис. 19). Оловянно-мышьяковые бронзы заметны здесь лишь в единичных сериях (могильники Устинкинский и Малые Копёны; Бобров и др., 1997. С. 65, 66), но тем не менее они были в ходу у минусинских литейщиков еще с начала позднего бронзового века, со времени окуневской культуры (Хаврин, 2008. Табл. 9, 10), и для них характерно повышенное содержание сурьмы и никеля. Этот сплав использовался на Енисее и в раннетагарскую эпоху (Хаврин, 2000. Табл. 1–3).

Следующие находки из бронзы объединяются в единую хроно-культурную группу. Они могли бы рассматриваться как остатки еще одного поселения или, что вероятнее, учитывая хорошее состояние вещей, – древнего могильника, уничтоженного при строительстве монастыря, и суммарно датироваться X–XII в. (рис. 5, 2–8).

В юго-западной части монастыря (р. 1) в погребенной почве (слой серой супеси с включениями угля), перекрытой слоем строительства каменной ограды 1690-х годов (встречена керамика XVII в. и монеты царя Алексея Михайловича), была найдена практически целая бронзовая коньковая подвеска с прямоугольным щитком и подвесными лапками (рис. 5, 2). Подобные украшения широко известны в древностях поволжских финнов и наиболее характерны для раннесредневековой мордвы. Согласно типологии Л.А. Голубевой, подвеска из Истры относится к варианту 4 (1979. С. 50. Табл. 21, 6–8). Наиболее близкая ей находка происходит из Пановского могильника, расположенного на р. Цна, из погребения середины XI в. (Материальная культура..., 1969. Табл. 7, 5). Подвеска, найденная в Ново-Иерусалимском монастыре, отличается от известных по материалам мордовских могильников подвесок малым размером щитка и несоразмерно крупными по сравнению с ним лапками, что наводит на мысль о ее более поздней датировке.

С финскими древностями связаны и две застёжки-сюлгамы: с расплюснутыми отогнутыми концами – из верхнего более позднего слоя засыпки колокололитейного сооружения (р. 6; рис. 5, 3); кольцевидная спиралеконечная – из ямы (объект 7), по керамике и стратиграфическому положению датирующейся не ранее второй половины – конца XVII в. (рис. 5, 4). Эти типы застёжек часто встречаются вместе и широко известны в мордовских могильниках XI – первой половины XII в. в Примокшанье и Притешье (Мартыанов, 2001. С. 59. Табл. 18, 1, 4; Беляев и др., 1998. С. 12. Рис. 14, 12, 14). Близким

временем датируется бронзовый витой из согнутой вчетверо проволоки петлеконечный браслет (рис. 5, 5), найденный в слое темно-серой супеси с битым кирпичом и углями (балласт XX в.). В Новгороде такие браслеты известны с XI–XII вв. и бытуют до XIV в. (Седова, 1981. С. 95, 96. Рис. 34, 12).

Близко к краю раннего поселения против торца восточного Братского корпуса и примерно посередине фасада Солодовых палат (раскоп 48) в переотложенном виде (мог попасть в фундаментный ров во время строительства каретного сарая) при расчистке фундамента был найден цельнолитой с несомкнутыми чуть суженными концами браслет, сделанный из четырехгранного дрота ромбического сечения, несколько более поздний по времени, чем витой (рис. 5, 6). Аналогии ему известны в новгородских древностях (Седова, 1981. С. 95, 96. Рис. 37, 19), в Ефаевском, Стародевиченском могильниках в Примокшанье в комплексах XII–XIII вв. (Горюнова, 1948. Табл. XXVI, 13. С. 124; Петербургский, 2009. Рис. 5, 13). Похожие браслеты в это же время были распространены в мордовских могильниках Нижегородского края (Мартьянов, 2001. Табл. 36, 16). Примечательно, что у средневековой мордвы оба браслета встречаются вместе с описанными выше сюлгами (Беляев и др., 1998. С. 12. Рис. 47, 13; 52, 4).

С тем же кругом вещей соотносятся бронзовые спиральные пластинчатые пронизки, очень похожие на обмотку “пулакери” – популярного в это же время украшения косы (рис. 5, 7, 8). Одна пронизка (р. 12) происходит из котлована (яма (далее – я.) 6) заглубленной постройки-погребка. Керамический материал и стратиграфия, как и индивидуальные находки (особенно медные копейки царя Алексея Михайловича), относят его ко второй половине XVII – началу XVIII в. (в этот момент погреб засыпали). В яме отмечено скопление фрагментов медных изделий, которые можно причислить к лому, приготовленному, вероятно, на переплавку. Вторая пронизка происходит из Солодовых палат из слоя серой супеси с углем, который по материалу датируется второй половиной XVII в. (ш.н. 86).

Описанные разрозненные украшения образуют достаточно однородный комплекс. Все они имеют аналоги в материалах мордовских могильников XI–XII вв. Хорошая сохранность и концентрация изделий в одной части монастырской территории (в основном на юго-западе холма) может косвенно свидетельствовать о происхождении их из погребений указанного периода. В то же время находки артефактов поволжско-финского круга так далеко на западе от коренных территорий Окско-Сурского

междуречья – неординарное явление, вызывающее вопросы.

Большинство находок происходит из монастырских слоев, однако частично они могли попасть в землю в 1941 г., когда Новый Иерусалим был фактически полностью разрушен. Мы попытались сопоставить находки с предвоенными коллекциями музея, в фонды которого были переданы материалы раскопанного Б.А. Куфтиным в 1921 г. финского могильника у с. Нарма Касимовского р-она Рязанской обл. Сохранившийся фрагмент акта от 21 октября 1938 г. повествует о передаче коллекции из 14 предметов на хранение в музей¹. Поиски этого памятника привели к “Археологической карте России” (Рязанская обл.; 1994. С. 20), в которой под № 771 значится финский грунтовый могильник середины – второй половины I тыс. н.э. у с. Нарма (ныне – Ермишский р-он). В настоящее время в фондах музея хранится несколько находок с шифром “Нарминский могильник”. Это серповидная гривна с трубчатыми подвесками, ожерелье из бронзовых пронизок и крупных бус из красного глухого стекла, фрагмент цепочки и лопастная сюлгама. Все эти вещи относятся к кругу поволжско-финских украшений, но имеют разную датировку: ожерелье датируется не позднее VII в., гривна – IX в., а сюлгама – XVII–XVIII вв. Кроме того, в довоенных коллекциях имеется аналогичный найденному бронзовый цельнолитой браслет с несомкнутыми чуть суженными концами, что делает наше предположение о происхождении этих предметов из коллекции музея вполне вероятным.

Таким образом, несмотря на то, что однозначно в коллекции Б.А. Куфтина находки из раскопок Нового Иерусалима распознать не удалось, полностью исключить их связь с довоенными коллекциями музея нельзя, поскольку вещи, происходящие из мордовских памятников, там имеются.

Интересно, что и вещевые находки, и слои сконцентрированы на периферии монастырской территории (рис. 1). Вероятно, этому есть простое объяснение: весь центр площадки занят огромным Воскресенским собором, а раскопки внутри здания по площади сравнительно незначительны (менее вероятно другое объяснение: тяготение населенных в разные исторические периоды площадок к воде).

Насколько находки укладываются в археологический контекст этой территории Подмосковья?

¹ Акт передачи материалов из раскопок Нарминского курганного могильника в экспозиционный отдел МОМ. 21.10.1938 г. // Научно-ведомственный архив Музейно-выставочного комплекса “Новый Иерусалим”.

Хорошо ли они вписаны в общую картину жизни человека на Истре?

Зона, центром которой являются холм и прилегающая территория, – один из узловых пунктов освоения долины реки и ее притоков. Это не дикая и пустынная, но хорошо знакомая, несколько тысячелетий осваиваемая человеком местность. Археология свидетельствует о периодическом освоении заметной топографической доминанты, холма будущего Нового Иерусалима, с очень раннего времени. Хотя в окрестностях памятников эпохи неолита пока не обнаружено, отрицать их существование здесь, учитывая общую распространенность неолитических местонахождений в Волго-Окском регионе, было бы странно.

Более основательно местность стали осваивать с приходом в Москворецкий регион племен с развитым производящим хозяйством (фатьяновская археологическая культура, середина III – начало II тыс. до н.э.). Близ города, рядом с с. Трусово в 1930-х годах начали исследовать Истринский или Трусовский могильник фатьяновской культуры (Крайнов, 1963), ныне полностью разрушенный коттеджной застройкой. Следует полагать, что для ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства фатьяновцы освоили обширные пространства поймы и коренных берегов в довольно широкой долине Истры – и в черте современного города, и близ монастырского холма. Во всяком случае, то, что в конце бронзового века на нем (или невдалеке) появились первые поселенцы, – вполне вероятно. В эту канву, в принципе, могут быть, хотя и с известными допущениями, встроены уникальные для региона кремневые находки – серповидный и кинжаловидный ножи и даже сибирский кинжал.

Об освоенности окрестностей холма в раннем железном веке, прежде всего в дьяковский период, сказано выше. Отметим только, что до начала строительства монастыря территория речной поймы вокруг монастырского холма длительное время подвергалась распашке, начавшейся, вероятно, не позже I тыс. до н.э. Результаты палинологического анализа донных отложений старичных русел реки у Богоявленской пустыни монастыря показали наличие в непосредственной близости посевов ржи.

В XIV–XVI вв. земли, примыкавшие к современному г. Истра в радиусе 5–6 км, были пограничем трех станом: Горетова, Сурожского и Мушкова (Юшко, 1991, С. 12; Чернов, 2005. С. 17). Административные центры этих достаточно крупных территориальных образований располагались, как полагают, недалеко от монастыря: Лучинское/Луцинское – в 1 км к западу, Ильинский погост – в 3 км к югу, Мушково/Мушков погост (ныне Бужа-

рово) – в 7 км к северу (Чернов, 2005. С. 22). Сама их близость говорит о том, что села возникли в хорошо освоенном и плотно населенном регионе, где было что делить и экономические интересы приходилось отстаивать.

Хотя современники патриарха Никона, Николас Витсен и Иван Шушерин, отметили, что зона холма до начала строительства монастыря не была заселена (“пустыня”), – это явное агиографическое клише, призванное оттенить преобразование местности в результате появления монастыря. Земли западного Подмосковья в Смутное время подверглись сильному опустошению, многие села и деревни прекратили свое существование, поля заросли лесом, и все же при устройстве монастыря патриарх столкнулся с проблемой при скупке земли и населенных деревень в ближней округе Нового Иерусалима, которую он активно решал. Значит, пустынных и никому не принадлежавших земель здесь было не так много (У стен Нового Иерусалима..., 2010. С. 22–31).

Отщепы, микропластинки и каменный наконечник могут говорить о кратковременных посещениях холма древними обитателями ближней округи в неолитический период, хотя памятники этого времени в окрестностях Истры пока не выявлены. Массовый материал указывает на постоянное проживание людей на площадке холма и в его ближайших окрестностях, о плотном хозяйственном освоении территории, начале активного антропогенного воздействия на ландшафт начиная с раннедьяковского времени.

Однако такие находки, как бронзовый кинжал с его сибирской родословной и не слишком подходящей хронологией, в эту картину встраиваются с трудом. Они требуют специального объяснения. В качестве такового были выдвинуты следующие предположения о их попадании в слой: в связи с возможным разграблением Истринского музея во время боев 1941 г. под Москвой; выпали в слой при создании музея в 1920-х годах, следовательно, происходят из собраний “курьезностей” XVIII–XIX вв., например, входили в состав одного из первых епархиальных музеев России, “Музея Патриарха Никона”, или частных коллекций, свозившихся в монастырь при образовании нового областного музея; сравнительно крупные металлические предметы были привезены в монастырь в XVII–XVIII вв. как сырье для литья колоколов; часть вещей попала в слой при разрушении монастыря в 1941 г. (см. выше).

Авторам статьи ни одна из версий не представляется надежной. Стратиграфические условия залегания большинства вещей, как правило, ис-

ключают их попадание в слои после 1917 г. — переложенные предметы взяты в основном из толщи строительных работ и ремонтов XVII–XIX вв. В то же время период массовой отливки колоколов в монастыре приходится на 1650–1660-е годы, а это слишком рано для того, чтобы предполагать завоз в Подмоскovie на переплавку материалов из Сибири. В слоях монастыря, в том числе вблизи колокололитейного комплекса, не обнаружено скоплений посторонних предметов из бронзы, которые могли бы использоваться как сырье, зато фрагменты разбитых колоколов там присутствуют. Не будем забывать и о каменных орудиях, ведь они никак не связаны с литьем из бронзы (но древние орудия, как известно, вторично использовались в средневековье).

Конечно, такое скопление хорошо сохранившихся предметов при ограниченном присутствии керамики подозрительно. Вероятно, нельзя совсем исключить попадания в монастырь разного рода редкостей, в том числе и сибирских, в период служения здесь таких представителей просвещенного духовенства, какими были архимандриты XIX в. Амвросий (Зертис-Каменский), Амфилохий (Казанский-Сергиевский), Леонид (Кавелин) и др. Но нет и свидетельств, которыми можно эту версию поддержать, кроме коллекции украшений (условно названной нами “мордовской”), которую допустимо связать с довоенными собраниями музеев.

Отметим, что среди находок в слоях монастырско-го времени отмечены и средневековые вещи, более древние, чем сам монастырь. Например, небольшой фрагмент крупной стеатитовой резной византийской иконы (XII–XIII вв.) и золотая монета короля Венгрии Януша Корвина (вторая половина XV в.). Относительно них можно выдвинуть те же предположения, но им находится не менее логичное объяснение как предметам из патриаршей ризницы (золотые монеты служили наградами; их жертвовали к чтимым иконам для украшения, и т.д.). Полагаем, что несмотря на необычный и, с точки зрения наших сегодняшних знаний о распространении артефактов, уникальный характер ряда находок, их включение в археологические карты как (условно или безусловно) связанных с бассейном Истры, необходимо.

Выражаем глубокую благодарность Н.А. Кренке за ценные консультации, которые он предоставлял авторам статьи в течение нескольких сезонов работ Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН.

Выражаем благодарность главному хранителю Н.И. Сафоновой и ведущему научному сотруднику С.В. Беловой Музейно-выставочного комплекса “Новый Иерусалим” за любезно предоставленную информацию о коллекции из курганного могильника у с. Нарма и возможность ознакомиться с актом передачи его материалов в музей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 2 / Под ред. Ю.А. Краснова. М.: ИА РАН, 1994. 197 с.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4: Воскресенский, Егорьевский, Зарайский, Каширский, Коломенский, Луховицкий, Озерский, Серебряно-Прудский, Серпуховский, Ступинский, Чеховский районы. Дополнения / Авт.-сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевский; отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.
- Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Авт.-сост. Н.А. Кренке; отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2008. 364 с.
- Бадеев Д.Ю., Русаков П.Е., Майорова Е.В. Старый деревянный дворец и Каменные палаты в Ново-Иерусалимском монастыре: археологические исследования 2009–2011 гг. // РА. 2013. № 1. С. 59–67.
- Беляев Л.А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 5 / Под ред. А.Б. Бодэ. СПб.; М.: Изд. дом “Коло”, 2012. С. 23–30.
- Беляев Л.А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. 2013. № 1. С. 30–41.
- Беляев Л.А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: предварительная публикация находок 2013 года // В созвездии льва: сб. статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица / Отв. ред. М.А. Орлова. М.: БуксМАрт, 2014а. С. 48–61.
- Беляев Л.А. Фляга патриарха Никона и ее европейские аналоги // Живая старина. 2014б. № 4. С. 2–5.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Вино и чернила: керамические “книжки” из Подмоскovie (предварительная публикация) // “По любви, в правде, безо всякие хитрости”: Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 2014. С. 341–349.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Маркеры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук “Традиции и инновации в истории и культуре” / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М.: ОИФН РАН; ИЭА РАН, 2015. С. 147–154.
- Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. Саранск: Красный Октябрь, 1998. 168 с.
- Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.

- Воронова О.А.* Колоколотейный комплекс XVII в. на территории Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 5 / Под ред. А.Б. Бодэ. СПб.; М.: Изд. дом "Коло", 2012. С. 34–36.
- Воронова О.А.* Фундаменты Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // РА. 2013. № 1. С. 53–58.
- Глазунова О.Н.* Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, предварительная атрибуция // РА. 2013. № 1. С. 68–77.
- Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (Археология СССР. САИ; Вып. ЕІ-59). 313 с.
- Горюнова Е.И.* Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Под общ. ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганова, Ю.А. Коткова. Саранск: Мордовское гос. изд-во, 1948. С. 112–172.
- Капитонова М.А.* Архитектурно-археологическая стратиграфия и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря // РА. 2013. № 1. С. 42–52.
- Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры: Московская группа. М.: Наука, 1963 (Археология СССР. САИ; Вып. 1-19). 52 с.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Елкина И.И., Ершов И.Н., Леонова Е.В., Чернов С.З.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в районе Звенигорода // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 34–50.
- Мартыанов В.Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.
- Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Под общ. ред. А.П. Смирнова. Саранск: Мордовское книжн. изд-во, 1969. 129 с.
- Низовцев В.А.* Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы // Культура средневековой Москвы. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М.: Наука, 2004. С. 41–51.
- Петербургский И.М.* Мордва среднего Примокшанья в XI–XIV вв. Саранск: Красный Октябрь, 2009. 240 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- У стен Нового Иерусалима: История города Воскресенска – Истры / Отв. ред. Н.А. Абакумова; науч. ред. Е.А. Воронцова. М.: Лето, 2010. 431 с.
- Хаврин С.В.* Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. Вып. 8. СПб.: Фарн, 1994. С. 104–113.
- Хаврин С.В.* Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. к 60-летию М.Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 183–193.
- Хаврин С.В.* Древнейший металл Саяно-Алтая // Изв. Алтайского государственного университета. № 4/2. Барнаул: АлтГУ, 2008 (История). С. 210–216.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 252 с.
- Членова Н.Л.* Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.
- Чернов С.З.* Домен московских князей в городских стенах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 2005. 688 с.
- Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV вв. М.: Наука, 1991. 200 с.

THE MOST ANCIENT FINDS ON THE TERRITORY OF THE NEW JERUSALEM MONASTERY: MATERIALS OF WORKS 2009–2014

Leonid A. Belyaev, Ivan N. Ershov, Olga V. Zelentsova, Sergei V. Kuzminykh

Institute of Archaeology RAS, Moscow

(labeliaev@bk.ru, ershovin@yandex.ru, olgazelentsova2010@yandex.ru, kuzminykhsv@yandex.ru)

Since 2009 till the present the archaeological works, which lightened anew this extraordinary project of the Patriarch Nikon and early westernization of Muscovy, have been made on the territory of the Voskresensky New Jerusalem Monastery. However the layers of even much earlier settlement of the late Bronze Age – early Iron Age have been found on the Monastery hill. Apart from this the redeposited objects made of stone (the Eneolithic, probably) have been found; an all-cast bronze dagger the typology of which leads to Siberia; a series of jewelry of a Finno-Ugric type dated back to the 9th – 12th cc. summarily and other. There have not been found the layers of those periods on the hill whilst the peculiarity of these finds is their good condition. The article presents all of the earlier finds and suggests the ways of their appearance on the hill of the New Jerusalem Monastery.

Key words: the Neolithic, Late Bronze Age, Early Iron Age, the cultures of textile ceramics, early Middle Ages.

REFERENCES

- AKR, 1994. Arkheologicheskaya karta Rossii. Ryazanskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Ryazan Oblast], 2. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 197 p.
- AKR, 1997. Arkheologicheskaya karta Rossii. Moskovskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Moscow Oblast], 4. Voskresenskiy, Egor'evskiy, Zarayskiy, Kashirskiy, Kolomenskiy, Lukhovitskiy, Ozerskiy, Serebriano-Prudskiy, Serpukhovskiy, Stupinskiy, Chekhovskiy rayony [Voskresenskiy, Egorevskiy, Zaraiskiy, Kashirskiy, Kolomenskiy, Lukhovitskiy, Ozerskiy, Serebriano-Prudskiy, Stupinskiy, Chekhovskiy Districts]. Dopolneniya. G.G. Korol', T.D. Nikolaenko, B.E. Yanishevskiy, comp., Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 352 p.
- Arkheologiya..., 2008. Arkheologiya parka Tsaritsyno: Po materialam issledovaniy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN 2002–2008 gg. [Archaeology of Tsaritsino park: On the materials of the researches of the expedition of the Institute of Archaeology RAS 2002–2008]. N.A. Krenke, comp., L.A. Belyaev, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 364 p.
- Badeev D.Yu., Rusakov P.E., Mayorova E.V., 2013. Staryy derevyanny dvorets i Kamennye palaty v Novo-Ierusalimskom monastyre: arkheologicheskie issledovaniya 2009–2011 gg. [Old wooden palace and Stone Chambers in the New Jerusalem Monastery: archaeological researches 2009–2011]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1. P. 59–67.
- Belyaev L.A., 2012. Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy monastyr': arkheologiya i voprosy restavratsii [Voskresenskiy New Jerusalem Monastery: archaeology and the problems of restoration]. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury [Restoration and researches of culture sites]*, 5. A.B. Bode, ed. St. Petersburg; Moscow: Izdatel'skiy dom "Kolo". P. 23–30.
- Belyaev L.A., 2013. Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy monastyr' kak pamyatnik arkheologii nachala Novogo vremeni [Voskresenskiy New Jerusalem Monastery as a site of archaeology of the beginning of Modern Times]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1. P. 30–41.
- Belyaev L.A., 2014a. Keramicheskie ikony Khrista v Novo-Ierusalimskom monastyre: predvaritel'naya publikatsiya nakhodok 2013 goda [Ceramic icons of Christ in New Jerusalem Monastery: preprint of finds of 2013]. *V sozvezdii l'va: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu v chest' L'va Isaakovicha Lifshitsa [In the constellation of Lion: collected papers on the Old Russian art in the honor of Lev Isaakovich Lifshits]*. M.A. Orlova, ed. Moscow: BuksMArt. P. 48–61.
- Belyaev L.A., 2014b. Flyaga patriarkha Nikona i ee evropeyskie analogi [The flusk of the Patriarch Nikon and its European analogues]. *Zhivaya starina [Zhivaia Starina]*, 4. P. 2–5.
- Belyaev L.A., Glazunova O.N., 2014. Vino i chernila: keramicheskie "knigi" iz Podmoskov'ya (predvaritel'naya publikatsiya) [Wine and ink: ceramic "books" from the Moscow region (preprint)]. *"Po lyubvi, v pravde, bezo vsyakiye khitrosti": Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreevicha Kuchkina: sbornik statey ["By love, in truth, without any deceit": Friends and colleagues to the 80th anniversary of Vladimir Andreevich Kuchkin: collection of papers]*. B.N. Florya, ed. Moscow: Indrik. P. 341–349.
- Belyaev L.A., Glazunova O.N., 2015. Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkheologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyr'ya [The markers of the West: new elements of the European art and technical tradition in archaeological materials of the New Jerusalem Monastery]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk [Traditions and innovation in history and culture: the program of fundamental researches of the Panel of RAS]*. A.P. Derevyanko, V.A. Tishkov, eds. Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy akademii nauk; Institut etnologii i antropologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 147–154.
- Belyaev Ya.V., Vikhlyaev V.I., Zelentsova O.V., Shitov V.N., 1998. Kel'gininskiy mogil'nik: Raskopki 1990-kh gg. [Kelgininskiy cemetery: Excavation works of 1990-s]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. 168 p.
- Bobrov V.V., Kuz'minykh S.V., Teneyshvili T.O., 1997. Drevnyaya metallurgiya Srednego Eniseya (lugavskaya kul'tura) [Old metallurgy of the Middle Yenisei (the Lugavskaya culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 99 p.
- Chernov S.Z. Domen moskovskikh knyazey v gorodskikh stanakh. 1271–1505 gody [State land of Moscow Princes inside the town. 1271–1505]. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty: v 3 tomakh [The culture of medieval Moscow. Historical landscapes: 3 volumes]*, 2. Moscow: Nauka. 688 p.
- Chlenova N.L., 1967. Proiskhozhdenie i rannyya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [The origin and early history of the tribes of the Tagarskaya culture]. Moscow: Nauka. 252 p.
- Chlenova N.L., 1976. Karasukskie kinzhaly [Karasuksky daggers]. Moscow: Nauka. 104 p.
- Glazunova O.N., 2013. Izraztsy v kul'turnom sloe Novogo Ierusalima: planigrafiya, statistika, predvaritel'naya atributsiya [Tiles in the cultural layer of New Jerusalem: planigraphy, statistics, preliminary attribution]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1. P. 68–77.
- Golubeva L.A., 1979. Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic jewelry of the Finno-Ugric]. Moscow: Nauka (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, EI-59). 313 p.
- Goryunova E.I., 1948. Efaevskiy mogil'nik [Efaev cemetery]. *Arkheologicheskii sbornik [Archaeological collected papers]*, 1. Yu.V. Got'e, N.F. Tsyganov, Yu.A. Kotkov,

- eds. Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. P. 112–172.
- Kapitonova M.A., 2013. Arkhitekturno-arkheologicheskaya stratigrafiya i konstruktzii ogrady Novo-Ierusalimskogo monastyrya [Architectural-archaeological stratigraphy and the construction of the fence of the New Jerusalem Monastery]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1. P. 42–52.
- Khavrin S.V., 1994. Karasukskaya problema? [Karasuksky problem?]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Petersburg archaeological vestnik]*, 8. St. Petersburg: Farn. P. 104–113.
- Khavrin S.V., 2000. Tagarskie bronzy [Tagarskiy bronze]. *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura: sbornik statey k 60-letiyu M.L. Podol'skogo [World view. Ritual. Culture: collection of papers to the 60th anniversary of M.I. Podolskiy]*. St. Petersburg: Mir knigi. P. 183–193.
- Khavrin S.V., 2008. Drevneyshiy metall Sayano-Altaya [The most ancient metal of the Altai-Sayan]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Altai State University]*, 4/2. Istoriya. P. 210–216.
- Kraynov D.A., 1963. Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury: Moskovskaya gruppa [The sites of the Fatyanovo culture: Moscow group]. Moscow: Nauka (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, 1-19). 52 p.
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura nasele-niya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Dyakovo settlement: the culture of the population of the Moscow river basin in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 546 p.
- Krenke N.A., Lazukin A.V., Elkina I.I., Ershov I.N., Leonova E.V., Chernov S.Z., 2010. Issledovaniya pamyatnikov epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v rayone Zvenigoroda [Researches of the Bronze Age sites – early Iron Age in the area of Zvenigorod]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*, 6. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. P. 34–50.
- Mart'yanov V.N., 2001. Arzamasskaya mordva v I – nachale II tysyacheletiya [Arzamas Mordva in the 1st – the beginning of the 2nd millennium]. Arzamas: Arzamasskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 322 p.
- Material'naya..., 1969. Material'naya kul'tura sredne-tsninskoy mordvy VIII–XI vv. (Po materialam raskopok P.P. Ivanova za 1927–1928 gody) [Material culture of the middle Tsninsk of Mordva of the 8th–11th cc. (On the materials of the excavation works of P.P. Ivanova, 1927–1928)]. A.P. Smirnov, ed. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 129 p.
- Nizovtsev V.A., 2004. Landshaftnye usloviya i ikh vliyaniye na formirovaniye sistemy prirodopol'zovaniya na territorii sovremennoy Moskvy [Landscape terms and their influence on the formation of the ecosystem exploitation on the territory of modern Moscow]. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy [Culture of medieval Moscow]*, 1. Rassele-nie, osvoenie zemel' i prirodnaya sreda v okruge Moskvy XII–XIII vv. [Colonization, exploitation of the land and natural environment in the vicinity of Moscow of the 12th – 13th cc.]. Moscow: Nauka. P. 41–51.
- Peterburgskiy I.M., 2009. Mordva srednego Primokshan'ya v XI–XIV vv. [Mordva of the middle Primokshanya in the 11th–14th cc.]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. 240 p.
- Sedova M.V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (10th–15th cc.)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- U sten..., 2010. U sten Novogo Ierusalima: Istoriya goroda Voskresenska – Istry [At the walls of New Jerusalem: History of the town Voskresensk – Istra]. N.A. Abakumova, E.A. Vorontsova, eds. Moscow: Leto. 431 p.
- Voronova O.A., 2012. Kolokololiteyny kompleks XVII v. na territorii Novo-Ierusalimskogo monastyrya [Bell cast complex of the 17th century of New Jerusalem]. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury [Restoration and researches of the culture sites]*, 5. A.B. Bode, ed. St. Petersburg; Moscow: Izdatel'skiy dom "Kolo". P. 34–36.
- Voronova O.A., 2013. Fundamenty Voskresenskogo sobora Novo-Ierusalimskogo monastyrya [The bases of the Voskresensky cathedral of the New Jerusalem Monastery]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1. P. 53–58.
- Yushko A.A., 1991. Moskovskaya zemlya IX–XIV vv. [Moscow land of the 9th–14th cc.]. Moscow: Nauka. 200 p.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ КОНТЕКСТЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ И КИРИЛЛИЧЕСКИЕ БУКВЫ НА КОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI в. ИЗ НОВГОРОДА

© 2016 г. С.М. Михеев*, В.К. Сингх**

* Институт славяноведения РАН, Москва (mikheev@gmail.com)

** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва (arxeolog@gmail.com)

В 2013 г. на Троицком раскопе в Новгороде, в слое 1050–1080-х годов был найден обломок кости с глаголической и кириллическими надписями. На одной стороне кости хаотически расположены не менее семи кириллических надписей длиной от одной до четырех букв. Смысл этих надписей не ясен. На обороте читается глаголическая надпись (т.е. *мл̑ ѣ*) с лигатурой *мл̑*. Палеография надписей весьма архаична и соответствует стратиграфической дате находки.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, Троицкий раскоп, археология, эпиграфика, граффити, глаголица, кириллица, кость, XI век.

К настоящему времени на территории Руси выявлено более 30 глаголических надписей, в том числе 27 граффити на стенах новгородских церквей: 23 надписи в Софийском соборе, 3 – в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и 1 – в церкви Благовещения на Городище. Еще несколько глаголических надписей известно на стенах Софии Киевской (Михеев, 2012)¹. Нередки глаголические вкрапления и в древнерусских рукописях, в том числе в рукописях новгородского происхождения (Милтенов, 2009). Между тем ни в берестяных грамотах, ни в надписях на бытовых предметах из археологических раскопок глаголица на Руси пока не встречалась².

Данная статья посвящена кириллическим и глаголической надписям на обломке кости, найденном во время археологических раскопок в Новгороде в 2013 году.

Публикуемая кость была найдена 13 августа 2013 г. на Троицком раскопе, на Софийской стороне Великого Новгорода (т.е. на левом берегу р. Волхов), к югу от Кремля, на незначительном удалении к северо-западу от сохранившейся до наших дней церкви св. Троицы (известна с XII в., каменный храм заложен в 1365 г.). В древности здесь, на территории Людина конца, размещался квартал город-

ских усадеб, заключенный между средневековыми улицами: Пробойной на востоке, Черницыной на севере и Рядятиной на юге (Янин и др., 2010).

Кость происходит с усадьбы Ж (усадьбы, открытые на Троицком раскопе, обозначаются буквами, начиная с А на Троицком I раскопе). На этой усадьбе на сегодняшний день зафиксирована самая большая концентрация берестяных грамот в Великом Новгороде. В 1983–1986, 2002, 2003, 2010–2012 гг. здесь было найдено 84 грамоты (Янин и др., 2011; Зализняк и др., 2013. С. 115–118)³.

Находка залегала в темно-коричневом слое со щепой, с включениями глины, угля и золистого песка, в непосредственной близости от юго-восточного угла сруба ТС-ХIII-Г1-12, относящегося к ярусу 16⁴. С восточного и южного венцов данного сруба были взяты спилы для дендрохронологического анализа, к сожалению, не давшие дат. Судя по деталям других построек, относящихся к этому ярусу, а также комплексу найденных здесь находок, кость попала в слой не ранее 1050-х и не позднее 1080-х годов (Янин и др., 2014).

³ Грамоты №№ 614–617, 621, 626, 627, 631, 632, 673, 919–922, 924, 925, 927, 936, 940, 943, 945–947, 974–1050. Самый большой комплекс грамот с усадьбы Ж (20 грамот) принадлежит Якимю, жившему тут в конце XII и начале XIII в. Изучение его текстов позволило установить, “что это был монастырский человек, причем причастный к управлению монастырскими делами – возможно, игумен или иконом” (Зализняк, Торопова, Янин, 2011. С. 7). В одной из грамот Якима (№ 992) упоминается *хартія* ‘пергамен’.

⁴ Паспортные данные: пласт 13, квадрат 1823, полевой № 59, глубина – 250 см.

¹ После публикации в 2012 г. статьи С.М. Михеева в Софии Новгородской было выявлено еще три кратких глаголических надписи, а в Георгиевском соборе – еще две. Эти пять надписей пока не опубликованы.

² Нельзя назвать оправданным прочтение глаголической буквы в составе орнамента пряслища, найденного в слое второй четв. X в. на Городище под Новгородом (Носов, Рождественская, 1987).

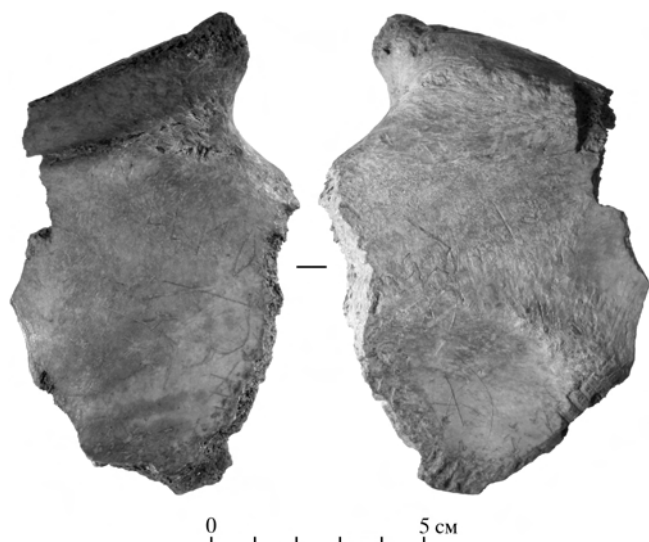

Рис. 1. Общий вид. Фотографии С.М. Михеева.

Публикуемый артефакт представляет собой фрагмент тазовой кости мелкого домашнего скота, обломанный в древности (рис. 1)⁵.

На одной стороне кости находится одна глаголическая надпись, а на другой стороне – несколько

⁵ Osteологический анализ кости проводился О.С. Лебедевой.

кириллических, поэтому ниже будет говориться о *кириллической* и *глаголической* сторонах кости.

На кириллической стороне находится как минимум семь отдельных граффити из одной–четырех букв, расположенных хаотически и отчасти одна поверх другой. Две надписи были начертаны перпендикулярно по отношению к остальным (рис. 2, 3).

Надпись 1: **ЬЬКО**(...). Справа от буквы *о*, возможно, виден нижний левый край следующей буквы.

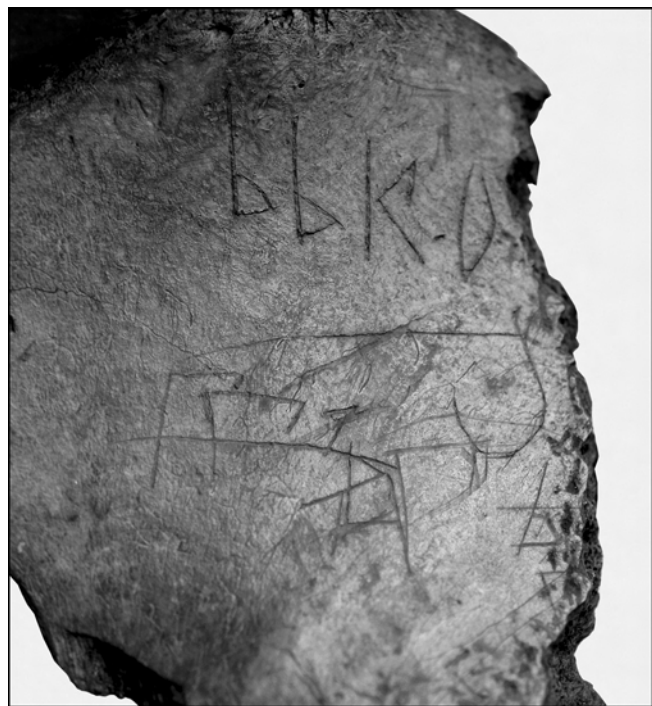
Надпись 2: **р**. Буква нанесена перпендикулярно большинству остальных.

Надпись 3: **гг**. Нельзя исключать, что эти буквы дописаны из отдельной буквы *к*.

Надпись 4: **г**, т.е. '3'. Буква *г* начертана с треугольной засечкой. Эта надпись сделана позже надписи 2.

Надпись 5: **а**. Два, вероятно, случайных штриха, обозначенных на прориси серым цветом (рис. 2), делают эту букву похожей на **А** с треугольным язычком.

Надпись 6: **у**. Буква нанесена перпендикулярно большинству остальных, в том же направлении, что и надпись 2. Эта надпись сделана позже надписей 4 и 5.

1

2

Рис. 2. Кириллические надписи. Фотография (1) и прорись (2) С.М. Михеева.

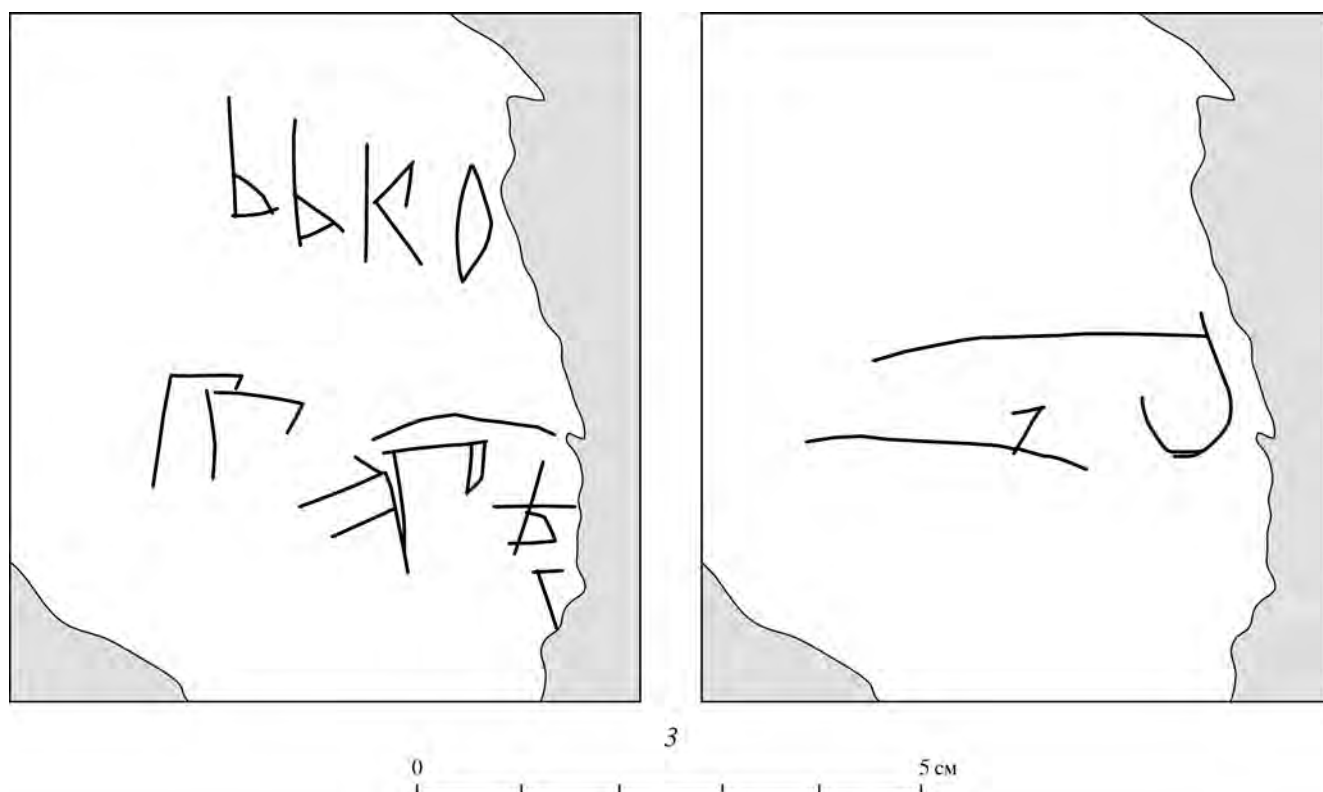

Рис. 3. Кириллические надписи. Отдельно показаны надписи, выполненные в разных направлениях. Прориси С.М. Михеева.

Надпись 7: Ъ. Петля буквы пририсована к изображению креста. Под петлей буквы Ъ виден фрагмент какой-то буквы еще одной надписи.

Штрихи, обозначенные на прориси серым цветом, вероятно, имеют случайный характер (рис. 2). Один из них (перпендикулярный двум остальным), возможно, принадлежит автору надписи 5.

К сожалению, краткость надписей не позволяет установить, нанесены ли они одним или несколькими людьми. Штрихи надписей имеют разную ширину и глубину, следовательно, инструменты для их вырезания использовались разные. Исходя из этого можно предположить, что надписи были нанесены не одновременно.

На глаголической стороне имеется лишь одна надпись: ѿ ѿ ѿ (...) (рис. 4). Первые две буквы записаны при помощи лигатуры. Нельзя исключить того, что надпись была более пространной и мы видим лишь ее начало. Транслитерация: *мл и* (...). По наблюдению А.А. Гиппиуса, сокращение *мл* с лигатурой часто использовалось в глаголической письменности для записи слова *молитва*. Если рассматриваемая надпись не была бессмысленным набором букв, то ее значение могло быть 'молитва десятая' (...)⁶.

⁶ Авторы признательны А.А. Гиппиусу за консультацию по этому вопросу.

Использование глаголического алфавита и особенно лигатурного написания говорят об очень высоком уровне образованности автора надписи. Ни в одной другой древнерусской глаголической надписи-граффито лигатуры пока не выявлены.

Отсутствие явных аналогий скоплению кратких надписей на кости пока не позволяет рассуждать о значении этих граффити и о назначении самого предмета. Хаотичное скопление отдельных надписей на кириллической стороне кости говорит в пользу того, что кость могла использоваться в какой-то игре или обряде, когда участники поочередно наносили свои буквы и совершали с костью какие-то действия. Впрочем, это предположение не вполне сочетается с книжным характером надписи на обороте.

Две из надписей на кости имеют в своем составе буквы с датирующими особенностями.

На кириллической стороне палеографическому анализу подлежит только буква *ь* в составе надписи *ьько*(...). Буква *ь* представлена здесь в раннем начертании с клювообразной петлей (тип 1 "петля углом вперед" по А.А. Зализняку), не свойственном новгородским берестяным грамотам, написанным позднее XII века (Зализняк, 2000. С. 208, 209, 228).

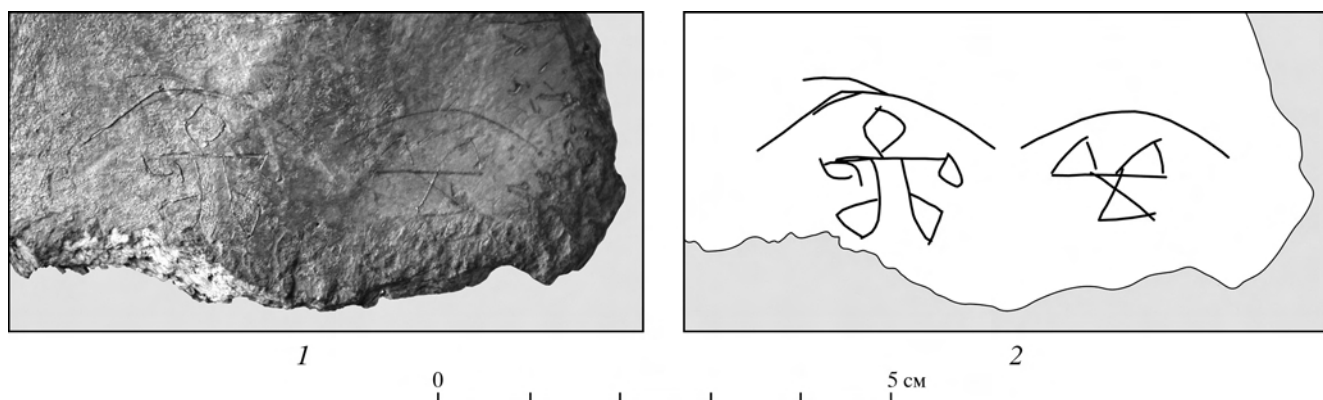

Рис. 4. Глаголическая надпись. Фотография (1) и прорись (2) С.М. Михеева.

Новгородская надпись	Рыльские листки	Синайский евхологий	Мюнхенский алфавитарий	Парижский алфавитарий	Надпись из Караач теке

Рис. 5. Варианты начертания буквы m (отдельно и в составе лигатур).

Лигатура из букв m и l – самая типичная из лигатур глаголицы и представлена в очень многих рукописях (Ягич, 1911. С. 216–219). Между тем начертание обеих букв в составе лигатуры заслуживает специального рассмотрения.

Ветви буквы m по отдельности вертикально опускаются от верхней горизонтали (из разных точек на ней). В болгарских Рыльских листках XI в. (см. Гошев, 1956)⁷, в Синайском евхологии XI в. (см. Nahtigal, 1941)⁸, в Мюнхенском алфавитарии (см. Kempgen, 2007)⁹ и в надписи на оловянном амулете из Караач теке, хранящемся в музее Варны (София..., 2013. Л. 19), ветви m также отходят от горизонтали по отдельности. Сходный вид эта буква имеет и в так называемом Парижском алфавитарии (впрочем, нельзя уверенно утверждать, что здесь ветви m опускаются из разных точек верхней горизонтали) (Kopitar, 1836. Tab. I:5; подробнее об этом алфавитарии см. Ягич, 1911. С. 135, 136; Огієнко, 1929. С. 212, 213). Наиболее близко к новгород-

скому начертанию буквы m в Рыльских листках, где ветви практически вертикальны (рис. 5).

Перейдем к облику глаголической буквы l в составе той же лигатуры: верхняя петля (“головка”) l соединена с горизонталью буквы очень короткой “шеей”, наклоненной немного влево, “головка” крепится к “шее” с правой стороны. Буква l с “шеей” встречается во многих рукописях X – начала XII в., особенно часто – в инициалах, благодаря их вытянутым пропорциям. Верхняя петля обыкновенно крепится к “шее” с левой стороны или сверху. Вариант l с наклоненной чуть влево длинной шеей и головкой справа находим в инициалах сборника Клоца XI в., а строчная l той же рукописи не имеет шеи, но ее верхняя петля представляет собой треугольник, направленный углом вниз (см. Dostál, 1959)¹⁰.

У глаголической буквы u в новгородской надписи боковые петли расположены над верхней горизонталью, а не под нею. Ближайшая параллель такому уникальному начертанию обнаруживается в надписи-граффито на фрагменте керамики, найденном в 2009 г. археологами в слоях IX в. в венгерском Залаваре, на месте древнего Блатнограда,

⁷ Рукопись происходит из Рыльского монастыря на юго-западе Болгарии. Один из листов ранее издавался под названием “Македонский глаголический листок”.

⁸ Рукопись, вероятно, написана писцом западноболгарского происхождения.

⁹ Алфавитарий находится на последней странице немецкой рукописи X в.

¹⁰ Данная рукопись была написана в Западной Болгарии или в Сербии.

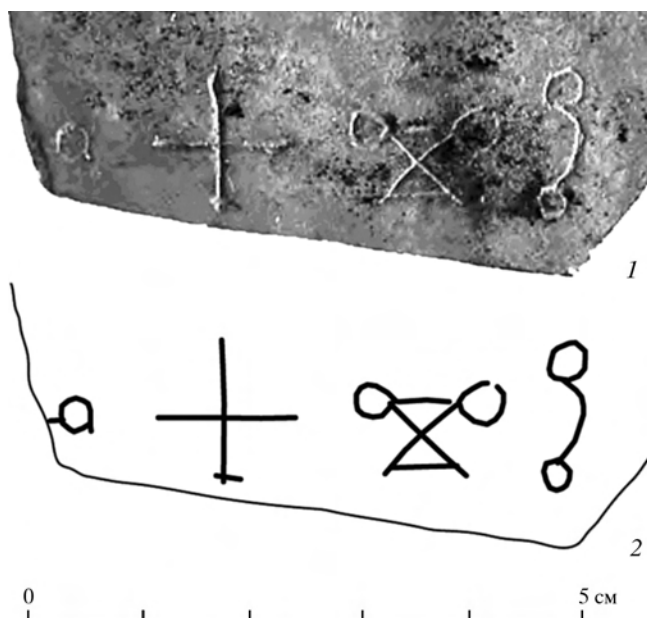

Рис. 6. Надпись из Залавара. Фотография по: Szöke, 2010. С. 49 (1), прорись (2) С.М. Михеева.

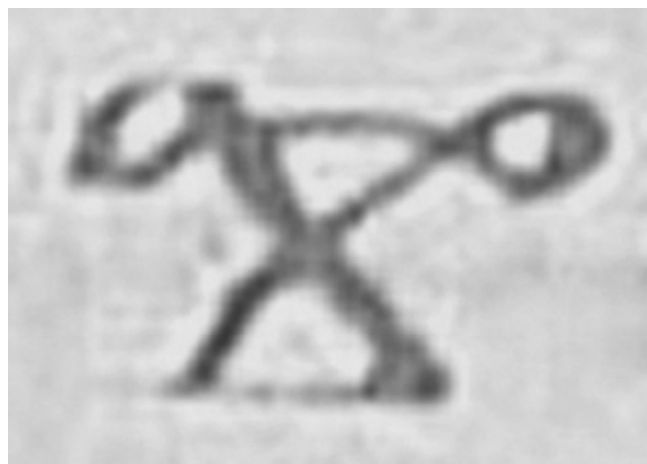

Рис. 7. Инициал X (РГБ, Тр. 89, л. 35 об., строка 28).

столицы Паннонского княжества (Szöke, 2010. С. 48–50). Кружки буквы X в этой надписи на половину своей высоты поднимаются выше верхней горизонтали, которая тоже находится ниже верха строки (рис. 6)¹¹.

Буква X, идентичная X из Залавара, представлена в рукописи Толковых Пророков из собрания Тро-

ице-Сергиевой лавры, № 89 (рис. 7)¹², восходящей к рукописи новгородского попа Упыря 1042 г.¹³, в которой многие киноварные надписи – инициалы и заголовки – были выполнены глаголицей¹⁴.

Подобное начертание буквы X, несомненно, является первоначальным. Между тем и обыкновенное начертание с кружками, расположенными ниже верхней горизонтали, и уникальное начертание в надписи на новгородской кости с кружками, расположенными полностью выше верхней горизонтали, являются видоизменениями древнейшего вида этой буквы.

Другой особенностью буквы X в новгородской надписи является треугольный вид ее “кружков”, что, возможно, вызвано попыткой уподобить их двум треугольникам, составляющим центральную часть буквы¹⁵.

Итак, палеография надписей на кости полностью согласуется с ее ранней стратиграфической датировкой 1050–1080-ми годами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гошев И. Рилски глаголически листовце. София: Издание на Българската академия на науките, 1956. 170 с.
- Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 134–429.
- Зализняк А.А., Торопова Е.В., Янин В.Л. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 3–19.
- Зализняк А.А., Янин В.Л., Гиппиус А.А., Рыбина Е.А. Берестяные грамоты из раскопок 2012 г. // Новгород и

¹² Пример взят из рукописи РГБ, Тр. 89, л. 35 об., строка 28. Полная фотокопия данной рукописи доступна в сети Интернет. По наблюдениям Т.В. Анисимовой, данная рукопись датируется концом XV или, менее вероятно, началом XVI в. (мы признательны А.А. Турилову за консультацию по вопросу датировки данной рукописи).

¹³ Уточненная датировка принадлежит А.А. Гиппиусу (устное сообщение).

¹⁴ Немного выше верхней горизонтали поднимаются кружки и в Зографском Евангелии X–XI вв. (Quattuor evangeliorum..., 1879). За это наблюдение мы признательны Н.А. Седуковой.

¹⁵ Другой близкий тип начертания данной буквы (и ее варианта X) – X и X без верхней горизонтали – встречаем, в частности, в Киевских листках X в., в Зографском Евангелии, в сборнике Клоца. Все эти начертания – X и X без верхней горизонтали, X в новгородской и паннонской надписях – судя по всему, ближе к начертанию этой буквы в первоначальной глаголице, чем обычные X и X, так как они больше похожи на греческую минускульную йоту с двумя точками (i), к которой традиционно возводится глаголическая буква (Ягич, 1911. С. 82, 83, 190).

¹¹ Надпись, от которой сохранились три буквы и фрагмент четвертой, прочтена ее издателем задом наперед, что справедливо отметил М. Жагар (Žagar, 2013. С. 334). Следует читать: ...+Xa, т.е. ...aio. Буква перед + a – вероятно, ѡ, ѡ, ж, ѡ, л или ѡ, х. Нельзя исключать того, что это конец первой строки более длинной надписи.

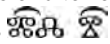
- Новгородская земля. История и археология. Вып. 27 / Ред. В.Л. Янин. В. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013. С. 115–118.
- Милтенев Я. Кирилски ръкописи с глаголически вписвания // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2009. Bd. 55. S. 191–219.
- Михеев С.М. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 2012. Sv. 62. С. 63–99.
- Носов Е.Н., Рождественская Т.В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с “Рюрикова” Городища (Вопросы интерпретации) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. XVIII. С. 45–55.
- Огієнко І. Історія церковно-слов'янської мови. Т. 5: Найважливіші пам'ятки церковно-слов'янської мови. Ч. I: Пам'ятки старо-слов'янські X–XI віків. Варшава: Друкарня синодальна, 1929 (Студії до української граматики; Кн. V). 494 с.
- София: Европейска столица на кирилските букви = Sofia: European Capital of the Cyrillic Script. [Изоматериал: Комплект из 19 репродукций] / концепция и текст: С. Бърлиева, М. Иванова, Д. Найденова; худ. оформление И. Цанкова; ред Г. Филипова. София: Кирило-Методиевския научен център при БАН, 2013. 20 с. ил.
- Ягич И.В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии / Под ред. И.В. Ягича. Вып. 3: Графика у Славян. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1911. С. 51–257.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Рыбина Е.А., Гиппиус А.А. Брестяные грамоты из раскопок 2010 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 25 / Ред. В.Л. Янин. В. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2011. С. 21–30.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Степанов А.М., Сингх В.К., Тянина Е.А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2013 г. (Троицкий XIII – Г, Г-1) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28 / Ред. В.Л. Янин. В. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. С. 22–32.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В., Сингх В.К. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг. // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 115–128.
- Dostál A. Clozianus: Staroslavěnský hláholský sborník Tridentský a Innsbrucký. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1959. 402 s.
- Kempgen S. Das “Münchener Abecedarium” – ein neues Facsimile samt einigen neuen Beobachtungen // Scripta & e-Scripta. 2007. V. 5. S. 73–93.
- Kopitar B. Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi, olim, dum integer erat Veglae in thesauro Frangepaniano, habiti pro s. Hieronymi Bibliis croaticis, supparisque ad minimum exarato a ·MLVII· cyrilliano Ostromiri Novogradensis, λειψανον foliorum ·XII· membraneorum, servatum in bibliotheca ill-mi comitis Paradis Cloz Tridentini. Vindobonae: Prostat apud Carolum Gerold Bibliopolam, 1836. 166 p.
- Nahtigal R. Euchologium Sinaiticum: Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. D. I: Fotografski posnetek. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani, 1941. 252 s.
- Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus characteribus cyrillicis transcriptum notis criticis prolegomenis appendicibus auctum adiuvante summi ministerii Borussici liberalitate / Ed. V. Jagić. Berolini: Apud Weidmannos, 1879. 184 p.
- Szöke B.M. Mosaburg/Zalavár und Pannonien in der Karolingerzeit // Antæus: Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010. 31, 32. S. 9–52.
- Žagar M. Uvod u glagoljsku paleografiju. 1: (X. i XI. st.). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2013. 392 s.

GLAGOLITIC AND CYRILLIC CHARACTERS ON AN ELEVENTH CENTURY BONE FRAGMENT FROM NOVGOROD

Savva M. Mikheev*, Victor K. Singh**

* Institute of Slavic Studies RAS, Moscow (mikheev@gmail.com)

** Lomonosov Moscow State University, Moscow (arxeolog@gmail.com)

A bone fragment inscribed with Glagolitic and Cyrillic characters was discovered in 2013 in the 1050–1090 layer of the Troitsky site in Novgorod. One side of the fragment bears no fewer than seven Cyrillic inscriptions one to four characters each. Their meaning remains unclear. A Glagolitic inscription on the other side reads (or *ml̑i*) with *ml* as ligature. Paleographic analysis suggests a dating consistent with the stratigraphic location of the find.

Key words: Medieval Russia, Novgorod, Troitsky excavation site, archaeology, epigraphy, graffiti, Glagolitic alphabet, Cyrillic alphabet, bone, 11th century.

REFERENCES

- Dostál A., 1959. Clozianus: Staroslověnský hlaholský sborník Tridentský a Innsbrucký. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. 402 p.
- Goshev I., 1956. Rilski glagolicheski listove [Rila Glagolitic alphabet]. Sofiya: Izdanie na Bŭlgarskata akademiya na naukite. 170 p.
- Kempgen S., 2007. Das “Münchener Abecedarium” – ein neues Facsimile samt einigen neuen Beobachtungen. *Scripta & e-Scripta*, 5, pp. 73–93.
- Kopitar B., 1836. Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi, olim, dum integer erat Veglae in thesauro Frangepaniano, habiti pro s. Hieronymi Bibliis croaticis, supparisque ad minimum exarato a ·MLVII· cyrilliano Ostromiri Novogradensis, λειψανον foliorum ·XII· membraneorum, servatum in bibliotheca ill-mi comitis Paridis Cloz Tridentini. Vindobonae: Prostat apud Carolum Gerold Bibliopolam. 166 p.
- Mikheev S.M., 2012. 22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda [22 Medieval Russian Glagolitic inscriptions of 11–12 cc. from Novgorod]. *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, pp. 63–99.
- Miltenov Ya., 2009. Kirilski rŭkopisi s glagolicheski vpisvaniya [Cyrillic manuscripts with Glagolitic inscriptions]. *Wiener slavistisches Jahrbuch*, 55, pp. 191–219.
- Nahtigal R., 1941. Euchologium Sinaiticum: Starocerkenoslovanski glagolski spomenik. D. I: Fotografiski posnetek. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani. 252 p.
- Nosov E.N., Rozhdestvenskaya T.V., 1987. Bukvennye znaki na pryaslitse serediny X v. s “Ryurikova” Gorodishcha (Voprosy interpretatsii) [Characters on a spindle whorl of the 10th c. from the “Riurikovo” fortified sehlement (Problems of interpretation)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny [Auxiliary Historical Disciplines]*, XVIII, pp. 45–55.
- Ogienko I., 1929. Istoriya tserkovno-slov'yans'koï movi [History of Church Slavonic language], 5. Naivazhishchi pam'yatki tserkovno-slov'yans'koï movi [The most important monuments of Church Slavonic language], I. Pam'yatki staro-slov'yans'ki X–XI vikiv [Monuments Old Slavoic of 10th – 11th cc.]. Varshava: Drukarnya sinodal'na (Studii do ukraïns'koï gramatiki, V). 494 p.
- Quattuor evangeliorum..., 1879. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus characteribus cyrillicis transcriptum notis criticis prolegomenis appendicibus auctum adiuvante summi ministerii Borussici liberalitate. V. Jagić, ed. Berolini: Apud Weidmannos. 184 p.
- Sofiya..., 2013. Sofiya: Evropeyska stolitsa na kirilskite bukvi. Sofia: European Capital of the Cyrillic Script: Izomaterial: Komplekt iz 19 reproduksiy [Sophia: European capital in Cyrillic. Sofia: European Capital of the Cyrillic Script. [Isomaterial: Set of 19 replicas]]. G. Filipova, ed. Sofiya: Kirilo-Metodievskiya nauchen tsent'r pri Bŭlgarskata akademiya na naukite. 20 p., ill.
- Szöke B.M., 2010. Mosaburg/Zalavár und Pannonien in der Karolingerzeit. *Antæus: Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae Scientiarum Hungaricae*, 31–32, pp. 9–52.
- Yagich I.V., 1911. Glagolicheskoe pis'mo [Glagolitic characters]. *Entsiklopediya slavyanskoy philologii [Encyclopedia of Slavic filology]*, 3. *Grafika u Slavyan [Script of the Slavs]*. I.V. Yagich, ed. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, pp. 51–257.
- Yanin V.L., Rybina E.A., Sorokin A.N., Stepanov A.M., Pokrovskaya L.V., Singh V.K., 2010. Arkheologicheskie issledovaniya Lyudina kontsa v Novgorode v 2001–2010 godakh [Archaeological study of Liudin konets in Novgorod in 2001–2010]. *Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of Russian Scientific Foundation Humanities]*, 4(61), pp. 115–128.
- Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Stepanov A.M., Singh V.K., Tyanina E.A., 2014. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2013 g. (Troitskiy XIII – G, G-1) [Works in Liudin konets of Novgorod the Great in 2013 (Troitskiy XIII – G, G-1)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]*, 28. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, pp. 22–32.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Rybina E.A., Gippius A.A., 2011. Berestyanye gramoty iz raskopok 2010 goda [Birch bark documents from the excavations of 2010]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]*, 25. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, pp. 21–30.
- Žagar M., 2013. Uvod u glagoljsku paleografiju. 1: (X. i XI. st.). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 392 p.
- Zaliznyak A.A., 2000. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [Paleography of birch bark documents and their non-stratigraphic dating]. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste [Novgorod birch bark documents], X. (Iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [(From the excavations of 1990–1996). Paleography of birch bark documents and their non-stratigraphic dating]*. Moscow: Russkie slovari, pp. 134–429.
- Zaliznyak A.A., Toropova E.V., Yanin V.L., 2011. Berestyanye gramoty iz raskopok 2010 g. v Novgorode i Staroy Russe [Birch bark documents from the excavation sites of 2010 in Novgorod and Staraya Russa]. *Voprosy yazykoznaniiya [Problems of Linguistics]*, 4, pp. 3–19.
- Zaliznyak A.A., Yanin V.L., Gippius A.A., Rybina E.A., 2013. Berestyanye gramoty iz raskopok 2012 g. [Birch bark documents from the excavations of 2012]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]*, 27. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, pp. 115–118.

СКАНДИНАВСКИЕ “СИМВОЛЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ” С РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И ИЗ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА

© 2016 г. Т.С. Дорофеева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (vesti@archeo.ru)

В работе рассматриваются граффити в виде “символов (знаков) бесконечности”, процарапанных на клыке моржа (первая половина X в.), происходящем с Рюрикова городища, и изображенных на северной стенке ризничного придела Софийского собора (вторая половина XI в.). Интересны рисунки равносоставленных треугольников, образованных тремя соприкасающимися ногами, а также 8-образный знак, которые представляют собой замкнутую графическую систему с ритмически повторяющимися элементами, своего рода “узлы” без начала и конца. Все рассматриваемые в статье “символы бесконечности” несут религиозно-магическую нагрузку.

Ключевые слова: северное язычество, “символы бесконечности”, Новгородское (Рюриково) городище, Древний Новгород.

В 1999 г. на Новгородском (Рюриковом) городище в слое первой половины X в. был найден практически целый правый верхний клык атлантического моржа (*Odobenus rosmarus rosmarus*) с процарапанными на нем рисунками-граффити (Носов и др., 2000. С. 39) (рис. 1, 1). Подробно эта находка была рассмотрена в работе «“Маленькая” находка в контексте большой истории» (Носов и др., 2009), позже опубликован ее трасологический анализ (Гирия, Дорофеева, 2010). Однако со временем появляется новая информация, которая позволяет по-иному взглянуть на уже известный предмет.

Рисунки, рассматриваемые в настоящей работе, были сделаны в центральной части плоской боковой поверхности моржового клыка. Первый рисунок отражает попытку изобразить “тройной” переплетенный треугольник, а второй представляет собой три соприкасающиеся ноги, образующие равносоставленный треугольник (рис. 1, 2, 3). Символы на моржовом клыке с Новгородского городища скорее всего являются знаками охранной магии и несут защитно-охранительный характер.

Общепринятой научной терминологии для обозначения тройных переплетенных треугольников, аналогичных процарапанному на клыке (рис. 1, 2), нет. В русскоязычной литературе подобные треугольные символы, которые представляют собой замкнутые графические системы с переплетающимися ритмически повторяющимися элементами, своего рода “узлы” без начала и конца, чаще всего называют “знаками (или символами) бесконечности” (Лебедев, 1985. С. 153; Мурашева, 2008. С. 10),

иногда – “триплетами”¹ (Хлевов, 2002. С. 202). В иностранной литературе употребляется термин “triquetra” или “triangelknot” (Stanisławski, 2013. S. 188). У современных западных неоязычников такие символы получили название “valknot” (др. норв: *valr*; убитые воины + *knot*, *knot*, узел). Исследователи по-разному трактуют эти символы, но сходятся во мнении, что они несут религиозно-магическую нагрузку.

Изображения символов бесконечности в виде тройных переплетенных треугольников можно видеть на камнях-картинах (швед. *bildstenar*) VII–VIII вв. Готланда, таких как Ступа Хаммарс I (Stora Hammars, Lärbro); Тэнгельгörd I (Tängelgårda I, Lärbro); Смисс I (Smiss, Stenkirka); Лилльбьорс I и III (Lillbjars, Stenkyrka); Энге V (Änge V, Buttle) (Lindqvist, 1941. Fig. 81, 86, 97, 103, 104, 337). Такой знак изображен на некоторых вещах из Усебергского кургана: изголовье деревянной кровати, деревянном блюде (Wilson, Klindt-Jensen, 1966. Pl. XVII; Christensen, Ingstad, Myhre, 1992. S. 122). Этот же символ присутствует на “монетах Хедебю” первой половины IX в. (Лебедев, 1985. Рис. 30, 1) и на серебряной монете 880 г. из Бирки (Arbman, 1962. Pl. 35, 1). Граффити в виде тройного переплетенного треугольника процарапано на фрагменте рога, найденного в Черной земле Бирки (SHM, 5208: 1614, Statens historiska museum, Stockholm²).

¹ Триплет (от франц. *tripler* – утраивать) – название различного рода систем, устройств и т.п., характеризующихся наличием трех частей (Словарь..., 1979. С. 519).

² Первая цифра – номер коллекции, вторая – предмета в ней.

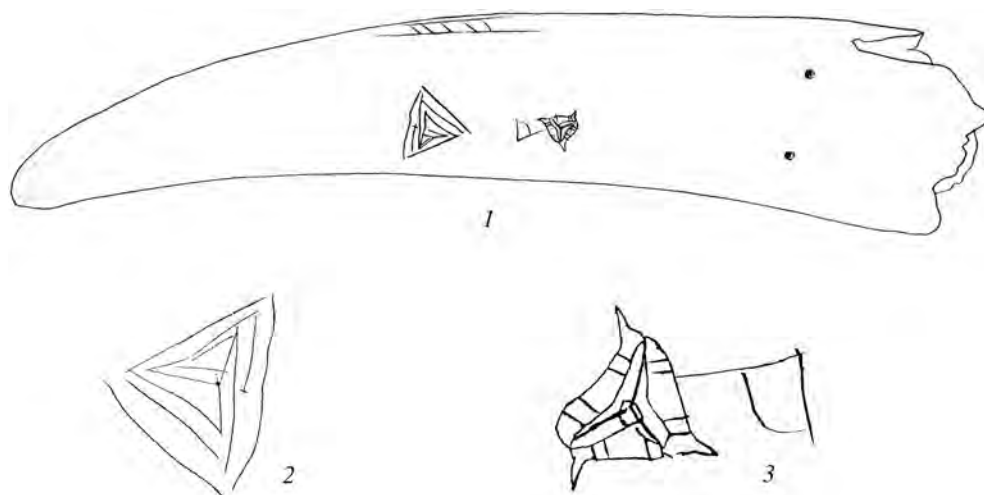

Рис. 1. Рюриково городище. 1 – моржовый клык с граффити; 2, 3 – “символы бесконечности”. Без масштаба. Прорисовка Г.А. Кузнецовой, компьютерный дизайн В.Л. Полигаева.

Такой же знак, инкрустированный чернью, есть и на хранящемся в Британском музее золотом кольце, которое было найдено на р. Нин близ г. Питерборо в Англии и датировано позднесаксонским периодом (Neville, 1856. P. 87; British Museum..., 1923. Fig. 147). Этот символ изображен и на тисках из рога с поселения Серебряная гора (Волин) (Filipowiak, 2004. P. 69. Fig. 20; Stanisławski, 2013. S. 189. Rys. 46, e). На территории России предметы с подобной символикой известны в материалах Гнездова. К ним относятся фрагмент серебряной пластинки от оковки рога из кургана Л-47 и костяной цилиндр, найденный на Центральном городище (Авдусин, 1952. С. 98. Рис. 29, 1; Пушкина, 1993. С. 61. Рис. 4, 10; Мурашева, 2008. С. 11. Рис. 8).

В основе композиции второго изображенного на моржовом клыке символа – равностороннего треугольника, образованного тремя соприкасающимися ногами, лежит фигура, напоминающая трехлепестковые фибулы эпохи викингов (рис. 1, 3). Центр рисунка обозначен кружком, являющимся как бы осью, вокруг которой вращается все изображение. От кружка радиально расходятся три практически равноудаленные друг от друга линии. Эти линии создают впечатление, что образующие стороны треугольника три соприкасающиеся ноги согнуты в коленях и спиралеобразно по часовой стрелке “бегут друг за другом”. Изображения ног практически идентичны. По-видимому, на них легкая кожаная обувь с острым носком. На щиколотке и под коленом ноги перечеркнуты двойной линией, которая скорее всего выделяет область подвязок (онучей). Построение и исполнение столь небольшого рисунка на твердой эмали клыка явно свидетельствует об искусности древнего гравера,

а схема построения рисунка – о том, что мастер мог иметь отношение к ювелирному производству. В течение долгого времени прямых аналогий знаку, представляющему собой замкнутую графическую систему в виде треугольной композиции из трех ног, найти не удавалось.

В 2009 г. при работах в новгородском Софийском соборе на северной стене дяконника (ризничного придела) левее прохода в алтарь А.А. Гиппиус и С.М. Михеев выявили необычные для православного храма граффити – равносторонний треугольник, образованный согнутыми в коленях ногами, и справа от него – 8-образный знак (рис. 2; 3, 4) (Гиппиус, Михеев, 2012). Треугольный символ из Софийского собора очень похож на знак с городищенской находки (рис. 2, 1 слева). На граффити из собора, как и на городищенском изображении, из центра фигуры расходятся три прямые равноудаленные друг от друга линии, но в отличие от городищенского рисунка центр не подчеркнут с помощью кружка или точки. Соприкасающиеся ноги также согнуты в коленях и спиралеобразно по часовой стрелке “бегут друг за другом” (рис. 3, 1, 4). Изображение ступни одной из ног не сохранилось из-за небольшой утраты поверхности слоя штукатурки. Отметим, что рисунок выполнен уверенной рукой. Интересно, что схема построения изображения из Софийского собора очень близка символам, которые изображены на зажиме из оленьего рога с поселения Серебряная гора (Волин) и на фрагменте рога из Черной земли (SHM, 5208: 1614, Бирка) (рис. 3, 2–4). От рассматриваемого граффити из новгородского храма они отличаются только отсутствием прорисованных ступней ног.

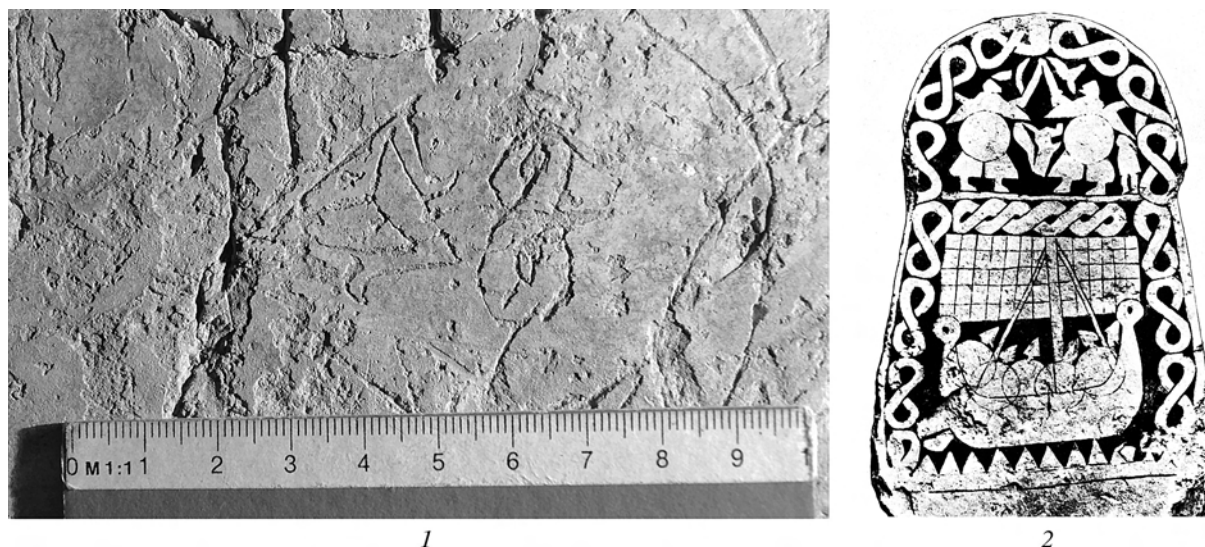

Рис. 2. 1 – граффити на северной стене дяконника Софийского собора Великого Новгорода, вторая половина XI в. (фото С.М. Михеева); 2 – Нёр-Смисс I (När Smis), Готланд (по: Lindqvist, 1941). Компьютерный дизайн В.Л. Полигаева.

Знаки, образованные тремя лучами или ногами, чаще всего называют “трискеле”, “трискелис” или “трискелион” (от греч. *τρίσκελης* – трехногий). “Трискеле” – “один из прообразов изображения движения Солнца, позднее стал символом, означающим бег времени, олицетворяющим ход истории, течение времен, а также вращение светил, и в этом смысле был сродни в древности свастике, но отделился от нее как от солнечного знака и превратился в знак бега времени” (Похлебкин, 2001. С. 452). Символ был широко распространен на территории Европы, Передней и Центральной Азии. Он известен по аттической вазописи VI–IV вв. до н.э., где этот знак помещался на щитах Ахилла (Boardman, 1974. Pl. 203, 204). В эллинистическом храме Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) найден целый круглый щит аттического типа с круглым бронзовым умбоном и расходящимся от него к внешнему бронзовому канту ногами (Попов, 2008. С. 140, 141. Рис. 53). Вероятно, такие щиты делались в подражание щиту быстрого Ахилла (Пичикян, 1991. С. 105). В Малой Азии три бегущие ноги изображались на монетах Ликий, Памфлий (Аспендос) и Писидий. При сиракузском тиране Агафокле трискелион появляется на монетах Сицилии, где этот знак приобрел большую популярность (Уилсон, 2008. С. 172–175. Рис. 227). Часто на сицилийском варианте трискелиона в центр изображения помещалась голова горгоны Медузы – маски-талисмана от сглаза, отводящей порчу. Остров Сицилия традиционно считался местом, где жили горгоны и была убита Медуза. “Трискелион” с “горгонеионом” (др.-греч. *Γοργόνειον* – “принадлежащее горгоне”) в период

античности в качестве оберега украшал здания, мозаичные полы и различные предметы, помещался он и на монеты, а в конце XIII в. этот символ стал геральдической эмблемой Сицилии.

Три облаченные в доспехи бегущие ноги (*three legs, tre cassyn*) изображены на гербе о. Мэн в Ирландском море. Этот знак, появившийся впервые в качестве элемента государственной символики примерно в середине XIII в., и сейчас служит гербом острова. С конца XIII в. “*Tre cassyn*” воспроизводился в нескольких геральдических сочинениях как герб Магнуса Олафссона, норвежского короля острова (Черных, 2007; Уилсон, 2008. С. 177). Исследователи отмечают, что символ *three legs* практически совпадает с сицилийской эмблемой. “Гербы острова Мэн являют собой прекрасную иллюстрацию миграции символов” (Уилсон, 2008. С. 178), хотя детали переноса сицилийского знака на о. Мэн до конца не ясны. Отметим, что в отличие от перечисленных выше *трискеле* рассматриваемые граффити на клыке и в Софийском соборе представляют собой замкнутую графическую систему в виде равностороннего треугольника (рис. 3, 1, 4).

В Софийском соборе на стене дяконника, справа от трискелиона, вертикально расположен 8-образный знак (рис. 2, 1 справа), который, так же как и символы бесконечности в виде переплетенных треугольников, представляет собой замкнутую систему. По мнению А.А. Хлевова, композиции, построенные по принципу своеобразной “ленты Мебиуса” – бесконечной поверхности, также относятся к символам, связанным с понятием вечности, бесконечности и циклической повторяемости (2002.

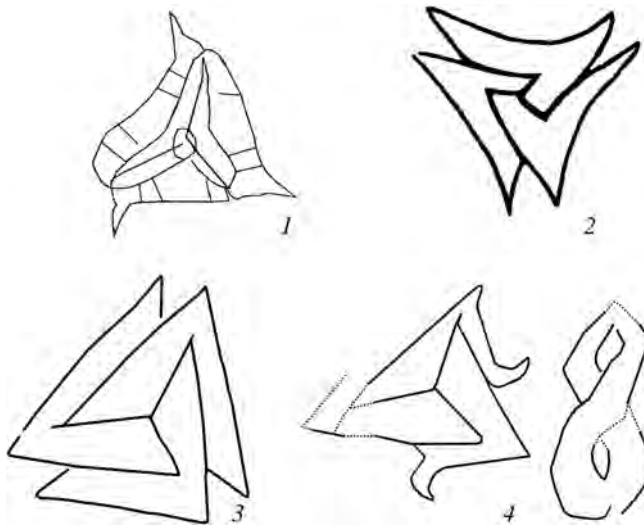

Рис. 3. “Символы бесконечности”. 1 – на моржовом клыке, Новгородское (Рюриково) городище; 2 – на зажиме из оленьего рога, Серебряная гора, Волин (по: Fillipowiak, 2004); 3 – на фрагменте рога, Черная земля, Бирка (SHM, 5208: 1614; прорисовка по фото Г. Андерссона); 4 – на стене дяконника Софийского собора, Великий Новгород (прорисовка по фото С.М. Михеева). Без масштаба. Компьютерный дизайн В.Л. Полигаева.

С. 202). Такие знаки известны по изображениям на готландских картинных камнях: Эскельхем Ларсарве I, сторона А (Eskelhem Larsarve); Нёр-Смисс I (När Smiss) (рис. 2, 2), Ардре III, сторона А (Ardre), Гарда II (Garda) (Lindqvist, 1941. Fig. 71, 142, 169; 1942. Fig. 352). Этот символ часто встречается и на разных предметах эпохи викингов, в том числе на украшениях.

Знак “8” – это вариант одного из древнейших символов – “уробороса” (“ороборос”, “ороборо” – др.-греч. οὐροβόρος, от οὐρά “хвост” и βορός “пожирающий”; букв. “пожирающий [свой] хвост”), хотя, как правило, уроборос изображался “в виде свернувшейся в кольцо змеи, кусающей свой собственный хвост” (Тресиддер, 1999. С. 139). Уроборос имеет множество различных значений. Как знак, означающий, что истинная жизнь начинается после смерти, он изображался на надгробиях в качестве символа смерти и возрождения. Во многих мифах разных культур мира змея-уроборос обнимает собой весь мир и отождествляется с круговым течением вод, окружающих землю. В скандинавской мифологии форму уробороса принимает порожденный Локи и великаншей Ангрбодой змей Ёрмунганд. Всеотец Один бросил “того Змея в глубокое море, всю землю окружающее, и так вырос Змей, что посреди моря лежа, всю землю опоясал и кусает себя за хвост” (Младшая Эдда, 1970. С. 48). В Мировом океане Ёрмунганд будет находиться до

наступления Рагнарёка, когда в последней битве между богами и чудовищами из царства мертвых погибнут боги и весь мир. Но за гибелью мира последует его возрождение. Выживут сыновья Одина и сыновья Тора. Вернется из царства мертвых Бальдр. Укрывшиеся в роще Ходдмимир два человека – Лив и Ливтрасир, вновь дадут начало человеческому роду (Мелетинский, 1992). Знак “уроборос” сочетает в себе земную хтоническую символику змеи и небесную символику круга (Тресиддер, 1999. С. 139). В XI в. на скандинавских рунических камнях текст многих надписей изображался на теле змеи.

Символика змеи имела как защитное, так и устрашающее значение. Изображение змеи предостерегало от попыток каким-либо образом повредить сам памятный камень или нарушить покой усопшего, а также же должно было “запереть” покойника в мире мертвых и защитить от него живых. На рунических камнях рисунок змеи часто сопровождался христианским символом – крестом. Воспроизведение на стелах одновременно и крестов, и змей демонстрирует причудливую смесь язычества и христианства в сознании людей того времени. Иногда на стелах мировой Змей (уроборос) изображен в виде 8-образного знака, как, например, на памятном камне XI в. из Морбю (U 489) (Wikinger..., 1992. S. 164. Abb. 3).

Упомянутый камень из Морбю был высечен рунорезцем Эпиром. К нашему времени сохранилось около 40 камней, подписанных Эпиром, и около 30, которые предположительно приписываются ему (Шеберг, 1996. С. 9, 10; Коваленко, 2007). Практически на всех известных камнях мастера Эпира изображены и крест, и стилизованный уроборос. С именем Эпира связана любопытная гипотеза шведского слависта А. Шеберга. Исследователь предполагает, что скандинавский рунорезец Эпир и известный в середине XI в. в Новгороде поп Упырь Лихой – это один и тот же человек (Шеберг, 1996. С. 8). Многие жители Скандинавии – воины, торговцы и ремесленники – оседали на Руси начиная с VIII в. Оживленными были связи и между правителями Скандинавии и Древнерусского государства. Великий князь Киевский Ярослав Мудрый был женат на дочери Олава Шётконунга Ингегерд. По предположению А. Шеберга, в ее свите в 1019 г., возможно, мог прибыть в Новгород и священник Эпир, который позже стал в Новгороде переписчиком библейских книг.

До нашего времени дошли несколько копий рукописи Пророков с толкованиями, в конце которой сделана древнейшая на древнерусских книгах датированная запись, содержащая имя переписчика –

поп Упырь Лихой (Медынцева, 1978. С. 31). О личности писца, записавшего “Аз поп Оупирь Лихый”, нет каких-либо исторических данных. По мнению А. Шеберга, так могли по созвучию адаптировать на Руси имя скандинава Эпира (Шеберг, 1996. С. 9, 10; Коваленко, 2007). Книга Пророков с толкованиями предположительно была переписана в 1047 г. по поручению князя Владимира Ярославича для каменного Софийского собора, который строился в 1045–1050 гг. и был освящен в 1052 г. Заказчиками храма были князь Владимир Ярославич и его отец, великий князь киевский Ярослав Мудрый (Комеч, 2007. С. 504). По мнению А. Шеберга, после смерти жены князя Ярослава Ингигерд и Владимира Ярославича Эпир-Упырь мог вернуться в Швецию, где стал мастером-рунорезцем (Шеберг, 1996. С. 9, 10; Коваленко, 2007).

А. Шеберг отмечает, что в надписях рунорезца чувствуется сильное влияние русской православной культуры, и подчеркивает, что камни, высеченные Эпиром, “имеют кресты греческого типа, а не западноевропейские латинские кресты. Это также свидетельствует о том, что он имел русские корни” (Шеберг, 1996. С. 10). Заманчиво было бы предположить, что и рассматриваемые в работе граффити из новгородской Софии мог оставить трудившийся в соборе переписчиком книг Упырь-Эпир. Однако у многих исследователей есть серьезные возражения против гипотезы А. Шеберга. Так, Е.А. Мельникова считает, нет “никаких сколько-нибудь существенных доказательств тождественности русского писца и шведского рунографа (критику предположения А. Шеберга см.: Поппэ. С. 321, 322; Quak, 1985)” (Мельникова, 2001. С. 28). Однако несомненно, что граффити на северной стене дьяконника Софийского собора оставил именно скандинав, хорошо знакомый с северной языческой символикой, связанной с понятием жизни и смерти, жизни после смерти, вечности. Символы бесконечности, изображенные на стене собора, исходя из культового назначения храма, можно интерпретировать как символы чередования жизни и смерти, бесконечного возрождения.

Находки на Рюриковом городище и в Новгороде свидетельствуют, что в эпоху викингов скандинавы были знакомы с символикой, широко распространенной в Средиземноморском регионе. Скандинавия и в более раннее время получала импульсы, связанные не только с новшествами в сфере различных ремесел и вооружения. У других народов скандинавы воспринимали многие идеи, а также изобразительные образы, успешно внедряя их в свою культуру и адаптируя в соответствии со своим мировоззрением. Граффити на моржовом клыке

и в Софийском соборе яркое тому подтверждение. Языческая символика на Руси и в Швеции, присутствующая на многих бытовых предметах, украшениях, рунических камнях (где она объединена с крестами), а также ее появление на стенах новгородского храма свидетельствует о том, что, несмотря на принятие этими государствами христианской веры, еще в конце XI в. она не носила в сознании людей негативного характера и сохраняла свое магическое значение.

Приношу искреннюю благодарность А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву за разрешение использовать в настоящей работе информацию о выявлении граффити в новгородском Софийском соборе.

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума РАН в рамках Программы фундаментальных исследований “Историческая память и российская идентичность”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Гнездовская экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. XLIV. С. 93–103.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М. Презентация доклада “Новые эпиграфические находки из Софийского собора” // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 26: Матер. конф., посв. 1150-летию Российской государственности (Великий Новгород 24–26 января 2012 г.) / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2012. С. 30–33.
- Гиря Е.Ю., Дорофеева Т.С. Уникальный моржовый клык с Рюрикова городища: трасологический анализ // РА. 2010. № 1. С. 69–78.
- Коваленко Г.М. Упырь Лихой // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 465–466.
- Комеч А.И. Софийский собор // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 504–505.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 287 с.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора, XI–XIV вв. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Мелетинский Е.М. Рагнарек // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах. Т. 2. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 362–363.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М.: Вост. литература, 2001. 496 с.
- Младшая Эдда / Пер. О.А. Смирницкой, ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970 (Литературные памятники). 256 с.

- Мурашева В.В. Супрутский клад: Из раскопок 1969 г. М.: Изд-во ГИМ, 2008 (Тр. ГИМ; Вып. 175). 48 с.
- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Михайлов К.А., Янссон И. Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 14 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ, 2000. С. 37–41.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Дорофеева Т.С., Гиря Е.Ю. “Маленькая находка” в контексте большой истории // Хорошие дни: памяти А.С. Хорошева / Сост. А.Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеонАрт, 2009. С. 370–385.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.: Наука, 1991. 344 с.
- Попов А.А. Греко-бактрийское царство. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 240 с.
- Поптэ А. “Ис курилоцк” и “куриловицк” // Intern. J. of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. V. 31/32. P. 319–350.
- Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001. 560 с.
- Пушкина Т.А. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 57–68.
- Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1979. 624 с.
- Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: Фаир-Пресс, 1999. 448 с.
- Уилсон Т. Свастика: Древнейший известный символ, его перемещение из страны в страну, с наблюдениями о перемещениях некоторых ремесел в доисторические времена // История свастики с древнейших времен до наших дней / Пер. А.Ю. Москвина. Нижний Новгород: Изд-во “Книги”, 2008. С. 8–354.
- Хлезов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб.: Евразия, 2002. 336 с.
- Черных А.П. Гербовники XIII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 68 (2) / Ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2007. С. 90–110.
- Шеберг А. Эпир – рунорезец Уппланда и придворный проповедник Новгорода // Челю. 1996. № 2. С. 7–11.
- Arbman H. Vikingarna: härnadståg, handelsvägar; kultur. Stockholm, 1962. 223 s.
- Boardman J. Athenian Black Figure Vases. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1974. 252 p.
- British Museum: A Guide to the Anglo-Saxon and Foreign Teutonic Antiquities in the Department of British and Mediaeval Antiquities. L.: Univ. Press, 1923. 179 p.
- Christensen A.E., Ingstad A.S., Myhre B. Oseberg dronningens grav. Vår arkeologiske nasjonalskatt i nytt lys. Oslo: Chr. Schibsted Forlag, 1992. 294 s.
- Filipowiak W. Some aspects of the development of Wolin in the 8th–11th centuries in the light of the results of new research // Polish Lands at the turn of the first and the second millennia / Ed. P. Urbańczyk. Warszawa: IAE PAN, 2004. S. 47–74.
- Lindqvist S. Gotlands bildsteine. T. I. Stockholm: Wahlstrom, Widstrand, 1941. 151 s.: Taf.
- Lindqvist S. Gotlands bildsteine. T. II. Stockholm: Wahlstrom, Widstrand, 1942. 147 s.
- Neville R.C. Proceed. at the Meetings of the Archaeological Institute. November 2, 1855 // Archaeological J. 1856. V. XIII. P. 81–91.
- Quak A. 1st Pop Upir’ Lichoij mit dem Runenmeister Opir identisch? // Scando-Slavica. 1985. T. 31. P. 145–150.
- Stanislawski B.M. Jómsswikingowie z Wolina-Jómsborga. Wrocław: Wrocław. drukarnia naukowa PAN, 2013. 356 s.
- Wikinger Waräger Normannen: Die Skandinavier und Europe 800–1200. (Austellungskatalog) / Ed. E. Roesdahl. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, 1992 (Kunstaussstellung des Europarates; XXII). 429 S.
- Wilson D.M., Klindt-Jensen O. Viking Art. L.: Allen, Unwin, 1966. 173 p.

SCANDINAVIAN “SYMBOLS OF ETERNITY” FROM RURIKOV GORODISCHE AND FROM THE NOVGOROD ST. SOPHIA CATHEDRAL

Tatiana S. Dorofeeva

RAS Institute for History of Material Culture, St. Petersburg (vesti@archeo.ru)

The article considers graffiti in the form of “symbols (signs) of eternity” scratched on the fang of a walrus (the first half of 10th c.), originated from Rurikovo gorodische and depicted on the Northern wall of the sacristan side-alter of the Cathedral of Saint Sophia (the second half of the 11th c.). The depictions of triangles formed by three contiguous feet and also 8-shaped sign which represent a close graphic system with rhythmically repetitive elements, a sort of “knots” without the beginning and the end, are interesting. All the “symbols of eternity” considered in the article have a religious and magic meaning.

Key words: Northern paganism, “symbols of eternity”, Rurikovo gorodische, ancient Novgorod.

REFERENCES

- Arbman H., 1962. Vikingarna: härnadståg, handelsvägar; kultur. Stockholm. 223 p.
- Avdusin D.A., 1952. Gnezdovskaya ekspeditsiya [Gnezdovo expedition]. *KSIIMK [BCIIMC]*, XLIV, pp. 93–103.
- Boardman J., 1974. Athenian Black Figure Vases. New York: Oxford Univ. Press. 252 p.
- British..., 1923. British Museum. A Guide to the Anglo-Saxon and Foreign Teutonic Antiquities in the Department of British and Mediaeval Antiquities. London: Univ. Press. 179 p.
- Chernykh A.P., 2007. Gerbovniki XIII veka [Armorial of 18th century]. *Srednie veka: issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni [Middle Ages: researches on history of Middle Ages and early Modern Age]*, 68 (2). A.A. Svanidze, ed. Moscow: Nauka, pp. 90–110.
- Christensen A.E., Ingstad A.S., Myhre B., 1992. Oseberg dronningens grav. Vår arkeologiske nasjonalskatt i nytt lys. Oslo: Chr. Schibsted Forlag. 294 p.
- Filipowiak W., 2004. Some aspects of the development of Wolin in the 8th–11th centuries in the light of the results of new research. *Polish Lands at the turn of the first and the second millennia*. P. Urbańczyk, ed. Warszawa: IAE PAN, pp. 47–74.
- Gippius A.A., Mikheev S.M., 2012. Prezentatsiya doklada “Novye epigraficheskie nakhodki iz Sofiyskogo sobora” [Presentation of the report “New epigraphical finds from the Cathedral of St. Sophia]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]*, 26. *Materialy konf., posv. 1150-letiyu Rossiyskoy gosudarstvennosti [Transactions of the Conference devoted to the 1150th Russian Statehood]*. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod.
- Girya E.Yu., Dorofeeva T.S., 2010. Unikal'nyy morzhovyy klyk s Ryurikova gorodishcha: trasologicheskiy analiz [Unique walrus fang from the Riurikid fortified settlement: trace evidence analysis]. *RA [RA]*, 1, pp. 69–78.
- Khlevov A.A., 2002. Predvestniki vikingov. Severnaya Evropa v I–VIII vekakh [Forerunners of the Vikings. Northern Europe in 1st–8th cc.]. SPb.: Evraziya. 336 p.
- Komech A.I., 2007. Sofiyskiy sobor [The Cathedral of St. Sophia]. *Velikiy Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: entsiklopedicheskiy slovar' [Velikiy Novgorod. History and Culture of 9th–17th cc.: encyclopedic dictionary]*. SPb.: Nestor-Istoriya, pp. 504–505.
- Kovalenko G.M., 2007. Upyr' Likhoy [Upir' Likhoy]. *Velikiy Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: entsiklopedicheskiy slovar' [Velikiy Novgorod. History and Culture of 9th–17th cc.: encyclopedic dictionary]*. SPb.: Nestor-Istoriya, pp. 465–466.
- Lebedev G.S., 1985. Epokha vikingov v Severnoy Evrope [The Vikings in Northern Europe]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. univ. 287 p.
- Lindqvist S., 1941. Gotlands bildsteine, I. Stockholm: Wahlstrom, Widstrand. 151 p., ill.
- Lindqvist S., 1942. Gotlands bildsteine, II. Stockholm: Wahlstrom, Widstrand. 147 p.
- Medyntseva A.A., 1978. Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofiyskogo sobora, XI–XIV vv. [Ancient Rus inscriptions of the Cathedral of St. Sophia, 11th–14th cc.]. Moscow: Nauka. 312 p.
- Meletinskiy E.M., 1992. Ragnarek [Ragnarok]. *Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of World Nations: encyclopedia]*, 2. Moscow: Sov. Entsiklopediya, pp. 362–363.
- Mel'nikova E.A., 2001. Skandinavskie runicheskie nadpisi [Scandinavian runic inscriptions]. Moscow: Vostochnaya literatura. 496 p.
- Mladshaya..., 1970. Mladshaya Edda [The Younger Ecu]. O.A. Smirnitkaya, trans., M.I. Steblin-Kamenskiy, ed. Leningrad: Nauka. 256 p. (Literaturnye pamyatniki).
- Murasheva V.V., 2008. Suprutskiy klad: Iz raskopok 1969 g. [Suprutskiy Hoard: From the excavations of 1969]. Moscow: Izd-vo GIM. 48 p. (Tr. GIM, 175).
- Neville R.C., 1856. Proceed. at the Meetings of the Archaeological Institute. November 2, 1855. *Archaeological J.*, XIII, pp. 81–91.
- Nosov E.N., Dorofeeva T.S., Mikhaylov K.A., Yansson I., 2000. Itogi izucheniya Ryurikova gorodishcha v 1999 g. [The results of studying the Riurikid fortified settlement in 1999]. *Novgorod i Novgorodskaya Zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]*, 14. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorod. gos. ob'edinenny muzey-zapovednik, pp. 37–41.
- Nosov E.N., Khvoshchinskaya N.V., Dorofeeva T.S., Girya E.Yu., 2009. “Malen'kaya nakhodka” v kontekste bol'shoy istorii [“Small find” in the context of big history]. *Khoroshie dni: pamyati A.S. Khorosheva [Good days: in the memory of A.S. Khoroshev]*. A.E. Musin, comp. Velikiy Novgorod; SPb.; Moscow: LeonArt, pp. 370–385.
- Pichikyan I.P., 1991. Kul'tura Baktrii. Akhemenidskiy i elinisticheskiy periody [Culture of Bactria. Achaemenid and Hellenistic periods]. Moscow: Nauka. 344 p.
- Pokhlebin V.V., 2001. Slovar' mezhdunarodnoy simvoliki i emblematiki [Dictionary of International Symbols and Emblems]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. 560 p.
- Popov A.A., 2008. Greko-baktriyskoe tsarstvo [Greco-Bactrian Kingdom]. St. Petersburg: Izd-vo St. Peterburg. univ. 240 p.
- Poppe A., 1985. “Is kurilotsk” i “kurilovitsk” [“Is kurilotsk” and “kurilovitsk”]. *International J. of Slavic Linguistics and Poetics*, 31/32, pp. 319–350.
- Pushkina T.A., 1993. Izdeliya kostoreznogo remesla iz Gnezdova [Objects of bone-carving craft from Gnezdovo]. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoy Evropy [Medieval Antiquities of Eastern Europe]*. Moscow: GIM, 57–68. (Tr. GIM, 82).

- Quak A.*, 1985. 1st Pop Upir' Lichoj mit dem Runenmeister Opir identisch? *Scando-Slavica*, 31, pp. 145–150.
- Sheberg A.*, 1996. Epir – runorezets Upplanda i pridvornyy propovednik Novgoroda [Epirus-runes-carver of Uppland and court preacher of Novgorod]. *Chelo [Chelo]*, 2, pp. 7–11.
- Slovar'..., 1979. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk. 624 p.
- Stanisławski B.M.*, 2013. Jómsswikingowie z Wolina-Jómsborga. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN. 356 p.
- Tresidder D.*, 1999. Slovar' simvolov [Symbols Dictionary]. S. Pal'ko, trans. from English. Moscow: Fair-Press. 448 p.
- Uilson T.*, 2008. Svastika: Drevneyshiy izvestnyy simvol, ego peremeshchenie iz strany v stranu, s nablyudeniymi o peremeshcheniyakh nekotorykh remesel v doistoricheskie vremena [Svastika: the most ancient known symbol, its movement from country to country, with the notes on movements of some crafts in Primitive time]. *Istoriya svastiki s drevneyshikh vremen do nashikh dney [Svastika's History from all Antiquity to present days]*. A.Yu. Moskvina, trans. Nizhniy Novgorod: Izd-vo “Knigi”, pp. 8–354.
- Wikinger...*, 1992. Wikinger Waräger Normannen. Die Skandinavier und Europe 800–1200. (Austellungskatalog). E. Roesdahl, ed. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz. 429 p. (Kunstaussstellung des Europarates, XXII).
- Wilson D.M., Klindt-Jensen O.*, 1966. Viking Art. London: Allen, Unwin. 173 p.

О ПОЯВЛЕНИИ ЗАМКОВ И КЛЮЧЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2016 г. А.А. Кудрявцев

Институт археологии РАН, Москва (a-kudravtsev@yandex.ru)

Появление первых замков и ключей на территории Древнерусского государства можно отнести к рубежу IX–X вв., что связано с началом активных славяно-скандинавских контактов и оседанием норманнов в ряде торгово-ремесленных поселений, расположенных по маршруту торгового пути “из варяг в греки” (Новгородское городище, Гнездово). Наиболее ранние их находки происходят из раскопок Земляного городища Старой Ладogi и курганов, исследованных в Юго-Восточном Приладожье (Усть-Рыбежно) и Ярославском Поволжье (Тимеревский могильник). Находки рассматриваемых изделий на поселениях немногочисленны, в этот период замки и ключи еще не так широко применялись в хозяйстве древнерусского населения. Начало их использования на территории Древней Руси – часть процесса формирования древнерусской материальной культуры и связано с североευропейским влиянием.

Ключевые слова: замки, ключи, Древнерусское государство, торгово-ремесленные поселения, могильники, погребения.

В быту восточных славян накануне образования Древнерусского государства замки и ключи не применялись. В разнообразный перечень кузнечных изделий разных археологических культур, относимых к славянским, замки и ключи не входят. По всей видимости, в этот период и не существовало особой необходимости в подобных изделиях, когда основной массив населения был сосредоточен на небольших неукрепленных поселениях и городищах, а уровень социальной дифференциации еще не достиг такой черты, чтобы возникла потребность как-то закрывать свое жилище и скрывать таким образом имущество.

Примитивные формы нутряных замков и ключей начали использовать еще в Древнем Египте. Навесные замки, вероятно, были изобретены кельтами, древнейшие из известных находок относятся к середине латенского времени (Czarnecka, 2013. Р. 69). Высокий уровень производства замков был достигнут в период расцвета Римской империи, что выразилось в многообразии и сложности форм этих изделий, а также в их широком распространении даже в самых отдаленных провинциях, например, в Британии.

В первой половине I тыс. н.э. находки замков и ключей встречаются и за пределами Римской империи. Они выявлены при раскопках поселений и погребений пшеворской (некрополи Конин, Карчевец) и черняховской (Будештский, Косановский, Спанцевский могильники) культур (Седов, 1979. С. 92).

На поселениях черняховской культуры (Рипнев, Черепнин, Собарь) выявлены железные навесные замки с пружинным механизмом и коленчатые ключи к ним, а также якоревидные ключи к нутряным замкам (Магомедов, 2001. С. 85. Рис. 80, 2, 4, 5). В женских погребениях черняховской культуры иногда встречаются детали врезных замков для ларцов.

Более характерны находки замков и ключей для урновых погребений пшеворской культуры. В могильнике Млодзиково выявлено 28 замков и 22 ключа, в Хоруле – 18 замков и 14 ключей (Седов, 1979. С. 64. Табл. 2).

Большинство этих изделий местного производства, но технические решения были заимствованы из римской традиции (Charnecka, 2013. Р. 72).

С упадком Римской империи, миграций населения в эпоху Великого переселения народов и последующей сменой археологических культур, замки и ключи уже не использовались в хозяйстве населения Центральной и Восточной Европы. При археологических исследованиях поселений и погребений пражско-корчакской, пенъковской, колочинской и других археологических культур, относимых к славянским, эти изделия не зафиксированы.

Появление первых замков и ключей на территории Древнерусского государства можно отнести к рубежу IX–X вв., что связано с началом активных славяно-скандинавских контактов и оседанием норманнов в ряде торгово-ремесленных поселе-

ний, расположенных по маршруту торгового пути “из варяг в греки”.

В самой Скандинавии начало использования замков и ключей отмечено еще в конце вендельской эпохи (VI–VIII вв.). Наиболее же ранние находки этих изделий зафиксированы при археологических исследованиях Хельго. Оно представляло собой серию разновременных поселков и могильников IV–VIII вв., расположенных на о. Хельго, на оз. Меларен. Всего на поселениях Хельго найдено 80 замков (Tomtlund, 1970. P. 247).

Ряд находок из Хельго указывает на его обширные связи с Британией, которые без перерывов прослеживаются с IV в. н.э. (Holmqvist et al., 1961. P. 34). По всей видимости, в ходе именно этих связей ряд таких технологических приемов, как, например, принцип расхождения пружин, использовавшийся в навесных замках римского времени, был заимствован скандинавскими кузнецами.

Однако в этот период замки были распространены и в Центральной Европе. Возможно, схожий импульс для зарождающегося замочного ремесла в Скандинавии принесли и схожие контакты с германскими племенами Центральной Европы, чья материальная культура испытывала позднеримское влияние, что, в частности, выразилось и в распространении замков и ключей на территории их расселения.

Во всяком случае ряд ключей и замков Хельго, относящихся к раннему этапу его существования, аналогичен изделиям, происходящим из погребений германских племен Центральной Европы, датирующихся временем эпохи Великого переселения народов (Tomtlund, 1978. P. 12).

Очевидно, что появление в Скандинавии кубических замков с Т-образной прорезью связано исключительно с местной традицией, несмотря на то, что при работе его механизма использовался принцип расхождения пружин (рис. 1, 2). Цилиндрический замок с аналогичным отверстием для ключа появляется в Северной Европе позже (рис. 1, 1), при этом находки подобных замков в Скандинавии довольно редки. Возможно, он является результатом некоего синтеза традиций замочного ремесла, так как подобная форма корпуса была характерна и во времена Римской империи. Последующие же типы цилиндрических замков (XI–XIII вв.) с отверстием для ключа в донце или нижней части большого цилиндра и коленчатым ключом к ним напрямую ведут своими истоками в античность. Схожи они и с навесными замками черняховской и пшеворской культур, несмотря на такой значительный временной промежуток между ними.

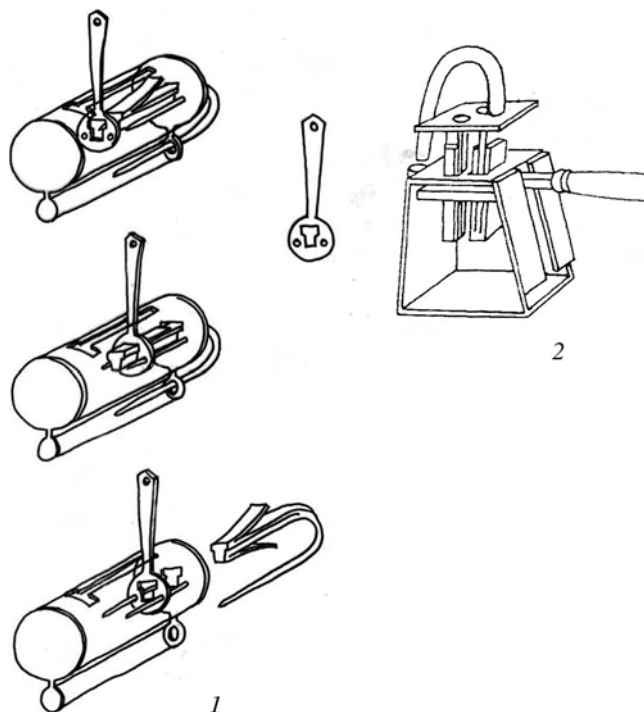

Рис. 1. Реконструкции схемы работы механизмов навесных кубических (2) и цилиндрических (1) замков с Т-образной прорезью (по: Ottoway, 1992).

Помимо своего основного бытового назначения замки и ключи играли и символическую роль, о чем свидетельствует тот факт, что их начинают помещать в погребения. Ключи более характерны для женских погребений. Это, по всей видимости, связано с тем, что скандинавские женщины носили их на поясе или на цепочке, прикрепленной к одной из фибул. Во многом их распространение связано и с широким использованием ларцов, которые начинают помещать в погребения уже в вендельскую эпоху (Лебедев, 1985. С. 41), они служат признаком высокого социального статуса погребенного.

Миниатюрные размеры навесных замков этого периода указывают на то, что они могли использоваться только в качестве запоров для сундуков и ларцов, но при этом они не были надежными устройствами. Помимо небольших размеров их характеризуют тонкие пластины корпуса, маленькая толщина пружины (менее 2 мм), что подтверждает их более символическое значение, чем практическое. Начало использования подобных замков обозначает наступление времени, когда некоторые люди получают право ограничивать доступ другим к определенным предметам и местам, что указывает на начало социальной дифференциации в ранне-средневековом обществе.

В качестве запоров для сундуков использовались также и нутряные замки, о чем свидетельствуют

находки их деталей, пружин и засовов (Westphalen, 2002. S. 192).

Начавшееся проникновение скандинавов на территорию Восточной Европы в IX–X вв. совпадает с началом использования замков и ключей в Древней Руси. Аналогичные скандинавским типам изделия этой категории были найдены при археологических исследованиях многих древнерусских поселенческих и погребальных памятников, где зафиксировано присутствие норманнов.

Прежде всего, это описанные выше навесные призматические замки с Т-образной прорезью на корпусе и ключи с плоской прямоугольной лопастью, имеющей незавершенный периметр. По классификации Я.-Е. Томтлунда, разработанной по материалам раскопок Хельго, описанные выше замки относятся к типу 2. Их появление отмечено в вендельский период, но наиболее распространены они были в эпоху викингов (Tomtlund, 1978. P. 10).

По этой причине рядом исследователей эти изделия были отнесены к предметам скандинавского происхождения (Пушкина, 1981. С. 185; Голубева, Кочуркина, 1991. С. 107; Леонтьев, 1996), при этом С.Д. Захаров высказывал сомнение в возможности использования их в качестве индикатора этнической принадлежности, отмечая скорее их общий североευропейский характер, чем скандинавский (Захаров, 2004. С. 112).

Вместе с указанными типами навесных замков на территории Древней Руси появляются коленчатые ключи с зубцами. Б.А. Колчин, основываясь на данных этнографии, полагал, что они могут относиться только к деревянным запорам (1959. С. 85). В зарубежной историографии они интерпретируются и как ключи к цельнометаллическим замкам от ларцов. На основе находок деталей таких запоров в разных североευропейских торгово-ремесленных поселениях разработаны реконструкции работы их механизма (Ottoway, 1992. P. 660. Fig. 282).

В некоторых погребениях Бирки подобные ключи выявлены вместе с фрагментами внутренних замков (Arbman, 1943. Taf. 267, 1, 3). В кургане 422 Тимеревского могильника, содержащем женское погребение, найден ключ с зубцами вместе с замочной личиной (Фехнер, 1961. Рис. 68; 1963. С. 125). Представляется, что в рассматриваемый период замки использовались преимущественно в качестве запоров от сундуков и ларцов (рис. 2, 1–3).

Самые ранние их находки на территории Древнерусского государства зафиксированы при раскопках Земляного городища Старой Ладogi. В напластованиях, относящихся к микрогоризонту ЕЗ,

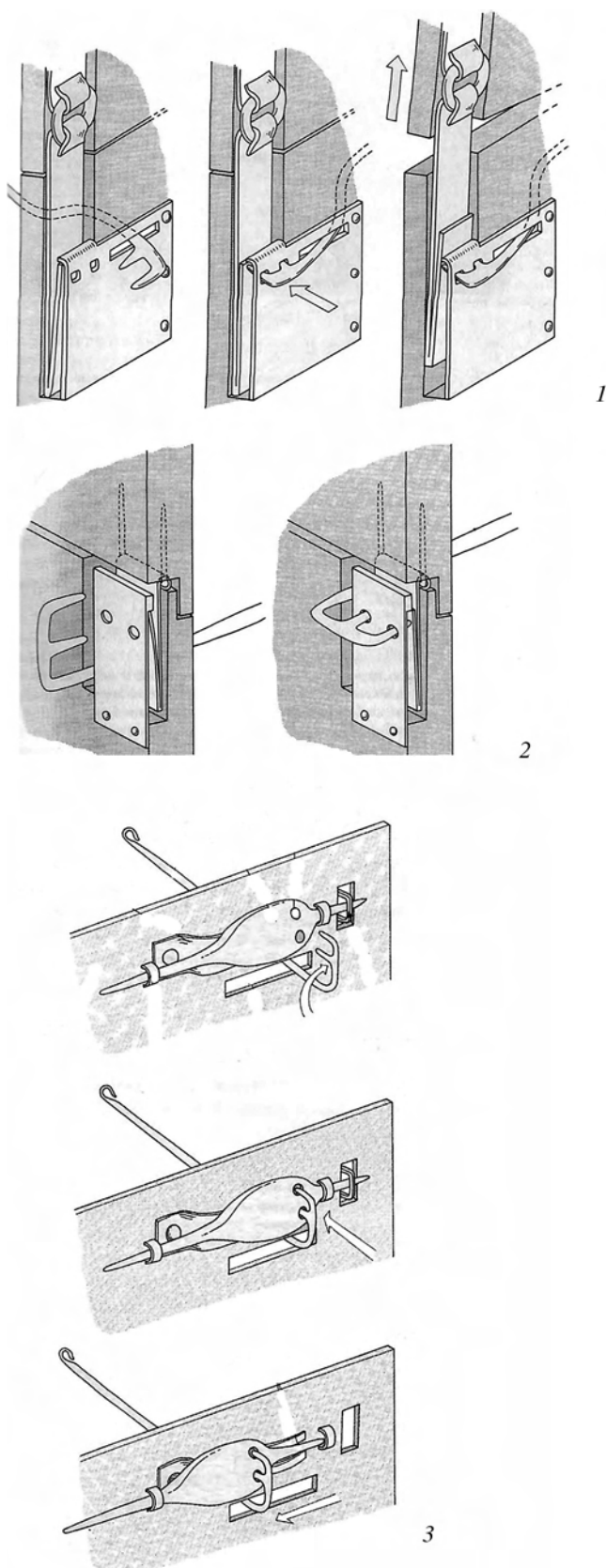

Рис. 2. Реконструкции схемы работы механизмов (1–3) внутренних сундучных замков (по: Ottoway, 1992).

датирующемуся второй половиной VIII в., выявлены ключи и детали замков (Рябинин, 1984. С. 24).

В рассматриваемый период замки и ключи характерны для крупных торгово-ремесленных поселений и особенно там, где, как отмечено выше, были зафиксированы следы присутствия скандинавов (Новгородское (Рюриково) городище, Гнездово). С первой половины X в. эти изделия начинают помещать в погребения, по всей видимости, под влиянием скандинавской традиции.

Свод древнерусских погребений с замками и ключами был выполнен Н.А. Макаровым, в основном они датируются X–XI вв. (1978. С. 14). Наиболее ранние погребения с рассматриваемыми изделиями на территории Древней Руси выявлены в курганных могильниках Юго-Восточного Приладожья и Ярославского Поволжья.

В кургане 19 в Усть-Рыбежно (раскопки Н.Я. Бранденбурга в Юго-Восточном Приладожье) зафиксированы следы мужского сожжения в ладье с мечом, копьем, разными бытовыми предметами, среди которых был и кубический замок. Погребение скандинавское, датируется концом IX – началом X в. (Кочкуркина, 1989. С. 105, 106).

В кургане 394 Тимеревского могильника, содержащем остатки женского труположения с бронзовыми и позолоченными фибулами, выявлен фрагмент ключа к навесному замку. В кургане 123 указанного некрополя выявлены следы женского сожжения с бронзовой односкорлупной овальной фибулой и ключом к кубическому замку с плоской лопастью, имеющей незавершенный периметр (Фехнер, 1961. Рис. 32). Оба погребения скандинавские, датируются первой половиной X в. (Фехнер, 1963. С. 15, 104).

В целом общий бытовой характер указанных вещей и очень широкая распространенность по Северной Европе указывают на то, что они не поддаются этническому определению, так же как, например, ножи и калачевидные кресала (Клейн и др., 2009. С. 151).

Представляется, что относить замки и ключи к норманнскому кругу древностей можно только в том случае, если они были найдены в закрытых комплексах с характерным для викингов погребальным обрядом и соответствующим инвентарем.

Б.А. Колчин полагал, что замки и ключи были широко распространены в древнерусском городе и в деревне уже в IX–X вв., отмечая их находки и при раскопках погребальных памятников (1953. С. 177), хотя, как показывают материалы археологических исследований ранних напластований древнерус-

ских поселений, находки рассматриваемых изделий в этот период немногочисленны.

При этом замки и ключи, происходящие из достоверных комплексов, датирующихся IX в., на территории Древней Руси зафиксированы только при раскопках Земляного городища Старой Ладogi. Заметно увеличивается количество находок замков и ключей в древнерусских городах, городищах и селищах лишь со второй половины X в. В этот период доминируют ключи от навесных замков с плоской прямоугольной лопастью и завершенным периметром, появляются цилиндрические висячие замки с Т-образной прорезью на корпусе и относящиеся к ним ключи с плоской круглой лопастью, объединенные Б.А. Колчиным в тип А (1959. С. 80). Среди нутряных замков появляются более сложные и надежные комбинированные замки, в которых используются железные и стальные детали.

Изделия рассматриваемой категории вещей, происходящие из древнерусских поселений, синхронны аналогичным изделиям из погребений. Среди древнерусских некрополей наибольшее количество замков и ключей зафиксировано в курганах Тимеревского могильника (6 замков и 15 ключей) (Недошивина, 1963. С. 53–55) и Гнездова (5 замков и 23 ключа) (Кудрявцев, 2013. С. 129).

В Гнездове раскопано около 1300 насыпей, но достоверная выборка основывается на материале из 793 погребений (Пушкина и др., 2012. С. 245, 246). Замки и ключи найдены в 24 курганах. Доля погребений с ключами составляет примерно 3%. В Тимеревском могильнике, в котором изучено не менее 472 насыпей (Недошивина, Зозуля, 2012. С. 181), замки и ключи обнаружены в 20 курганах (4.2%). В некрополях Киева (168 комплексов) найдены один замок с цилиндрическим корпусом в разрушенном захоронении и два ключа в камерных погребениях (Ивакин, 2011. С. 262, 276).

В Бирке 92 ключа были обнаружены в 75 курганах, что составило 7% от общего числа исследованных погребений (Ulthelm, 1989. Р. 122). В прусском могильнике Клиновка 1 (Ирзекапинис) найдено три замка и девять ключей в девяти погребениях с трупосожжениями – 7.6% от общего числа (118) исследованных захоронений (Кулаков, 1999. С. 215).

Замки и ключи зафиксированы в мужских и женских погребениях, эти изделия встречаются как в курганах с невыразительным и довольно бедным погребальным инвентарем, так и вместе с изделиями, характеризующими высокий социальный статус погребенного. Доля погребений, где были

зафиксированы ключи вместе с вещами скандинавского круга древностей, незначительна.

Основываясь на данных этнографии, Н.А. Макаров полагал, что большинство находок ключей и замков в курганах следует интерпретировать как свидетельства совершения различных магических обрядов, в том числе ритуального замыкания умершего на месте погребения. И в первую очередь в случаях, когда эти изделия встречены в погребении при отсутствии большого набора бытовых вещей (Макаров, 1981. С. 262).

Представляется, что в рассматриваемый период (конец IX – начало XI в.) ключи и замки выступали скорее как символы богатства и благосостояния погребенного, в какой-то мере заменяя ларцы, находки которых и в Скандинавии считаются признаком высокого социального статуса. Косвенно это объясняет тот факт, что в погребения помещали в основном ключи от навесных замков, которые, исходя из их миниатюрных размеров, в это время могли использоваться только как запоры сундуков. Большее количество ключей в женских погребениях, по всей видимости, связано с тем, что ключ также служил и символом полноправной хозяйки, хранительницы очага.

Наделение ключей и замков какими-либо магическими свойствами, возможно, связано с более поздним временем, о чем свидетельствуют их находки в жертвенных комплексах XII–XIII вв., когда эти изделия распространяются повсеместно и теряют свое значение как некие символы благосостояния.

Жертвенный комплекс, открытый при раскопках могильника Горка в Восточном Прионежье, конца XII – середины XIII в., представлял собой яму, в заполнении которой на уровне дневной поверхности было обнаружено скопление камней и шлаков. На этом же уровне найдены запертый кубический замок типа А и цилиндрический типа В. Под камнями выявлено скопление костей животных: пять скелетов собак и пять скелетов птиц. Н.А. Макаров интерпретировал комплекс как языческое жертвоприношение и датировал его концом XII – началом XIII в., отмечая, что замки были использованы для совершения над ямой ритуального “замыкания” – нейтрализации злых сил (Макаров, 1987. С. 78).

В могильнике Минино II (XI–XII вв.) в заполнении одной из ям были расчищены кости животных, в том числе зубы крупного рогатого скота и запертый замок типа Б (Макаров, Зайцева, 2007. С. 179), который, вероятно, играл некую сакральную функцию, как и в описанном выше жертвенном комплексе.

Помимо этого в ряде древнерусских кладов, обнаруженных в Киеве, зафиксированы находки замков (30, 77, 91, 98, 103, 125 – по: Корзухина, 1954. С. 17, 18, 90, 91, 115, 118, 120–122). Только один из этих кладов (№ 30) датирован XI – началом XII в. Остальные – временем между 70-ми годами XII в. и 1240 г. Очевидно, что замки имели магическое значение при сокрытии этих кладов.

По всей видимости, именно в этот период (XII–XIII вв.) и начинается активное использование рассматриваемых изделий при проведении всевозможных магических, свадебных и погребальных обрядов. Косвенно об этом свидетельствуют данные по этнографии славянских народов (Славянские древности, 1999. С. 263, 264, 511, 512). В X–XI вв. эти изделия на территории Древней Руси были еще не так широко распространены, чтобы настолько основательно стать частью каких-либо магических ритуалов. Как было показано выше, находки их в древнерусских могильниках совсем немногочисленны, а порой носят и единичный характер.

Р.Л. Розенфельдт полагал, что замки и ключи начали производить на Руси уже в X в. (1953. С. 34), но следы замочного производства на территории Древней Руси в рассматриваемый период не обнаружены. При этом замки и ключи изготавливали в Хельго, а в Бирке выявлены глиняные матрицы с отпечатками корпусов кубических замков, свидетельствующие о специализированном изготовлении запирающих устройств этого типа (Gustafsson, 2005. Р. 21, 22).

Если изготовление коленчатых ключей с зубцами (толькоковка) было довольно универсальным и не столь трудоемким процессом, то производство кубических замков с их сочетанием железных и стальных деталей требовало применения ряда сложных технологических приемов (пайка с использованием медного припоя).

Возможно, какая-то часть замков и ключей этого типа могла попасть в древнерусские торгово-ремесленные поселения посредством импорта или же они изготавливались на месте по скандинавским образцам.

Необходимо отметить, что Скандинавия – не единственный регион, откуда могли прийти на территорию Древней Руси традиции изготовления замков и ключей. Высокий уровень производства этих изделий был достигнут и в Византийской империи, где замочное ремесло продолжало традиции Римской империи с ее многообразием форм и типов замков и ключей. Однако никакого южного влияния в изготовлении древнерусских замков не наблюдается. Замки и ключи, происходящие из

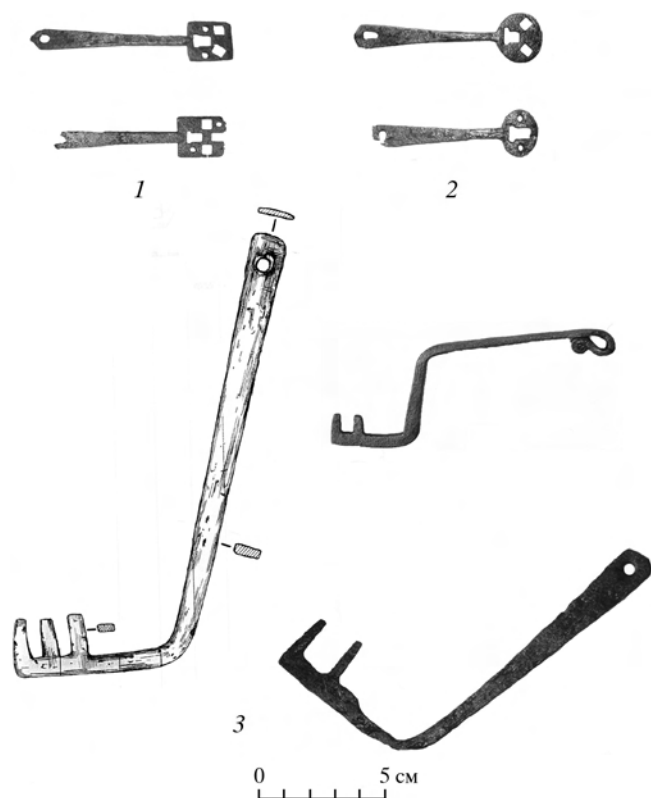

Рис. 3. 1 – ключи к навесным кубическим замкам с Т-образной прорезью; 2 – ключи к навесным цилиндрическим замкам с Т-образной прорезью; 3 – ключи с зубцами к внутренним замкам. Новгород. X в.

византийских слоев Коринфа (Davidson, 1952. Р. 71, 72) и Херсонеса (Третеский, 1911. С. 131–133), совершенно отличны от бытовавших на территории Древней Руси изделий этой категории вещей.

Замки и ключи византийского происхождения представлены на территории Руси единичными экземплярами – всего два зооморфных замка в виде коньков и шесть бронзовых ключей, датирующихся X–XII вв. Единичные находки подобных изделий не связаны с импортом, а, по всей видимости, свидетельствуют о присутствии выходцев из Византии на территории Древней Руси. Схожая ситуация фиксируется и в последующее время, когда древнерусское замочное ремесло развивалось всецело в русле североευропейских традиций. В ряде древнерусских городов (Старая Рязань, Серенск, Белоозеро, Москва) выявлены единичные экземпляры бронзовых зооморфных замков болгарского происхождения в виде лошадок и бычков, датирующихся XII–XIII вв. (Полубояринова, 1993. С. 105).

Традиция изготовления бронзовых зооморфных замков в Волжской Болгарии была заимствована из Крыма или Средней Азии. Впоследствии она значи-

тельно эволюционировала, поскольку болгарские образцы заметно отличаются от причерноморских.

Первые замки и ключи на территории будущего Древнерусского государства зафиксированы в Старой Ладге в напластованиях, относящихся ко второй половине VIII в. С первой половины X в. замки и ключи распространяются на остальной территории Руси, их немногочисленные находки отмечены главным образом на торгово-ремесленных поселениях, где отчетливо прослеживается деятельность скандинавов.

В первой половине X в. эти изделия встречаются в курганах с преимущественно скандинавскими погребениями, а во второй половине X в. – в захоронениях, которые по погребальному инвентарю и погребальному обряду интерпретируются как славянские.

Находки рассматриваемых изделий на поселениях немногочисленны, в этот период замки и ключи еще не так широко применялись в хозяйстве древнерусского населения. Например, в Изборске из нижнего слоя с лепной керамикой (верхняя дата которого – середина X в.) происходят только один навесной кубический замок, два ключа типа А и два ключа к внутренним замкам с зубьями (Седов, 2007. С. 266).

В Новгороде на территории двух исследованных участков Людина и Неревского концов найдено 6 замков и 32 ключа в напластованиях, датирующихся второй четвертью/серединой–концом X в. (рис. 3, 1–3).

Начало использования замков и ключей на территории Древней Руси – часть процесса формирования древнерусской материальной культуры. И в северо-западных землях, и на юге Руси использовались одни и те же формы замков и ключей, идентичные североευропейским аналогам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991. 196 с.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индик, 2004. 592 с.
- Ивакин В.Г. Киевские погребения X в. // Древности антов. СПб.: Высшая антропологическая школа, 2011 (Stratum plus; № 5). С. 243–287.
- Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 143–171.

- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Домонгольский период. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 32). 258 с.
- Колчин Б.А. Железоделательное ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–121.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 157 с.
- Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989. 345 с.
- Кудрявцев А.А. Замки и ключи из курганов Гнездова // Новые материалы и методы археологического исследования. Мат-лы конф. / Ред. В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина. М.: ИА РАН, 2013. С. 129–130.
- Кулаков В.И. Ирзекапинис // Неславянское в славянском мире. СПб.: Высшая антропологическая школа, 1999 (Stratum Plus; № 5). С. 211–274.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 529 с.
- Леонтьев А.Е. Археология мери. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин: Изд-во ун-та М. Кюри-Склодовской, 2001. 276 с.
- Макаров Н.А. Опыт реконструкции погребальных обрядов X–XIII вв. [Рукопись]: дипломная работа. М., 1978. 91 с.
- Макаров Н.А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4. С. 261–265.
- Макаров Н.А. Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII в. на Каргополье // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 73–80.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология Севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 1 / Ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. С. 130–185.
- Недошивина Н.Г. Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 51–55.
- Недошивина Н.Г., Зозуля С.С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 178–194.
- Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 119 с.
- Пушкина Т.А. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. 1981. № 3. С. 285–291.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисосова Н.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–274.
- Розенфельдт Р.Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 32–39.
- Рябинин Е.А. Исследования в Старой Ладогге // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 24–25.
- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 155 с.
- Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 424 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.
- Третеский Н.И. О древних херсонесских замках и ключах // ИАК. Вып. 42. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1911. С. 127–133.
- Фехнер М.В. Раскопки Тимеревского курганного могильника в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 23356.
- Фехнер М.В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье в X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 5–20.
- Arbman H. Birka I. Die Gräber. Stocholm, 1943. 282 taf.
- Czarnecka K. Padlocks in the przeworsk and the chernyakhov cultures in the late Roman period, as an evidence of mutual contacts // Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavian towards the Black sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publ. house, 2013. P. 69–83.
- Davidson G. Corinth. V. XII. Princeton: The Am. school of classical studies at Athens, 1952. 359 p.
- Gustafsson B. On Norse padlocks – production and use // J. of Nordic Archaeol. Sc. 2005. № 15. P. 19–24.
- Holmqvist W., Arrhenius B., Lundstrom P. Excavations at Helgö I. Uppsala, 1961. 240 p., 77 pl.
- Ottoway P. Anglo-Scandinavian ironwork from 16-22 Coppergate // The archaeology of York. V. 17: The small finds. L.: Council for British Archaeology, 1992. P. 435–735.
- Tomtlund J.-E. Hänglasen pa Helgö // Fornvännen. 1970. № 65. S. 238–247.
- Tomtlund J.-E. Locks and keys // Excavations at Helgö. V. V. I. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, 1978. P. 3–14.
- Ulfhielm A. Schlüssel // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, 1989. P. 122–123.
- Westphalen P. Die Eisefunde von Haithabu. Neumünster: Wachholtz, 2002. 336 S.

ON THE EMERGING OF LOCKS AND KEYS IN ANCIENT RUS

Andrei A. Kudriavtsev

*Institute of Archaeology RAS, Moscow
(a-kudravtsev@yandex.ru)*

The emerging of locks and keys on the territory of the ancient Rus state may be referred to the turn of the 9th–10th cc., which is connected with the beginning of the active Slavic-Scandinavian contacts and the process of the Normans settling in the row of trade-handcraft settlements situated along the route of the trade way “from the Varangians to the Greeks” (Novgorod fortified settlement, Gniozdovo). Their earliest finds are from the excavations of the Zemlianoi fortified settlement of Staraya Ladoga and the barrows studied in the Southern-Eastern Ladoga Lake Region (Ust-Rybezno) and Yaroslavl Volga River Region (Timerev burial ground). The finds of the studied items in the settlements are not numerous. Locks and keys were not so widely used in the household of ancient Russian people that period. The beginning of their use on the territory of ancient Rus is a part of the formation process of the ancient Rus material culture and connected with the Northern European impact.

Key words: locks, keys, ancient Rus state, trade-handcraft settlements, burial grounds, burials.

REFERENCES

- Arbman H., 1943. Birka I. Die Gräber. Stocholm. 282 ill.
- Czarnecka K., 2013. Padlocks in the przeworsk and the chernyakhov cultures in the late Roman period, as an evidence of mutual contacts. *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavian towards the Black sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publ. house, pp. 69–83.
- Davidson G., 1952. Corinth, XII. Princeton: The Am. school of classical studies at Athens. 359 p.
- Fekhner M.V., 1961. Raskopki Timerevskogo kurgannogo mogil'nika v 1961 g. [Excavations of the Timerev barrow cemetery in 1961]. *Arkhiv IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, 2335b (unpublished).
- Fekhner M.V., 1963. Timerevskiy mogil'nik [Timerev burial ground]. *Yaroslavskoe Povolzh'e v X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhaylovskogo i Petrovskogo mogil'nikov [Yaroslavl Volga Region in 10th–11th cc. on the materials of Timerev, Mikhailovo and Petrov burial grounds]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow, pp. 5–20.
- Golubeva L.A., Kochkurkina S.I., 1991. Belozerskaya ves' (po materialam poseleniya Krutik IX–X vv.) [Belozersk ves' (on the materials of the settlement Krutik of 9th–10th cc.)]. Petrozavodsk. 196 p.
- Gustafsson B., 2005. On Norse padlocks – production and use. *J. of Nordic Archaeol. Sc.*, 15, pp. 19–24.
- Holmqvist W., Arrhenius B., Lundstrom P., 1961. Excavations at Helgö I. Uppsala. 240 p., 77 pl.
- Ivakin V.G., 2011. Kievskie pogrebeniya X v. [Kyiv burials of 10th c.]. *Drevnosti antov [The Antes Antiquities]*. SPb.: Vysshaya antropol. shkola, pp. 243–287. (Stratum plus, № 5).
- Kleyn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A., 2009. Normannskie drevnosti Kievskoy Rusi na sovremennom etape arkeologicheskogo izucheniya [Norman antiquities of Kyiv Rus at the modern stage of archaeological studying]. *Kleyn L.S. Spor o varyagakh [Argumentation about the Varangians]*. SPb.: Evraziya, pp. 143–171.
- Kochkurkina S.I., 1989. Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya [Sites of Southern-Eastern Ladoga Region and Onega Region]. Petrozavodsk: Izd-vo Karel'skogo filiala AN SSSR. 345 p.
- Kolchin B.A., 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v drevney Rusi. Domongol'skiy period [Black metallurgy and metal processing in ancient Rus. Pre-Mongolian period]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 258 p. (Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR, 32).
- Kolchin B.A., 1959. Zhelezodelatel'noe remeslo Novgoroda Velikogo [Iron production craft of Velikiy Novgorod]. *Tr. Novgorod. arkeologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Novgorod archaeological expedition]*, II. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 7–121. (Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR, 65).
- Korzukhina G.F., 1954. Russkieклады IX–XIII vv. [Russian hoards of 9th–13th cc.]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 157 p.
- Kudriavtsev A.A., 2013. Zamki i klyuchi iz kurganov Gnezdova [Locks and keys from the barrows of Gnezdovo]. *Novye materialy i metody arkeologicheskogo issledovaniya: materialy konf. [New materials and methods of archaeological research: materials of the Conference]*. V.E. Rodinkova, A.N. Fedorina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 129–130.
- Kulakov V.I., 1999. Irzekapinis [Irzekapinis]. *Neslavyanskoe v slavyanskom mire [Non-Slavic in Slavic world]*.

- SPb.: Vysshaya antropol. shkola, pp. 211–274. (Stratum Plus; № 5).
- Lebedev G.S., 1985. Epokha vikingov v Severnoy Evrope [The Vikings Epoch in Northern Europe]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. gos. univ. 529 p.
- Leont'ev A.E., 1996. Arkheologiya meri [Archaeology of Merya]. Moscow: Geoecko. 340 p.
- Magomedov B.V., 2001. Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa [Chernyakhovskaya Culture. The issue of ethnos]. Lyublin: Izd-vo univ. M. Kyuri-Sklodovskoy. 276 p.
- Makarov N.A., 1978. Opyt rekonstruktsii pogrebal'nykh obryadov X–XIII vv.: diplomnaya rabota [Reconstructions of funeral rites of 10th–13th cc.: graduate thesis]. Moscow. 91 p. (unpublished).
- Makarov N.A., 1981. Magicheskie obryady pri sokrytii klada na Rusi [Magical rites during hoard's secretion in Rus]. *SA [SA]*, 4, pp. 261–265.
- Makarov N.A., 1987. Zhertvennyy kompleks kontsa XII – nachala XIII v. na Kargopol'e [Sacrificial complex of the end of 12th – the beginning of 13th cc. in Kargapolje]. *KSIA [BCIA]*, 190, pp. 73–80.
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2007. Mininskiy arkheologicheskiy kompleks: pogrebal'nye pamyatniki [Mininskiy archaeological complex: funeral sites]. *Arkheologiya Severnorusskoy derevni X–XIII vekov [Archaeology of Northern Rus village of 10th–13th cc.]*, 1. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 130–185.
- Nedoshivina N.G., 1963. Predmety bytovogo naznacheniya [Household articles]. *Yaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhaylovskogo i Petrovskogo mogil'nikov [Yaroslavl Volga Region in 10th–11th cc. on the materials of Timerev, Mikhailovo and Petrovo burial grounds]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow, pp. 51–55.
- Nedoshivina N.G., Zozulya S.S., 2012. Kurgany Yaroslavskogo Povolzh'ya [Barrows of Yaroslavl Volga Region]. *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in 9th–11th cc.: archaeological panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 178–194.
- Ottoway P., 1992. Anglo-Scandinavian ironwork from 16-22 Coppergate. *The archaeology of York, 17. The small finds*. London: Council for British Archaeology, pp. 435–735.
- Poluboyarinova M.D., 1993. Rus' i Volzhskaya Bolgariya v X–XV vv. [Rus and Volga Bulgaria in 10th – 15th cc.]. Moscow: Nauka. 119 p.
- Pushkina T.A., 1981. Skandinavskie veshchi iz Gnezdovskogo poseleniya [Scandinavian articles from Gnezdovo settlement]. *SA [SA]*, 3, pp. 285–291.
- Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V., 2012. Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks [Gnezdovo archaeological complex]. *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in 9th–11th cc.: archaeological panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 242–274.
- Rozenfel'dt R.L., 1953. Russkie zamki domongol'skogo vremeni [Russian locks of Pre-Mongolian time]. *KSIIIMK [BCIIMK]*, XLIX, pp. 32–39.
- Ryabinin E.A., 1986. Issledovaniya v Staroy Ladoge [Researches in Staraya Ladoga]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1984 g. [Archaeological discoveries in 1984]*. Moscow: Nauka, pp. 24–25.
- Sedov V.V., 1979. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs]. Moscow: Nauka. 155 p.
- Sedov V.V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 424 p.
- Slavyanskies..., 1999. Slavyanskies drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], 2. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 702 p.
- Tomtlund J.-E., 1970. Hänglasen pa Helgö. *Fornvännen*, 65, pp. 238–247.
- Tomtlund J.-E., 1978. Locks and keys. *Excavations at Helgö*, V/ I. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, pp. 3–14.
- Treteskiy N.I., 1911. O drevnikh khersonesskikh zamkakh i klyuchakh [On the ancient Chersonese locks and keys]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii [Bulletin of archaeological committee]*, 42. SPb.: Tip. glavnogo upravleniya udelov, pp. 127–133.
- Ulfhielm A., 1989. Schlüssel. *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, pp. 122–123.
- Westphalen P., 2002. Die Eisefunde von Haithabu. Neumünster: Wachholtz. 336 p.
- Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [Ancient Rus village Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.

О КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ИЗБОРСКА НАЧАЛА XIII в.

© 2016 г. Н.В. Лопатин

Институт археологии РАН, Москва (n.lopatin@gmail.com)

В статье публикуются остатки оборонительных сооружений въездных ворот Изборского (Труворова) городища, относящихся к первой половине XIII в. – времени, когда Изборск неоднократно упоминается в летописях в связи с военными событиями. Развал дерево-земляных конструкций, включавших значительное количество глины и обломки известняковых плит, находился на склоне вала и у его подножия, на трассе воротного проезда. Сооружения реконструируются как относительно легкие. Такой их характер объясняется, вероятно, тем, что расположение ворот на краю обрыва исключало возможность их штурма.

Ключевые слова: Труворово городище, вал, въезд, ворота, стена, дерево-земляные укрепления.

Остатки древнейшей крепости Изборска на Труворовом городище изучались раскопками экспедиции В.В. Седова начиная с 1974 г. (2007. С. 147). В 1983–1984 гг. под руководством П.Г. Гайдукова была осуществлена прорезка вала и рва городища, показавшая, что вал содержал в себе руины многократно возобновлявшихся с IX в. (вероятно) по вторую половину XIII в. крепостных стен, состоявших из известняковых лицевого кладки, сложенных насухо, и внутренних забутовок (Седов, 1986; 2007. С. 165–169).

Более детальные данные о фортификациях были получены в раскопе на западной оконечности вала (1987–1992 гг.), исследовавшемся автором статьи (Седов, Лопатин, 1989; Лопатин, Яковлев, 1990)¹. Здесь изучена не только стратиграфия сооружений, но и планировка въездных ворот нескольких периодов строительства. Ранним горизонтам сооружений въезда посвящена отдельная публикация (Лопатин, 2012. С. 124–128). Ворота были реконструированы как бревенчатое сооружение, опиравшееся на два пилонка каменного цоколя. Южный пилон сохранился довольно хорошо, на полную высоту около 1 м, на его поверхности зафиксированы незначительные остатки сгоревшей деревянной конструкции.

Позднее сооружения въезда возобновлялись на месте руин еще несколько раз, а трасса въездной дороги сохранялась, лишь несколько смещаясь к северо-западу в результате увеличения высоты и площади напольного вала.

Комплекс остатков, о котором идет речь в данной статье, обозначен как “строительный горизонт 5”. Мощная насыпь вала из известнякового щебня подходила к дороге, пересекавшей ее под прямым углом, край насыпи был оформлен дерево-земляным укреплением. Находясь на крутом склоне вала, эта конструкция не имела шансов сохранить свои очертания во время разрушения, но состав ее развала, заполнившего воротный проезд, позволяет предположительно реконструировать облик сооружения.

Остатки ворот и прилегающих к ним укреплений документированы планом и двумя основными профилями, пересекавшими их на расстоянии около 2 м друг от друга (рис. 1). На плане зафиксированы развалы сгоревших деревянных конструкций, развал известняковых блоков и столбовая яма. По размещению обугленного дерева и скоплений угля выделяется несколько различных зон.

Во-первых, на северной оконечности развала (кв. 18, 19) расположены шесть плах или бревен в широтном направлении в виде настила и один такой же фрагмент – перпендикулярно. Глубина залегания (–97...–111) соответствует поверхности въездной дороги. Вероятно, это фрагмент перекрытия воротного проезда, упавшего в начале пожара сооружения, до обрушения земляной платформы с юга. Два фрагмента залегают чуть выше, но повторяя направление настила. Ширина фрагментов – в среднем 15 см.

Во-вторых, южнее, в кв. 21 и 22 хаотично разбросаны фрагменты дерева на глубинах –43...–98. Они обрушились сюда вместе с земляной платформой и

¹ Непременными участниками работ на этом раскопе на протяжении пяти сезонов были археолог А.В. Яковлев, художники Е.И. Телишев и Г.Н. Лебедев.

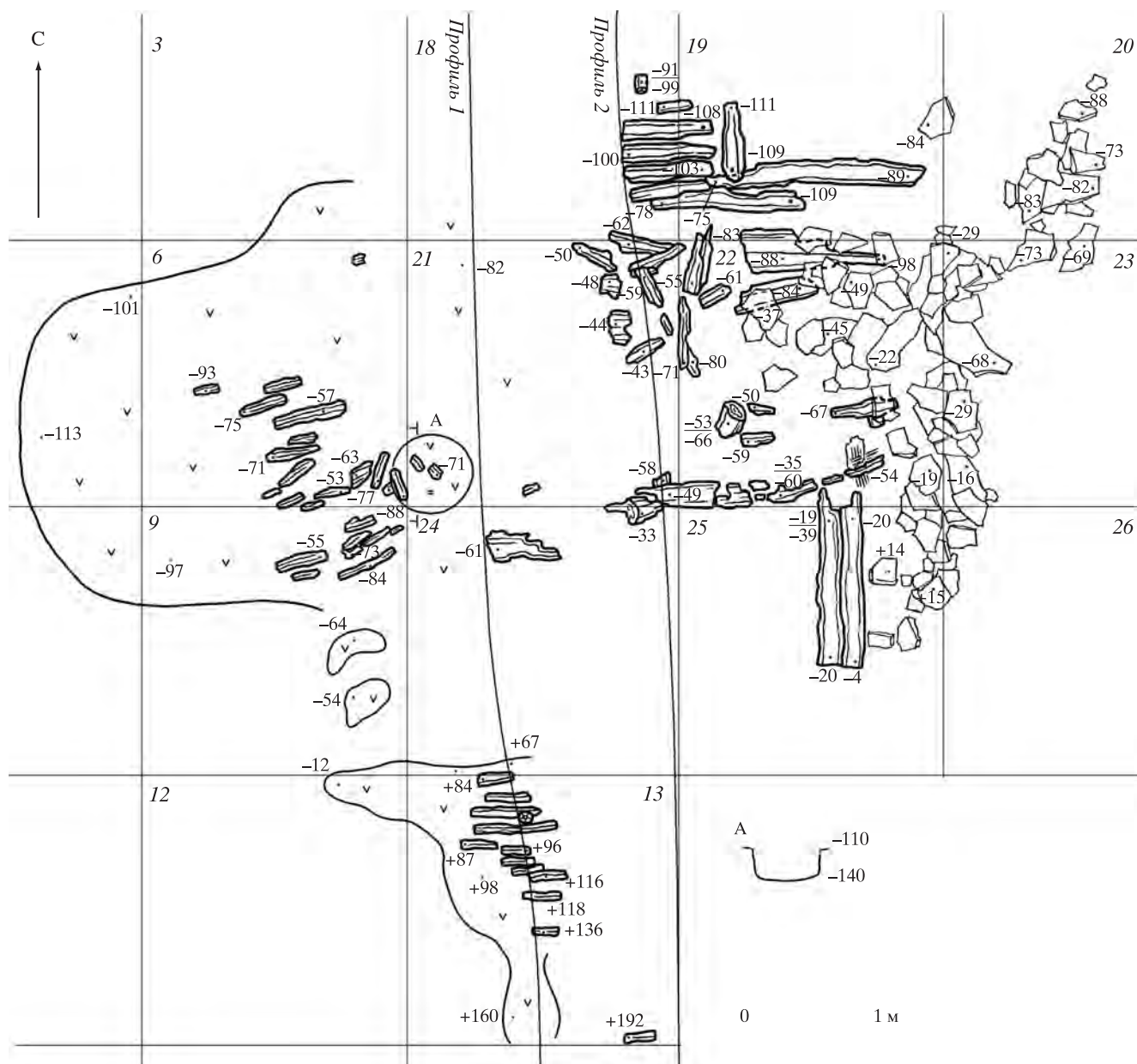

Рис. 1. Труворово городище. План раскопа 1987–1992 гг. на уровне горизонта 5. Условные обозначения см. на рис. 2.

происходят скорее всего от сруба, укреплявшего ее. Эти остатки отмечены также в профиле 2.

В-третьих, по южной границе кв. 21 и 22 расположены фрагменты сруба-городни, очевидно, *in situ*. Наибольшая протяженность сохранившихся фрагментов в широтном направлении (вдоль проезда) – около 2 м, толщина бревна – 0.2 м. Угол сруба (или, скорее, промежуточный переруб) в юго-восточном углу кв. 21 зафиксирован также в профиле 2 (см. ниже). Еще один участок срубного сочленения остатков дерева сохранился на восточной оконечности того же бревна в кв. 22. Расстояние между перерубами – 1.3 м. В кв. 25 линию последнего

переруба продолжают два крупных фрагмента бревен. Они не составляют настила, поскольку лежат на разной глубине, и вполне могут относиться к перегородке или стенке сруба.

В-четвертых, в кв. 6, 9 и 13 расположены языкообразные скопления угля с включениями фрагментов обугленного дерева. Их форма и высотные отметки указывают на направление падения этого углистого развала – с востока на запад. Глубины залегания этого слоя различны, но все они соответствуют нижнему уровню поверхности сооружения: в кв. 6 – на полотне дороги, а в кв. 9 и 13 – на примыкающем склоне вала. Полагаю, что весь этот

углистый развал происходит от оборонительной стены, проходившей по гребню вала и включавшей, вероятно, некое сооружение над воротным проездом. Остатки этих конструкций во время пожара рухнули на внешнюю сторону. Углистый слой в кв. 6 и 21 и торцы бревен в кв. 13 хорошо заметны в профиле 1.

К слою развала оборонительных сооружений относится также скопление известняковых блоков, выгнутае с юга на север, понижаясь от уровня +15 (на краю вала) до -88 (в проезде). На всех участках блоки известняка располагались выше развала обгоревшего дерева, и, стало быть, отложились несколько позднее, на заключительном этапе разрушения. Судя по расположению южной части скопления, наиболее близкому к первоначальному, блоки составляли какую-то конструкцию (подпорную стенку?), прилегавшую к восточной стенке сруба платформы (обращенной внутрь города).

Профиль 1 (рис. 2, А) показывает, что с южной стороны от воротного проезда, на склоне вала, находилась платформа из красной глины и камней, укрепленная бревенчатым срубом, о котором речь шла выше. Большинство камней – обломки известняковых плит со следами огня, есть и отдельные крупные валуны. В результате пожара и разрушения сруба платформа под собственной массой осела двумя оползнями вниз по склону вала на полотно дорожного проезда, но частично сохранила свою структуру и форму, в том числе горизонтальность поверхности обоих оползней. Трудно сказать, была ли в ее составе каменная кладка на глиняном растворе. Во всяком случае регулярное расположение блоков известняка не зафиксировано. Выше остатков платформы по склону вала располагался развал обугленных бревен, отмеченный также в плане (кв. 13). В профиле они расположены торцами, их диаметр около 10 см. Вероятно, это остатки частокола, стоявшего по гребню вала и упавшего наружу.

Профиль 2 (рис. 2, Б) проходил через участок развала того же сооружения, не сохранивший признаков первоначальной формы, за исключением детали бревенчатого сруба на границе кв. 21 и 24, у подножия насыпи вала на глубине -15...-64. Видны торцы обугленных трех венцов сруба, лежащих вдоль проезда по его краю, а также фрагмент одного поперечного венца между ними. Вероятно, к тому же срубу относятся фрагменты обугленных бревен, расположенные поблизости на глубинах от +35 до -65 и занимающие взаимно перпендикулярное положение. К сохранившемуся фрагменту сруба с севера (кв. 21) примыкает четко ограниченная часть развала из красной глины с большим количеством известняка, главным образом со сле-

дами огня. Судя по ее расположению, первоначально она заполняла внутреннее пространство сруба, а в результате разрушения верхней его части обрушилась наружу.

К рассматриваемому горизонту следует отнести большую круглую столбовую яму в юго-западном углу кв. 21. Ее пестрое заполнение, состоявшее из темно-коричневого слоя с включениями углей, обожженных глины и щебня, соответствовало слою развала укреплений и хорошо выделялось на фоне нижележащего слоя извести. Диаметр ямы – 60 см, плоское дно находилось на глубине -140, в придонной части диаметр – около 50 см. Яма прослежена начиная с глубины -110, но ее полная глубина – не менее 50 см.

Две ямы, сходные по форме и размерам, изучены в нижнем горизонте этого же раскопа, где они с полной очевидностью относились к столбам ранних въездных ворот, однако глубиной превосходили яму горизонта 5. Расстояние между ямами (ширина воротного проезда) – 2.7 м.

Ворота горизонта 5 также должны были иметь второй столб. Его предполагаемое место – в кв. 3. Возможно, вторая яма не была прослежена при раскопках, располагаясь в темном слое, за пределами пятна извести. Если же ширина проезда была более 3 м, то яма локализуется вне раскопа, поскольку северный край этой линии квадратов не раскапывался.

Графическая реконструкция сооружения, основанная на объеме развала красной глины с камнями, дает результат в виде платформы высотой около 2 м от уровня дороги. Ширина ее, судя по плану (рис. 1), от воротного столба на западе до крайнего восточного срубного соединения бревен составляет примерно 3.6 м. Полученные значения высоты и ширины платформы достаточны для того, чтобы она могла служить пилоном небольшой надвратной деревянной башни. Параметры остатков пилона выступают основным аргументом для реконструкции башни, а незначительность массы обугленных остатков связана в первую очередь с фактором сохранности.

Поскольку и в кв. 13, и в кв. 6 зафиксировано одинаковое положение упавших остатков дерева – перпендикулярно линии стены и ворот, следует полагать, что все оборонительные конструкции (и фронтальная стена, и стены башни) на этом участке были сооружены из вертикальных бревен. На склоне вала они могли иметь вид частокола, а по внешнему краю платформы-пилона и над воротами такие стены должны были крепиться в пазах нижнего и верхнего горизонтальных бревен.

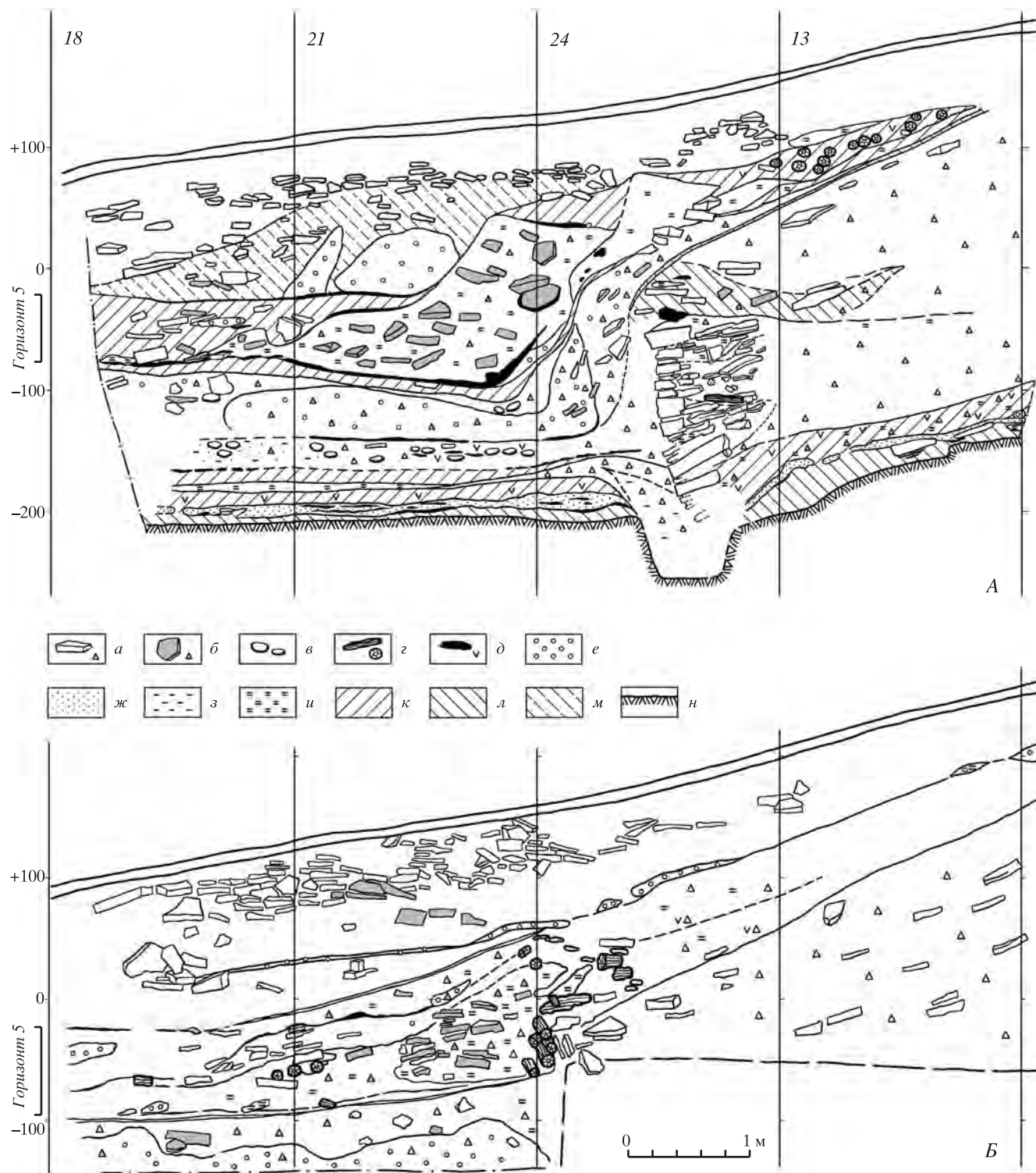

Рис. 2. Стратиграфия сооружений везда. А – профиль 1; Б – профиль 2. Условные обозначения: а – известняк и щебень; б – обожженные камни и щебень; в – валуны; г – обугленное дерево; д – уголь; е – известь; жс – песок; з – глина; и – обожженная глина; к – черный и бурый слой; л – серый слой; м – светло-серый слой; н – материк.

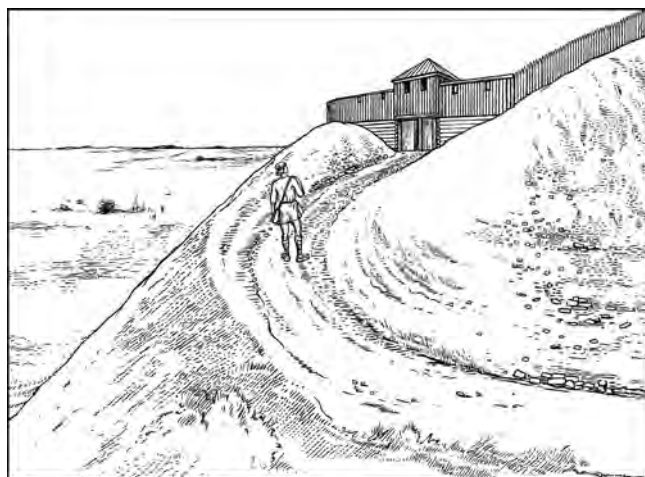

Рис. 3. Реконструкция сооружений въезда горизонта 5. Рисунок Н.С. Сафроновой по эскизу автора.

Трудно судить о полной форме сруба-пилон, заполненного грунтом. Согласно выводам Ю.Ю. Моргунова, сделанным на материалах южнорусских древо-земляных укреплений, срубы-городни, заполненные грунтом, всегда имели четырехугольную форму (2009. С. 47). Однако здесь ситуация несколько иная. В отличие от рыхлых грунтов, характерных для южнорусских земель, в Изборске данная конструкция была пристроена к склону вала, состоявшего из плотного щебня и обломков известняковых плит. В такой ситуации нельзя исключить

варианта трехсторонней конструкции. По крайней мере следы четвертой стенки сруба не выявлены. Две параллельные стенки сруба, возможно, были закреплены кладками из известняка. С восточной стороны соответствующий развал зафиксирован (см. выше). С западной (наружной) стороны он мог быть не идентифицирован в качестве отдельного горизонта в составе однородного известнякового панциря насыпи.

Явные остатки противоположного, северного, пилон не зафиксированы. Вероятно, они полностью были уничтожены пожаром и не перекрыты обвалом заполнения сруба, поскольку высокого склона вала с северной стороны ворот не было.

В итоге проведенного анализа зафиксированных остатков разработана графическая реконструкция внешнего вида укреплений въезда Изборска (рис. 3). Дорога в город проходила по узкой террасе между подошвой крутой насыпи вала и не менее крутым склоном оврага. Обогнув край вала, она резко заворачивала направо к воротам. Такая планировка въезда, с резким поворотом дороги вправо, известна и в других древнерусских городах (см., например: Моргунов, 2012. С. 223, 225).

Оборонительные сооружения въезда горизонта 5 отличаются рядом признаков от более ранних (Лопатин, 2012. Рис. 7), но главными элементами конструкции и планировки повторяют их. В обоих

Радиоуглеродные даты из горизонта сгоревших остатков въезда горизонта 5. Калибровка по программе OxCal 3

№ п/п	Лабораторный № образца	Паспорт	^{14}C -возраст, ВР	Калиброванная дата, AD, 1σ (%)	Калиброванная дата, AD, 2σ (%)
1	ЛЕ-4845	Кв. 13	860±40	1060–1090 (6.2) 1120–1140 (5.7) 1150–1250 (56.3)	1030–1270 (95.4)
2	ЛЕ-4846	Кв. 13	850±40	1160–1255 (68.2)	1040–1100 (12.7) 1110–1280 (82.7)
3	ЛЕ-4849	Кв. 18, гл. –23... –30	860±40	1060–1090 (6.2) 1120–1140 (5.7) 1150–1250 (56.3)	1030–1270 (95.4)
4	ЛЕ-4853	Кв. 19, гл. –100	970±40	1010–1060 (26.7) 1080–1160 (41.5)	990–1170 (95.4)
5	ЛЕ-4856	Кв. 9, над изве- стью	1140±40	780–790 (2.5) 830–840 (0.8) 880–980 (64.8)	770–990 (95.4)
6	ЛЕ-6324	Кв. 6, гл. –57	800±50	1190–1200 (2.8) 1210–1285 (65.4)	1060–1090 (1.7) 1120–1140 (1.7) 1150–1300 (92)
7	ЛЕ-6325	Кв. 9, гл. – 55... –57	1065±25	900–920 (11) 970–1020 (57.2)	890–930 (18) 950–1030 (77.4)
8	ЛЕ-6326	Кв. 9	800±20	1222–1261 (68.2)	1210–1280 (95.4)
9	ЛЕ-6327	Кв. 6, 9. Не обуг- ленная древесина	900±30	1040–1100 (33.8) 1110–1140 (14.4) 1150–1190 (20.1)	1030–1220 (95.4)

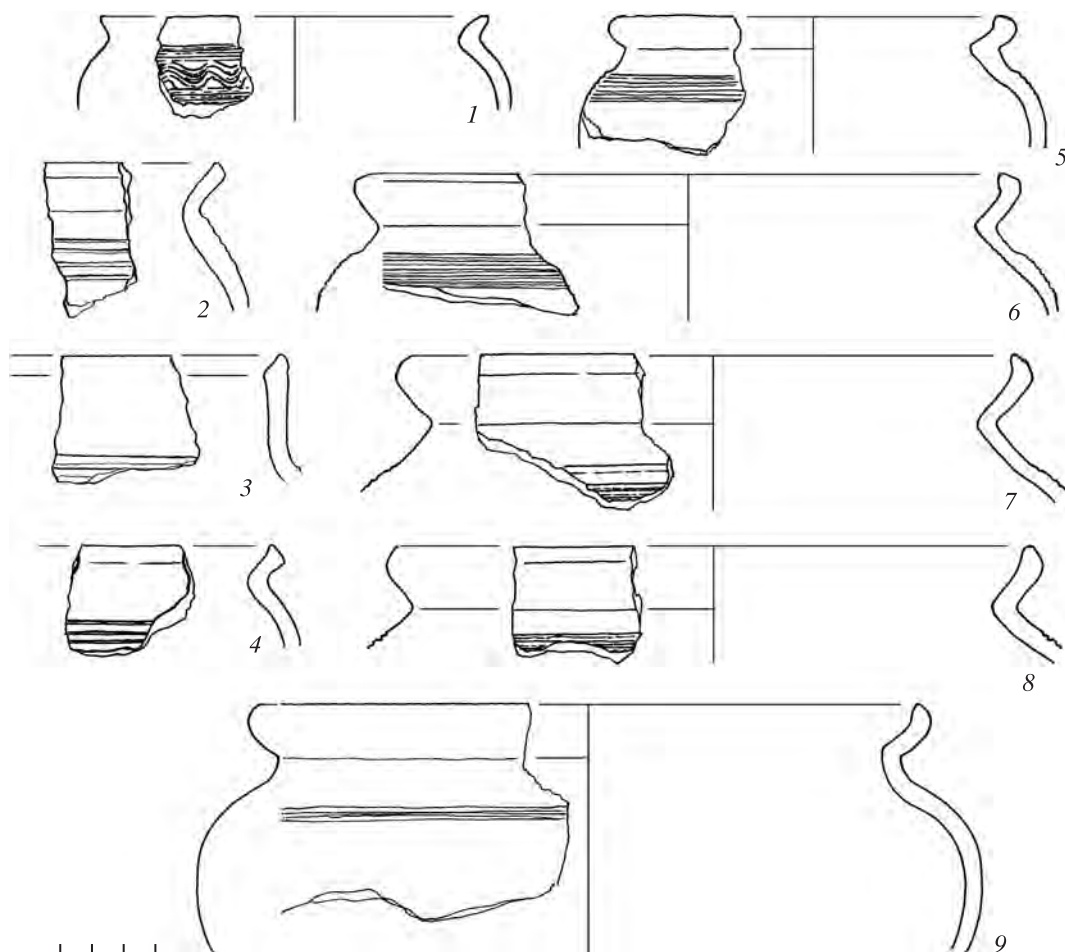

Рис. 4. Образцы керамики из горизонта 5.

случаях реконструируется деревянная надвратная башня на двух пилонах (в нижних горизонтах – каменных).

Дата горизонта 5 определяется как археологическим материалом, так и радиоуглеродным анализом. Из разных мест развала сооружений (кв. 6, 9, 13, 18, 19) были взяты девять образцов, они датированы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, определения С.Г. Попова (таблица). Пять полученных дат (1–3, 6, 8) наиболее определенно указывают на период со второй половины XII по первую половину XIII в., две даты (4, 9) несколько старше (до 1160 и 1190 г.), и еще две (5, 7) попадают в более раннее время. Характерно, что оба последних образца происходят из северо-восточного угла кв. 9.

Аналізу предметов вооружения из горизонта 5 была посвящена специальная статья (Артемьев, Лопатин, 1994). К этой группе находок отнесены железные наносник шлема, обломок шпоры и наконечник арбалетной стрелы (еще два наконечника происходят из вышележащего слоя). Все эти пред-

меты датируются 1150–1250 гг. (Артемьев, Лопатин, 1994. С. 199, 200).

Бусы, найденные в горизонте 5, представлены четырьмя типами (определение И.Н. Кузиной). Все они выполнены индивидуальной навивкой. Среди них целые экземпляры и фрагменты четырех винтообразных непрозрачных пронизок черного, бирюзового и желтовато-белого цветов, небольшого диаметра – до 4 мм – из двух-трех витков. Из практически белого заглушенного стекла изготовлена кольцевидная неровной формы бусина диаметром 4 мм. Одноцветные, без декора, кольцевидные и винтообразные бусы глухого желтовато-белого и черного стекла широко распространены на древнерусских памятниках XII – начала XIV в. (Щапова, 1972. С. 73–96; Захаров, Кузина, 2008. С. 147, 149; Кузина, 2012. С. 246). Пик их распространения приходится на время не ранее XIII в. Другая кольцевидная бусина (7 мм в диаметре) – ровная, темно-синяя, полупрозрачная – имеет более широкую датировку на древнерусских памятниках, начиная с XI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Четыре округлые (зонные) бусины из темно-оливкового непрозрачного стекла диаметром около 12 мм украшены хаотично расположенными пятнами желтого, также непрозрачного, стекла (скорее всего нанесены на основу каплями в горячем состоянии). Подобные бусы известны на памятниках XII–XIV вв. (Захаров, Кузина, 2008). В целом весь набор бус можно датировать XII (вероятно, со второй половины) – началом XIV в.

В керамическом наборе горизонта 5 преобладает типичная для Изборска керамика конца XII – XIII в. (рис. 4, 5–9). Присутствует также керамика, датирующаяся XI в. (рис. 4, 1–4). Определимые фрагменты венчиков ранней и поздней групп найдены в количестве соответственно 10 и 23 экз. Немаловажно, что ранние фрагменты в основном более мелкие. Количественное и размерное соотношение свидетельствует в пользу того, что керамика ранней группы в данном горизонте инородна.

Характер слоя говорит о том, что сооружения въезда прекратили свое существование в результате пожара. Причина пожара городских ворот – скорее всего военного характера. На основе приведенных выше фактов и соображений можно уверенно предположить, что строительный горизонт 5 укреплений въездных ворот соответствует событиям 1233 или 1242 г., когда Изборск дважды был взят немцами в союзе с князем Ярославом Владимировичем (НПЛ, 1950. С. 72, 77). Непокойное время, в которое происходил целый ряд серьезных военных столкновений, как будто требовало более мощных укреплений Изборска, чем те, что представлены археологическими остатками. Однако нужно иметь в виду, что расположение въездных ворот у края крутого обрыва перпендикулярно ему исключало возможность прямого штурма крепости в районе ворот. Основной защитой городу служила мощная линия напольных укреплений, состоявшая из вала и рва и усиленная оборонительной стеной по верху вала.

Артемьев А.Р., Лопатин Н.В. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище // РА. 1994. № 2. С. 199–201.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3-х тт. / Ред. Н.А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. С. 142–215.

Кузина И.Н. Стекланные бусы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2007–2008 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Мат-лы семинара. Вып. 4 / Ред. Н.А. Макаров, С.В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 244–251.

Лопатин Н.В. Изборск // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 122–137.

Лопатин Н.В., Яковлев А.В. Исследования вала Изборского городища // АИППЗ, 1989. [Заседания 27, 28]. Тез. докл. / Ред. В.В. Седов. Псков: ПГОМЗ, 1990. С. 100–101.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Моргунов Ю.Ю. Въездные сооружения летописного города Снепорода // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 220–230.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А.Н. Насонов. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

Седов В.В. Исследования в Изборске // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 25, 26.

Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье / Ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. 413 с.

Седов В.В., Лопатин Н.В. Продолжение раскопок в Изборске // АИППЗ, 1988. [Заседания 24, 25]. Тез. докл. / Ред. В.В. Седов. Псков: ПГОМЗ, 1989. С. 97–98.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972. 216 с.

ON THE FORTIFICATIONS OF IZBORSK AT THE BEGINNING OF THE 13th CENTURY

Nikolai V. Lopatin

Institute of Archaeology RAS, Moscow (n.lopatin@gmail.com)

The article presents the remains of the fortifications of the entrance gates of Izborsk (Trurov) fortified settlement referring to the first half of the 13th c., the time when Izborsk was numerously mentioned in annals in the connection with war activities. The destruction of the wooden-land constructions included a significant number of clay and debris of calciferous slabs was situated on the slope of the hill and at its foot, on the route of the gate way. The constructions are reconstructed as fairly light. Such their characteristic is explained, probably, by the location of the gates on the edge of the cliff excluded the possibility of the attack.

Key words: Trurov fortified settlement, a bank, an entrance, gates, a wall, wooden-land fortifications.

REFERENCES

- Artem'ev A.R., Lopatin N.V., 1994. Predmety vooruzheniya iz raskopok v"ezda na Izborskoe gorodishche [Armament supplies from the excavation site of the entrance to the Izborsk fortified settlement]. *RA [RA]*, 2, pp. 199–201.
- Kuzina I.N., 2012. Steklyannye busy iz raskopok v Monomakhovom gorode Vladimira v 2007–2008 gg. [Glass beads from the excavation site in Monomakh city of Vladimir in 2007–2008]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: materials of the workshop]*, 4. N.A. Makarov, S.V. Shpolyanskiy, eds. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 244–251.
- Lopatin N.V., 2012. Izborsk [Izborsk]. *Rus' v IX–X vv.: Arkheologicheskaya panorama [Rus in 9th–10th cc.: Archaeological panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda, pp. 122–137.
- Lopatin N.V., Yakovlev A.V., 1990. Issledovaniya vala Izborskogo gorodishcha [Researches of the Izborsk fortified settlement bank]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli, 1989. (Zasedaniya 27, 28): tezisy dokladov [Archaeology and History of Pskov and Pskov land, 1989. (Sessions 27, 28): abstracts]*. V.V. Sedov, ed. Pskov: Pskov. gos. ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 100–101.
- Morgunov Yu.Yu., 2009. Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vekov [Wooden-soil fortifications of Southern Rus of 10th–13th cc.]. Moscow: Nauka. 303 p.
- Morgunov Yu.Yu., 2012. V"ezdnye sooruzheniya letopisnogo goroda Sneporoda [Entrance fortifications of the chronicle city Sneporod]. *KSIA [BCIA]*, 226, pp. 220–230.
- NPL, 1950. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [First Novgorod chronicle of older and younger recensions]. A.N. Nasonov, ed. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 640 p.
- Sedov V.V., 1986. Issledovaniya v Izborske [Researches in Izborsk]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1984 g. [Archaeological discoveries, 1984]*. Moscow: Nauka, pp. 25–26.
- Sedov V.V., 2007. Izborsk v rannem Srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka. 413 p.
- Sedov V.V., Lopatin N.V., 1989. Prodolzhenie raskopok v Izborske [Continuation of the excavations in Izborsk]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli, 1988. (Zasedaniya 24, 25): tezisy dokladov [Archaeology and History of Pskov and Pskov land, 1988. (Sessions 24, 25): abstracts]*. V.V. Sedov, ed. Pskov: Pskov. gos. ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 97–98.
- Shchapova Yu.L., 1972. Steklo Kievskoy Rusi [The glass of ancient Rus]. Moscow: Izd-vo MGU. 216 p.
- Zakharov S.D., Kuzina I.N., 2008. Veshchevoy material Mininskogo arkheologicheskogo kompleksa: Izdeliya iz stekla i kamennye busy [Articles material from Mininskiy archaeological complex: glass objects and stone beads]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of Northern Rus village of 10th–13th cc.: medieval settlements and burial grounds at Kubenskoye Lake]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material Culture and Chronology]*. N.A. Makarov, S.D. Zakharov, eds. Moscow: Nauka, pp. 142–215.

БРОНЗОВАЯ НАКЛАДКА “СКАЗИТЕЛЬ С ГУСЛЯМИ” ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

© 2016 г. О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва (olejnikov1960@yandex.ru)

В Великом Новгороде в слое начала XV в. обнаружена редкая бронзовая литая накладка, на которой изображен музыкант с гусли-псалтирью и два его слушателя. Предмет подтверждает выводы о бесспорном бытовании гуслей-псалтири в жизни и доказывает существование особой музыкальной культуры, частью которой были профессиональные музыканты – сказители-гуслиры.

Ключевые слова: музыкальные древности Великого Новгорода, гусли, гусли-псалтирь, гудец, сказители-гуслиры, скоморохи-потешники.

В 2014 г. на раскопе по адресу: г. Великий Новгород, ул. Большая Московская, 30, заложенном в южной части Плотницкого конца, обнаружена редкая находка, пополнившая собрание музыкальных древностей Новгорода. На усадьбе Б, в слое начала XV в., была найдена круглая бронзовая литая накладка с сюжетным изображением: музыкант, играющий на многострунном щипковом инструменте – гусли-псалтири, и два его слушателя-воина (рис. 1). В древности накладка была сломана.

На древнерусских произведениях изобразительного искусства (фресках, миниатюрах), создание которых контролировалось церковью, было принято изображать зарубежные музыкальные инструменты. Особенностью накладки является изображение реального инструмента, который мастер наблюдал в окружающей его действительности. Из большого числа бытовавших на Руси музыкальных инструментов гусли-псалтирь были единственным, который русские художники рисовали не по книжным образцам, а наблюдая в жизни (Поветкин, 1989. С. 145).

Применение древнерусских музыкальных инструментов было различно. Если духовые и ударные инструменты использовались как в военном деле (ПСРЛ, 2001. С. 66; Русские летописи..., 2000. С. 362), так и быту, то струнные, и гусли в том числе, были востребованы только в быту.

Показательно, что именно в Новгороде, городе вольном, более свободном от предвзятых условностей, едва ли не впервые в истории русского искусства прозвучал мотив будничной жизни гуслиров, на что впервые обратил внимание выдающийся историк музыки Николай Федорович Финдейзен (Финдейзен, 1928. С. 128).

Для музыкальной археологии обнаруженная накладка имеет особое значение: артефакты с изображением музыкальных инструментов, в отличие от многочисленных изображений на миниатюрах, иконах и фресках, достаточно редки. Мы располагаем информацией о шести таких предметах: четыре обнаружены в Новгороде¹, и два – в Пскове.

Псковские находки заслуживают особого внимания, поскольку изображения на них, судя по опубликованному рисунку С.А. Яценко (Косых, Яценко, 2013. С. 192. Рис. 2, 3), аналогичны новгородской накладке. Речь идет о двух круглых литых прорезных пластинах из “золотистой бронзы”, со штифтами на оборотной стороне. Пластины обнаружены на раскопе VIII на ул. Ленина в 1985 г. в слое XV в. и атрибутированы автором публикации как накладки поясного набора (Колосова, 1987. С. 21).

Новгородская накладка изготовлена из свинцово-оловянистой бронзы (Cu 89.77%; Sn 5.06%; Pb 5.08%; Zn 0.09%)². Диаметр накладки 6.5 см, толщина 0.3 см, вес 30.35 г. Внизу накладки находится цилиндрическое ушко, внутренний диаметр которого 0.5 см, толщина стенок 0.1–0.2 см.

¹ В 1952 г. на Неревском раскопе в слое середины XV в. обнаружен фрагмент изразца (Поветкин, 1996. С. 127–128). В 1970-х гг. на берегу Волхова была найдена небольшая, с утратами, свинцовая накладка. В 2003 г. на Никитинском раскопе в слое XIV в. найдены фрагмент глиняного зооморфного водолея и фрагмент костяной накладки (Дубровин, 2004. С. 14, 17. Рис. 2, 1). На всех этих предметах был изображен сидящий гуслир, играющий на гусли-псалтири.

² Химический состав накладки определен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, Philips Analytical) А.И. Якушевым.

старины, но и новые формы, отражающие как русскую музыкальную культуру, так и влияние иностранной моды⁴.

В отличие от изображений на лицевых миниатюрах и заставках церковных книг, где музыканты, как правило, гладко выбриты, на новгородской накладке гуслир изображен с усами и бородой.

По литому изображению новгородской накладки трудно судить о типе верхней одежды и обуви. С определенными оговорками можно сказать, что на гуслире надето недлинное узкое верхнее платье типа кафтана⁵, с широкими горизонтальными застежками или завязками по борту и узкими рукавами. На ногах, возможно, высокая узкая обувь без каблучков (ноговицы или сапоги).

На голове – накидка-убрус, обрамляющая лицо и закрывающая плечи. Возможно, что накидка не является частью головного убора, а служит отдельным элементом верхней одежды и просто наброшена на плечи.

Подобно тому, как принято было надевать при парадных выходах одну одежду на другую, поверх убруса надет высокий островерхий колпак с расширяющимися полями. Колпак имеет трехчастное завершение, боковые элементы которого симметрично расходятся в стороны, а центральный расположен вертикально. Похожие головные уборы с пышными завершениями из перьев изображены у приплясывающего гуслира-скомороха на цветной заставке новгородского Евангелия-апракос 1358 г. и на инициалах заглавных букв Академического Евангелия (Стасов, 1884. С. 22–23. Цв. вклейка: рис. 4, 6, 7, 15–19, 21). Накидка на плечах и неординарный головной убор придают образу сказителя-гуслира особый характер и выразительность.

Письменные источники свидетельствуют, что существовала особая скоморошеская одежда. Из описания одеяния латин, которое летописец, сравнивает со скоморошеским платьем (Летописец Переяславля-Суздальского, 1851. С. 3), следует, что скоморохи носили особое короткое платье и узкие штаны с нашивкой на межиножии. Сходный этому описанию костюм представлен на плясунах и музыкантах, изображенных на фреске в юго-западной лестничной башне Софийского собора в Киеве (1040-е – начало 1050-х годов). Судя по древнерусским изображениям на фресках и миниатюрах, наи-

более распространенной обувью музыкантов были высокие сапоги.

По обе стороны от сказителя-гуслира помещены два сидящих воина. Их фигуры немного уменьшены, что зрительно создает впечатление перспективы. Изображения воинов, в отличие от гуслира, переданы абсолютно реалистично. Они облачены в защитное снаряжение – панцири, латы(?) и невысокие конические шлемы с бармицей.

По отношению к главному действующему лицу слушатели расположены в точной, почти геометрической симметрии, что создает равновесие в композиции, но выглядит несколько надуманно. Тем не менее, эта условность не обедняет изображение, поскольку в ней отражен естественный колорит происходящего события.

Естественность подчеркивает и ажурная легкость литого изображения. Сцена, представленная на накладке, скорее всего, происходит под открытым небом. Композиционно это требует некоторого пространства, которое в данном случае передано ажурными свободными полями, окружающими гуслира и слушателей.

Виртуозность исполнения накладки состоит в том, что на ней изображено не одномоментное событие, а действие, процесс, длительность которого свернута, сконцентрирована в настоящем.

Смысл сюжетной линии заключен в единении исполнителя-музыканта и слушателей. Гуслир не просто развлекает слушателей, он увлекает их своим искусством. Д.Б. Кабалевский говорил, что «увлечь можно лишь глубокими мыслями и глубокими чувствами; в то время как развлечь можно чем угодно, любым пустячком, лишь бы он был занятно сделан и “щекотал нервы”» (Кабалевский, 1984. С. 8). Для воинов происходящее не является забавой или пустым развлечением. Перед нами вдумчивые слушатели, погруженные в свои мысли и способные понять музыкальный образ: воины не просто слушают гуслира, склонив голову и оперев ее на руку, они заворожено внимают его песне.

Новгородская накладка не является подражанием иностранным книжным образцам. В сюжете, придуманном и воплощенном в металле неизвестным мастером, показан особый жанр гусельного творчества, которое изначально было прерогативой сказителей былин и старин.

Народное предание не делает строго различия между певцом-гусельником, поющим героические песни и певцом-потешником, забавляющим толпу песнями и шутками. И тот, и другой носят на народном языке одно название – скоморох, гудец, игрец, веселый молодец (Фаминцын, 1889. С. 27). Тем не

⁴ А.М. Косых и С.А. Яценко, описывая псковские находки, обращают внимание на головные уборы монгольского типа, известные в XV в. (Косых, Яценко, 2013. С. 192).

⁵ Русские источники до XV в. не знают слова “кафтан”. В XVI–XVII вв. термин “кафтан” распространяется на очень широкий круг одежд (Рабинович, 1986. С. 71, 72).

менее существовали две линии музыкального народного творчества: одни исполнители специализировались в эпическом жанре и стали сказителями, другие образовали бродячие труппы затейников-скоморохов. Если творчество скоморохов имело преимущественно развлекательные цели и было теснейшим образом связано с бытом и идеологией народных масс, то содержание эпического творчества древней Руси составляла легендарная героическая история русского народа (Беляев, 1951. С. 503). Первоначально эпические певцы восточных славян, как и других племен, были хранителями родовых и племенных традиций и преданий (Беляев, 1951. С. 501). Они, таким образом, представляли историческое направление в профессиональном народном творчестве.

“Соловьев старого времени”, воспевающих на гусях славу князьям и их предкам, было немало. В их числе знаменитый придворный певец времени Ярослава Мудрого Боян, воспетый в “Слове о полку Игореве” и поминаемый автором “Задонщины”, сам гениальный автор “Слова о полку Игореве” половецкий гудец Орева (1201 г.) и Галицкий певец Митус (1243 г.), имена которых сохранила Ипатьевская летопись (ПСРЛ, 1998. С. 716, 794).

Гусли, как наиболее популярный и обязательный инструмент новгородских и киевских певцов, были в руках былинных богатырей – знаменитого новгородского купца Садко, Василия Буслаева, Добрыни Никитича, Вольги Всеславича, Соловья Будимировича (Авенариус, 1880. С. 3–318). Эти музыканты не выходили за пределы этикетных норм и не подвергались преследованиям.

Вместе с тем гусли в руках скоморохов-потешников, занимавших постепенно место старинных “Боянов” и развлекавших толпу песнями, играми и плясками, рассматривались как орудие “сатанинской прелести” (ПСРЛ, 1998. С. 127, 159, 184; Житие преподобного Исаакия..., 1873. С. 12, 13; Олеарий, 1906. С. 325).

Преследование скоморохов было определено не только тем, что в шумных народных гуляниях видели отголоски язычества, но и тем, что в “древнем русском профессиональном искусстве скоморохи были представителями народных демократических тенденций, и их выступления часто характеризовались острой социальной направленностью против светской, феодальной верхушки и духовенства” (Беляев, 1951. С. 501).

Двойственное отношение церкви и светской власти к гусям объясняется тем, что *осуждался не сам инструмент, а цель, которой он служит*. Русское духовенство читло музыкальный инструмент

псалмопевца царя и пророка Давида, который воплощал идею божественного происхождения светской власти⁶ и в христианской традиции считался ветхозаветным прообразом и предком Христа (Даркевич, 1964. С. 49–50), поэтому допускало изображение гуслей в церковной и обрядовой литературе.

В латинской редакции священных текстов музыкальные инструменты царя Давида, под звуки которых он пел свои молитвы Богу, назывались *псалтирью*, отсюда и название молитв *псалмы*. Согласно Библии, Давид сказал: “Руки мои сделали орган, и персты мои устроили псалтирь” (Пс 151:3).

Струнные музыкальные инструменты, называвшиеся *псалтериум*⁷ (*psalterion* или *psalterium*) в западной Европе были известны издавна. Псалтери представляли треугольную (в форме греческой буквы дельта “Δ”) или квадратную рамку с натянутыми параллельными струнами (Фаминцын, 1890. С. 76–77). Это прямо подтверждается не только изображениями на миниатюрах, но и надписью на иллюстрации в рукописи IX в., происходящей из Анжер (северо-запад Франции): “Hic eas David fillius Iesse tenens psalterium in manid[us] suis. Hes est forma psalterii” (“Это Давид, сын Иессеев, держащий псалтирь в руках своих. Таков вид псалтиря”) (рис. 2, 1) (Reissmann, 1881. P. 47).

В греческой рукописной псалтири IX в. (рис. 2, 2) и Киевской рукописной псалтири 1397 г. (рис. 2, 3) Давид изображен в качестве пастыря на возвышении, вокруг которого пасутся стада (Кондаков, 1878. Цв. илл.; Киевская псалтирь 1397 года..., 1978. С. 410). На этих изображениях видно, что в руках Давида квадратная псалтирь; играющий одной рукой держит инструмент вертикально, а другой – перебирает струны.

В IX–XI вв. существовал взгляд на псалтирь “как на орудие наиболее благородное и наиболее приличное для прославления Бога” (Фаминцын, 1890. С. 81). Почтительное отношение к псалтири в этом качестве сохранялось и в последующие столетия. В качестве примера приведем два любопытных свидетельства. Это миниатюра XIV в. с редким изображением младенца Иисуса, играющего на горизонтально лежащей псалтири (рис. 2, 4)

⁶ Обратим внимание на скульптурные изображения: на фасадах церкви Покрова на Нерли царь Давид представлен юным и прежде всего как псалмопевец. На скульптурах Дмитровского собора во Владимире Давид изображенный старцем, воплощает идею величия единодержавной власти, которая вручается самим Богом и, следовательно, предстаёт в ареоле святости (Даркевич, 1964. С. 52–53).

⁷ Псалтериум – от греч. psallo – бряцаю по струнам. “Пойте Ему, бряцайте Ему; поведайте о всех чудесах Его” (1Пар 16:9).

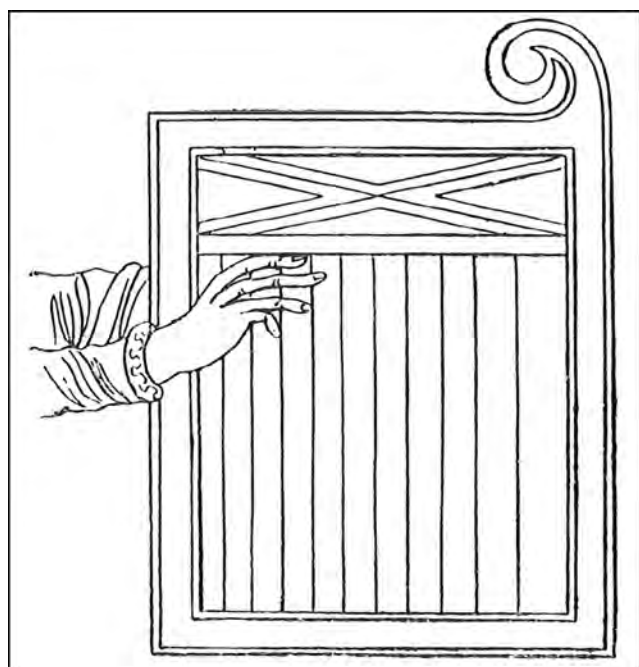

Рис. 2. Изображение псалтери в книжных миниатюрах: 1 – рукопись IX в. из г. Анжер, Франция; 2 – греческая рукописная псалтирь IX в.; 3 – Киевская рукописная псалтирь 1397 г.; 4 – миниатюра XIV в. с изображением младенца Иисуса, играющего на горизонтально лежащей псалтири.

Рис. 3. Символическое изображение псалтири в виде музыкального ансамбля, возглавляемого гуслими, из букваря Карiona Истомина, изданного в 1694 г.

(Фаминцын, 1890. С. 91), и иллюстрация славянской буквы пси (Ψ) из букваря Кариона Истомина, изданного в 1694 г. (рис. 3). В букваре главными словами, начинающимися с буквы “Ψ”, указаны “псалтирь” и “псалмы”, но особенно интересно, что символическим изображением псалтири является музыкальный ансамбль, который возглавляется гуслиями (Истомин, 1916. Табл. LI).

Показательно также символическое толкование слов “гусли”, “псалтирь” и “гудец” в азбуковниках конца XVII в., которое в виде сводного текста приводит Н.Ф. Финдейзен: “гусли” трактуются как *мысль*, “псалтирь” – *ум, разум, доблесть*, “гудец” – *образующее мысль, Преображение* (Финдейзен, 1928. С. 181, 185, 190).

В русской традиции инструмент получил название *гусли*. Слово “гусли” означает струны, совокупность струн, струнный инструмент вообще. По народному выражению струны, а также гусли “гудут”. *Гудением, гудьбой* назывался звук именно струн, независимо от способа его извлечения. Человечек, который играл на струнах, назывался *гудцом*⁸.

Научное определение “*гусли-псалтирь*” дано А.С. Фаминцыным (Фаминцын, 1890. С. 92–104). К.А. Вертков классифицировал этот тип гуслей как *шлемовидные*, исходя из формы резонансного корпуса (Вертков, 1972. С. 275–276). По мнению В.И. Поветкина, термин “шлемовидные” более всего соответствует гуслиям с прямым основанием (именно такая разновидность представлена на новгородской и псковских накладках) и менее всего подходит для гуслей с вогнутым основанием (Поветкин, 1997. 169–171; 2003. С. 229).

Гусли – первый музыкальный инструмент, упоминаемый в Библии: “Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гусях и свирели” (Быт 4:21). Изображение Иувала, настраивающего 20-струнную псалтирь, находим на одной из миниатюр чешской рукописной Библии конца XIII – начала XIV в. (рис. 4) (Památky..., 1874. Tabl. 23).

Псалтирь употреблялась не только в торжественных случаях, например при возвращении ковчега (1Пар 16: 4, 5), триумфальных шествиях (2Пар 20:28), пении священных “песней хваления” (Пс 149:3, 150:3; 3Цар 10:12; 1Пар 15:16, 25:1; 2Пар 5:12, 29:25), но и на пирах (Ис 5:12). “Поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием как Давид” (Ам 6:4).

Часто псалтирь и гусли упоминаются вместе (3Цар 10:12; Пс 70:22, 150:3), Давид говорит:

Рис. 4. Изображение Иувала, настраивающего 20-струнную псалтирь на миниатюре чешской рукописной Библии конца XIII – начала XIV в.

“Воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано. Буду славить Тебя, Господи, между народами...” (Пс 107:3, 4).

Вслед за Владимиром Ивановичем Поветкиным, нам представляется более правильным использование термина *гусли-псалтирь*. Именно в этом определении заложена мотивация упомянутого выше иконографического прототипа и православная смысловая нагрузка популярного инструмента.

Новгородская накладка, расширившая список музыкальных находок Новгорода и Пскова, не только подтверждает выводы о бесспорном бытовании гуслей-псалтири в жизни, но и является археологическим доказательством существования особой музыкальной культуры, частью которой были одаренные музыкальным и поэтическим талантом профессиональные сказители-гуслияры.

Новгород поистине был великим городом. Основами его общественной и политической жизни были торговля, давшая населению благосостояние, и вечевое устройство, обеспечившие более свободную жизнедеятельность. Эти основы обусловили и развитие художественного творчества. Новгороду

⁸ Гудцом киевским назван в сказании о Задонщине Боян, который играл на струнах (Задонщина, 1858. С. 18).

принадлежит честь создания и сохранения древнейших памятников славянской музыкальной письменности, в том числе и Остромирова Евангелия с экфонетической нотацией, нотных книг с забытой кондакарной нотацией⁹. Новгородские иконы, фрески и миниатюры сохранили нам древнейшие типы музыкальных инструментов, а уникальный культурный слой Новгорода сохранил материальные свидетельства древнерусского музыкального искусства, основой которого было народное музыкальное творчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авенариус В.П.* Книга былин. Свод избранных образцов русской поэтической поэзии (новое издание “Книги о киевских богатырях”, дополненное былинами новгородскими, московскими, казачьими, петровскими и безымянными). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 449 с.
- Беляев В.М.* Музыка // История культуры Древней Руси. Т. 2 / Ред.: Н.Н. Воронин, М.К. Каргер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 492–509.
- Вертков К.А.* Музыкальные инструменты как памятники этнической и историко-культурной общности народов СССР // Славянский музыкальный фольклор / Сост. И.И. Земцовский. М.: Музыка, 1972. С. 97–113.
- Гайдуков П.Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: МГП “Эвтектика”, 1992. 197 с.
- Даркевич В.П.* Образ царя Давида во Владимиро-Суздальской скульптуре // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 46–53.
- Дубровин Г.Е.* Археологические исследования на Никитском раскопе в 2003 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 18: Матер. науч. конф. (Новгород, 27–29 января 2004) / Ред. В.Л. Янин. В. Новгород: ООО «Печатный двор “Великий Новгород”», 2004. С. 13–18.
- Житие преподобного Исаакия, затворника Печерского. М.: Тип. И. Смирнова, 1873. 36 с.
- Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича. Чтение И.И. Срезневского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1858. 58 с.
- Истомин К.* Лицевой букварь Кариона Истомина / Предисл. и коммент. Ивана Тарабрина. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 83 с.
- ⁹ Кондакарная нотация – разновидность древнерусской безлинейной певческой нотописки, использовавшаяся для записи весьма ограниченного круга коротких хвалебных песнопений – кондаков, киновиков. Характер этих песнопений невозможно было записать с помощью знаменной нотации, которой были записаны большинство песнопений годичного круга. До сих пор кондакарная нотация не расшифрована. Кондакарная и знаменная нотации являются оригинальным русским видом нотного письма.
- Кабалевский Д.Б.* Музыка и музыкальное воспитание (статьи и выступления разных лет). М.: Знание, 1984. 63 с.
- Киевская псалтирь 1397 года (Писчик Спиридон). М.: Искусство, 1978. 459 с.
- Колосова И.О.* Бронзовый поясной набор из Пскова // Культура и история Средневековой Руси: тез. конф., посвящ. 85-летию А.В. Арциховского (Москва, 24–26 декабря 1987 г.). Новгород: Новгородоблмашинформ, 1987. С. 21–23.
- Кондаков Н.П.* Миниатюры греческой рукописи псалтири IX века из собрания А.И. Хлудова в Москве. М.: Синодальная тип., 1878. 22 с.
- Косых А.М., Яценко С.А.* Образы музыкантов в новгородском и псковском изобразительном искусстве XIII–XV вв. (костюм и музыкальные инструменты) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 27: Матер. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского (Великий Новгород, 22–25 января 2013 г.) / Ред. В.Л. Янин. В. Новгород: ООО “Первый издательско-полиграфический холдинг”, 2013. С. 190–199.
- Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов) / Издан К.М. Оболенским. М.: Унив. тип., 1851. 213 с.
- Миндалев П.* Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования. Казань: Типолиитография Императорского Ун-та, 1914. 390 с.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч., указ. А.М. Ловягина. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. 528 с.
- Поветкин В.И.* “Русский” изобразительный канон на музыкальные инструменты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник / Ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1989. С. 136–159.
- Поветкин В.И.* Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Сезон раскопок 1995 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. (Новгород, 23–25 января 1996 г.). Вып. 10 / Ред. В.Л. Янин. Новгород: АО «Типография “Новгород”», 1996. С. 125–138.
- Поветкин В.И.* Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Находки 1996 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. (Новгород, 28–30 января 1997). Вып. 11 / Ред. В.Л. Янин. Новгород: АО «Типография “Новгород”», 1997. С. 166–176.
- Поветкин В.И.* Гудебные сосуды древних псковичей. Часть 1 // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Т. 1 / Ред. В.В. Седов. М.: МГУП, 2003. С. 224–235.
- ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 734 с.
- ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.

- Рабинович М.Г. Одежда русских // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу / Ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 63–111.
- Русские Летописи: в 12 т. Т. 6. Рогожский летописец. Тверская летопись. Рязань: ООО «Изд. дом “Наше время”», 2000. 607 с.
- Стасов В.В. Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних рукописей В. Стасова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 28 с.
- Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. 135 с.
- Фаминцын А.С. Гусли – русский народный инструмент. Исторический очерк Ал. С. Фаминцына. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. 135 с.
- Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Вып. I. М.; Л.: Музсектор, 1928. 104 с.
- Památky archaeologické a místopisné. Díl X. Roč. I. Praha: Archaeologický sbor Musea království Českého: Matice česká, 1874.
- Reissmann A. Illustrierte Geschichte der deutschen Musik. Leipzig, 1881. 482 S.

BRONZE APPLIQUE “NARRATOR WITH GUSLI-PSALTERY” FROM NOVGOROD THE GREAT

Oleg M. Oleinikov

Institute of Archaeology of RAS, Moscow (olejnikov1960@yandex.ru)

A rare bronze plaque, showing a musician with gusli-psaltery and his two listeners, has been found in Novgorod the Great in the layer dating back to the beginning of the 15th century. The artifact confirms the presence of gusli-psaltery and professional narrators-gusli players in life of medieval Novgorod and proves the existence of specific music culture.

Key words: musical antiquities of Novgorod the Great, gusli, gusli-psaltery, gudets, narrators-gusli players, skomorokhi-potesniki.

REFERENCES

- Avenarius V.P., 1880. Kniga bylin. Svod izbrannykh obraztsov russkoy poeticheskoy poezii (novoe izdanie “Knigi o kievskikh bogatryakh”, dopolnennoe bylinami novgorodskimi, moskovskimi, kazatskimi, petrovskimi i bezmyannymi) [The book of bylinas. Code of selected samples of Russian poetry (new edition “Books about Kyiv Bogatyr” enlarged with Novgorod, Moscow, Cossack, Petrine and anonymous bylinas)]. St.Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha. 449 p.
- Belyaev V.M., 1951. Muzyka [Music]. *Istoriya kul'tury Drevney Rusi [History of culture of Medieval Rus]*, 2. N.N. Voronin, M.K. Karger, eds. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, pp. 492–509.
- Darkevich V.P., 1964. Obraz tsarya Davida vo Vladimiro-Suzdal'skoy skul'pture [The image of King David in Vladimir-Suzdal sculpture]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 99, pp. 46–53.
- Dubrovina G.E., 2004. Arkheologicheskie issledovaniya na Nikitskom raskope v 2003 g. [Archaeological studies on Nikitskiy excavation area in 2003]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology]*, 18. *Materialy nauchnoy konferentsii [Materials of the scientific conference]*. V.L. Yanin, ed. Novgorod: ООО “Pechatnyy dvor “Velikiy Novgorod”, pp. 13–18.
- Famintsyn A.S., 1889. Skomorokhi na Rusi [Skomorokhs in Rus]. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 135 p.
- Famintsyn A.S., 1890. Gusli – russkiy narodnyy instrument: Istoricheskiy ocherk Al. S. Famintsyna [Russian folk instrument gusli: Historical essay by Al. S. Famintsyn]. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 135 p.
- Findeyzen N.F., 1928. Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka [Essays on history of music in Russia from the ancient times till the end of the 18th c.], I. Moscow; Leningrad: Muzsektor. 104 p.
- Gaydukov P.G., 1992. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop [Slavenskiy konets of medieval Novgorod. Nutnyy excavation area]. Moscow: MGP “Evtektika”. 197 p.
- Istomin K., 1916. Litsevoy bukvar' Kariona Istomina [Illuminated ABC-book by Karion Istomin]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. 83 p.; 34 ill.
- Kabalevskiy D.B., 1984. Muzyka i muzykal'noe vospitanie (stat'i i vystupleniya raznykh let) [Music and musical education (articles and lectures of various years)]. Moscow: Znanie. 63 p.
- Kievskaya psaltir'..., 1978. Kievskaya psaltir' 1397 goda (Pischik Spiridon) [Kyiv psalm-book of 1397 (Scribe

- Spyridon)]. Moscow: Iskusstvo. 459 p. (Facsimile edition).
- Kolosova I.O., 1987. Bronzovyy pojasnoy nabor iz Pskova [Bronze belt set from Pskov]. *Kul'tura i istoriya Srednevekovoy Rusi: tezisy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu A.V. Artsikhovskogo* [Culture and history of Medieval Rus: abstracts of the conference devoted to the 85th anniversary of A. V. Artsikhovskiy]. Novgorod: Novgorodobl'mashinform, pp. 21–23.
- Kondakov N.P., 1878. Miniatyury grecheskoy rukopisi psaltiri IX veka iz sobraniya A.I. Khludova v Moskve [Miniatures of the Psalm-book Greek Manuscript of 9th c. from the collection of A.I. Khludov in Moscow]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 22 p.
- Kosykh A.M., Yatsenko S.A., 2013. Obrazy muzykantov v novgorodskom i pskovskom izobrazitel'nom iskusstve XIII–XV vv. (kostyum i muzykal'nye instrumenty) [The images of musicians in Novgorod and Pskov decorative art of the 13th–15th cc. (costume and musical instruments)]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology], 27. *Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M.Kh. Aleshkovskogo* [Materials of scientific conference devoted to the 80th anniversary of M. Kh. Aleshkovskiy]. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: OOO "Pervyy izdatel'sko-poligraficheskiy kholding", pp. 190–199.
- Letopisets..., 1851. Letopisets Pereyaslavlya-Suzdal'skogo, sostavlenyy v nachale XIII veka (mezhdru 1214 i 1219 godov) [Pereyaslavl-Suzdal Chronicle compiled in the beginning of the 13th c. (between 1214 and 1219)]. K.M. Obolenskiy, publisher. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 213 p.
- Mindalev P., 1914. Molenie Daniila Zatochnika i svyazanye s nim pamyatniki. Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya [Praying of Daniil Zatochnik and connected monuments. An attempt of historical and literature research] Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. 390 p.
- Oleary A., 1906. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [The description of the journey to Muscovy and through Muscovy into Persia and back]. A.M. Lovyagin, ed. St.Petersburg: izd. A.S. Suvorina. 528 p.
- Památky..., 1874. Památky archaeologické a místopisné, Díl X, Roč. I. Praha: Archaeologický sbor Musea království Českého: Matice česká.
- Povetkin V.I., 1989. Russkiy izobrazitel'nyy kanon na muzykal'nye instrumenty ["Russian" decorative canon on a musical instrument]. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik* [Monuments of culture. New finds. Annual]. D.S. Likhachev, ed. Moscow: Nauka, pp. 136–159.
- Povetkin V.I., 1996. Novgorod muzykal'nyy po materialam arkheologicheskikh issledovaniy. Sezon raskopok 1995 g. [Musical Novgorod based on the materials of archaeological studies. The season of excavations of 1995]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology], 10. *Materialy nauchnoy konferentsii* [Materials of scientific conference]. V.L. Yanin, ed. Novgorod: AO «Tipografiya "Novgorod"», pp. 125–138.
- Povetkin V.I., 1997. Novgorod muzykal'nyy po materialam arkheologicheskikh issledovaniy. Nakhodki 1996 g. [Musical Novgorod based on the materials of archaeological studies. Finds of 1996]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya: materialy nauchnoy konferentsii* [Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology: Materials of scientific conference], 11. V.L. Yanin, ed. Novgorod: AO «Tipografiya "Novgorod"», pp. 166–176.
- Povetkin V.I., 2003. Gudebnye sosudy drevnikh pskovichey. Chast' 1 [Gudebnye vessels of ancient Pskovians. Part 1]. *Pskov v rossiyskoy i evropeyskoy istorii (k 1100-letiyu letopisnogo upominaniya)* [Pskov in Russian and European history (1100 years Pskov mentioned in chronicle)], 1. V.V. Sedov, ed. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati, pp. 224–235.
- PRSL, 1998. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full Collection of Russian Chronicles], II. Ipat'evskaya letopis' [The Hypatian Codex]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 648 p.
- PRSL, 2001. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full Collection of Russian Chronicles], I. Lavrent'evskaya letopis' [The Laurentian Codex]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 734 p.
- Rabinovich M.G., 1986. Odezhda russkikh [The clothes of Russians]. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy: materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* [Ancient clothes of the peoples of Eastern Europe: materials for the historical and ethnographical atlas]. M.G. Rabinovich, ed. Moscow: Nauka, pp. 63–111.
- Reissmann A. Illustrierte Geschichte der deutschen Musik. Leipzig, 1881. 482 S.
- Russkie Letopisi..., 2000. Russkie Letopisi: v 12 tomakh [Russian Chronicles: in 12 volumes], 6. Rogozhskiy letopisets. Tverskaya letopis' [Rogozhskiy chronicle. Tver Codex]. Ryazan': OOO «Izdatel'skiy dom "Nashe vremya"». 607 p.
- Stasov V.V., 1884. Kartiny i kompozitsii, skrytye v zaglavnykh bukvakh drevnikh rukopisey V. Stasova [Pictures and compositions covered in capital letters of ancient chronicles collected by V. Stasov]. St.Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 28 p.
- Vertkov K.A., 1972. Muzykal'nye instrumenty kak pamyatniki etnicheskoy i istoriko-kul'turnoy obshchnosti narodov SSSR [Musical instruments as monuments of ethnic, historical and cultural community of the USSR peoples]. *Slavyanskiy muzykal'nyy fol'klor* [Slavic musical folklore]. I.I. Zemtsovskiy, comp. Moscow: Muzyka, pp. 97–113.
- Zadonshchina..., 1858. Zadonshchina velikogo knyazya gospodina Dmitriya Ivanovicha i brata ego Vladimira Andreevicha. Chtenie I.I. Sreznevskogo [Zadonshchina of the Grand Prince Dmitrii Ivanovich and his brother Vladimir Andreevich. Read by I. I. Sreznevskiy]. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 58 p.
- Zhitie prepodobnogo..., 1873. Zhitie prepodobnogo Isaakiya, zatvornika Pecherskogo [Hagiography of blessed Isaacius, anchorite of Pechora]. Moscow: Tipografiya I. Smirnova. 36 p.

КЛАД МОНЕТ РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА ИЗ с. ЗАПОЛЬЕ 1891 г.

© 2016 г. А.А. Гомзин

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (gomzin_a@mail.ru)

В статье вводится в научный оборот клад монет великого князя Рязанского Ивана Федоровича, обнаруженный в с. Заполье Спасского уезда Рязанской губернии в 1891 г. Помонетный список находки никогда не публиковался, исследователи довольствовались общими сведениями в каталоге А.И. Черепнина. Произведен поштемпельный анализ денег, получены их метрологические характеристики, описана сохранность. Клад может послужить источником для изучения монетного дела и денежного обращения Рязанского княжества в период правления Ивана Федоровича.

Ключевые слова: клад, денга, рязанская тамга, Иван Федорович, с. Заполье, поштемпельный анализ.

4 августа 1891 г. в с. Заполье Спасского уезда Рязанской губернии сын крестьянина И.К. Митякова Василий во время пахоты на бывшем гумне помещика А. Ляпунова нашел серебряную монету, которую показал отцу. Последний стал копать на том месте и на глубине около полуаршина (35.56 см) обнаружил еще 45 серебряных монет, лежащих в земле без какой бы то ни было упаковки. Со слов находчика, первый экземпляр “куда-то затерялся”, остальные же Спасским уездным исправником были представлены в Рязанскую ученую архивную комиссию (ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 18. Л. 211, 242–242об.)¹. Та в свою очередь переслала клад в Императорскую Археологическую комиссию, откуда после осмотра 36 монет отношением от 10 сентября 1891 г. были переданы в дар музею РЯАК вместе с девятью рублями вознаграждения для И.К. Митякова (ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 14. Л. 43–43об., 115об.; Д. 18. Л. 235, 236, 261–264; Протокол заседания 4 декабря 1891 г., 1892. С. 87).

Член комиссии А.И. Черепнин подготовил общее описание полученных экземпляров для каталога музея РЯАК. Исследователь отметил, что все 36 денег относятся к чекану великого князя Рязанского Ивана Федоровича. Изготовлены они разными

штампами, что, по мнению Алексея Ивановича, указывало на разновременность их эмиссии². Было выделено три вида легенды без указания числа экземпляров, относящихся к каждому из них. 13 монет клада оказались обломаны, из них две использовали для определения пробы (Черепнин, 1893а. С. 10. № 256; 1894. С. 69–72. № 256)³. Эти сведения послужили источником данных о кладах для опубликованных нумизматических топографий А.А. Ильина и А.Ф. Федорова (Ильин, 1924. С. 44. № 99; Федоров, 1928. С. 6).

После А.И. Черепнина никто из исследователей непосредственно к изучению самих монет клада не обращался⁴. В 2015 г. нами был произведен их повторный осмотр и взвешивание. Все денги клада

¹ У А. Ляпунова на месте обнаружения располагались различные хозяйственные постройки: амбары, сараи и т.д. На момент находки клада эта земля принадлежала дворянину Николаю Дмитриевичу Головину и распаивалась (ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 18. Л. 242–242об.). Находчик в разных документах и изданиях именуется Карповым, Митяковым, Игнатом Карповым или Игнатом Митяковым; полное его имя – Игнат Карпов сын Митяков. Подробные сведения об обстоятельствах обнаружения клада в печатные издания не попали и известны только по архивным документам.

² Лицевой стороной описываемых монет А.И. Черепнин считал сторону с русскоязычной легендой, содержащей титул и княжеское имя; оборотной – сторону с надчеканкой рязанской тамги.

³ Результаты испытаний показали 78 золотниковую пробу. Способ, которым она определялась, видимо, предполагал их физическое разрушение. Очевидно, поэтому в столбце “Число монет” каталога А.И. Черепнина указано 34, а не 36 экземпляров. В более поздней работе Алексей Иванович отметил, что 13 поврежденных денег каждая составляли примерно 2/3 от целой монеты, при этом 3 из них имели надлом, который позволил бы разделить их еще пополам (Черепнин, 1900. С. 61). Эта информация в документах РЯАК и других публикациях данного автора больше не встречается.

⁴ В 1918 г. РЯАК прекратила свое существование, ее музей был национализирован, и значительная часть коллекций, в том числе рассматриваемый клад, поступила в Рязанский губернский историко-художественный музей (Описание отдела нумизматики ... Л. 63об. № 5; РГОМ. Инвентарная карточка ... Ед. уч. 3320). По результатам сверки 1948 г. в кладах числилось 32 монеты (РГОМ. Инвентарная карточка ... Ед. уч. 3320).

Монеты клада из с. Заполье.

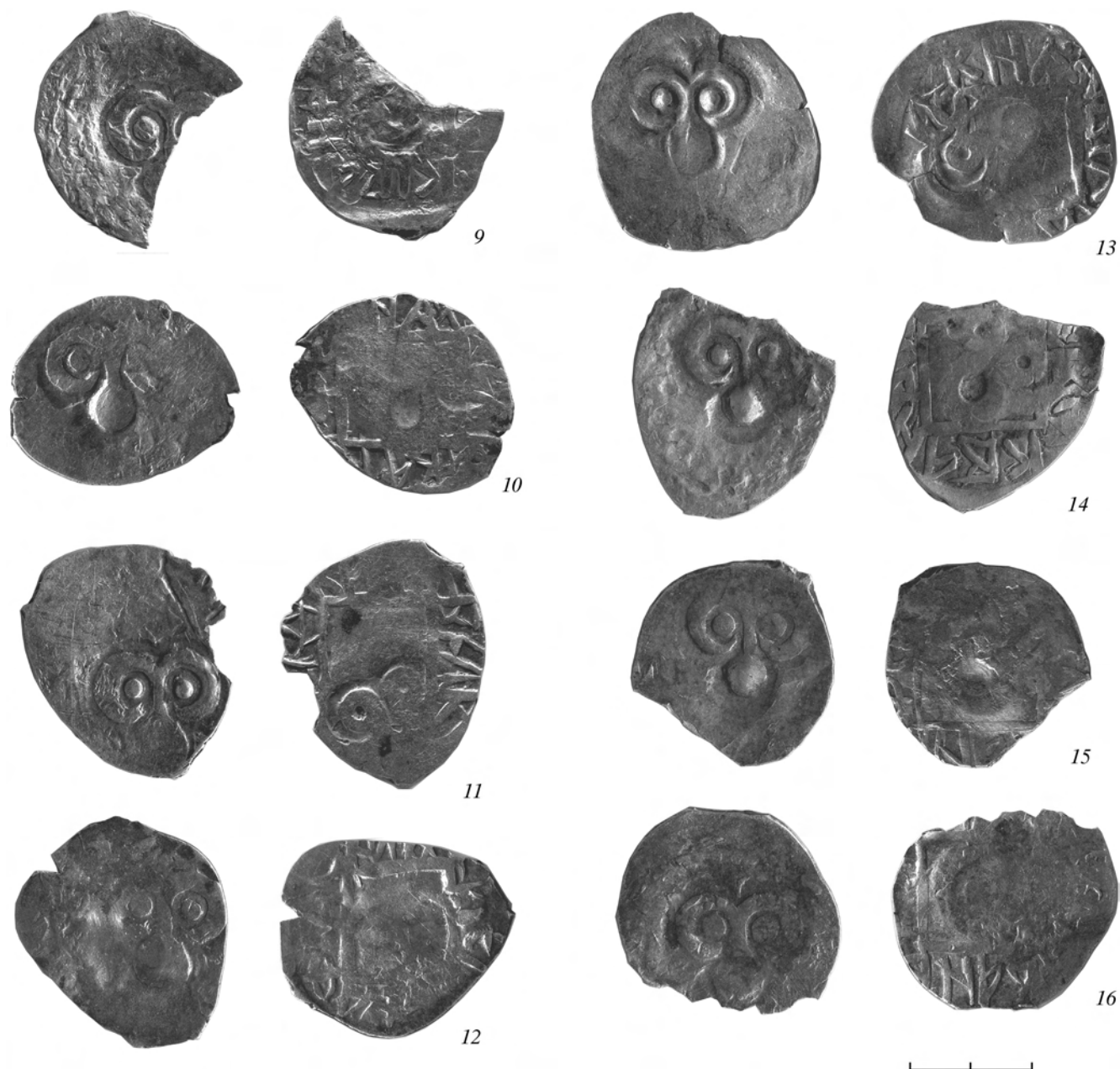
однотипны. На лицевой стороне (л.с.) имеют надчеканку тамги в виде стержня с округлым или каплевидным окончанием, сверху разделяющегося на два завитка с точкой внутри каждого. На оборотной стороне (о.с.) размещена прямоугольная рамка, по внешним сторонам которой расположена русскоязычная легенда с титулом и именем Ивана Федоровича.

При описании монет в данной публикации (см. рисунок) принят следующий порядок.

Наличие штемпельных связей между монетами всегда оговорено особо. Тамги детально не характеризуются, поскольку они однотипны и имеют от-

личия друг от друга лишь на уровне штемпеля, что можно наблюдать на приведенных изображениях.

Легенды оборотных сторон указаны с разбивкой на строки. Кроме палеографических особенностей, они отличаются друг от друга порядком букв в словах и полнотой имени князя. Последний признак послужил основой их систематизации, предложенной Н.И. Булычевым, развитой и дополненной П.А. Шориным (Булычев, 1904. С. 2; Шорин, 1977. С. 242). Денги клада сгруппированы с его учетом, в конец списка поставлены те экземпляры, у которых соответствующая часть легенды не сохранилась.

Монеты клада из с. Заполье (Продолжение)

Непрочеканенные, стертые или утраченные буквы заменены многоточием. Буквы, вызывающие сомнения в идентификации, заключены в круглые скобки с вопросительным знаком. В случаях, когда было невозможно установить наличие или отсутствие какой-либо буквы в строке, проставлялся знак вопроса в круглых скобках.

После легенд указаны вес монет, их сохранность и учетный музейный номер. Номера денег в списке соответствуют номерам позиций на рисунке.

1) О.с.: КНЯ ... / ... / ... ВА / ... ЪФ. Вес 0.52 г, обломок около 2/3, трещина (РИАМЗ. КП-3320/6).

2) Тот же штемпель тамги, что у № 1. О.с.: КНЯ ... / ЪВЕЛ / КВ ... / НЪФ(Е?). Вес 0.73 г, обломок около 3/4, трещина (РИАМЗ. КП-3320/9).

3) Тот же штемпель тамги, что у № 1. О.с.: ... НЯЗ / ЪВЕЛ / К ... / Вес 0.89 г, небольшая трещина у края (РИАМЗ. КП-3320/30).

4) О.с.: КНЯЗЬ / ВЕЛ ... / ... АН / ЪФЕ. Е в отчестве князя больше похожа на уменьшенный мягкий знак. Вес 0.97 г, край обломан, трещина (РИАМЗ. КП-3320/8).

5) О.с.: КНЯЗЬ / ВЕЛН / КВА ... / ... ФЕ. Вес 0.91 г, край обломан (РИАМЗ. КП-3320/13).

Монеты клада из с. Заполье (Продолжение)

6) О.с.: КНЯ ... / ... / В ... / ... ФЕ. Вес 0.86 г, мелкие трещины у края (РИАМЗ. КП-3320/32).

7) О.с.: К ... / ... / ... Н ... / ... Ф(Е?). Вес 0.93 г, обломок около 3/4, помята (РИАМЗ. КП-3320/25).

8) О.с.: КНЯЗЬ / ВЕЛКН / ВА ... / ... ФЕ(?). Вес 1.04 г (РИАМЗ. КП-3320/24).

9) Тот же штампель тамги, что у № 8. О.с.: ... / ... Н / НВА / НФ(Е?) (?). Н и В переданы лигатурой. Вес 0.79 г, обломок около 3/4 (РИАМЗ. КП-3320/15).

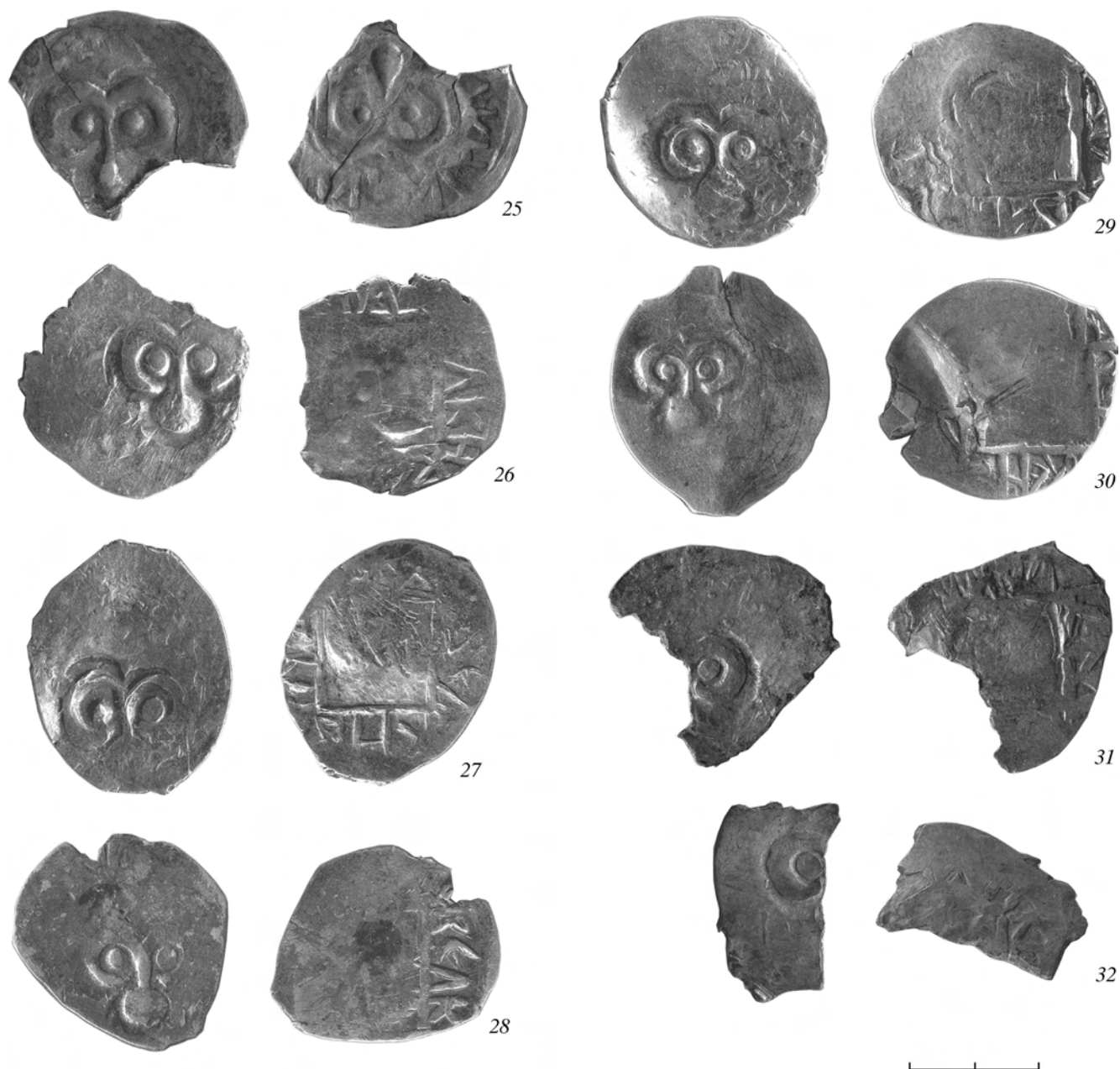
10) О.с.: ... НЯЗ / ВЕЛК / НВА ... / ... ФЕ(?). Н и В переданы лигатурой. Вес 0.96 г (РИАМЗ. КП-3320/14).

11) О.с.: КН ... (Б?) / ВЕЛК / ... / ... ЕД. Вес 0.93 г, край немного обломан (РИАМЗ. КП-3320/21).

12) Тот же штампель тамги, что у № 11. О.с.: КНЯ(З?) / ВЕЛ ... / ... ВА / ФЕДО. Вес 0.99 г, мелкие трещины у края, небольшой сектор утрачен (РИАМЗ. КП-3320/2).

13) О.с.: КНЯЗЬ / ВЕЛ ... / В ... / ... ФЕД. Вес 0.89 г, две трещины у края, небольшой сектор утрачен (РИАМЗ. КП-3320/27).

14) О.с.: ... / ... ВЕЛ / КВА / НФ(ЕД?). Вес 0.96 г, край обломан (РИАМЗ. КП-3320/16).

Монеты клада из с. Заполье (Окончание)

15) Тот же штемпель тамги, что у № 14. О.с.: ... / ... ЕЛ ... / ... АНЪ / ФЕД(?). Вес 0.92 г, край обломан (РИАМЗ. КП-3320/1).

16) О.с.: ... / ... ВЕЛ ... / ... ВАНЪ / ФЕД(?). Вес 0.9 г, край обломан (РИАМЗ. КП-3320/19).

17) О.с.: ... НЯЗ / ВЕЛК / НВА ... / ... ЕД(?). Н и В переданы лигатурой. Вес 0.98 г, край обломан (РИАМЗ. КП-3320/22).

18) О.с.: ... / ... / ... АИ ... / ... Ф Вес 0.99 г (РИАМЗ. КП-3320/18).

19) О.с.: ... НЯЗЬ / ВЕЛК / НВА ... / ... Ф Вес 1.06 г, край немного обломан, трещина (РИАМЗ. КП-3320/28).

20) Рамка на о.с. полностью уничтожена при надчеканке тамги, в связи с чем не очень понятно деление строк. Видимая часть легенды: ... ВЕЛИ ... АНЪФ Вес 1.07 г, трещина у края (РИАМЗ. КП-3320/29).

21) О.с.: ... НЯЗЬ / ВЕЛК / ... Ъ / Вес 0.88 г, край обломан, трещина (РИАМЗ. КП-3320/3).

22) Те же штемпели обеих сторон, что у № 21. О.с.: ... ЯЗЬ / ВЕЛКН / В ... / Вес 0.81 г, обломок около 3/4, мелкие трещины (РИАМЗ. КП-3320/12).

23) О.с.: ... НЯ ... / ВЕЛ ... / КНВ ... / Вес 0.78 г, край обломан, мелкая трещина (РИАМЗ. КП-3320/20).

24) Тот же штемпель тамги, что у № 23. О.с.: ... / ВЕЛН / КНВ ... / Вес 1.07 г, мелкая трещина у края (РИАМЗ. КП-3320/31).

25) О.с.: ... / ... ЛКН / ІВ(А?)(?)Н / Вес 0.65 г, обломок около 3/4, две трещины (РИАМЗ. КП-3320/5).

26) О.с.: ... НЯ ... / ... ЛКН / ВА ... / Вес 0.95 г, край обломан (РИАМЗ. КП-3320/7).

27) О.с.: ... / ... ВЕЛ(І?) / КНВ / (А?)НЪ Вес 1.18 г (РИАМЗ. КП-3320/11).

28) О.с.: ... / ВЕЛК ... / ... / Вес 0.74 г, край немного обломан (РИАМЗ. КП-3320/17).

29) О.с.: ... / ... ВЕЛ ... / ВА ... / Вес 0.99 г (РИАМЗ. КП-3320/23).

30) О.с.: ... Б / В ... / ВАН / Ъ А и Н переданы лигатурой; Ъ начинается с третьей строки и по отношению к четвертой строке расположен горизонтально. Вес 0.89 г, край немного обломан, трещина (РИАМЗ. КП-3320/26).

31) От тамги на л.с. сохранился лишь один завиток. Различимый фрагмент легенды на о.с. искажен и надежному прочтению не поддается, определенно идентифицируется только буква И в одной из двух строк. Вес 0.8 г, обломок около 2/3 (РИАМЗ. КП-3320/4).

32) От тамги на л.с. сохранился лишь один завиток. В легенде на о.с. определенно идентифицируются только буквы Н и К. Вес 0.47 г, обломок около 1/3 (РИАМЗ. КП-3320/10).

Для проведения поштемпельного анализа из 32 монет оказались пригодны 30 экземпляров. На двух денгах сохранились лишь незначительные фрагменты тамг и легенд (№ 31, 32). По соотношению штемпелей 30 монет объединились в 29 вариантов, для изготовления которых потребовалось 23 штемпеля лицевой стороны (с тамгой) и 29 оборотной стороны. Только один вариант представлен двумя денгами (№ 21, 22), остальные – одним экземпляром каждый. В одном случае три монеты связались между собой штемпелем л.с. (№ 1–3); еще в четырех связь по штемпелю тамги выявилась для двух экземпляров (№ 8, 9; 11, 12; 14, 15; 23, 24).

Помимо штемпельных связей удалось выделить две группы монет, близких между собой по штемпелю тамги. № 8 и 9 оказались близки экземпляры № 14 и 15, 21 и 22 – № 18 соответственно. Компьютерное наложение показало у них совпадение составных элементов тамг при различии контуров границ рабочих зон их штемпелей, что наводит на мысль о возможном использовании маточника при изготовлении штемпелей лицевых сторон для какой-то части денег Ивана Федоровича рассматриваемого типа. Естественно, пока это не более чем предположение, нуждающееся в проверке на более представительном по количеству материале.

Оборотные стороны монет клада, по классификации П.А. Шорина, относятся к четырем разновидностям передачи княжеского отчества: Ф – 1 экз. (№ 1), ФЕ – 3 (№ 4–6), ФЕД – 2 (№ 11, 13), ФЕДО – 1 (№ 12), соответствующим III, V, IX и X типам штемпелей оборотных сторон у указанного автора (Шорин, 1977. С. 242). Еще для 12 денег такое соотношение может быть произведено лишь вариативно: Ф(Е?) – 2 экз. (№ 2, 7), ФЕ(?) – 2 (№ 8, 10), Ф(Е?) (?) – 1 (№ 9), Ф(ЕД?) – 1 (№ 14), ФЕД(?) – 3 (№ 15–17), Ф и неясное количество букв после нее – 3 (№ 18–20). У остальных эта часть легенды либо не видна, либо оказалась за пределами монетной пластины.

Только девять экземпляров не имеют физических повреждений, влияющих на весовые характеристики (№ 3, 6, 8, 10, 18, 20, 24, 27, 29), в связи с чем метрологическое исследование монет клада оказывается нецелесообразным. Их вес может быть использован для изучения денег Ивана Федоровича лишь в совокупности с его монетами из других находок.

Невозможно сделать и какие-либо заключения о хронологии чеканки, выводы А.И. Черепнина в данном случае представляются преждевременными. И сейчас в исследовательских работах, посвященных монетам Ивана Федоровича, они по-прежнему соотносятся только целиком с периодом его правления⁵.

Находка из с. Заполье 1891 г. оказалась первым кладом с денгами Ивана Федоровича, основной объем которого был и остается доступен для исследования. До момента его обнаружения с монетами этого князя был известен лишь клад 1825 г. у с. Кипчаково Рязского уезда Рязанской губернии, из которого сохранился один экземпляр, не дающий представления о полном его составе (Волков, 2000. С. 143. № 33; Писарев, 1826. С. 148–150).

В 1892 г., И.К. Митяков недалеко от места первой находки обнаружил второй клад с денгами Ивана Федоровича (Черепнин, 1893б. С. 23, 24. № 269; Федоров, 1928. С. 9). Кроме отмеченных, по нумизматическим изданиям прослеживается еще не более пяти кладов, состоявших из монет этого князя (подробнее см.: Булычев, 1904. С. 7–18; Волков, 2000. С. 143. № 31, 37; Волков, Гришин, 2002. С. 176; Гомзин, 2011. С. 217. № 13; Федоров, 1928. С. 5). Данное обстоятельство позволяет обоснованно считать, что публикация помонетного состава клада из с. Заполье 1891 г. способна послужить источником дополнительных сведений для изучения монетного дела и денежного обращения Рязанского княжества в период правления Ивана Федоровича.

⁵ Существуют две точки зрения на хронологию правления этого князя: ок. 1417–1456 гг. и 1427–1456 гг. (подробнее см.: Иловайский, 1990. С. 138; Шорин, 1977. С. 240).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булычев Н.И.* Тамбовский клад рязанских денег // Известия ИАК. Вып. 11. СПб., 1904. С. 1–18.
- Волков И.В.* Монеты независимого Новгорода в денежном обращении русских земель в XV – начале XVI в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3 / Ред. В.Л. Янин. М., 2000. С. 132–147 (Труды МИГМ. Вып. 10).
- Волков И.В., Гришин И.В.* Два новых клада русских монет XV в. // Десятая ВНК: тез. докл. и сообщ. М.: ГИМ, 2002. С. 176–177.
- ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 14.
- ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 18.
- Гомзин А.А.* Заметки по хронологии и топографии монетных находок XIV–XVIII вв. из Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1 / Ред. В.И. Завьялов. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2011. С. 207–230.
- Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. Рязань: Пресса, 1990. 221 с.
- Ильин А.А.* Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. Л., 1924. 58 с.
- Описание отдела нумизматики Рязанского музея // ГАРО. Ф. Р-3611. Оп. 7. Д. 13.
- Писарев А.* Нумизматические замечания (по поводу ныне найденных в Рязанской губернии серебряных русских старинных монет) // Записки и труды ОИДР. Ч. 3. Кн. I. М., 1826. С. 143–151.
- Протокол заседания 4 декабря 1891 г. // Труды РУАК за 1891 г. Т. VI. Вып. 6. Рязань, 1892.
- РГОМ. Инвентарная карточка подотдела II-9. Ед. уч. 3320.
- Федоров А.Ф.* Монетные клады Рязанской губернии. Спасск, 1928. 17 с. (Труды Спасского отделения ОИРК. Вып. II).
- Черепнин А.И.* Каталог Рязанского музея. Отдел нумизматический // Труды РУАК за 1892 г. Т. VII. Вып. 1. Рязань, 1893а. С. 7–13.
- Черепнин А.И.* Каталог Рязанского музея. Отдел нумизматический // Труды РУАК за 1892 г. Т. VII. Вып. 2. Рязань, 1893б. С. 23–26.
- Черепнин А.И.* Каталог Рязанского музея. Отдел нумизматический. Вып. 1. Рязань, 1894. 178 с.
- Черепнин А.И.* О гривенной денежной системе по древнимкладам. М.: Тип. и словолитня О.О. Гербека, 1900. 119 с.
- Шорин П.А.* Систематизация монет великого князя рязанского Ивана Федоровича (ок. 1417–1456 гг.) // Нумизматический сборник. Ч. V. Вып. 2 / Ред. Е.А. Давидович. М.: Наука, 1977. С. 239–243.

HOARD OF RYAZAN PRINCIPALITY COINS FROM VILLAGE ZAPOLJE, 1891

Andrei A. Gomzin

Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve (gomzin_a@mail.ru)

The article adds into a scientific circulation the hoard of the Grand Duke of Ryazan Ivan Fyodorovich coins. The hoard was discovered in the village Zapolje of the Spasskiy Uezd of the Province of Ryazan in 1891. The list of coins has not been published ever before and researches have been satisfied with the general information from the catalogue of A. I. Cherepnin. Present publication contains the metrological characteristics of the coins, the description of the state of their preservation and the stamp analysis. The hoard could be the source for studying of the monetary craft and money circulation of the Principality of Ryazan in the period of Ivan Fyodorovich reign.

Key words: hoard, denga, Ryazan tamga, Ivan Fyodorovich, village Zapolje, stamp analysis.

REFERENCES

- Bulychov N.I.*, 1904. Tambovskiy klad ryazanskikh deneg [Tambov Hoard of Ryazan Coins]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii* [Bulletin of Emperor Archaeological Committee], 11, pp. 1–18, 3 tabl.
- Cherepnin A.I.*, 1893a. Katalog Ryazanskogo muzeya. Otdel numizmaticheskij [Ryazan Museum Catalogue. Numismatics Department]. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1892 god* [Proceedings of Ryazan Scientific Archive Committee for 1892], tom VII, vyp. 1. Ryazan', pp. 7–13.

- Cherepnin A.I., 1893b. Katalog Ryazanskogo muzeya. Otdel numizmaticheskiiy [Ryazan Museum Catalogue. Numismatics Department]. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1892 god [Proceedings of Ryazan Scientific Archive Committee for 1892]*, tom VII, vyp. 2. Ryazan', pp. 23–26.
- Cherepnin A.I., 1894. Katalog Ryazanskogo muzeya. Otdel numizmaticheskiiy [Ryazan Museum Catalogue. Numismatics Department], 1. Ryazan'. 178 p.
- Cherepnin A.I., 1900. O grivennoy denezhnoy sisteme po drevnim kladam [Grivna Money System Study Based on the Ancient Hoards]. Moscow: Tipografiya i slovolitnyya O.O. Gerbeka. 119 p. (Reprint of V. II of the Proceedings of the Moscow Numismatic Society).
- Fedorov A.F., 1928. Monetnye klady Ryazanskoy gubernii [Coin hoards of Ryazan Gubernia]. (*Trudy Spasskogo otdeleniya Obshchestva issledovateley Ryazanskogo kraia [Proceedings of the Society for Ryazan Land Studies, Spassk branch]*, II.). Spassk. 17 p.
- Gomzin A.A., 2011. Zametki po khronologii i topografii monetnykh nakhodok XIV–XVIII vv. iz Pereyaslavlya Ryazanskogo [Notes on Chronology and Topography of Coin Finds of 14th – 18th cc. from Pereyaslavl Ryazansky]. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the Archaeology of Pereyaslavl Ryazansky]*, 1. V.I. Zav'yalov, ed. Ryazan': Izdatel'stvo Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika, pp. 207–230.
- GARO. Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti [State Archive of Ryazan Oblast], F. 869, Op. 1, D. 14.
- GARO. Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti [State Archive of Ryazan Oblast], F. 869, Op. 1, D. 18.
- Il'in A.A., 1924. Topografiya kladov drevnikh russkikh monet X–XI v. i monet udel'nogo perioda [Topography of the Hoards of Ancient Russian Coins of 10th – 11th cc. and the Coins of the Domain Period]. Leningrad. 58 p.
- Ilovaytskiy D.I., 1990. Istoriya Ryazanskogo knyazhestva [History of Ryazan Principality]. Ryazan': Pressa. 221 p.
- Opisanie otdela numizmatiki Ryazanskogo muzeya [Description of the numismatics section of the Ryazan Museum]. *Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti [State Archive of Ryazan Oblast]*, F. R-3611. Op. 7. D. 13.
- Pisarev A., 1826. Numizmaticheskie zamechaniya (po povodu nyne naydennykh v Ryazanskoy gubernii serebryanykh russkikh starinnykh monet) [Numismatics Notes (on Ancient Silver Russian Coins Newly Found in Ryazan Gubernia)]. *Zapiski i trudy Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh [Notes and Proceedings of the Community of History and Russian Antiquities]*, ch. 3, kn. I. Moscow, pp. 143–151.
- Protokol..., 1892. Protokol zasedaniya 4 dekabrya 1891 g. [Protocol of session from 4th December 1891]. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1891 god [Proceedings of the Ryazan Scientific Committee for 1891]*, tom VI, vyp. 6. Ryazan'.
- RGOM. Inventarnaya kartochka podotdela II–9. Edinitsa ucheta 3320 [Ryazan State Regional Muzeum. Inventory card of sybsection II–9. Nr. 3320].
- Shorin P.A., 1977. Sistematizatsiya monet velikogo knyazya ryazanskogo Ivana Fedorovicha (ok. 1417 – 1456 gg.) [Systematisation of Coins of the Great Prince of Ryazan Ivan Fiodorovich (appr. 1417 – 1456)]. *Numizmaticheskiiy sbornik [Numismatic Collection]*, ch. V, vyp. 2. E.A. Davidovich, ed. Moscow: Nauka, pp. 239–243.
- Volkov I.V., 2000. Monety nezavisimogo Novgoroda v denezhnom obrashchenii russkikh zemel' v XV – nachale XVI v. [Coins of Independent Novgorod in Monetary Circulation of Russian lands in 15th – the beginning of the 16th cc.]. *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya [Archaeological sites of Moscow and Moscow Region]*, 3. V.L. Yanin, ed. (Trudy Muzeya istorii goroda Moskvy, 10). Moscow, pp. 132–147.
- Volkov I.V., Grishin I.V., 2002. Dva novykh klada russkikh monet XV v. [Two New Hoards of Russian Coins of the 15th c.]. *Desyataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [10th All-Russian Numismatics Conference: abstracts and reports]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey (GIM), pp. 176–177.

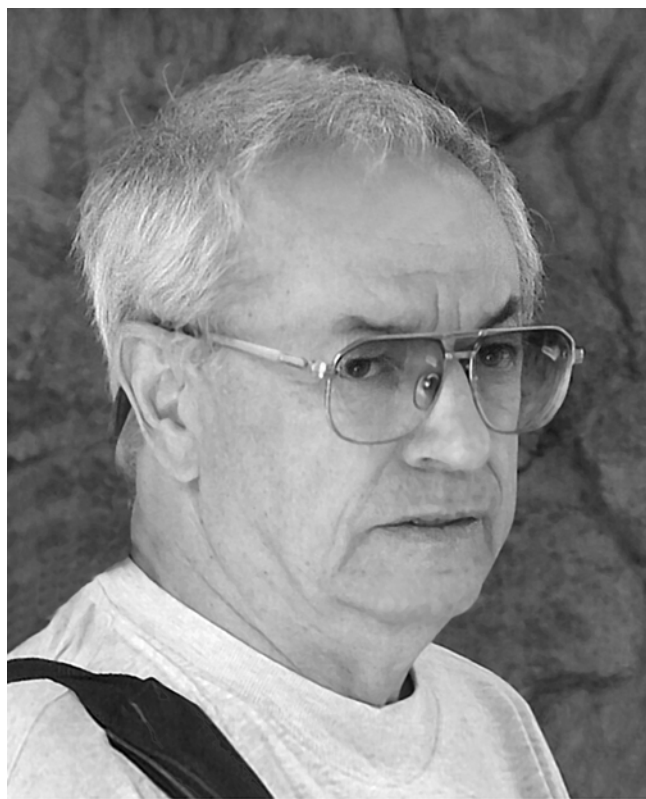
“МЕДНОЙ ГОРЫ САМОРОДОК”: К 80-ЛЕТИЮ Е.Н. ЧЕРНЫХ

© 2016 г. С.В. Кузьминых

Институт археологии РАН, Москва (kuzminykhsv@yandex.ru)

Статья посвящена научной деятельности известного российского археолога Е.Н. Черных, которому в декабре 2015 г. исполнилось 80 лет. Важнейшие исследования ученого в последнее десятилетие были связаны с тремя проектами. Первый из них – мультидисциплинарная обработка археологических источников, полученных Каргалинской экспедицией, их подготовка к печати и издание (серия “Каргалы” из пяти томов). Второй – радиоуглеродная хронология археологических культур эпохи раннего металла Северной Евразии. Третий – новая парадигма археологии в свете естественнонаучных методов исследования.

Ключевые слова: Институт археологии РАН, лаборатория естественнонаучных методов, история древнейшей металлургии, радиоуглеродная хронология, культуры номадов, мегаструктура Евразийского мира.

11 декабря 2015 г. известному российскому археологу, члену-корреспонденту РАН Евгению Николаевичу Черных исполнилось 80 лет. Основные биографические данные и вехи научной деятельности Е.Н. Черных нашли отражение в академических справочниках, Интернете, ряде статей, в том числе и моей, опубликованной к 70-летию ученого

(Кузьминых, 2005). В данной статье я не буду повторять известные сведения и факты, а остановлюсь на поисках и творческой работе юбиляра в минувшем десятилетии.

Слова известной песни “я в дороге, я в пути” как нельзя лучше характеризуют пылкий характер исследователя и его неустойчивое стремление расширить область познания. В эти годы научные поиски ученого были направлены на решение ряда важнейших задач.

Первая из них связана с завершением программы исследований Каргалинского горно-металлургического центра (ГМЦ) в Южном Приуралье. Полевые работы, прежде всего раскопки поселения Горный 1, были прерваны в 2002 г., с этого времени Е.Н. Черных и коллектив Каргалинской экспедиции сосредоточили свои усилия на мультидисциплинарной обработке гигантского массива разнообразных археологических источников и их подготовке к печати. В течение короткого периода удалось опубликовать пять томов серии “Каргалы”, причем два завершающих тома вышли как раз в начале рассматриваемого мною десятилетия (Некрополи..., 2005; Черных, 2007а). В этих трудах с исчерпывающей полнотой реализована программа Каргалинского проекта, не имевшая до того аналогов в практике отечественной археологии и археометаллургии.

Венцом серии “Каргалы” стал пятый – авторский – том Е.Н. Черных. В нем подведены основные итоги работ, сделанных в рамках проекта и отраженных в ранее опубликованных томах серии. Книга посвящена наиболее общим – решенным и нерешенным – проблемам в изучении Каргалинского

ГМЦ. В первой ее части намечаются основные вехи развития производства на Каргалах, причем сделано это на фоне многочисленных и разнообразных материалов Циркумпонтийской и Западноазиатской (Евразийской) металлургических провинций, аккумулированных в базах данных древнейшего металла и литейных форм, созданных в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Особое внимание уделено автором роли и месту горно-металлургического производства в системах этих провинций, его наиболее ярким периодам взлета и падений на Каргалах. Вторая часть книги “Потаенная (сакральная) жизнь горняков и металлургов” структурно и по стилю совершенно не сходна с первой, но идейно, безусловно, связана с ней. Евгений Николаевич призывает читателя погрузиться в причудливый мир сказов, легенд и преданий, этнографических зарисовок потаенной сакральной жизни архаичных горняков и металлургов в различных частях земного шара, в мир их магических ритуалов, символов и верований и от них перебрасывает мостик к каргалинским горнякам и их магическим ритуалам.

Выход книг серии “Каргалы” стал событием в отечественной и мировой археологии эпохи раннего металла. Он востребован коллегами из многих стран не только в силу богатства опубликованных материалов, но, главным образом, благодаря постановке проблем, о которых исследователи ранее даже не подозревали (Черных, 2009а). В этом заслуга всех участников Каргалинского проекта, но прежде всего его руководителя.

Важную роль в программе исследований Каргалинского ГМЦ играло решение проблемы не только относительной, но и абсолютной хронологии культурных отложений и объектов поселения Горный 1 и погребальных комплексов могильника у с. Першино. Эти исследования были частью начатой еще в 90-е годы прошлого столетия работы по созданию баз данных радиоуглеродных дат археологических культур эпохи раннего металла, входивших в системы базовых металлургических провинций Северной Евразии – Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Евразийской. Абсолютный возраст археологических комплексов, из которых происходили металлические изделия и литейные формы, аккумулированные в параллельно создаваемых базах данных металла этих провинций, стал играть ключевую роль при характеристике горно-металлургического производства эпохи раннего металла.

Подобный поворот исследований был велением времени: весь мир начинал опираться в решении вопросов периодизации и хронологии на радиоуг-

леродные датировки, и Е.Н. Черных уловил это явление одним из первых в отечественной археологии. Не случайно по завершении Каргалинского проекта важнейшей темой его научных поисков последнего десятилетия (равно как и Л.Б. Орловской и отчасти автора этих строк) стала радиоуглеродная хронология археологических культур эпохи раннего металла Северной Евразии. Данная тема является бесконечной по масштабам сборов, поскольку число новых публикуемых определений ^{14}C -дат с каждым годом растет в геометрической прогрессии. Уже сейчас в накопленной в лаборатории естественнонаучных методов базе данных зафиксировано и обработано несколько тысяч радиоуглеродных дат археологических комплексов эпохи раннего металла (Черных, Орловская; 2013).

Для Е.Н. Черных очевидна ситуация, что у данного проекта нет конца. Даты будут накапливаться бесконечно, будут совершенствоваться методика анализов и приборы – словом, в такой работе крайне важно подвести промежуточный итог, который бы отразил общие представления о радиоуглеродной хронологии археологических культур эпохи раннего металла Северной Евразии на день сегодняшний и стал отправной точкой для новых поисков и обсуждений этой сложнейшей проблемы археологических исследований. Подведение такого итога – в планах ближайших лет, но важно отметить, что некоторые результаты данных исследований были опубликованы Е.Н. Черных и стали предметом активного обсуждения в российских и зарубежных журналах.

В частности, через призму радиоуглеродной хронологии был рассмотрен феномен майкопской общности на Северном Кавказе (Черных, Орловская, 2008). Методически важным стало сравнение и обсуждение дат, полученных по керамике и органическим материалам из погребальных комплексов ямной общности (Черных, Орловская, 2011). Обнарожденные определения дат ^{14}C из Хвалынских 1 и 2 могильников (Черных, Орловская, 2010) довели цепочку надежно датированных памятников энеолита юга Восточной Европы от Балкано-Карпатья до Среднего Поволжья. Работа с датировками археологических культур эпохи раннего металла степного пояса Северной Евразии выявила немало вопросов и проблем, которые также нашли отражение в печати (Черных, 2008а; Черных, Орловская, 2013). Столь же сложными и порою противоречивыми оказались при ближайшем рассмотрении проблемы радиоуглеродной хронологии энеолитических культур лесной зоны Восточной Европы (Черных и др., 2011). Металлоносные памятники этих культур – от ромбоямочной в Карелии, че-

рез волосовскую и гаринскую на Средней Волге и Каме и до аятской и липчинской на Урале – дали заметный разброс дат ^{14}C , полученных по поселенческим памятникам. Стала очевидной специфика подхода и оценок радиоуглеродной хронологии древних поселений, и эта важная методическая проблема была вынесена на обсуждение (Черных, 2011а).

В это десятилетие, помимо завершения Каргалинского проекта и подготовки монографического труда о радиоуглеродной хронологии археологических культур эпохи раннего металла Северной Евразии, Е.Н. Черных сосредоточился на разработке еще одной важнейшей темы, которую условно можно назвать новой парадигмой археологии в свете естественнонаучных методов исследования. Данная тема взаимосвязана с предыдущей, но в реальности сама ее постановка подготовлена всем предшествующим научным опытом ученого. Богатейший багаж знаний, накопленный за годы многолетних творческих поисков; впечатления, полученные в ходе экспедиционных маршрутов и поездок в различные уголки мира; размышления, вынесенные из этих путешествий, – все это привело Е.Н. Черных к пересмотру прежней парадигмы евразийской археологии. Итогом поисков и размышлений стали две его монографии (Черных, 2009в; 2013а) и цикл научных и научно-популярных статей (Черных, 2005; 2008в; 2011б–г; 2012; 2014б; 2015а–г).

В этих работах исследователь показал, что прежняя – более чем 50-летней давности – парадигма европейской археологии строилась на твердой уверенности, что все достижения человечества (по крайней мере, на ее евразийском полигоне) обязаны “свету с востока”. Идея “*Ex Oriente Lux*”, под которой понимались в Европе и России древнейшие цивилизации Месопотамии и Египта, владела умами ученых на протяжении многих десятилетий XIX и XX веков. Касалось ли это древнего Китая или восточноевропейских культур бронзового века, ответ был один: импульсом к их развитию был живительный свет с Востока. У нас, в России, активным проводником этой идеи был один из основоположников отечественной археологии В.А. Городцов. Анализ археологических источников привел Е.Н. Черных к убеждению, что картина развития оказывается несравненно более сложной. Старая парадигма европейской археологии, по его мнению, отмирает, в новой же еще не сформулированы внятно многие фундаментальные понятия. На решение именно этой задачи и направлены последние труды ученого.

В европейской историко-археологической науке Восток начинался с Леванта и Палестины.

Е.Н. Черных считает, что это далеко не так. В его трудах истинный Запад предстает как мир западной Евразии с господствующим блоком так называемых авраамических религий – христианства, ислама и иудаизма в качестве их первоисточника, а Восток – прежде всего, огромный блок примыкающих к древнему Китаю цивилизаций и культур. Разлом между этими мирами видится ему в том, что идеологии истинного Востока кардинально и принципиально отличаются от западных, авраамических; не менее ярко различаются и материальные признаки отражения обоих миров. Своеобразным “мостом”, соединяющим Запад и Восток, предстает в трудах Е.Н. Черных Степной пояс Евразии – домен кочевых (мобильных) скотоводов. Хотя мир степняков явно враждебен как Западу, так и Востоку, он волей-неволей, как показал исследователь, нес на себе эти связующие функции. Своеобразным “пограничным столбом” между Западом и Востоком, исходя из геоэкологических признаков, являлись, по мнению ученого, так называемые Джунгарские ворота – прогиб (геосинклиналь) между горными системами Тянь-Шаня и Алтая. Через эти ворота обязательно прорывались все волны завоеваний и продвижений культур с востока на запад и наоборот, начиная с бронзового века.

В связи с пересмотром парадигмы евразийской археологии роль культур Степного пояса и их взаимодействие с цивилизациями Запада и Востока стали главным лейтмотивом трудов Е.Н. Черных последнего десятилетия. В рамках РФФИ им был инициирован большой проект “Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования” при участии основных научных коллективов страны и ведущих археологов и специалистов из смежных дисциплин. Итоги работы над проектом были подведены на Всероссийской научной конференции, состоявшейся в ИА РАН в декабре 2012 г. В декабре 2015 г. завершился новый аналогичный проект. Его обсуждение вновь прошло в ИА РАН.

Погружение в изучение археологических культур Степного пояса и кочевого мира Евразии в целом повернулось неожиданной гранью. Именно Е.Н. Черных выпала честь представить читателю каталог выставки “Кочевник. Между небом и землей. Шедевры древних культур степей Евразии из собрания Исторического музея и произведения скульптора Даши Намдакова” (Черных, 2014а). Организаторы выставки нашли очень верный ход: идеи ученого позволили им концептуально соединить творения выдающегося российского скульптора и уникальные археологические материалы.

Говоря о трех основных исследовательских проектах, было бы несправедливо умолчать о ряде ра-

бот, написанных Е.Н. Черных за это десятилетие, что называется, на злобу дня или как продолжение его давних интересов. Среди первых отмечу, в частности, его участие в дискуссии “Наука и псевдонаука” (Черных, 2013б), проведенной журналом “Антропологический форум”. Среди давних тем ученого, еще со времени написания научно-популярной книги “Металл. Человек. Время”, – тема о первом металле человечества. К ее обзору он обращается по мере появления новых материалов, меняющих прежние взгляды. В 2006 г. Евгений Николаевич стал одним из победителей конкурса РФФИ на лучшую научно-популярную статью. Прологом к ее написанию было знакомство в Мадриде с уникальным собранием золотых предметов доколумбовых цивилизаций Южной и Центральной Америки и путешествие в Чили. Так возникла и была реализована идея сопоставления эпохальных путей развития древнейшей металлургии в Старом и Новом Свете (Черных, 2007б; 2008б). Изучение металла Хвалыньских могильников позволило наметить в энеолите дальний трансевропейский путь поступления балканской меди к скотоводам юга Восточной Европы (Черных, 2010). В эти годы продолжалась работа над базами данных, в частности, Циркумпонтийской металлургической провинции. Возобновление аналитических исследований цветного металла потребовало адаптации методики рентгено-флуоресцентного анализа (Черных, Луньков, 2009). Пятидесятилетний юбилей создания в ИА РАН лаборатории естественно-научных методов дал повод оглядеть пройденный коллективом путь, проанализировать успехи, равно как и проблемы, и наметить пути к их решению (Черных, 2009б).

В этом перечислении лишь малая толика направлений научных поисков и результатов исследований юбиляра. Имя ученому, и это общепризнано, создают его труды. Но еще более важно: востребованы и интересны ли они археологическому сообществу. Ведь не редкость, когда за какофонией публикаций нет мыслей и живых идей. К работам Евгения Николаевича всегда было иное отношение: любые его новые книги и статьи, включая научно-популярные, ожидаемы и служат предметом обсуждения и дискуссий. С таким же пристальным вниманием встречаются его доклады на научных конференциях в России и за ее пределами, лекции для аспирантов и молодых сотрудников института, уникальные фоторепортажи о древностях, ландшафтах, людях, путях-дорогах из уникальных мест, где ему посчастливилось побывать.

В эти годы пришло признание академического сообщества: Е.Н. Черных стал членом-корреспондентом РАН. Но академическая тога только отте-

нила тот непреложный факт, что в неофициальной табели о рангах “кто есть кто в российской археологии” ученый по праву считается одной из фигур первого ряда.

Жизнь в науке каждого из нас сродни длинному или короткому пути – кому что суждено. И как на любой дороге, в науке все имеет свое значение: бодро ли ты шагаешь, чем наполнена твоя сума, хороши ли твои попутчики. У Е.Н. Черных за плечами немалый путь в науке, он по-прежнему полон сил и энергии, не утратил любопытства к непознанному. Его сума – опыт и знания – служит в дороге не только ему. Ученый щедро делится ее содержимым с коллегами и учениками. Среди его попутчиков нет случайных людей, и это важно в долгой дороге жизни и, конечно, в науке. Все мы, кто рядом с ним, желаем Евгению Николаевичу только одного: чтобы он как можно дольше в добром здравии и без усталости шел по этому пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузьминых С.В. Из “медного Кронида поколения...”: К юбилею Е.Н. Черных // РА. 2005. № 4. С. 61–69.
- Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост., ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005 (Каргалы; Т. IV). 240 с.
- Черных Е.Н. Эпоха раннего металла и евразийское ядро культур // Труды Отделения историко-филологических наук РАН: 2005 год. М.: Наука, 2005. С. 151–164.
- Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаических горняков и металлургов). М.: Языки славянской культуры, 2007а (Каргалы; Т. V). 200 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия в Старом и Новом Свете: феномен и парадоксы развития // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2006 г. / Ред. В.И. Конов. М.: Октопус, 2007б. С. 427–437.
- Черных Е.Н. Формирование евразийского “степного пояса” скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. 2008а. № 3 (35). С. 36–53.
- Черных Е.Н. Древнейший металл в Старом и Новом Свете. Первый металл человечества // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 5. М.: Собрание; Наука, 2008б. С. 59–69.
- Черных Е.Н. Евразийский “степной пояс”: у истоков формирования // Природа. 2008в. № 3. С. 34–43.
- Черных Е.Н. Каргалинский горно-металлургический центр на границе Европы и Азии: феномен и парадоксы развития // Археоло-

- логические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Ред. Н.А. Макаров. М.: Институт археологии РАН, 2009а. С. 129–140.
- Черных Е.Н. Лаборатории естественнонаучных методов 50 лет // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Таус, 2009б. С. 6–25.
- Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009в. 624 с.
- Черных Е.Н. Медь из Хвалынских могильников и ее параллели (по данным спектроаналитических исследований) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Ред. С.А. Агапов. Самара: ИЭКА, 2010. С. 219–233.
- Черных Е.Н. Радиоуглеродная хронология древних поселений: специфика подхода и оценок // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Таус, 2011а. С. 8–23.
- Черных Е.Н. Парадигма археологии сквозь призму естественнонаучных методов // Вестник Российской академии наук. Т. 81. № 1. 2011б. С. 43–55.
- Черных Е.Н. Структура Евразийского мира на фоне геоэкологии после открытия металлов: Север–Юг // Природа. 2011в. № 7. С. 3–13.
- Черных Е.Н. Структура Евразийского мира на фоне геоэкологии после открытия металлов: Запад–Восток // Природа. 2011г. № 8. С. 43–54.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции на фоне геоэкологических ареалов Евразии в эпоху раннего металла (V–I тыс. до н.э.) // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: Материалы Всероссийской науч. конф. / Ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2012. С. 122–127.
- Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1, 2. М.: Языки славянской культуры, 2013а. 368 с., 429 с.
- Черных Е. Форум: наука и псевдонаука (участие в дискуссии) // Антропологический форум. 2013б. № 18. С. 113–118.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии // Кочевник. Между небом и землей. Шедевры древних культур степей Евразии из собрания Исторического музея и произведения скульптора Даши Намдакова. М.: Государственный Исторический музей, 2014а. С. 13–25.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии: структура и динамика развития // Природа. 2014б. № 9. С. 48–59.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии: кочевники Запада на заре эпохи металлов // Природа. 2015а. № 1. С. 28–41.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии: кочевники Запада в конце бронзового века // Природа. 2015б. № 2. С. 43–55.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии: феномен скифского мира в эпоху железа // Природа. 2015в. № 3. С. 55–68.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии: тысячелетие кочевников Востока // Природа. 2015г. № 4. С. 44–57.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской металлургической провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Таус, 2011. С. 24–62.
- Черных Е.Н., Луньков В.Ю. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Таус, 2009. С. 78–83.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сборник к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.: Таус, 2008. С. 259–275.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Ред. С.А. Агапов. Самара: ИЭКА, 2010. С. 121–132.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Таус, 2011. С. 63–78.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. О базе данных календарной радиоуглеродной хронологии “дописьменной” эпохи культур Западной Евразии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Таус, 2013. С. 8–14.

“A NODULE FROM THE COPPER MOUNTAIN”: TOWARD THE 80th ANNIVERSARY OF E.N. CHERNYKH

S.V. Kuzminykh

Institute of Archaeology RAS, Moscow (kuzminykhsv@yandex.ru)

The article presents a brief outline of the scientific activity of the known Russian archaeologist Prof. E.N. Chernykh. In December, 2015 he celebrated his 80th anniversary. In recent decades he was mostly engaged in three significant projects. The first one is related with multidisciplinary processing of the archaeological sources excavated by the Kargaly expedition, including their preparation for the comprehensive publication. The series “Kargaly” has been published in five volumes. The second project is focused on radiocarbon chronology of archaeological cultures of the Early metal period in North Eurasia. The third one is formulated as the paradigm of archaeology in the light of natural-scientific research methods.

Key words: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of natural-scientific methods in archaeology, history of early metallurgy, radiocarbon chronology, nomads' cultures, megastructure of Eurasian world.

REFERENCES

- Chernykh E.N., 2005. Epokha rannego metalla i evraziyskoe yadro kul'tur [Early Metal Age and the main core of Eurasian cultures]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy akademii nauk: 2005 god* [Proceedings of the Historico-Philological Department of the Russian Academy of Sciences: 2005]. Moscow: Nauka, pp. 151–164.
- Chernykh E.N., 2007a. Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiya: (Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsiy. Potaennaya (sakral'naya) zhizn' arkhaischeskikh gornyakov i metallurgov) [Kargaly: the phenomenon and paradoxes of development: (Kargaly in the system of metallurgical provinces. Hidden (sacral) life of archaic miners and metalworkers)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 200 p. (Kargaly, V).
- Chernykh E.N., 2007b. Drevneyshaya metallurgiya v Starom i Novom Svete: fenomen i paradoksy razvitiya [The earliest metallurgy of the Old and the New World: the phenomenon and paradoxes of development]. *Sbornik nauchno-populyarnykh statey – pobediteley konkursa RFFI 2006 g.* [Collection of popular articles – winners of RFFI competition, 2006]. V.I. Konov, ed. Moscow: Oktopus, pp. 427–437.
- Chernykh E.N., 2008a. Formirovanie evraziyskogo “stepnogo poyasa” skotovodcheskikh kul'tur: vzglyad skvoz' prizmu arkheometallurgii i radiouglerodnoy khronologii [The formation of the Eurasian “steppe belt” of cattle-breeding cultures: view through archaeometallurgy and radiocarbon chronology]. *AEAE*, 3(35), pp. 36–53.
- Chernykh E.N., 2008b. Drevneyshiy metall v Starom i Novom Svete. Pervyy metal chelovechestva [The earliest metal in the Old and the New World. The first metal of mankind]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Bulletin of history, literature, arts], 5. Moscow: Sobranie; Nauka, pp. 59–69.
- Chernykh E.N., 2008c. Evraziyskiy “stepnoy poyas”: u istokov formirovaniya [Eurasian “steppe belt”: origins of formation]. *Priroda* [Nature], 3, pp. 34–43.
- Chernykh E.N., 2009a. Kargalinskiy gorno-metallurgicheskii tsentr na granitse Evropy i Azii: fenomen i paradoksy razvitiya [The Kargaly mining and metallurgical centre on the border of Europe and Asia: the phenomenon and paradoxes of development]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya* [Archaeological discoveries 1991–2004. European Russia.]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 129–140.
- Chernykh E.N., 2009b. Laboratorii estestvennonauchnykh metodov 50 let [50th anniversary of the Laboratory of natural-scientific methods]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical researches of the Laboratory of natural-scientific methods], 1. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 6–25.
- Chernykh E.N., 2009c. Stepnoy poyas Evrazii: fenomen kochevykh kul'tur [The Eurasian steppe-belt: phenomenon of nomadic cultures]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki drevney Rusi. 624 p.
- Chernykh E.N., 2010. Med' iz Khvalynskikh mogil'nikov i ee paralleli (po dannym spektroanaliticheskikh issledovaniy) [Copper from the Khvalynsk cemeteries and its parallels (based on the data of spectral analysis)]. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov* [Khvalynsk Eneolithic cemeteries and the Khvalynsk Eneolithic culture. Studies of the materials]. S.A. Agapov, ed. Samara: Istoriko-eko-kul'turnaya assotsiatsiya, pp. 219–233.
- Chernykh E.N., 2011a. Radiouglerodnaya khronologiya drevnikh poseleniy: spetsifika podkhoda i otsenok [Radiocarbon chronology of the ancient settlements: specific of approaches and estimations]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical researches of the Laboratory of natural-scientific methods], 2. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 8–23.
- Chernykh E.N., 2011b. Paradigma arkheologii skvoz' prizmu estestvennonauchnykh metodov [Archaeological paradigm in the light of natural-scientific methods]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], vol. 81, no. 1, pp. 43–55.

- Chernykh E.N., 2011c. Struktura Evraziyskogo mira na fone geokologii posle otkrytiya metallov: Sever – Yug [Structure of the Eurasiatic world against the geocological background after the discovery of metal: North – South]. *Priroda [Nature]*, 7, pp. 3–13.
- Chernykh E.N., 2011d. Struktura Evraziyskogo mira na fone geokologii posle otkrytiya metallov: Zapad – Vostok [Structure of the Eurasiatic world against the geocological background after the discovery of metal: West – East]. *Priroda [Nature]*, 8, pp. 43–54.
- Chernykh E.N., 2012. Metallurgicheskie provintsii na fone geokologicheskikh arealov Evrazii v epokhu rannego metalla (V–I tys. do n.e.) [Metallurgical provinces against the background of geocological areas of Eurasia in the Early Metal Age (5th – 1st mill. BC)]. *Megastruktura Evraziyskogo mira: osnovnye etapy formirovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Megastructure of the Eurasiatic world: main stages of formation: Proceedings of all-Russian scientific conference]*. E.N. Chernykh, ed. Moscow: IA RAN, pp. 122–127.
- Chernykh E.N., 2013a. Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziyskogo mira [Nomadic cultures in the megastructure of the Eurasiatic world], 1, 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p., 429 p.
- Chernykh E., 2013b. Forum: nauka i psevdonauka (uchastie v diskussii) [Forum: science and pseudo-science (participation in discussion)]. *Antropologicheskii forum [Anthropological forum]*, 18. St.Petersburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge; Muzey antropologii i etnografii, pp. 113–118.
- Chernykh E.N., 2014a. Kochevoy mir Evrazii [Nomadic world of Eurasia]. *Kochevnik. Mezhdubom i zemley. Shedevry drevnikh kul'tur stepey Evrazii iz sobraniya Istoricheskogo Muzeya i proizvedeniya skulptora Dashi Namdakova [A nomad. Between the Earth and the Sky. Masterpieces of the ancient cultures of Eurasia from the collections of the Historical Museum and works of sculptor Dashi Namdakov]*. Moscow: Gosudarstvennyi Istoricheskiy muzey, pp. 13–25.
- Chernykh E.N., 2014b. Kochevoy mir Evrazii: struktura i dinamika razvitiya [Nomadic world of Eurasia: structure and dynamics of development]. *Priroda [Nature]*, 9, pp. 48–59.
- Chernykh E.N., 2015a. Kochevoy mir Evrazii: nomady Zapada na zare epokhi metallov [Nomadic world of Eurasia: nomads of the West at the dawn of the Metal Age]. *Priroda [Nature]*, 1, pp. 28–41.
- Chernykh E.N., 2015b. Kochevoy mir Evrazii: nomady Zapada v kontse bronzovogo veka [Nomadic world of Eurasia: nomads of the West at the end of the Bronze Age]. *Priroda [Nature]*, 2, pp. 43–55.
- Chernykh E.N., 2015c. Kochevoy mir Evrazii: fenomen skifskogo mira v epokhu zheleza [Nomadic world of Eurasia: phenomenon of the Scythian world of the Iron Age]. *Priroda [Nature]*, 3, pp. 55–68.
- Chernykh E.N., 2015d. Kochevoy mir Evrazii: tysyacheletie nomadov Vostoka [Nomadic world of Eurasia: millennium of the nomads of the East]. *Priroda [Nature]*, 4, pp. 44–57.
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2011. Metallonosnye kul'tury lesnoy zony vne sistemy Tsirkumpontiskoy metallurgicheskoy provintsii: problemy radiouglerodnoy khronologii IV–III tys. do n.e. [Metallic cultures of the forest zone outside the Circumpontic metallurgical Province: problems of radiocarbon chronology of the 4th – 3rd mill. BC]. *Analitycheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical researches of the Laboratory of natural-scientific methods]*, 2. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 24–62.
- Chernykh E.N., Lun'kov V.Yu., 2009. Metodika rentgeno-fluorestscentnogo analiza medi i bronz v laboratorii Instituta arkheologii [Method of the X-ray-fluorescent analysis of copper and bronze in the Laboratory of the Institute of Archaeology]. *Analitycheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical researches of the Laboratory of natural-scientific methods]*, 1. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 78–83.
- Chernykh E.N., Orlovskaya L.B., 2008. Fenomen maykopskoy obshchnosti i ee radiouglerodnaya khronologiya [Phenomenon of the Maikop community and its radiocarbon chronology]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk, professora R.M. Munchaeva [Archaeology of the Caucasus and the Near East: Collection of papers toward the 80th anniversary of corresponding member of RAS Prof. R.M. Munchaev]*. Moscow: Taus, pp. 259–275.
- Chernykh E.N., Orlovskaya L.B., 2010. Radiouglerodnaya khronologiya Khvalynskikh nekropoley [Radiocarbon chronology of Khvalynsk necropolises]. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov [Khvalynsk Eneolithic cemeteries and the Khvalynsk Eneolithic culture. Studies of the materials]*. S.A. Agapov, ed. Samara: Istoriko-ekokul'turnaya assotsiatsiya, pp. 121–132.
- Chernykh E.N., Orlovskaya L.B., 2011. Keramika i radiouglerodnoe datirovanie v ramkakh yamnoy arkheologicheskoy obshchnosti: problemy interpretatsii [Ceramics and radiocarbon datings in the frames of Pit-grave archaeological community: problems of interpretations]. *Analitycheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical researches of the Laboratory of natural-scientific methods]*, 2. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 63–78.
- Chernykh E.N., Orlovskaya L.B., 2013. O baze dannykh kalendarnoy radiouglerodnoy khronologii “dopis'mennoy” epokhi kul'tur Zapadnoy Evrazii [On the database of calendar radiocarbon chronology of the “pre-literate” age of the cultures of Western Eurasia]. *Analitycheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical researches of the Laboratory of natural-scientific methods]*, 3. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: Taus, pp. 8–14.
- Kuz'minykh S.V., 2005. Iz “mednogo Kronida pokolen'ya...”: K yubileyu E.N. Chernykh [From the “generation of copper Cronides”: to E. N. Chernykh's jubilee]. *RA*, 4, pp. 61–69.
- Nekropoli..., 2005. Nekropoli na Kargalakh. Naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya [Kargaly's necropolises. Population of Kargaly: palaeoanthropological studies]. E.N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazykislavyanskoykul'tury. 240 p. (Kargaly, IV).

В.П. БИРЮКОВ И АРХЕОЛОГИЯ УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ

© 2016 г. Н.Б. Виноградов

Челябинский государственный педагогический университет (vinogradovnb@cspu.ru)

В работе представлены сведения, касающиеся Владимира Павловича Бирюкова (1888–1971) – известного фольклориста, создателя Шадринского научного хранилища (позднее – Шадринского городского краеведческого музея), в первой половине XX в. принимавшего активное участие в археологическом изучении Урала и Зауралья.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Шадринск, Челябинск, В.П. Бирюков, история археологии, памятники археологии.

Талант человека всегда многогранен. Это утверждение справедливо, когда мы говорим о Владимире Павловиче Бирюкове (1888–1971) – известном фольклористе, создателе Шадринского научного хранилища (позднее – Шадринского городского краеведческого музея) (Владимир Павлович Бирюков..., 2009). Менее известны его археологические изыскания. Автор знаком лишь с одной небольшой статьей, посвященной археологической деятельности В.П. Бирюкова (Шилов, 1994. С. 24–27), между тем на протяжении нескольких десятилетий Владимир Павлович был активным участником археологического изучения Урала и Зауралья.

Самые ранние свидетельства его археологических изысканий относятся к 1909 г. (Шилов, 1994. С. 25), когда Владимир Павлович с родственниками исследовал курган на территории г. Далматово. Существуют достаточно невинные свидетельства раскопок В.П. Бирюковым в 1909 г. кургана у с. Широковского (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19. Л. 23об.), в окрестностях которого еще в 1886 г. крестьянином В.П. Широковым была найдена “серебряная вещь, похожая на ведро”. Сам же Владимир Павлович в докладе о личной археологической деятельности, сделанном на Первом Уральском археологическом совещании в Перми в 1948 г., указывал, что “увлечение сбором краеведческих коллекций” началось у него в 1895 г., т.е. практически в детстве, а начало систематического собирания археологических материалов, как подъемных, так и из раскопок, – в 1910 (Бирюков, 1948. С. 77). В 1911 г. В.П. Бирюков, студентом, обследовал стоянку на песчаных дюнах “Татарский Бор” близ с. Бакланского на правом берегу р. Миасс (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19. Л. 89, 90об.).

Сведения о памятниках, открытых и раскопанных при участии В.П. Бирюкова, отрывочны. В 1913 г. он раскопал три кургана в с. Долговском, оказавшихся, к сожалению, ограбленными (Бирюков, 1948. С. 79; ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 22. Л. 276об.). Более всего известен в этом смысле Бакланский могильник, расположенный на левом берегу р. Миасс между с. Долговское и Бакланское, в пределах нынешнего Каргапольского р-она Курганской обл., открытый В.П. Бирюковым в 1913 г. Этот размывающийся водами реки могильник получил известность благодаря исследованию в 1914 г. В.Я. Толмачева и В.П. Бирюкова (Бирюков, 1948. С. 79). Вот как описывает это сам Владимир Павлович в известной книге “Записки уральского краеведа”: “В начале июля (1914 г. – Н.В.) В.Я. Толмачев прибыл в мое родное село Першино, где тщательно описал археологические коллекции, собранные мною в основном мною же краеведческом музее. Вместе мы отправились в пределы Бакланской волости (теперь Каргапольский район Курганской же области), где весной 1913 года я открыл детский могильник андроновской культуры. Здесь мы вскрыли одно детское бескурганное погребение и один небольшой курган, оказавшийся пустым” (1964. С. 109, 110).

В отчете В.Я. Толмачева об этих раскопках (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 351. Л. 38) указано, что в результате обрушения берегового обрыва обнажились не менее 35 детских погребений. Подробно описаны сохранившиеся остатки деревянных погребальных камер, расположение и состав предметов погребального инвентаря. Могильник отнесен к андроновскому времени, как и писал В.П. Бирюков (1948. С. 79).

В архиве В.Я. Толмачева имеется ответ знаменитого русского археолога В.А. Городцова, датированный 1915 г., на письмо В.Я. Толмачева по поводу Бакланского могильника, в котором В.А. Городцов отмечает близость керамики могильника срубным древностям бронзового века Поволжья (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 22. Л. 91).

География археологических памятников, открытых и обследованных В.П. Бирюковым, обширна. В современном Курганском Зауралье в период с 1910 по 1930 г. он исследовал берега р. Исеть и ее притоков, Миасса, Течи, Барневы, водораздельные озера (Бирюков, 1948. С. 78). В начале 1950-х годов Владимир Павлович провел разведочное археологическое обследование в Щучанском р-оне Курганской обл. (Фонды ЧГКМ. Оп. 4. Ед. хр. 180). В конце 1940-х – начале 1950-х годов – на территории современной Челябинской обл., исследовав археологические памятники по р. Ай и Большая Сатка в современных Кусинском и Саткинском р-нах по р. Караболка на севере Челябинской обл. (Фонды ЧГКМ. Оп. 4. Ед. хр. 195; 206). В качестве начальника разведочного отряда Южно-Уральской археологической экспедиции прошел по берегу р. Миасс от Челябинска до оз. Тургой (Фонды ЧГКМ. Оп. 4. Ед. хр. 177). В докладе, сделанном на Первом Уральском археологическом совещании, Владимир Павлович кратко упомянул о ряде древних памятников, обследованных на территории как Челябинской, так и Курганской обл. (1948. С. 77–79), в частности, о городище на р. Багаряк напротив с. Зотино, о кремневых орудиях из разрушенной стоянки каменного века на оз. Огневском и некоторых других, а также о путешествии 1937 г. в известную Усть-Катавскую костеносную пещеру, которую тогда исследовал С.Н. Бибииков. Коллекция костных остатков плейстоценовой фауны, собранная в этой пещере, была передана В.П. Бирюковым в Челябинский областной краеведческий музей и Шадринское научное хранилище.

Для нас очень ценны строки из воспоминаний недавно ушедшего из жизни В.С. Стоколоса, в те времена только что перешедшего на второй курс исторического факультета Уральского государственного университета, которого вместе с другим однокурсником преподаватель К.В. Сальников летом 1949 г. направил в разведку по маршрутам В.Я. Толмачева вместе с В.П. Бирюковым. Вот что пишет В.С. Стоколос о В.П. Бирюкове: «Припоминается седой сухощавый поджарый и очень подвижный и, как мне тогда казалось, глубокий старик, впоследствии оказавшийся Влади-

миром Павловичем Бирюковым. ...Немного поездом, а затем пешком в район обследования по р. Караболке. Владимир Павлович нас постоянно торопит. “Да мы и так идем”, – в ответ. Нам 19, ему...много. Нам он представляется выходцем из XIX в. Потрепанная косоворотка, густая копна седых растрепанных волос, невероятная худоба. Народник какой-то, вразумляющий нерасторопных деревенских.

“П-Поторапливайтесь”, – волнуется Владимир Павлович; заикание его заметно усиливается. Ворчим, подтягиваемся, гремя и подкидывая на плечах скудную походную амуницию. Заходим в деревню, направляемся к школьному строению, директор отводит нам какое-то помещение без замка. Начальник пытается найти замок, но безуспешно. Уходим в маршрут, оставив имущество просто так. Никому оно не нужно. Жара. Бирюков, махнув на нас, нашу медлительность, оставляет помощников на берегу речки – это Караболка, а сам мгновенно скрывается в прибрежных кустах, затем выныривает где-то уж на том берегу реки.

Владимир Павлович накануне запаса “бумажкой” из сельсовета, разрешающей продать для экспедиции такое-то количество хлеба в магазине деревни, где мы базируемся. Хотя карточки на хлеб отменены еще в 47-м, но и в 49-м с этим продуктом на селе было не просто. Едим налимью уху по второй порции. У начальника солдатский котелок, из которого он черпает содержимое деревянной щербатой ложкой... В следующий из дней мы посетили святилище за деревней в лесу – большой камень с двумя узкими короткими впадинками в виде следов детской ноги. Потом еще камень со специфическими деталями. Сюда, как пояснял Владимир Павлович, ходят женщины из окрестных сел лечиться от бесплодия. Еще несколько дней прошли в обычном режиме. “Идите быстрее”, – это Владимир Павлович. “Да мы и так идем”, – это мы. Вечером, сидя примостившись к стенке какого-то строения, Владимир Павлович что-то быстро пишет в большой блокнот, макая перо в пузырек с чернилами на шнурке. Кроме данных по следам открытий Толмачева, заносятся туда и разнообразные сведения по истории и этнографии, добытые им попутно из бесед с местными жителями. Местный народ уважительно относится к дотошному начальнику экспедиции.

И последняя встреча. В 1962 г., когда срочно, мгновенно потребовались сведения о наличии археологических памятников в зоне затопления проектируемого Шершневого водохранилища,

Бирюков нас (меня) выручил. Обследовать зону затопления в пожарном темпе – абсурдно. Помогли данные из отчетов Бирюкова начала 1950-х годов, драгоценные планы памятников, выполненные его руками, да и его неутомимыми ногами. Выходит, старик Бирюков не зря так спешил и в том 49-м, словно предчувствуя практическую пользу, крайнюю необходимость своей неумной поспешности. Планы курганных могильников Черняки I и II в зоне Шершневской стройки, составленные Бирюковым по заданию Челябинского музея, пришлось как нельзя кстати. Тем более что в год начала новостроечных работ (1962) большая часть могильника Черняки II оказалась распаханной без малейших признаков бывших здесь, на этом месте, древних курганов, и мы смело перевернули часть пашни и получили хорошие результаты» (2005. С. 147–149)¹.

В конце 1950-х годов В.П. Бирюков оказался причастен и к открытию Бабарыкинской дюны под Шадринском, где трудами К.В. Сальникова была выделена боборыкинская культура. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Владимира Павловича Константину Владимировичу от 24 октября 1957 г., переданное мне В.С. Стоколомом. В нем В.П. Бирюков сообщает: «Второго октября ездил с ребятами 9-й школы – членами географического кружка (руководит жена директора нашего пединститута) – на место Ваших раскопок в Бабарыкину, где набрал много черепков и у одного мальчика взял череп человека. Его вместе с другими костями скелета мальчик нашел на береговом раскопе, чуть удалившись от раскопанного Вами места. Шлю фотографии этого черепа (он уже валялся под крыльцом избы) и черепков, найденных на пашне между “ямами” и глаголеобразной канавой раскопок. Черепки я перенумеровал на прилагаемой фотографии и на том экземпляре ее, что оставил у себя. Если найдете время, не откажите, ссылаясь на номера предметов, сказать, к какой культуре относится тот или иной черепок. Я подозреваю, что есть и из Бакальской культуры. И что скажете о черепе?... Ваш Вл. Бирюков».

В фондах Челябинского государственного краеведческого музея нашлось несколько отчетов о проведенных В.П. Бирюковым археологических разведках в Саткинском и Кусинском р-нах, по р. Миасс от Челябинска до Тургояка, в Щучан-

ском р-оне Курганской обл., а также тот самый дневник в блокноте, который упоминает в своих воспоминаниях В.С. Стоколом (об археологической разведке в тогдашнем Буринском р-оне Челябинской обл. по р. Синара, Багаряк и Караболка) (Фонды ЧГКМ. Оп. 4. Ед. хр. 159). Написанные чернилами от руки, отчеты и дневники производят странное впечатление. Для меня, археолога, сформировавшегося в 1970–1980-е годы, это, скорее, живые рассказы с большой долей бытописания, чем научные документы, своеобразный рассказ о жизни страны в 1940–1950-е годы и ее памятниках. Автор с его многогранными исследовательскими страстями не ограничивается лишь археологией, и от этого рассказы становятся более живыми.

Понятно, что и археологическое образование, и методические подходы Владимира Павловича относятся к другому измерению – ко второй половине XIX в., когда образованные люди Урала, объединившись в Уральское общество любителей естествознания, пытались изучать и спасать древнее прошлое региона. Собственно, и больших опубликованных работ по археологии у В.П. Бирюкова нет. К глубокому сожалению, ни результаты его многочисленных разведочных работ, ни богатейшее археологическое собрание в его детище, Шадринском краеведческом музее, не нашли должного отражения в печати. Пришло время исправить эту несправедливость и опубликовать для всеобщей пользы археологическое наследие Владимира Павловича Бирюкова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюков В.П.* Из личных археологических разведок, произведенных в разных местах Урала и Приуралья с 1910 по 1930 г. // Первое Уральское археологическое совещание: докл. науч. конф. Молотовского ГУ. Вып. 1–4. Молотов, 1948. С. 77–79.
- Бирюков В.П.* Записки уральского краеведа. Челябинск: Ю.-Ур. кн. изд-во, 1964. 144 с.
- Владимир Павлович Бирюков и его научное хранилище / Авт.-сост. Е.В. Беспкойная. Курган: Изд-во “Отклик”, 2009. 20 с.
- Стоколом В.С.* Мои “старик” // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. № 3. Челябинск: ЧГПУ, 2005. С. 141–155.
- Шилов С.Н.* Вклад В.П. Бирюкова в археологическое изучение Зауралья // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сб. Вып. 7. Курган: ПО “Исеть”, 1994. С. 24–27.

¹ Автор просит извинения за пространную цитату, но статья опубликована в малодоступном сборнике и вряд ли станет достоянием широкой научной общественности.

V.P. BIRIUKOV AND THE ARCHAEOLOGY OF URAL AND TRANS-URALS

Nikolai B. Vinogradov

*Chelyabinsk State Pedagogical University
(vinogradovnb@cspu.ru)*

The paper contains the information concerning Vladimir Pavlovich Biriukov (1888–1971), famous folklore specialist, founder of Shadrinsk scientific Archive (later, Shadrinsk Town Museum of Local Love), in the first half of the 20th century who took an active part in the archaeological studies of Ural and Trans-Urals.

Key words: Southern Trans-Urals, Shadrinsk, Chelyabinsk, V.P. Biriukov, history of archaeology, sites of archaeology.

REFERENCES

- Biryukov V.P.*, 1948. Iz lichnykh arkhеologicheskikh razvedok, proizvedennykh v raznykh mestakh Urala i Priural'ya s 1910 po 1930 g. [From the personal archaeological reconnaissance made in different places of Ural and Cis-Urals from 1910 till 1930]. *Pervoe Ural'skoe arkhеologicheskoe soveshchanie: doklady nauchnoy konferentsii Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta* [First Ural Archaeological Meeting: reports of the scientific conference of Molotov State University], 1–4. Molotov. P. 77–79.
- Biryukov V.P.*, 1964. Zapiski ural'skogo kraevedy [Notes of the Ural local historian]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 144 p.
- Shilov S.N.*, 1994. Vklad V.P. Biryukova v arkhеologicheskoe izucheniye Zaural'ya [The contribution of V.P. Biriukov into archaeological studies of Trans-Urals]. *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee: kraevedcheskiy sbornik* [The Land of Kurgan: past and present: regional collection], 7. Kurgan: PO "Iset". P. 24–27.
- Stokolos V.S.*, 2005. Moi "stariki" [My "old folks"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki* [Vestnik of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical Sciences], 3. Chelyabinsk. P. 141–155.
- Vladimir Pavlovich Biryukov..., 2009. Vladimir Pavlovich Biryukov i ego nauchnoe khranilishche [Vladimir Pavlovich Biriukov and his scientific archives]. E.V. Bespokoynaya, comp. Kurgan: Izdatel'stvo "Otklik". 20 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**IL Y A 50 ANS ... LA DÉCOUVERTE D'AÏ KHANOU: 1964–1978,
FOUILLES DE LA DÉLÉGATION ARCHÉOLOGIQUE FRANÇAISE
EN AFGHANISTAN (DAFA) / H.-P. Francfort, F. Grenet, G. Lecuyot. Paris:
De Boccard, 2014. 117 p.**

Рецензируемый сборник посвящен, пожалуй, самому яркому (после пионерских работ Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова) открытию в археологии Центральной Азии – исследованию большого подлинно греческого города, находящегося на самой восточной окраине эллинистического мира, – Ай Ханум. Среди его составителей – как “ветераны” – участники раскопок памятника, так и молодые исследователи, работающие, главным образом, на основе отчетов экспедиции, – А.-П. Франкфорт, Ф. Грене, Г. Лекуюю, Б. Лионне, Л. Мартинез Сев и К. Рапэн.

Сборник посвящен выдающемуся ученому, директору Французской археологической делегации в Афганистане / *Délégation archéologique française en Afghanistan (ДАФА/DAFA)* в годы раскопок Ай Ханум – П. Бернару; его главная цель – напомнить о значении данного открытия и воздать должное участникам проекта, столь много давшего науке.

Краткое Введение (“Между Францией и Афганистаном”) описывает события, приведшие к созданию ДАФА и других французских научных и образовательных учреждений в Кабуле, подчеркивая постоянное стремление его руководителей, начиная с основателя – А. Фуше, к открытию памятников именно эллинистической эпохи, что, однако, первоначально не удавалось, породив известное выражение А. Фуше о “бактрийском миреже”.

Первая глава носит название “Памятник” (поскольку авторство ее не указано, будем считать, что она выражает мнение всех составителей сборника). В начале ее представлена традиционная картина открытия памятника¹ и приведены самое общее описание городища, указания на характер связей города с окружающей территорией, как ближайшей, бывшей, по всей видимости, хорошей, так и более отдаленной. Раскопки начались в 1964 г. и руководил ими в первый сезон Д. Шлюмберже, а весь последующий период – с 1965 по 1978 г. – П. Бернар. Масштабные работы на городище потребовали участия большого числа исследователей (как французов, так и иностранцев)², а сезон раскопок обычно продолжался три месяца (весной или осенью). Приводится очень краткое описание результатов раскопок, при этом отмечается, что они охватывали не только, собственно, город, но и его непосредственные окрестности, где были выявлены храм, остатки большой виллы, некрополь. По результатам исследований можно утверждать, что город просуществовал примерно полтора столетия и погиб вскоре после середины II в. до н.э. в результате кочевнического завоевания. В своей последней фазе существования Ай Ханум подвергся грандиозной реконструкции.

Дата его основания неясна: от времени Александра Македонского до эпохи ранних Селевкидов (Селевка I и Антиоха I) – по данным разных исследователей. Авторы сборника предпочитают последнюю датировку. Вопрос о названии города также не может считаться решенным, несмотря на целый ряд предположений³. Местоположение Ай Ханум имело важное стратегическое значение; результатом этого было использование Верхнего города уже в ахеменидское время, существование цитадели продолжалось вплоть до I в. н.э. и позднее, а затем – в эпоху Саманидов и, после достаточно долгого перерыва, – во время Тимуридов.

Следующая глава – “Археологические открытия” – самая большая в книге, начинается с нового, более детального описания города. Подчеркивается, что в отличие от многих других эллинистических городов Ай Ханум не строился по системе Гипподама. Отмечаются особенности взаимодействия греческих и восточных архитектурных традиций, описываются строительные материалы и строительные приемы, использовавшиеся при возведении его зданий. Особо отмечено, что характер города, открывающийся перед нами благодаря раскопкам, отражает его состояние на период около 145 г. до н.э.

Основная часть главы состоит из нескольких разделов, написанных разными авторами. Первый, посвященный фортификации Ай Ханум, написан Г. Лекуюю. (Понятно, что основой всех описаний укреплений является монография П. Лериша: Leriche, 1986.) Основное внимание, естественно, уделяется тем укреплениям, которые были расположены на равнине (все остальные опирались на естественные препятствия). Здесь, на пространстве от Верхнего города до р. Пяндж, была создана мощная стена с 18 башнями, 2 из которых охраняли ворота – вход в город. Далее достаточно подробно описывается характер всех укреплений. Указывается, что около северо-восточного окончания стены в город входил канал, являвшийся главным источником воды. В этом же разделе дано описание бассейна, чисто греческого по устройству и функциям, часть декора которого сохранилась.

Автор описывает также и стены вдоль берегов обеих рек. Стена вдоль р. Пяндж имеет тот же характер, что и предшествующая, но много меньше по размерам. Стена вдоль р. Кокча почти полностью смыта, заметны только остатки двух башен, оформлявших вход в город и начало главной улицы. Хотя наличие укреплений Верхнего города не вызывает сомнений, они изучены недостаточно. Г. Лекуюю отмечает в их устройстве некоторые элементы, напоминающие ахеменидские конструкции. Цитадель также была отделена стеной от остальной территории Верхнего города. Вход в нее фланкировался двумя башнями, находка возле которых двух коринфских колонн

¹ Можно сделать лишь одно дополнение: обычно указывается, что ранее только один европеец – англичанин Дж. Вуд – побывал здесь, однако недавно удалось выяснить, что памятник посещал и сотрудник ДАФА Ж. Барту (см. Tarzi, 1996. P. 595–609).

² Отметим, что в течение двух сезонов в раскопках Ай Ханум принимали участие советские археологи Р.М. Мунчаев, Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, Б.А. Литвинский.

³ Отметим только, что согласно гипотезе К. Рапэна, в качестве одного из аргументов используется предположение о том, что р. Пяндж в древности имела название Ох. Нам представляется доказанным отождествление Оха с Келифским Узбоём (Кошеленко, Гаилов, 2006. С. 18–23; Ртвеладзе, 2012).

позволяет думать об эллинистической эпохе как о времени создания цитадели.

Завершает раздел описание участка некрополя, располагавшегося у подножия стен Верхнего города, где был раскопан небольшой мавзолей с двумя типами погребений. Особое внимание уделено тому обстоятельству, что на сосудах, в которые складывались кости умерших, писались их имена.

Второй большой раздел в рамках главы носит название “Дворцовый ансамбль” и написан Г. Лекюйо в соавторстве с К. Рапэном, за исключением последней части – “Дорический двор и сокровищница”, написанной одним К. Рапэном. Здесь дается описание больших пропилей, ведущих от главной улицы к дворцу. Главной частью их можно считать, по-видимому, двойную колоннаду по четыре колонны с аттическими базами и псевдо-коринфскими капителями.

Особое внимание уделено героону Киней, расположенному в самом центре Ай Ханум. Характер здания подтверждается надписями, найденными здесь же во время раскопок. Собственно, здание, созданное для погребения Киней, и надписи – самые древние части города. В тексте надписи упоминается Клеарх как человек, скопировавший в Дельфах *максимы* и принесший их сюда. Ранее считалось, что данный Клеарх – Клеарх из Сол – прямой ученик Аристотеля. Сейчас это мнение оспаривается. Киней, несомненно, основал город по поручению Селевкидов.

Несколько севернее находится мавзолей, в котором были похоронены два человека, явно сыгравших важную роль в истории города. Он полностью разграблен.

Центральную часть Нижнего города занимает дворцовый комплекс, который авторы описывают достаточно подробно. Подчеркивается монументальность сооружения, соединение в пределах одного здания двух функций – административной и жилой (для царской семьи). Доказательством этому служат наличие помещений для омовений (с мозаичными полами).

К западу от дворцового комплекса расположен большой двор с дорической колоннадой по периметру и сокровищница, функции которой определяются находками, сделанными при ее раскопках.

Сокровищница имела центральный двор и 21 помещение, предназначенное для хранения разных ценностей. Кроме того, в некоторых помещениях располагались царские мастерские. Она дважды подвергалась разграблению: сначала скифами или саями в 144 г. до н.э., затем тохарами или юэчжами в 130 г. до н.э.

Одно из помещений сокровищницы служило библиотекой. Здесь были обнаружены отпечатавшиеся на земле части текстов философских диалогов, написанных на папирусе и пергамене.

В собственно сокровищнице были найдены лишь малые остатки того, что в ней хранилось, например, около 130 кг необработанной ляпис-лазури. Для понимания административной и финансовой структур государства большое значение имеют надписи на сосудах, в которых хранились деньги. Большое количество драгоценных предметов, явно происходящих из Индии, позволяет предполагать, что это военная добыча, полученная в результате походов на индийские территории. Поражает редкость предметов западного происхождения.

Следующий большой раздел главы носит название “Святылища”. Авторами его являются Г. Лекюйо и Л. Мартинез Сев. Естественно, что начинается он с “храма в редунах” (или “храма с уступчатыми нишами”) – одного из древнейших сооружений города. Он был возведен в период правления Антиоха I, позднее перестраивался, но сохранил все основные черты пла-

на – совершенно восточного. Очень трудно решить вопрос о культе, отправлявшемся в нем: авторы предполагают, что его объектом было божество Окса.

Помимо этого храма, к числу культовых сооружений необходимо отнести сакральную платформу в Верхнем городе, предназначенную для проведения религиозных ритуалов под открытым небом, согласно иранским обычаям.

Третьим в этом списке стоит так называемый храм за городскими стенами. К сожалению, нет никаких указаний на характер культа, осуществлявшегося здесь, но в архитектуре сооружения нет ничего греческого.

Следующий раздел, написанный Г. Лекюйо, посвящен результатам раскопок гимнасия, расположенного вблизи р. Пяндж вдоль прибрежных укреплений. Комплекс имеет огромные размеры – 389 × 100 м и состоит из двух частей, из которых северная, имеющая большое число помещений и четыре экседры, явно предназначалась для интеллектуальных занятий. В ходе раскопок была найдена надпись, в которой упоминались Геракл и Гермес – обычные покровители гимнасия в Элладе. Гимнасий представлял собой чрезвычайно важный институт любого греческого полиса – в нем воспитывались будущие граждане.

Этот же автор описывает обнаруженные руины театра – одного из знаковых сооружений греческой культуры. Театр был возведен на склоне холма Верхнего города, а устройство его достаточно типично для театров эллинистической эпохи. Для представления о размерах театра можно сказать, что орхестра имела диаметр 13 м. Театр делился на восемь секторов. Всего насчитывается 6000 сидений, таким образом, на театральные выступления прибывали не только жители, собственно, города, но и окрестностей; конечно, это были только греки.

Результаты раскопок арсенала представлены Ф. Грене, в свое время раскопавшего его. Арсенал также находится на склоне Верхнего города, над главной улицей. В нем зафиксированы находки многих видов оружия, особенно интересны остатки кирасы, сделанной из железных пластин, находящихся одна на другую.

Последний раздел главы, написанный Г. Лекюйо, называется “Жилище”. В нем рассматриваются три объекта: дом в юго-западной части города, резиденция вдоль главной улицы и загородный дом. Все эти дома следуют единой схеме – резиденция делится на две части. Северная представляет собой достаточно большой сад. Вход в жилую часть осуществляется через портик с двумя колоннами. Центром жилой части является большой зал, предназначенный для приемов, с четырех сторон окруженный коридорами. В приватной части обязательно присутствие нескольких, как правило, трех помещений с ваннами. Бесспорно, что этот дом – не греческий по своему генезису, но восточный⁴.

Далее следует глава “Экономическая жизнь и материальная культура” (авторы – А.-П. Франкфор и Б. Лионне). Экономическую базу города, естественно, составляло сельское хозяйство. Начиная с 1974 г. в регионе работала экспедиция под руководством Ж.-К. Гардена, своими разведками охватившая обширную территорию, простиравшуюся от р. Кундуз до подножий Бадахшана. Исследования показали наличие здесь ирригационного земледелия начиная с бронзового века. В эллинистический период происходит расширение ирригационных систем.

Достаточно подробно рассматривается ремесло. Подчеркивается, какие масштабы имело строительство и, соответствен-

⁴ Правда, конкретных памятников, которые могли бы считаться прообразами домов Ай Ханум, авторы не упоминают.

но, связанные с ним отрасли ремесла. Кроме того, необходимо не забывать о десятках других отраслей ремесла, существовавших в городе и засвидетельствованных находками. Отмечается большая роль царских мастерских. Город обладал огромными ресурсами, как сельскохозяйственными, так и минеральными, и, естественно, не создавал никаких проблем ни Селевкидам, ни царям Греко-Бактрии.

К самым распространенным находкам относится керамика. Практически вся она – греческого облика. Впервые керамика появилась здесь не во времена Александра, а в период правления Антиоха I. Следующий импульс ей дала эпоха Антиоха III, когда появились некоторые более рафинированные формы. Импортной керамики практически нет, имеется только несколько родосских амфор, в которых поступало, по-видимому, оливковое масло⁵. Необходимо отметить, что целый ряд типичных греческих сосудов изготавливали вплоть до кушанской эпохи.

Следующая глава носит название “Ай Ханум, город эллинистической Бактрии”, ее автор – Л. Мартинез Сев. Ею отмечено, что Ай Ханум располагался на плодородной равнине, простиравшейся на площади 300 км². Иригационные каналы здесь впервые появились в III тыс. до н.э. К моменту прихода греков на территории города функционировали два магистральных канала, греки построили третий, орошавший самые трудные участки. Вопрос о присутствии здесь персов не решен. Если они и были, то занимали только цитадель. Возможно, и при Александре здесь располагался небольшой воинский пост.

Решение о превращении его в крупный город столичного значения, конечно, принималось правителями государства. В данном случае новые поселенцы были направлены сюда под командованием Киней. В период 285–280 гг. до н.э. в Ай Ханум появился монетный двор. Настоящее свое развитие город получил при Антиохе I. Новый этап в его жизни начался с момента провозглашения Диодотом своей независимости от Селевкидов. Автор считает, что при нем были перестроены святилища, что было необходимо, чтобы пребывать под защитой богов. Дальнейший рост города происходил при Евтидеме I и его сыне Деметрии I, первым из правителей Греко-Бактрии перешедшим Гиндукуш и начавшим завоевания индийских территорий. Город укреплял свое значение и становился центром восточной части государства. Предполагается, что в материальной культуре города появляются ранее не известные элементы. Этому факту предлагается два объяснения. Согласно первому, Антиох III дошел до Ай Ханум и произвел акт переоснования города, добавив туда колонистов из состава своей армии. Согласно второму, новые веяния принесли солдаты из армии Антиоха, не желавшие возвращаться назад и присоединившиеся к жителям города.

Последний период расцвета города падает на период правления царя Евкратиды I. Вполне возможно, что городу было дано имя этого царя – Евкратидея. Город сохранял свой греческий характер, включая самоуправление, но под надзором царских функционеров. Падение Ай Ханум стало в конечном счете результатом убийства Евкратиды, ослабившим Греко-Бактрию перед лицом кочевников. Вместе с тем не следует упрощать картину: часть населения, проживавшая в маленьких домишках на берегу Кокчи, осталась в городе, покинула его только элита. Имеются некоторые свидетельства присутствия кочевников в городе. Но затем город был окончательно оставлен жителями.

⁵ Оливковое масло ценилось очень высоко и сосуды с ним хранились в царской сокровищнице.

Глава “Ай Ханум вчера и сегодня” (автор – Г. Лекуюю) наряду с анализом характера древнего города дает краткую справку о современном состоянии памятника, который в результате грабительской деятельности напоминает “лунный пейзаж”, что не оставляет надежд на возобновление раскопок.

В конце главы представлена маленькая врезка-информация о создании в начале 2000-х годов 3D-фильма, снятого по результатам раскопок Ай Ханум. Завершает книгу подробная библиография. Отметим, что книга снабжена качественными иллюстрациями, в том числе “жанровыми”.

Безусловно, задача, поставленная авторами сборника, выполнена: в краткой форме представлены все основные результаты раскопок замечательного памятника. Можно сделать только несколько малозначительных замечаний.

Прежде всего, заметно отсутствие “железной руки” редактора, едва ли допустившего многочисленные повторы в разных разделах книги.

Раздел, посвященный истории Ай Ханум, содержит слишком много предположений, совершенно не подкрепленных источниками, например, о вторичном основании города Антиохом III или о том, что солдаты его армии оставались в Ай Ханум.

Наконец, с нашей точки зрения, стоило бы в самых острых дискуссионных местах представлять не только точки зрения авторов, но и их критиков. Не упоминая всех подобных мест, нам хотелось бы привести лишь два примера: при обсуждении культа, осуществлявшегося в “храме с уступчатыми нишами”. Как известно, П. Бернар первоначально говорил о синкретическом культе Зевса-Ахурамазды (Bernard, 1968. P. 263–279). Затем Ф. Грене предположил, что главное божество храма – Митра (Grenet, 1991. P. 147–151). Наконец А.-П. Франкфор предлагает на эту роль Кибелу (Francfort, 2013. P. 109–136). Очень к месту было бы упоминание иных точек зрения при описании системы иригации и ее изменений с приходом греков. Для Л. Мартинез Сев – это нечто весьма обыденное, в то время как для Ж.-К. Гардена – это явление “революционного” характера (см. работу Сердитых, Валиев, 1987. С. 281–290, в которой, с нашей точки зрения, дана наиболее объективная оценка трудов миссии Ж.-К. Гардена).

Впрочем, последние замечания – своего рода придирки. Авторы написали очень хорошую, хотя и небольшую, книгу, в которой ярко представили все основные результаты раскопок Ай Ханум.

Данная работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 14–01–00006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кошеленко Г.А., Гаиров В.А. В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 18–23.
- Ртвеладзе Э.В. Великий индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012 (Исторические исследования). 296 с.
- Сердитых З.В., Валиев А. Иригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1975–1979 гг.) // СА. 1987. № 4. С. 281–290.
- Bernard P. Troisième campagne de fouilles à Ai Khanoum en Bactriane // CRAI. 1968. V. 112. № 2. P. 263–279.
- Francfort H.-P. Ai Khanoum “temple with indented niches” and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective:

outline of a hypothesis about the cults // *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*. 2012. 14. P. 109–136.

Grenet F. Mithra au temple principal d'Aï Khanoum? // *Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique: Actes du colloque international du CNRS*. Paris 22–28 novembre 1988 / Eds

Институт археологии РАН, Москва

P. Bernard, F. Grenet. Paris: Éditions du CNRS, 1991 (Sources écrites et documents archéologiques). P. 147–151.

Leriche P. Fouilles d'Aï Khanoum V: Les remparts et les monuments associé. Paris: De Boccard, 1986 (MDAFA; 29). 140 p.

Tarzi Z. Jules Barthoux: le découvreur oublié d'Aï Khanoum // CRAI. 1996. V. 140. № 2. P. 595–611.

Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев

REFERENCES

Bernard P., 1968. Troisième campagne de fouilles à Aï Khanoum en Bactriane. *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. V. 112. № 2. P. 263–279.

Francfort H.-P., 2012. Aï Khanoum “temple with indented niches” and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: outline of a hypothesis about the cults. *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*, 14. P. 109–136.

Grenet F., 1991. Mithra au temple principal d'Aï Khanoum? *Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique: Actes du colloque international du Centre national de la recherche scientifique*. Paris 22–28 novembre 1988. P. Bernard, F. Grenet, eds. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique (Sources écrites et documents archéologiques). P. 147–151.

Koshelenko G.A., Gaibov V.A., 2006. V zashchitu Aleksandrii Margianskoy [To the defence of Alexandria Margianskaya]. *Prob-*

Institute of Archaeology RAS, Moscow

lemi istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture], XVI/1. P. 18–23.

Leriche P., 1986. Fouilles d'Aï Khanoum V: Les remparts et les monuments associé. Paris: De Boccard (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan; 29). 140 p.

Rtveladze E.V., 2012. Velikiy indiykiy put'. Iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii [The Great Indian Way. From the history of the most important trade ways of Eurasia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya (Istoricheskie issledovaniya). 296 p.

Serditykh Z.V., Valiev A., 1987. Irrigatsiya i naselenie Vostochnoy Baktrii (obzor publikatsiy po itogam issledovaniy 1975–1979 gg.) [Irrigation and the population of Eastern Bactria (the review of the publications on the results of the studies of 1975–1979)]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 4. P. 281–290.

Tarzi Z., 1996. Jules Barthoux: le découvreur oublié d'Aï Khanoum. *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. V. 140. № 2. P. 595–611.

Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев

Моргунова Н.Л. ПРИУРАЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ В СИСТЕМЕ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО ВАРИАНТА ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ. Оренбург: Изд-во Оренбургского ГПУ, 2014. 347 с.

Книга Н.Л. Моргуновой посвящена обобщению современных материалов из памятников ямной культуры IV–III тыс. до н.э. волго-приуральского региона. В ней освещаются также вопросы изучения так называемой ямной периферии по данным зауральских, казахстанских и алтайских памятников.

Исследование ямной культуры юга Восточной Европы давно рассматривается как одно из важных составляющих звеньев в реконструкции истории ее древнего населения. Оно тесно связано с гипотезами о распространении индоевропейского компонента. Особый интерес к этим древностям в Европе возник в 50–70-х годах прошлого века после публикации впечатляющих раскопок курганов И.В. Синециным и У.Э. Эрдниевым в Калмыкии, а также работ Куйбышевской археологической экспедиции под руководством К.Ф. Смирнова, а затем Н.Я. Мерперта в Поволжье и Приуралье. В это время были открыты поселения ямной культуры Михайловка на Днестре и Репин хутор на Дону. Стали известны многочисленные захоронения с позой на спине скорченно в грунтовых могильниках и курганах из Днепро-Прутского междуречья и даже из Подунавья.

Все это дало основание Н.Я. Мерперту рассматривать ямную культуру как огромную историческую область раннего пасторализма (1974). М. Гимбутас на основании исследований российских археологов поставила вопрос о четырех волнах миграций с востока на запад, носителями которых стали

племена, хоронившие сородичей на спине скорченно в охре. В работах Н.Я. Мерперта и М. Гимбутас 70-х годов племена ямной культуры воспринимались как создатели древнейших курганных обрядов, говоривших на индоевропейских языках (или праязыках) (Gimbutas, 1977; 1991; 1994; 1997). М. Гимбутас было введено даже понятие “курганный народ” (*kurgan people*). С племенами ямной культуры северо-понтского региона она связывала IV волну переселенцев с востока в 3000–2900 гг. до н.э.

Концепции Н.Я. Мерперта и М. Гимбутас стали одними из первых общеевропейских доктрин в понимании исторических процессов V–IV тыс. до н.э. на юге Восточной Европы, на западном, степном фланге Северной Евразии. Они затрагивали судьбы народов юга Восточной Европы, а также населения придунайского бассейна. Но на приведенных картах ямной культурно-исторической общности/области (КИО) много еще было белых пятен, заполненных раскопками российских археологов к настоящему времени. К их числу относятся районы Волго-Приуралья и Предкавказья, где памятники ямной культуры в 70-х годах насчитывались единицами. Названные выше работы упомянуты мной специально, чтобы показать высокий интерес к проблеме изучения ямной культуры в нашей стране и за рубежом и подчеркнуть актуальность работы Н.Л. Моргуновой.

Рецензируемая книга начинается с введения, которое сразу знакомит читателя с кругом современных проблем изучения ямной культуры. Н.Л. Моргунова совершенно оправданно ставит вопрос о самом понятии “ямная культура”. Этот феномен археологии по-прежнему исследуется главным образом по погребальным памятникам. Количество инвентаря в них ограничено. Долгое время для массива ямных захоронений не было статистически значимых серий радиоуглеродных дат. Предлагается использовать два понятия одновременно: ямная культурно-историческая общность и область. Принимается также заключение С.В. Ивановой о том, что погребальная традиция ямной культуры – это прежде всего показатель общих религиозных представлений, носители которых имели неодинаковый антропологический тип и разные керамические традиции.

Скорей всего, полагаю, коллеги здесь правы. Но с точки зрения формального анализа к племенам ямной культуры или общности возможно отнести погребения в ямах со скелетами, скорченными на спине, окрашенные охрой и особо маркированными красной краской стопами, кистями рук и черепом. Отдельно взятая поза скелета скорченно на спине без окрашивания охрой сама по себе не является свидетельством причастности к ямной культуре. Такая поза может встречаться в разных регионах и в разные времена. Так что вопрос о единстве веры у народов, употреблявших такой способ ингумации, мягоко говоря, несколько спорен.

К ямной культуре также стараются отнести погребения, в которых костяк лежит на спине скорченно с наклоном на правый или левый бок и даже совсем на бок. Формальная логика классификации тут нарушается. На помощь должны прийти другие компоненты комплекса, например, формы керамики. Но если таковых нет, вопрос о правомерности отнесения захоронения к ямной культуре на практике решается вольно, то ли да, то ли нет. Возможно, при сходстве заупокойной утвари здесь имеет место полиритуализм обряда, а может, уже иная погребальная традиция, не совсем ямной культуры, требующая своего осмысления.

Историографический очерк, представленный Н.Л. Моргуновой, обстоятелен и, за небольшим исключением, подробен. Он содержит анализ работ практически всех авторов, посвятивших свои статьи и монографии памятникам начала бронзового века Волго-Приуралья. Отмечены труды В.А. Гордцова, В.В. Гольмстельн, П.С. Рыкова, П.Д. Рау, Э.А. Федоровой-Давыдовой, К.Ф. Смирнова, К.В. Сальникова, В.П. Шилова, Н.К. Качаловой, Е.Е. Кузьминой, И.Б. Васильева, П.Ф. Кузнецова, А.Ю. Кравцова, С.В. Богданова, В.В. Ткачева и ряда иных исследователей. Упомянуты также исследования керамики ямной культуры по методике А.А. Бобринского, выполненные Н.П. Салугиной, и металлических изделий ямно-полтавского очага металлообработки и металлургии, представленные работами Е.Н. Черных, Н.В. Рындиной, И.Г. Равич, С.В. Быстрым, А.Д. Дегтяревой (с. 32).

По всей видимости, у Н.Л. Моргуновой были какие-то особые причины не акцентировать внимание в историографическом разделе на работах, специально посвященных изучению металла самого яркого комплекса Присамарья, раскопанного И.Б. Васильевым, – кург. 1 погр. 1 в I Утевском могильнике, топоров “утевского типа”, а также работ, освещающих специальные проблемы изучения ямно-полтавского очага металлообработки. Нет в историографическом разделе упоминания и о статье П.Ф. Кузнецова и С.В. Кузьминых (2006), посвященной современному состоянию исследования втульчатых топоров “утевского типа” в Волго-Приуралье. О ней автор монографии вспомнит позже, по-своему представив историю изучения этого своеобразного оружия.

В центре историографического очерка находятся труды Н.Я. Мерперта и его трехэтапная периодизация памятников ямной культуры.

Первый этап ямной культуры в трудах Н.Я. Мерперта включал погребения типа Бережновки I 5/22. Он определялся синхронизмами с Нальчикским могильником, Средним Стогом II, Трипольем ВП и соответствующими балканскими культурными образованиями; сюда относились каменные скипетры. В дальнейшем такая цепочка синхронных сопоставлений полностью подтвердилась, пишет Н.Л. Моргунова (с. 153).

При рассмотрении темы о древнейших курганах сразу же встал вопрос об их синхронизации с майкопской культурой. Н.Я. Мерперт отметил, что древнеямный этап предшествует майкопской культуре и лишь в самом конце доживает до ее дебюта (Мерперт, 1974. С. 79). Следовательно, для первого этапа ямной культуры речь может идти о времени Триполья конца А – Триполья ВI–ВIВII, но только не о времени Триполья ВII (возможно, здесь в текст рецензируемой монографии просто вкралась описка). Синхронизацию Нальчикского могильника с Трипольем ВII новые материалы как раз и не подтверждают.

Однако дело не только в этом. Вопрос состоит в другом. Можно ли столь ранние материалы связывать с ямной культурой? Как раз по такому поводу в 1977 году возникла дискуссия между Н.Я. Мерпертом и Дж. Меллори. По представлениям английского ученого культура Средний Стог II датировалась 4300–3300 гг. до н.э., раннеямная культура – 3400–3200 гг. до н.э., позднеямная культура – 3200–2400 гг. до н.э. (Mallory, 1977. P. 339–368).

Второй этап ямной культуры Н.Я. Мерперт синхронизировал с временем Михайловки II (второй слой). Он относил сюда поселение Репин хутор, курганы типа Быково II 2/3 (Мерперт, 1974. С. 80).

Третий этап сопоставлялся со слоем Михайловка III (третий слой), то есть с горизонтом постмайкопского времени с молоточковидными булавами.

Вторая глава монографии посвящена типологии погребального обряда волго-приуральских памятников ямной культуры. Материалы ямной культуры Волго-Приуралья представлены тремя группами. Обрядовая группа I (с. 43–59) включает 26 захоронений. Погребенные находятся в положении скорченно на спине, скорченно с наклоном на правую или левую сторону. Формы ям разные, простые и с запличиками. Но все же основными признаками группы I Н.Л. Моргунова считает позу покойного скорченно на правом боку в ямах с простой конструкцией (с. 77). Конкретно список признаков данной группы не обсуждается и в тексте не представлен. Обрядовая группа II (с. 60–103) включает 72 погребения. Она подразделяется на два варианта. Первый вариант включает погребения в простых ямах с разворотом на правый бок или просто на правом боку. Второй вариант включает классические памятники развитого этапа ямной культуры (с. 74). Этот вариант характеризуется ямами с запличиками и теми же самыми позами покойных на правом боку. Обрядовая группа III (с. 103–115) включает нетипичные захоронения (в позе сидя, на животе и т.п.).

В целом представленная типология обрядовых групп Приуральской группы выглядит довольно аморфно. В двух (I и II) группах доминирует поза покойного на правом боку скорченно или на спине с наклоном на правый бок. Захоронения на спине скорченно встречаются редко (Першин кург. 1 погр. 4). Такое состояние археологических источников может поставить очень серьезный вопрос: почему их надо относить к ямной культурно-исторической общности, для которой главная обрядовая поза – положение на спине скорченно? Может быть,

более уместно использовать понятие *ямно-полтавкинские погребальные памятники Волго-Приуралья*, принимая во внимание специфику местных комплексов?

Следующая, третья глава монографии рассматривает “вопросы историко-культурной интерпретации памятников Приуралья в системе ямной культуры волжско-уральского варианта”. Она открывается разделом, посвященным происхождению ямной культуры, а также одного из основных показателей ее погребального обряда – кургана. Подосновой формирования ямной культуры предполагается хвалынского-среднестоговская общность. В круг самых ранних подкурганых памятников включаются древнейшие курганы нижнего Поволжья так называемой Бережновской культурной группы, собранные в сводке И.И. Дремова и А.И. Юдина (Дремов, Юдин, 1992). В настоящее время такой тезис неплохо было бы подкрепить радиоуглеродными датами, но их нет. Поэтому об особо раннем возрасте нижневолжских курганов, их синхронности с хвалынской энеолитической культурой говорить можно лишь предположительно.

Появление курганного обряда на юге Восточной Европы сейчас на основании дат 14С в основном связывается с серединой – второй половиной V тыс. до н.э. Впервые этот факт с использованием радиоуглеродных дат для Волго-Донского междуречья и разбором памятников Предкавказья был отмечен в 2006 г. (Кореневский, 2006). Затем более широко тема о древнейших курганах с использованием дат 14С была представлена в 2012 г. (Кореневский, 2012).

В этих памятниках поза покойного определялась однозначно: на спине скорчено с обильной посыпкой охрой. Их инвентарь был синхронен с временем трипольских памятников Триполья VI – VII. Древнейшие курганы с радиоуглеродными датами известны из Доно-Волжского междуречья и Предкавказья, но не из Заволжья и Волго-Приуралья. Они есть также на западном фланге причерноморских степей.

Древнейшие курганы сосуществуют с памятниками новоданиловского типа, в которых находят такой же инвентарь. В основном они моложе Хвалынского и Нальчикского могильников. В принципе, за ними можно закрепить термин “протоямная культура”. Собственно ямная культура начинается с времени Триполья VII (4100–3600 гг. до н.э.), то есть ее становление совпадает с началом формирования майкопско-новосвободненской общности, как правильно отметил Н.Я. Мерперт.

Н.Л. Моргунова подробно останавливается на теме древнейших курганов, опираясь на исследования коллег, в основном, на работы И.И. Дремова, А.И. Юдина (Дремов, Юдин, 1992. С. 18–30), Н.С. Котовой (Котова, 2006), С.Н. Кореневского (Кореневский, 2012). Автор пишет, что древнейшая курганная традиция фиксируется от Заволжья до Поднепровья (с. 148). Но принять такой тезис возможно только с появлением радиоуглеродных дат заволжских памятников.

Н.Л. Моргунова правильно отмечает, что на территории Поволжья, Предкавказья, Северного Причерноморья невозможно выделить более узкую территорию, где мог бы возникнуть курганный обряд. Спешить с конкретизацией деталей этого процесса не стоит. Так, беглое высказывание Н.Л. Моргуновой о том, что на носителей курганых обрядов в Предкавказье оказали влияние племена накольчатой жемчужной керамики, не имеет под собой достаточно веских аргументов (с. 149).

Тему о происхождении ямной культуры Волго-Приуралья Н.Л. Моргунова развивает при анализе комплексов раннего, репинского этапа. При этом она замечает, что обряд памятников, маркированных керамикой репинской культуры, не поддается четкому анализу, так как их мало. Однако поза на

спине скорченно в них прослеживается отчетливо (с. 175), хотя встречаются и иные позы. Автор ссылается на мнение Н.П. Салугиной о том, что гончарство репинского этапа ямной культуры отражает смешанный характер населения, является показателем поглощения носителями ямной культуры местных групп населения (с. 175). В Среднем Поволжье и Приуралье среди погребений с репинской керамикой наблюдается разнообразие поз погребенных. Поэтому выделить преобладающую тенденцию невозможно. Однако все это приводит Н.Л. Моргунову к выводу, что погребальный обряд и керамика репинского этапа являются наследием прежде всего хвалынской энеолитической культуры (с. 178).

В ходе обсуждения такой важной темы, как происхождение ямной культуры на разных территориях, весьма желательно было бы исследовать вопрос о происхождении самой репинской керамики на фоне процессов становления ямной культуры в Днепро-Донском междуречье и Предкавказье. Скорей всего все эти процессы шли неоднозначно. Однако специфику решения вопроса о происхождении ямной культуры в Волго-Приуралье Н.Л. Моргунова показала вполне полноценно на уровне современного состояния источников, хотя и разбросав эту тему на страницах своей монографии по разным главам.

Далее автор переходит к вопросам периодизации и хронологии ямной культуры волжско-уральского междуречья. Этот раздел можно рассматривать как особо ценный в рецензируемой монографии. Н.Л. Моргунова много сделала для того, чтобы создать представительную базу данных по радиоуглеродным датировкам. Ее сводка дат включает 105 определений, выполненных по кости и керамике. Н.Л. Моргунова специально рассматривает вопрос о методике использования радиоуглеродных дат, подчеркивая необходимость тщательного отбора материала для датирования, оценки дат на правомерность или неправоту, сопоставления результатов, полученных из образцов разной природы (кости, керамики, угля).

Главные выводы заключаются в определении репинского, раннего (древнего) этапа ямной культуры в диапазоне 3800–3300 гг. до н.э. (с. 184). Он четко совпадает с ранним и средним диапазоном дат майкопско-новосвободненской общности, подтверждая тезис Н.Я. Мерперта, что становление ямной культуры синхронизируется с началом раннего бронзового века Предкавказья (а я бы добавил, что оно и шло под его влиянием). Данное положение дополнительно аргументируется комплексом с репинским сосудом из погребения Павловского могильника кург. 31 погр. 4, включающим топор майкопского типа группы 2.

Развитый этап ямной культуры определяется в диапазоне 3400–2600 гг. до н.э. (с. 189). В рамках развитого этапа ямной культуры Волго-Приуралья Н.Л. Моргунова выделяет ранний период 3300–3000 гг. до н.э., с которым связывает Кутулукский комплекс кург. 1 погр. 4, и поздний период 3000–2600 гг. до н.э., к которому относятся погребения с топорами утевского типа, а также комплекс с литевой формой Першин кург. 1 погр. 4. Сюда же она относит погр. 1 кург. 1 Утевского могильника (с. 195). Развитый этап ямной культуры Н.Л. Моргунова предлагает считать временем ее максимального расцвета и полного господства не только в Волго-Приуралье, но и по всей степной зоне Восточной Европы (с. 195). Степей и предгорий Предкавказья, я думаю, этот вывод не касается.

Особый раздел в книге Н.Л. Моргуновой отведен для дискуссии с коллегами по поводу интерпретации памятников выделяемого ею развитого этапа ямной культуры Волго-Приуралья. Так, автор возражает против выделения С.В. Богдановым особого “тамар-уткульского” типа памятников и отнесения к этому типу Золотого кургана, раскопанного Р.А. Мимоходом

(с. 200). Последнее обозначение, по ее мнению, является лишь искусственной подменой более раннего понятия волжско-уральского варианта ямной КИО. Далее она пишет, что П.Ф. Кузнецов рассматривает тамар-уткульские курганы как явление полтавкинской культуры (с. 200). Автор считает, что тамар-уткульские курганы вписываются в представления о ямном культурном комплексе (с. 201), а Золотой курган моложе тамар-уткульских памятников, и его дата допускается в интервале 2600–2300 гг. до н.э. (с. 204).

Рассматривая вопрос о кавказских влияниях на развитие ямной культуры Волго-Приуралья, исследовательница отмечает, что роль новотитаровской культуры в этом отношении была явно преувеличена П.Ф. Кузнецовым. Само выделение новотитаровской культуры в Прикубанье, по ее мнению, сомнительно, а мысль о появлении комплексов тамар-уткульских курганов в результате миграции с Северного Кавказа, неправомерна (с. 205, 206).

По мнению Н.Л. Моргуновой, поздний этап ямной культуры Волго-Приуралья представлен памятниками полтавкинского типа с плоскодонной керамикой в погребениях. Он совпадает с началом распространения катакомбного обряда (с. 217). Границу между комплексами развитого этапа и полтавкинской культуры по датам 14С провести трудно (с. 217). Комплексы с плоскодонными сосудами сосуществуют с комплексами с круглодонными сосудами. Самые ранние даты для обоих видов комплексов относятся к интервалу 3000–2800 гг. до н.э., а самые поздние – к интервалу 2620–2460 гг. до н.э. (с. 214). В целом ситуация с хронологией памятников полтавкинского типа выглядит очень неопределенно, пишет Н.Л. Моргунова (с. 217), но все же датирует ниже полтавкинский этап в диапазоне 2600–2200 гг. до н.э. (с. 237).

Особенно интересны в монографии очерки Н.Л. Моргуновой о памятниках ямной культуры и ее влияниях к востоку от Волго-Приуралья. Вслед за А.Д. Дегтяревой (Дегтярева, 2010) она отмечает, что воздействия племен ямной культуры сказались на оформлении металлообработки волосово-гаринско-борской культурно-исторической области (с. 221) на основании находки в комплексах последней черенкового ножа с искривленным клинком и тесла, близкого к стандартам строения тесел майкопской или ямной культур. Эти формы могли бытовать даже после исчезновения майкопско-новосвободненской общности (с. 223).

Далее автор обращает внимание на проблему миграций ямных племен в Зауралье и далее на юго-восток вплоть до Алтая, где, возможно, они повлияли на становление афанасьевской культуры в 3300–2500 гг. до н.э. (с. 225, 227). В этой связи Н.Л. Моргунова отмечает погребения Зауральских могильников Убаган I и Алабуга с их атрибуцией как некрополей ямной культуры. В этих памятниках зафиксированы кинжалы с черенком, хорошо известные по находкам в погребениях ямной культуры. Клинок с черенком найден на территории Монгольского Алтая. Впечатляют также находки топоров майкопских форм из Барнаульско-Бийского Приобья, как например, клад из Шипуновского района (Кирюшин, 2002. С. 153. Рис. 47, 1, 2). Они подтверждают уже давно отмеченные импульсы распространения оружия, исходящие из ямно-полтавкинского очага металлообработки, достигавшие Алтая (например, топор из д. Плотниковой) (Кореневский, 1974). Все это дает Н.Л. Моргуновой основание писать, что “ямный импульс” был “достаточно массовым”, и он положил начало бронзовому веку Южной Сибири (с. 233). Основным стимулом для таких передвижений были интересы металлургов в поиске новых месторождений.

Уместно заметить, что проблема становления афанасьевской КИО очень сложна. Н.Ф. Степанова, рассматривая ее спе-

циально, отмечает разные мнения по этому поводу. Так, она и пишет, что точка зрения о происхождении афанасьевской культуры от ямной культуры Волго-Приуралья популярна, но недостаточно доказуема (Степанова, 2014. С. 86).

Глава 4 монографии представляет очерк природно-климатических условий и экономических факторов развития ямной культуры в волжско-уральском междуречье. В рамках этой главы написаны разделы о современной географии волго-приуральского региона и о результатах палеопочвенных и палинологических исследований волжско-уральского междуречья в эпоху энеолита и в раннем бронзовом веке. Специально рассмотрена динамика развития скотоводства, акцентируется тема одомашнивания лошади. В этой связи привлекаются остеологические сведения по костям животных из энеолитических поселений Волго-Приуралья. Н.Л. Моргунова подчеркивает, что у палеозоологов нет четких критериев для разделения останков дикой и домашней лошади (с. 269). Вместе с тем она полагает, что истоки коневодства в Волго-Уральском междуречье надо искать задолго до становления ямной КИО. Об этом говорят свидетельства отношения к лошади как к культовому животному (с. 270). Об этой стороне жизни древнего населения мы узнаем при анализе каменных скипетров эпохи энеолита, пишет Н.Л. Моргунова, ссылаясь на мнение В.А. Дергачева, что все скипетры являются изображениями лошади. Другие альтернативные работы по этой тематике автор не привлекает и не упоминает, например, точку зрения А.А. Исесена, что мы сталкиваемся в данном случае с изображением морды кабана, или заключения Б. Говедарицы и Э. Кайзер о связи зооморфных изображений на скипетрах с неким фантастическим существом (Кореневский, 2012). На самом деле, сходства курносых зооморфных изображений энеолитических скипетров с головой лошади, за исключением скипетра из Суворовского кургана, конечно, нет никакого.

Но вернемся к тексту рецензируемой работы. Основные аргументы в рассуждениях Н.Л. Моргуновой об энеолитическом периоде верховой езды в Волго-Приуралье связаны с находками каменных наконечников из Новоорска и роговым навершием головы лоса из Токского погребения в западном Оренбуржье (Богданов, 1992. С. 204. Рис. 1). Но навершие из Новоорска поразительно не похоже на изображение эквида из Суворовского кургана. Какое животное является его прототипом, затруднюсь сказать: лошадь, лось или еще кто-нибудь?

Особенно показательна, по мнению Н.Л. Моргуновой, находка скипетра в могильнике Ак-Жунис в Северном Прикаспии (с. 271). В подрисовочной подписи к этому предмету написано, что оно найдено в погребении (с. 274). В трактовке Н.Л. Моргуновой скипетр из Ак-Жунис есть не что иное, как голова взнузданной лошади. Однако рассмотрим это изображение внимательно. Во-первых, это лишь небольшой обломок нижней части морды. Верхняя часть (где расположены глаза, уши) не сохранилась. Почему это лошадь? На изделии нечто изображено. Может быть, наносник? Деталь ремней узды? Но все это не более, чем предположения. И наконец, при первой публикации обломка изделия из Ак-Жунис рассматриваемый предмет был отнесен И.Б. Васильевым к находкам из разрушенных погребений могильника, а не к конкретному погребению (Васильев, 2003. С. 83. Рис. 3, 4/1). Это делает дату обломка с зооморфным изображением из могильника Ак-Жунис весьма неопределенной. Поэтому упомянутые вещи вряд ли свидетельствуют об освоении лошади под верх в Волго-Приуралье в эпоху энеолита и ямно-полтавкинского феномена.

Особый раздел в монографии Н.Л. Моргуновой отведен очерку о металлообработке в Южном Приуралье и исторической роли Каргалинского горно-металлургического центра (ГМЦ). Он начинается с изложения историографии проблемы.

Н.Л. Моргунова справедливо отмечает, что вопрос об особом ямно-полтавкинском очаге металлургии и металлообработки был сформулирован Е.Н. Черных в работе 1966 г. Он отметил возможность использования ямно-полтавкинскими кузнецами металла – чистой меди из месторождений Южного Урала, в том числе медистых песчаников Каргалинского месторождения, и предположил начало их эксплуатации в эпоху ямной культуры (Черных, 1966. С. 68, 69). Далее Н.Л. Моргунова критически рассматривает оценку приуральского очага металлообработки, данную М.Б. Рысиным. По взглядам последнего, все формы изделий и технологий металла ямной культуры – это лишь дериваты не майкопской металлообработки, а особого успенского этапа, но, по замечанию Н.Л. Моргуновой, неизвестно какой культуры (с. 295). Н.Л. Моргунова считает, что этот взгляд М.Б. Рысина не соответствует действительности, так как влияния майкопской металлообработки на часть форм изделий из меди ямной культуры очевидны. Полагаю, что она здесь полностью права, так как никакого успенского этапа металлообработки в истории Предкавказья просто нет, а сам набор вещей из с. Успенского представляет собой не клад, как пишет М.Б. Рысин, а коллекцию изделий, доставленных в музей без всякой археологической документации. Кроме того, оригинальность части продукции ямно-полтавкинских очагов металлообработки по сравнению с изделиями раннего и среднего века Предкавказья и Южного Кавказа достаточно заметна. Но об этом скажем несколько ниже.

В изучении любого района металлообработки меди, определяемого рамками культуры или общности, есть три главных составляющих. Первая связана с изучением форм вещей, вторая – с анализом состава металла, третья – с исследованием технологии изготовления, то есть с металлографией предметов. Каждое из этих направлений имеет свою методику и аналитические основы для выводов.

Н.Л. Моргунова в изложении своих взглядов на ямно-полтавкинский очаг металлообработки и металлургии не касается проблем, требующих знания основ минералогии меднорудных источников, геохимии меди и ее сплавов, особенностей спектро-аналитических исследований и сделанных по ним заключений. Здесь она следует положением специального очерка на эту тему А.Д. Дегтяревой (Дегтярева, 2010). Объектом собственного анализа являются формы вещей. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Оригинальными формами изделий ямно-полтавкинских очагов металлообработки являются топоры “утевского типа”. Их отличие от майкопских форм впервые было отмечено С.Н. Кореневским в работе 1974 г. (Кореневский, 1974 г. С. 14–32) и подтверждено в публикации 1980 г. (Кореневский, 1980. С. 59–66). Само название “утевский тип” было введено в научный оборот в 2004 г. (Кореневский, 2004. С. 95) и воспринято в работе П.Ф. Кузнецова и С.В. Кузминых (Кузнецов, Кузминых, 2006). В статье С.Н. Кореневского 1974 г. также было отмечено распространение подобных орудий до Алтая (Кореневский, 1974. С. 26. Рис. 9, 4). Далее в этой же работе были рассмотрены поволжские находки топоров с оттянутым вниз лезвием, отливаемые в брюшко (Болтуновка, Загорная Селитьба, Гречанки), и их аналогии в Румынии, в кладе Вилчеле (Баньябюк) (Кореневский, 1974. Рис. 5–10). Ни о какой близости этих находок по оформлению лезвия к топору из Утевского кургана, как полагает Н.Л. Моргунова, говорить не приходится. В целом в Северном Причерноморье под влиянием майкопско-новосвободненской общности сложились два района распространения втульчатых топоров у племен ямной культуры: Днепро-Донской, сохранивший формы майкопских орудий, и Волго-Приуральский, создавший на их основе собственный стандарт оружия (Кореневский, 2004. С. 93–96).

Из других форм оружия и орудий у ямно-полтавкинских племен Волго-Приуралья были общие формы предметов с племенами ямной культуры Днепро-Донского междуречья такие как листовидные кинжалы с черенковым насадом, долота с желобком, плоские тесла, долота с разомкнутой втулкой (кирки – по выражению Н.Л. Моргуновой).

Займствован был и сам престижный символизм набора погребальной утвари, включающий комплекс оружия и деревообработки совместно (топор, тесло, кинжал, шило и близкая вариация набора вещей в составе оружия и инструментов).

Оригинальными предметами являются медная палица из могильника Кутулук кург. 4 погр. 1 (с. 190. Рис. 91, 1); топоры-молоты из могильника Нижняя Павловка V кург. 1 погр. 2 (с. 73, рис. 28, 1); из могильника Илек (с. 73 рис. 28, 3); тесло-молоток втульчатый и кельт плоский с выступами и ребром на спинке из могильника Хутор Барышников кург. 6 погр. 3 (с. 90, рис. 38, 2, 3). Предметом, который универсален и прост по форме, является молот из кург. 12 погр. 4 Увакского могильника (с. 73 рис. 28, 6).

Н.Л. Моргунова старается сопоставить медные топоры-молоты, почему-то называя их топорами-клевецами, с кавказскими аналогиями из области распространения куро-араксской или майкопской культуры (с. 77) со ссылкой на работу С.Н. Кореневского (Кореневский, 2004. С. 43, 44) или даже ищет им параллели в Передней Азии (с. 301, 302). Но ничего детально похожего среди майкопских орудий Предкавказья мы не находим.

Теперь рассмотрим, как соотносятся находки орудий и оружия на медной основе в комплексах Волго-Приуралья (таблица). Из приведенных данных видно, что комплексов с металлом в сочетании с “ямной” позой на спине скорченно или с репинской керамикой при такой же позе очень мало, всего два-три. Они датируются 32–27 вв. до н.э. Одно из них – погребение с палицей Кутулукского могильника с датой 32–30 вв. до н.э. Погребение литейщика с формой топора “утевского типа” из могильника Першин с позой погребенного на спине скорченно дает более молодой диапазон 29–27 вв. до н.э. и совпадает в целом с диапазоном дат из погребений с такими же топорами, но при скорченных на боку костях.

Весь остальной фонд находок орудий на медной основе (17 комплексов) связан с позой покойного на боку скорчено или с наклоном на правый бок. В него входят все захоронения с топорами “утевского типа,” и иными орудиями и оружием. Следовательно, можно прийти к заключению, что именно военная элита местного населения начала маркировать свои захоронения оружием и инструментами деревообработки на медной основе. Дата этого явления определяется в диапазоне 29–26 вв. до н.э., что в основном соответствует второму этапу схемы Н.Л. Моргуновой. На третьем этапе, в 26–22 вв. до н.э. мы таких комплексов практически не застаем.

Отмеченные особенности в распределении материала и его датировки позволяют рассматривать ранний репинский этап донских и волго-приуральских памятников как этап действительно ямной культуры. На этом этапе началось проникновение в погребальную практику оружия на медной основе, о формах которого мы знаем мало, но в его ассортименте были типы, явно отражающие влияние майкопской металлообработки, и формы, иллюстрирующие становление собственной мощной индустрии оружия (палица из меди, начало производства топоров утевского типа). Этот этап можно рассматривать как собственно древнеямный период местного кузнечного ремесла.

Второй этап функционирования волго-приуральского очага металлообработки отражает уже устоявшиеся каноны форм

Комплексы с оружием и орудиями труда на медной основе, рассматриваемые в работе Н.Л. Моргуновой

Комплекс	Поза	Инвентарь	Сосуд	Дата ВС
Павловск курган 31 погребение 4	Скорченно на спине	Топор, тесло, долото, ви- сочная подвеска (Ag)	Остродонный (репинский тип)	3110–2930
Кутулук курган 4 погребение 1	—"	Палица		
Першин курган 1 погребение 4	—"	Литейная форма топора		2910–2660
Тамар Уткуль VIII курган 4 погребение 1	Скорченно на правом боку	Топор	Остродонный	2873–2677
Пятилетка курган 5 погребение 2	—"	Долото желобчатое	Остродонный	3013–2851
Тамар Уткуль VIII курган 5.погребение 1	—"	Кинжал	Остродонный	
Герасимовка II курган 4 погребение 2	?	Кинжал, У-булавки	Остродонный	
Тамар Уткуль VII курган I погребение 1	Скорченно на правом боку	Кинжал, булавка, бляха с пунсоном		2848–2600
Мустаево V курган 9 погребение 2	?	Кинжал, булавки молоточ- ковидные		3200–3060
Тамар Уткуль VII курган 1 погребение 1	Скорченно на правом боку	Кинжал		
Болдырево курган 10 погребение 3	—"	Кинжал		
Нижняя Павловка V курган 1 погребение 2	—"	Топор-молот		2876–2695
Болдырево I курган I погребение 1	—"	Копье, кинжал		2700–2550
Изобильное курган 3 погребение 1	—"	Кинжал		2500–2280
Изобильное курган 6 погребение 1	?	Литейная форма тесла		
Увак курган 12 погребение 4	Скорченно на правом боку	Молот и кинжал		
Утевка I курган 1 погребение 1	—"	Топор, тесло, кинжал, шило, пест, подвески (Au)	Плоскодонный	
Скворцовка курган 5 погребение 4	—"	Кинжал	Плоскодонный	
Болдырево I курган 2 погребение 1	Скорченно на левом боку	Кинжал	Плоскодонный	
Тамар Уткуль VII курган 8 погребение 4	Скорченно на правом боку	Топор, кинжал, шило, тес- ло, долото с разомкнутой втулкой, стержень с желез- ной шапкой		2864–2635
Жаман-Каргала курган 1 погребение 7	?	Долото с разомкнутой втул- кой, кинжал, тесло, шило, подвеска-калачик, бусы	Плоскодонный	
Мустаево V курган 1 погребение 1	На груди	Долото с разомкнутой втул- кой или кельт		2870–2620
Хутор Барышников курган 6 погребение 3	?	Тесло-молот, желобчатое долото, пест, кинжал, кельт плоский с цапфами		

местного ударного оружия на медной основе и производства инструментов деревообработки в традициях майкопской культуры, которая уже сошла в это время с исторической сцены. Он определяется временем 2900–2600 гг. до н.э., и его можно связать с понятием ямно-полтавкинского периода. Доминирующей позой погребения с оружием становится положение сородича на боку скорченно.

Третий, полтавкинский, этап 2600–2200 гг. до н.э. по работе Н.Л. Моргуновой не имеет комплексов с характерными предметами предшествующего времени, кроме листовидных кинжалов. Что стоит за таким состоянием археологических источников – тема для особых исследований.

На фоне полученных дат комплексов ямно-полтавкинского этапа волго-приуральского очага металлообработки, указывающих в основном на первую половину III тыс. до н.э., поиск Н.Л. Моргуновой вслед за А.Д. Дегтяревой (Дегтярева, 2010. С. 58) аналогий для его изделий среди орудий дунайского энеолита времени культур Гумельница-Караново VI–Варна или Триполья VI–ВІІІ (время середины – второй половины V тыс. до н.э.) кажется мне мало убедительным.

Все это наводит на мысль о том, что известные нам изделия ямно-полтавкинского очага металлообработки в 3300–2600 гг. до н.э. иллюстрируют мощное производство оружия из меди, которое, в силу местных религиозных верований, было очень скупо представлено в погребальной практике. Но, несмотря на это, даже отдельные находки отражают способность местных кузнецов и металлургов самостоятельно развивать формы “инструментов войны” ударного действия.

На основе какого наследия кузнецы ямно-полтавкинского очага металлургии вели свою деятельность, пока сказать трудно. Было или не было здесь влияние блестящего дунайского энеолита в производстве орудий из меди, мне кажется, вопрос открыт. Отчетливо прослеживается влияние майкопской металлообработки, но осуществляемое, может быть, в преломлении через фильтр влияний степных ямных племен Днепров-Волжского региона.

В рецензируемой монографии Н.Л. Моргунова не уделяет особого внимания вопросу, какое общество отражают представленные ей памятники ямно-полтавкинского облика. На эту тему у нее есть специальная работа (Моргунова, 1992. С. 3–27). В тексте монографии она лишь бегло упоминает, что общество ямных племен было глубоко дифференцированным. Погребальные обряды отражают погребения воинов, жрецов, ремесленников, металлургов, плотников, гончаров и рядовых скотоводов. Элита общества использовала при захоронении своих представителей символику колесного транспорта. Особо большие трудозатраты шли на сооружение курганов вождей (Болдырево кург. 1 погр. 1). Есть курганы с жертвоприношениями (с захоронениями отдельных черепов), которые могут рассматриваться как святилища (с. 317). Все эти заключения автора нуждаются в особой аргументации и пока могут восприниматься лишь как некие тезисы. С другой стороны, сама постановка таких проблем, требует большой работы по анализу погребальной символики и учета разных точек зрения по этому поводу.

В итоге можно прийти к выводу, что рецензируемая монография Н.Л. Моргуновой представляет из себя очень важное исследование, отражающее потребность наших дней в обобщении большого накопленного материала по теме ямной и полтавкинской культур Волго-Приуралья. В ней подняты и акцентированы многие актуальные темы, связанные с пониманием историко-культурных феноменов этого региона. Затронутые мной дискуссионные вопросы в большинстве случаев носят частный характер.

Работа хорошо иллюстрирована и служит прекрасной сводкой всех наиболее значимых комплексов по изучаемой теме. В рецензируемой монографии нет постановки историко-лингвистических вопросов о том, были или не были племена ямно-полтавкинского очага Волго-Приуралья носителями индоевропейских языков. Но может, оно и к лучшему, так как особых данных к такой интерпретации археологических источников нет, кроме одного соображения, что в эпоху раннего железного века в этом пограничье Европы и Азии действительно обитали кочевые племена сармат – индоевропейцев по языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов С.В. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей: межвуз. сб. науч. ст. Оренбург: Оренбургский ГПУ, 1992. С. 195–205.
- Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 159 с.
- Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганые захоронения Степного Заволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–31.
- Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2003. С. 61–99.
- Кирушин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. 293 с.
- Кореневский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. С. 14–32.
- Кореневский С.Н. О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточноевропейской лесостепи / Ред. А.Д. Прякин и др. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1980. С. 59–66.
- Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 246 с.
- Кореневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2006. С. 141–147.
- Кореневский С.Н. Рождение кургана. М.: Таус, 2012. 246 с.
- Котова Н.С. Ранний энеолит степного Приднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во Восточно-Украинского нац. ун-та, 2006. 327 с.
- Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В. Топор из Большого Утевского кургана: историографический этюд // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4: сб. посвящ. памяти И.Б. Васильева. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2006. С. 225–235.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 166 с.
- Моргунова Н.Л. К вопросу об общественном устройстве древнейшей культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей: межвуз. сб. науч. ст. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ин-т, 1992. С. 3–27.
- Степанова Н.Ф. Афанасьевская КИО: современные представления // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. погребение 11. Оренбург: Изд-во Оренбургского ГПУ, 2014. С. 77–89.

- Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. 144 с.
- Gimbutas M. Civilization of the Goddess. San Francisco: HarperCollins Publishers, 1991. 530 p.
- Gimbutas M. Das Ende Alteuropas. Budapest: Archaeolingua. 1994. 135 p.
- Gimbutas M. The earliest wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Cooper Age of Europe // The Journal of Indo-European studies. 1977. V. 5. № 4. P. 277–329.
- Gimbutas M. The kurgan culture and the Indo-Europization of Europa: Selected articles 1952–1993 / Eds. Mariam Robins Dexter, Karlene Jones-Blay Jouranl. Washington: Institute for the Study of Man, 1997 (Indo-European studies; Monograph № 18). 404 p.
- Mallory J. P. The Chronology of the Early Kurgan Tradition (Part Two) // Journal of Indo-European Studies. 1977. V. 5. № 4. P. 339–372.

Институт археологии РАН, Москва.

С.Н. Корневский

Morgunova N.L. WEST URAL GROUP OF SITES IN THE SYSTEM OF THE VOLGA-URAL VARIANT OF THE PIT-GRAVE CULTURAL-HISTORICAL ZONE. Orenburg: Publish. House of Orenburg St. Ped. Univ, 2014. 347 p.

REFERENCES

- Bogdanov S.V., 1992. Tokskiy zhezl [Tokskiy baton]. *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepey: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey [Ancient history of the population of Volga-Ural steppes: interacademy collection of papers]*. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute, pp. 195–205.
- Chernykh E.N., 1966. Istoriya drevneyshyey metallurgii Vostochnoy Evropy [History of the earliest metallurgy of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 144 p.
- Degtyareva A.D., 2010. Istoriya metalloproduktstva Yuzhnogo Zaural'ya v epokhu bronzy [History of metal production of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 159 p.
- Dremov I.I., Yudin A.I., 1992. Drevneyshie podkurgannye zakhорoneniya Stepnogo Zavolzh'ya [The oldest tumuli burials of Transvolga Steppe]. *RA*, 4, pp. 18–31.
- Gimbutas M., 1977. The earliest wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Cooper Age of Europe. *The Journal of Indo-European studies*, vol. 5, no. 4, pp. 277–329.
- Gimbutas M., 1991. Civilization of the Goddess. San Francisco: HarperCollins Publishers. 530 p.
- Gimbutas M., 1994. Das Ende Alteuropas. Budapest: Archaeolingua. 135 p.
- Gimbutas M., 1997. The kurgan culture and the Indo-Europization of Europa: Selected articles 1952–1993. Mariam Robins Dexter, Karlene Jones-Blay Jouranl, eds. Washington: Institute for the Study of Man. 404 p. (Indo-European studies, Monograph 18).
- Kiryushin Yu.F., 2002. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri [The Eneolithic and the Early Bronze Age of the south of Western Siberia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 293 p.
- Korenevskiy S.N., 1974. O metallicheskih toporakh maykopskoy kul'tury [On the metal axes of the Maykop culture]. *SA*, 3, pp. 14–32.
- Korenevskiy S.N., 1980. O metallicheskih veshchakh i Utevskego mogil'nika [On the metal items from the 1st Utevskiy cemetery]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeology of Eastern European forest-steppe]*. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 59–66.
- Korenevskiy S.N., 2004. Drevneyshie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost'. Problemy vnutrenney tipologii [The earliest farmers and cattle breeders of the Cis-Caucasus: the Maykop-Novosvobodnaya community. Problems of the inner typology]. Moscow: Nauka. 246 p.
- Korenevskiy S.N., 2006. Radiokarbonnye daty drevneyshikh kurganov Yuga Vostochnoy Evropy i eneoliticheskogo bloka pamyatnikov Zamok – Meshoko – Svobodnoe [Radiocarbon dates of the ancient tumuli of the South of Eastern Europe and the Eneolithic group of the sites Zamok – Meshoko – Svobodnoye]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Problems of the archaeology of Volga region]*, 4. *Sbornik posvyashchaetsya pamyati I.B. Vasil'eva [Collected papers devoted to the memory of I.B. Vasiljev]*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 141–147.
- Korenevskiy S.N., 2012. Rozhdenie kurgana [The Rise of Barrow]. Moscow: Taus. 246 p.
- Kotova N.S., 2006. Ranniy eneolit stepnogo Pridneprov'ya i Priazov'ya [The early Eneolithic of Dnieper and Azov Sea regions]. Lugansk: Izdatel'stvo Vostochno-Ukrainskogo Natsional'nogo Universiteta. 327 p.
- Kuznetsov P.F., 2006. Kuz'minykh S.V. Topor iz Bol'shogo Utevskego kurgana: istoriograficheskiy etyud [The axe from Bol'shaya Uteyka barrow: historiographic essay]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Problems of the archaeology of Volga region]*, 4. *Sbornik posvyashchaetsya pamyati I.B. Vasil'eva [Collected papers devoted to the memory of I.B. Vasiljev]*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 225–235.
- Mallory J.P., 1977. The Chronology of the Early Kurgan Tradition (Part Two). *Journal of Indo-European Studies*, vol. 5, no. 4, pp. 339–372.
- Merpert N.Ya., 1974. Drevneyshie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya [The oldest cattle breeders of Volga-Ural interfluv]. Moscow: Nauka. 166 p.
- Morgunova N.L., 1992. K voprosu ob obshchestvennom ustroystve drevneyamnoy kul'tury (po materialam stepnogo Priural'ya) [To the problem of the social system of the early Pit-grave culture (on the materials of the steppe Cis-Urals)]. *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepey: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey [Ancient history of the population*

of Volga-Ural steppes: interacademy collected papers]. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute, pp. 3–27.

Stepanova N.F., 2014. Afanas'evskaya KIO: sovremennye predstavleniya [Afanasjevo cultural-historical unity: modern views]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg Oblast], 11. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute, pp. 77–89.

Institute of archaeology RAS, Moscow

Vasil'ev I.B., 2003. Khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura Volgo-Ural'skoy stepi i lesostepi (itogi issledovaniya) [Khvalynsk Eneolithic culture of Volga-Ural steppe and forest-steppe (the results of the survey)]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Problems of the archaeology of Volga region], 3. *Sbornik posvyashchaetsya 80-letiyu vedushchego rossiyskogo arkheologa professora N.Ya. Merperta* [Collected papers toward the 80th anniversary of the leading Russian archaeologist, Prof. N. Ya. Merpert]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 61–99.

S.N. Korenevskiy

**Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А.,
Ромашенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О.**

**МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ IV–I тыс. до н.э.:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ, ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.
Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.**

В издательстве СО РАН в серии “Интеграционные проекты” вышла монография, написанная коллективом авторов нескольких специальностей: археологов, антропологов и генетиков. Книга посвящена многостороннему анализу археологических памятников эпохи бронзы с территории Барабинской лесостепи (Западная Сибирь). Отметим сразу, что это уникальный опыт осмысления задач археологии в контексте расширенной базы источников с привлечением данных естественных наук. В результате авторы смогли поставить вопрос о происхождении, генезисе и исторических судьбах представителей культур IV–I тыс. до н.э. и предложить оригинальную концепцию этногенеза населения Барабинской лесостепи.

На первый взгляд, судя по оглавлению, основная часть книги – это методология и результаты использования методов палеогенетики. Более того, данные, предоставленные А.С. Пилипенко в этих разделах, не ограничиваются заявленной на обложке территорий, а расширяются за счет исследования материалов других периодов и сопредельных районов. Однако при внимательном прочтении всех глав, эта необходимость кажется вполне оправданной, так как именно за счет расширения хронологических и географических составляющих можно приблизиться к пониманию сложного многофакторного процесса этногенеза. Кроме того, если читатель более или менее готов к пониманию методологии современной археологии и отчасти палеоантропологии, то методы оценки генома древнего населения – это сфера узкого биологического профиля, требующая специального экскурса не только для археологов и историков, но и для специалистов в области других наук. Таким образом, неравномерность по объему глав, представляющих различные разделы исследования, находит свое логическое оправдание.

Важно отметить, что введение в книгу является, по сути, программным документом авторского видения алгоритма интеграционного проекта. Авторы подчеркивают важность и равноправность участия всех составляющих этой программы, признавая при этом крайнюю востребованность современных методов палеогенетики. Безусловно, не умаляется важность остальных источников, и подчеркивается, что этнические ре-

конструкции требуют корректной интерпретации результатов, полученных из смежных наук. В качестве примера такой работы предлагается рассмотреть итоги интегративного моделирования этногенетических процессов в районе Барабы. Всего было вовлечено 11 основных археологических памятников с этой территории: Тартас-1, Сопка-2, Старый Сад, Преображенка-3, Преображенка-6, Старый Тартас-4, Гришкина Заимка, Крючное-6, Абрамово-4, Чича-1, Гандичевский совхоз.

Первая глава дает короткий, но емкий экскурс в основные аспекты этногенеза, которые удалось осветить, изучив археологические и антропологические источники. Основные результаты этих исследований нашли отражение в ряде статей и нескольких предшествующих монографических работах, поэтому краткость этого раздела вполне оправдана.

Для понимания уникальности ситуации подчеркнем, что Обь-Иртышское лесостепное междуречье в настоящее время одна из самых исследованных областей распространения археологических памятников эпохи бронзы. Помимо аналитической разработки данных и установления хронологии культур этого региона введены в научный оборот комплексные ключевые памятники, которые содержат эталонный археологический материал как бронзового века, так и других эпох (Молодин, 1985, 2001, 2006; Молодин и др., 2003). Что касается антропологического источника, то это одна из самых многочисленных и комплектных остеологических серий, отражающих биологическую историю населения одного региона на протяжении нескольких тысячелетий. Такого рода эталонные коллекции встречаются крайне редко. Т.А. Чикишева как опытный антрополог сумела показать важность современного подхода в решении проблемы этногенеза племен в рамках археологических культурных общностей. С одной стороны, за плечами исследователя стояли труды, ставшие уже классикой в антропологии (Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, В.А. Дремов, А.Р. Ким). Важным дополнением к этим исследованиям стали работы относительно недавнего прошлого (А.Н. Багашева, С.С. Тур и К.Н. Солодовникова), что в целом дало значительный объем сравнительного материала. С другой стороны, материалы, исследованные

Т.А. Чикишевой, крайне сложны сами по себе, так как значительная часть краниологических серий демонстрирует промежуточные монголоидно-европеоидные антропологические комплексы, что трудно поддается дифференциации и требует самого детального и скрупулезного подхода. Именно высокий исследовательский класс и теоретическое обоснование полученных результатов позволили автору прийти к цельным и доказательным выводам. Для этого Т.А. Чикишевой пришлось привлечь практически все известные и большей частью исследованные самим автором краниологические коллекции сопредельных к области регионов (Чикишева, 2012). Заметим, что для эпох неолита этого региона автором отмечен недифференцированный антропологический комплекс, который совершенно обоснованно объясняется не как результат метисации разных антропологических типов, а как следствие характерного общего и повсеместного процесса, незавершенности вычленения и обособления отдельных антропологических вариантов.

Одним из основных результатов исследования следует считать выделение двух базовых протоморфных антропологических общностей: северной евразийской антропологической формации и южной евразийской антропологической формации. На основе этих антропологических комплексов, начиная с эпохи неолита, в результате межпопуляционных взаимодействий и внутрипопуляционных процессов сформировалась многогранная структура антропологического состава населения южного региона Западной Сибири. Заметные изменения в антропологическом составе населения этого региона происходят в финале кротовской культуры – в эпоху сосуществования с носителями андроновской (фedorовской) культуры. Исследователем был выверен и описан сложный состав антропологических комплексов населения андроновской культуры. Если в степном Алтае и Минусинской котловине носители этой культуры демонстрируют вариант протоевропейского антропологического типа, то на территории Барабинской лесостепи происходит активное взаимодействие мигрантов андроновской общности и автохтонного населения. Заметим, что антропологу удалось проследить фактические пути метисации за счет расширения круга брачных связей, предполагающих приток женщин из популяций бегазы-дандыбаевской культуры.

Такой впечатляющий итог выверенной археологическими и антропологическими источниками реконструкции этнической истории региона стал основой для верификации результатов палеогенетического исследования, проведенного А.С. Пилипенко.

Вторая глава посвящена историографии и методологии палеогенетики и этногеномики. Автор последовательно обоснуждает факторы, осложняющие проведение полноценных палеогенетических исследований (деградация ДНК в костных ископаемых останках, загрязнение древних образцов современной ДНК). Важным достоинством этого раздела является перечень современных возможностей в области палеогеномики человека (наличие критериев верификации результатов, апробированный набор генетических маркеров, используемый в настоящее время). Проведенная оценка развития методологических подходов к анализу вариативности ДНК дает читателю представление о существовании апробированных статистических методов, позволяющих вычислять так называемую исходную предковую молекулу ДНК (теория коалесценции), получать информацию о пережитых миграционных событиях (метод поиска основателя). Совершенно самостоятельный интерес представляет изложение важнейших результатов исследования процесса формирования разнообразия митохондриальной ДНК в популяциях человека, филогенетических взаимоотношений разных видов рода *Homo*, и очень важных методологических критериев для анализа единичных и серийных палеоматериалов. В этой главе важно отметить параграф

с изложением основных результатов оценки структуры генофонда современного населения западносибирского региона, проведенный автором по результатам работ отечественных генетиков. Многокомпонентность генофонда на этой территории не оставляет сомнений в сложности и разнонаправленности миграционных потоков генетически контрастных групп населения (миграции имели место на протяжении всей истории освоения Западной Сибири).

Третья глава отвечает задачам, поставленным в первой главе археологами и антропологами, но решение ее проходит уже на основе палеогенетических материалов. Автор возвращает нас к краткому изложению реконструкции этногенетических процессов, полученной методами смежных наук, и приступает к анализу конкретных палеоантропологических образцов, использованных в генетическом исследовании. Кроме того, приводится перечень литературных источников, использованных для филогеографического анализа современных популяций. Этот параграф, как и последующие, отражающие этапы технического протокола по подготовке костного материала, экстракции, амплификации, клонирования продуктов ПЦР и секвенирования их с целью верификации выделенных последовательностей, определения нуклеотидной последовательности, как и определения достоверности полученных экспериментальных данных, могли занять достойное место в специальном приложении к монографии. Это замечание не умаляет значимости проведенной работы. Наоборот, читатель имеет возможность убедиться, как сложно получить верифицированный результат, и как много ситуаций, где генетик по объективным причинам рискует потерять возможность изучения древней ДНК.

В результате анализа достоверно выверенных 85 образцов из 111 участвовавших в исследовании, А.С. Пилипенко построил так называемое филогенетическое дерево митохондриальной ДНК для населения Барабинской лесостепи эпохи бронзы. Для наглядности носители различных археологических культур представлены разными цветами. Более того, для каждой группы носителей археологической культуры были построены филогенетические деревья и рассмотрены варианты гаплотипов, характерных для разных периодов. В результате, как и по данным антропологии, был вычленен двухвекторный компонент формирования разнообразия митохондриальной ДНК, но с другой географической ориентацией: западно-евразийский и восточно-евразийский. Для каждой из исследованных выборок был характерен своеобразный набор гаплотипов, но наиболее радикальные изменения прослежены для серии переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа. Как и по данным антропологии был вычленен общий генетический субстрат населения региона, который был описан А.С. Пилипенко по нескольким основным гаплогруппам (А, С и U5a).

Четвертая глава, в которой мы имеем возможность познакомиться с детальной этногенетической реконструкцией населения Барабинской лесостепи, подводит итоги проведенному исследованию. Здесь представлено несколько уровней обобщений. Первый дает возможность оценить сохранность генетической структуры древнего населения в современных популяциях Западной Сибири. Оказывается, что как в древности, так и сегодня население этого региона демонстрирует некоторую гетерогенность, вмещающая в свой генофонд западно-евразийские и восточно-евразийские линии митохондриальной ДНК, причем часть гаплогрупп дает одинаковую представленность, в первую очередь, за счет доминирования вариантов гаплогрупп С и U. Кроме того, часть гаплогрупп (как H – наиболее распространенная в наши дни) в древности появляется лишь в переходный период от эпохи бронзы к эпохе железа; гаплогруппа D была привнесена в своем разнообразии в генофонд

современного населения, а в древности развивалась за пределами Западной Сибири, скорее всего – на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Гаплогруппа С получает свое развитие лишь в периоды ранней и доандроновской развитой бронзы. И самым важным итогом этого уровня реконструкции следует считать идентификацию гаплогруппы Z как индикатора древнего автохтонного субстрата этого региона. В наше время эта гаплогруппа в регионе Западной Сибири практически не встречается.

Второй уровень обобщения касается реконструкции этногенеза ранних периодов заселения Барабинской лесостепи. И здесь, не пересказывая всех деталей реконструкции, важно коснуться пересечения результатов археологии, генетики и антропологии. Выделенное по данным археологии на примере усть-тартасской культуры своеобразие и аналогии с синхронными северо-западными территориями Северо-Восточной Европы и Приуралья и детально обозначенный Т.А. Чикишевой недифференцированный антропологический комплекс (так называемая северная евразийская антропологическая формация) находят подтверждение в данных палеогенетики. Приятно отметить, что и далее при оценке населения, обитавшего на территории Барабы в эпоху ранней и развитой бронзы доандроновского этапа, все три источника сходятся в общем мнении об автохтонном развитии групп нескольких археологических культур. При оценке влияния миграций носителей андроновской культуры, становится понятным, что археологические модели сосуществования носителей позднелесостепной и андроновской культур как и антропологическая реконструкция Т.А. Чикишевой о притоке женщин из популяций бегазы-дандыбаевской культуры, имели место. Данные палеогенетики свидетельствуют еще и в пользу предположения археологов, что помимо носителей андроновской культуры на этой территории были и миграции населения с юга Западной Сибири. А в переходный период от эпохи бронзы к эпохе железа поток с юга на территорию Барабинской лесостепи становится более очевидным, и эта часть генофонда сохраняется у представителей современного населения региона (по данным антропологии южная евразийская формация). Как видим, в результате интеграции данных в ключевых моментах все три источника сходятся, а генетика дает еще и детализацию некоторых сюжетов.

И, наконец, последний уровень обобщений – это совершенно новый пласт, который практически недоступен по археологическим и антропологическим источникам. Благодаря детализации и диахронному анализу митохондриальной ДНК НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва

современного и древнего населения этого региона помимо упомянутой гаплогруппы Z, был выделен вероятный автохтонный компонент гаплогруппы A10 и доказана эволюция его базового варианта (223–227AC–290–311–319) на этой территории. Таким образом, показана эффективность применения палеогенетического подхода наравне с традиционными археологическими и антропологическими исследованиями.

Рекомендуя эту монографию не только специалистам по эпохе бронзы Сибири, но и всем, пытающимся оценить новаторские методы в интеграционных проектах, подчеркну, что к каждой главе прилагается обширный библиографический список. Это позволит не только студентам и аспирантам получить доступ к качественным работам по теме, но и расширить наше представление о широких возможностях современной науки. Отрадно, что в этом междисциплинарном поле работают не только зарубежные, но и отечественные специалисты. В данном случае можно поздравить творческий коллектив наших коллег из Новосибирска, которые под руководством В.И. Молодина сумели провести исследование, отвечающее всем современным требованиям мировой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 186 с.
- Молодин В.И. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // АЭАЕ. 2006. № 4. С. 115–121.
- Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с.
- Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Маништейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могилище Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I / Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2003. С. 441–446.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

А.П. Бужилова

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezzov R.O.

MULTIDISCIPLINARY STUDIES OF THE POPULATION OF BARABA FOREST-STEPPE IN THE 4th – 1st MILLENNIA: ARCHAEOLOGICAL, PALEOGENETIC AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS. Novosibirsk: Publish. House of SB RAS, 2013. 220 p.

REFERENCES

- Chikisheva T.A., 2012. Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita – ran-

nego zheleza [Dynamics of the anthropological differentiation of the population of the south region of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk: IAE SO RAN. 468 p.

- Molodin V.I.*, 1985. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 186 p.
- Molodin V.I.*, 2001. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla) [Site Sopka-2 on the Om' river (cultural and chronological analysis of the burial complexes of the Neolithic and Early Metal Age)]. Novosibirsk: IAE SO RAN. 128 p.
- Molodin V.I.*, 2006. Nekropol' gorodishcha Chicha-1 i problema pogrebal'noy praktiki nositeley kul'tury perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi [Necropolis of the settlement Chicha-1 and the problem of the burial practice of the culture makers in the time of transition from the Bronze Age to the Iron Age]. *AEAE*, 4, pp. 115–121.
- Molodin V.I., Sofeykov O.V., Deych B.A., Grishin A.E., Chemyakina M.A., Manshteyn A.K., Balkov E.V., Shatov A.G.*, 2003. Novyy pamyatnik epokhi bronzy v Barabinskoy lesostepi (mogil'nik Tartas-1) [New site of the Bronze Age in Baraba forest-steppe (necropolis Tartas-1)]. *Problemy arkhologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and the adjacent territory], vol. IX, part I. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 441–446.
- Institute and Museum of Anthropology,
Lomonosov Moscow State University, Moscow*
- A.P. Buzhilova*

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОИНФОРМАТИКА”. МОСКВА, ИА РАН, 20–22 мая 2015 г.

20–22 мая 2015 г. в Москве в Институте археологии РАН прошла Вторая Международная конференция “Археология и геоинформатика”, продолжившая серию мероприятий, организация которых, начиная с 2003 г., проводилась бывшей группой “Археолого-географических информационных систем” (АГИС) отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в форме круглых столов, школ и конференций (Коробов, 2004а; б; Археология и геоинформатика, 2012). Цель конференции – продвижение современных геоинформационных технологий в археологических исследованиях.

Прозвучавшие выступления и дискуссии были посвящены нескольким направлениям в применении методов геоинформатики в археологии, выделенным в виде секционных заседаний: 1) географо-информационные системы (ГИС) в археологических исследованиях; 2) данные дистанционного зондирования (ДДЗ), фотограмметрия и трехмерное моделирование в археологии; 3) геофизические методы в археологических исследованиях.

Всего на конференции прозвучало 37 докладов, сделанных исследователями из Армавира, Великого Новгорода, Ижевска, Казани, Москвы, Новосибирска, Пскова, Самары, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Троицка, Тулы, Тюмени, Уфы, а также Берлина, Мюнхена и Тюбингена (Германия). К моменту открытия конференции были изданы тезисы докладов с программой и списком участников (Археология и геоинформатика, 2015), по результатам работы форума планируется выпустить сборник докладов в качестве очередного восьмого тома электронного издания “Археология и геоинформатика”.

Конференция открылась 20 мая 2015 г. пленарным заседанием под председательством Д.С. Коробова с доклада *Н.А. Макарова*, *А.Н. Ворошилова*, *О.В. Зеленцовой*, *Д.С. Коробова* и *А.П. Черникова* «Первый опыт создания геоинформационной системы национального масштаба “Археологические памятники России”». Предложенная авторами система описания и картографирования отчетной информации о памятниках археологии Российской Федерации вызвала широкую дискуссию у аудитории. Несомненный интерес вызвал также доклад *Ст.А. Васильева*, посвященный перспективам использования ГИС в городской археологии Санкт-Петербурга.

Заседание продолжилось в рамках секции “ГИС в археологических исследованиях” (председатели – Д.С. Коробов, И.В. Журбин), объединившей 10 докладчиков. *В.И. Мельник* выступил с освещением регионалистических проблем в археологии и путей их решения с помощью ГИС. *А.В. Старовойтовым* был представлен прекрасный пример комплексной разработки инфраструктуры пространственных данных для ведения археологических исследований в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, включающий ГИС, ДДЗ, геофизическое обследование и трехмерное моделирование, выполненное с помощью фотограмметрии на высоком профессиональном уровне.

В докладе *А.А. Довгалева* рассматривались технические аспекты использования топографо-геодезической основы

археологической геоинформационной системы. *М.И. Петров* продемонстрировал возможности ГИС при изучении массового материала из раскопок городских слоев Великого Новгорода. *А.Г. Колонских* посвятил свое выступление созданию коммуникативных и гравитационных связей поселенческих памятников бахмутинской культуры низовьев р. Белая. Первый опыт создания ГИС и применения пространственного анализа в изучении археологической культуры Юго-Восточной Прибалтики римского времени был продемонстрирован в докладе *О.А. Хомяковой* и *П.С. Успенского*.

Далее прозвучали два доклада, посвященные компьютерному картографированию отдельных категорий предметов – металлических зеркал IV–X вв. с центральной петелькой, украшенных ломаной линией, характерных для аланской культуры Северного Кавказа, – *З.Х. Албеговой* и *В.Б. Ковалевской* и височных колец XI – первой половины XII в. центра Русской равнины как элемента славянского племенного костюма – *А.А. Попова*. Данное направление было продолжено докладчиками, использующими ГИС для изучения исторической топографии средневековых русских городов. Блестящее применение ГИС при компьютерном моделировании территории средневекового Новгорода было продемонстрировано в докладе *М.И. Петрова*, сделанном в соавторстве с *А.О. Тарабардиной*. В свою очередь *К.Н. Фомин* поделился опытом использования методов пространственного анализа для изучения исторической топографии Тулы и выявления памятников археологии в черте современного города.

Конференция была продолжена 21 мая 2015 г. заседанием секции “ДДЗ, фотограмметрия и трехмерное моделирование в археологии”, прошедшей под председательством С.Л. Смекалова и Ст.А. Васильева. Введение в область применения ДДЗ (космической съемки) в археологических исследованиях осуществил *Н.П. Антимов*. Прекрасный пример восстановления пространственного положения береговой линии водоемов в голоцене на основе археологических данных, космических снимков и цифровой модели рельефа был продемонстрирован *О.Ю. Зимин* в соавторстве с *О.С. Сизовым*. Использованию современных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для фотографической съемки в полевых археологических исследованиях были посвящены доклады *М.О. Жуковского*, использующего мультироторные БПЛА, и *Е.В. Столярова*, применяющего БПЛА самолетного типа. Последним автором также рассматривались аспекты законодательного регулирования в практическом использовании БПЛА, что вызвало живой интерес у аудитории.

Тема применения ДДЗ в археологии прозвучала в докладе *Д.В. Валькова*, посвященном сравнению отображения курганных могильников на актуальных космических снимках открытого доступа и архивных фотографиях американского спутника-шпиона CORONA. *Д.В. Рукавишников* совместно с *И.В. Рукавишниковой* и *П.А. Морозовым* представил доклад, рассматривающий комплексное использование низковысотной аэрофотосъемки и геофизических методов при исследовании

каменных курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине (Тува).

Особенностью нынешней конференции стал растущий интерес к методам трехмерного моделирования, в особенности к использованию фотограмметрии, обусловленный широким внедрением современного программного обеспечения. Методическим аспектам применения широкодоступных методов фотограмметрии при археологических разведках и раскопках был посвящен доклад *Ст.А. Васильева*. *М.О. Жуковский* продемонстрировал блестящий пример использования фотограмметрии для фиксации затопленных объектов при подводных археологических исследованиях в акватории Фанагории. Интересным опытом работы Лаборатории цифровой археологии “Археологического центра Псковской области” в области трехмерного лазерного сканирования поделились *Р.Г. Подгорная* и *М.А. Васильев*. *И.И. Гайнуллин* в соавторстве с *А.В. Касимовым* и *Б.М. Усмановым* представил результаты трехмерного моделирования объектов культурного наследия исторического поселения Свияжск, выполненного также с помощью цифровых лазерных сканеров.

Созданию исторической трехмерной реконструкции древних и средневековых поселений, полученной в результате археологических раскопок и геофизических обследований, были посвящены два следующих доклада. *И.А. Аржанцева* представила оригинальные результаты 3D-реконструкции комплекса Пор-Бажын (Тува), полученные совместно с *Р.А. Вафеевым*, *А. Шубертом* и *Г. Харке*. *А.А. Малышев*, *В.В. Моор* и *Д.И. Жеребятнев* совместно с *Т.Н. Смекаловой* и *А.В. Чудиным* провели комплексные исследования юго-восточного пограничья Боспора, послужившие основой для 3D-моделирования антропогенного ландшафта в раннеримское время. Весьма впечатляющими выглядели компьютерные анимационные ролики, подготовленные авторами и демонстрирующие не только архитектурные сооружения и ландшафты, но и степень обзора и реконструкцию передачи дымового сигнала между античными крепостями.

Заключительный доклад на данной секции был сделан *Е.В. Сухановым*, использовавшим трехмерное моделирование при изучении объемов средневековых “причерноморских” амфор и получившим весьма интересные и обоснованные результаты. Далее для участников конференции во дворе ИА РАН был проведен мастер-класс по использованию мультиторного БПЛА, организованный *М.О. Жуковским*. Были продемонстрированы основные технические приемы по подготовке к полету мультиторного БПЛА и управлению им в воздухе при производстве низковысотной аэрофотосъемки.

Завершающее заседание конференции 22 мая 2015 г. прошло в рамках секции “Трехмерное моделирование и геофизические методы в археологических исследованиях” (председатели – *И.А. Аржанцева*, *Д.С. Коробов*). Работа секции началась с доклада *Д.Д. Ульянова*, представившего программу автоматизированной обработки археологических чертежей АрхПро, позволяющую автоматически переводить чертежи, выполненные на бумаге, в растровый формат цифровых данных. Подготовка векторных чертежных данных для трехмерного моделирования в системе автоматического проектирования *AutoCAD* была представлена в сообщении *В.В. Мокрушина*. *Н.Д. Двуреченская* совместно с *К.А. Сивковым* поделилась опытом 3D-реконструкции эллинистической крепости Узундара, расположенной на северной границе Бактрии в горах Байсуна (Республика Узбекистан).

Далее прозвучал ряд докладов, посвященных комплексному использованию геофизических методов в археологических исследованиях, который открыло сообщение *Й. Фассбиндера*,

подготовленное совместно с *К.К. Пиллером* и *М.Д. Данти*, о поисках древнего урартского города Мусасир на северо-востоке Иракского Курдистана. Авторы представили убедительные интерпретации данных археологических раскопок, сведений письменных источников и результатов геомагнитной разведки, позволяющие с высокой степенью надежности локализовать этот древний город. Геомагнитная разведка успешно применялась в Казахстане и на Ставрополье при изучении больших курганов раннего железного века и их периферии, о чем был сделан блестящий доклад *А. Гасса*, подготовленный в соавторстве с *Г. Парцингером*, *А.Б. Белинским* и *Й. Фассбиндером*. Серию докладов, посвященных результатам совместных российско-немецких проектов по изучению археологических древностей России, продолжил доклад *Д.В. Журавлева*, сделанный им совместно с *Д. Кельтербаумом* и *У. Шлотцауером*. В нем были представлены новые данные по палеогеографии Таманского полуострова в эпоху античности, позволяющие пересмотреть существующие на сегодняшний день реконструкции ландшафтов Тамани, что вызвало оживленную дискуссию среди участников конференции.

Новые технические возможности по применению высокочастотной магнитной разведки, проводимой на археологических объектах с помощью БПЛА, демонстрировались *А.П. Фирсовым* (соавторами выступили *М.И. Этов*, *И.Н. Злыгостев*, *А.В. Савлук*, *П.А. Вайсман*, *А.С. Колесов* и *А.С. Шермет*). Данный доклад также вызвал заинтересованное обсуждение технических деталей используемого авторами метода. В докладе *И.В. Журбина* рассматривались комплексные геофизические исследования средневекового городища Учкакар, проводившиеся с помощью электро- и магнитометрии, а также георадиолокации. Результаты магнитной разведки на городище и некрополе “Белинское” в Крыму были показаны в докладе *С.Л. Смекалова* в соавторстве с *В.Г. Зубаревым*. *И.А. Аржанцева* совместно с *М.Е. Модиным*, *С.А. Ерохиным*, *Г. Харке* и *А. Тажекеевым* представила результаты комплексных геофизических исследований на городище Джанкент (Республика Казахстан), позволивших существенно уточнить планировку данного памятника.

Два заключительных доклада стали примерами применения метода георадиолокации в археологических исследованиях. *Н.Д. Двуреченская* совместно с *П.А. Морозовым* поделилась опытом использования георадара при разведке на упоминавшейся выше крепости Узундара. *Д.Л. Шишков* и *А.А. Ключко* представили технологию георадарной съемки с использованием геодезических навигационных приемников и ее применение для исследования археологических памятников.

В заключительной дискуссии по итогам конференции участниками были высказаны пожелания продолжить сложившуюся практику проведения регулярных форумов, посвященных применению ГИС и геофизических технологий в археологии. Было отмечено, что количество докладов, посвященных трехмерному моделированию, в особенности с помощью методов фотограмметрии, на данной конференции по сравнению с предыдущими существенно выросло; при этом уменьшился интерес к методам геофизики, применяемым в полевой археологической практике, что, возможно, отражает существующие тенденции в российской археологической науке.

Таким образом, Вторая Международная конференция “Археология и геоинформатика” продемонстрировала неуклонное внедрение в археологию геоинформационных методов и технологий, расширение областей использования данных дистанционного зондирования, трехмерного моделирования и методов геофизического обследования, что позволяет отечественным специалистам следовать современному зарубежному опыту в данном направлении и успешно конкурировать с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология и геоинформатика. Первая Международная конференция: тез. докл. Москва, 23–25 мая 2012 г. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2012. 52 с.
- Археология и геоинформатика. Вторая Международная конференция: тез. докл. Москва, 20–22 мая 2015 г. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2015. 52 с.

Институт археологии РАН, Москва

Коробов Д.С. Круглый стол “Геоинформационные технологии в археологических исследованиях” (Москва, 2003) // РА. 2004а. № 1. С. 181–183.

Коробов Д.С. Круглый стол “Археология и геоинформатика” (Москва, 2004) // РА. 2004б. № 4. С. 180, 181.

Д.С. Коробов

REFERENCES

Arkheologiya..., 2012. Arkheologiya i geoinformatika. Pervaya Mezhdunarodnaya konferentsiya: tezisy dokladov [Archaeology and geoinformation technologies. The First International Conference: theses]. D.S. Korobov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 52 p.

Arkheologiya..., 2015. Arkheologiya i geoinformatika. Vtoraya Mezhdunarodnaya konferentsiya: tezisy dokladov [Archaeology and geoinformation technologies. The Second International Conference: theses]. D.S. Korobov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 52 p.

Institute of Archaeology RAS, Moscow

tional Conference: theses]. D.S. Korobov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 52 p.

Korobov D.S., 2004a. Kruglyy stol “Geoinformatsionnye tekhnologii v arkheologicheskikh issledovaniyakh” (Moskva, 2003) [Round table “Geoinformation technologies in archaeological researches” (Moscow, 2003)]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1. P. 181–183.

Korobov D.S., 2004b. Kruglyy stol “Arkheologiya i geoinformatika” (Moskva, 2004) [Round table “Archaeology and geoinformation technologies” (Moscow, 2004)]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4. P. 180, 181.

D.S. Korobov

К 70-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ФЕДОРОВИЧА КИРЮШИНА

Темп современной жизни стремительно увеличивается. Годы пролетают быстро, отсчитывая десятилетия. Кажется, что совсем недавно отмечалось 60-летие Юрия Федоровича Кирюшина, а вот уже подошла и другая круглая дата, ставшая поводом для написания данной статьи биографического плана. Сложно в кратком очерке отразить все многогранные моменты жизни и деятельности юбиляра, поэтому обозначим основные штрихи, опираясь на ранее вышедшие публикации (Профессор..., 1996; Шамшин, 2000; Ректор..., 2006. С. 6–17; Тишкин, 2006) и дополняя их новыми сведениями.

Кирюшин Юрий Федорович родился 13 января 1946 г. в г. Бердске Новосибирской области. В 1964 г. после окончания средней школы он был принят в Институт катализа СО АН СССР препаратором, а затем переведен на должность лаборанта. В 1965 г. поступил в Томский государственный университет (ТГУ), где обучаясь на историко-филологическом факультете, посещал археологический кружок под руководством В.И. Матюшенко, ездил в экспедиции. Еще до окончания университета Юрий Федорович стал заведующим Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ. Летом 1969 г. он провел первую самостоятельную экспедицию по р. Васюган, а осенью был отправлен на стажировку в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, что сыграло важную роль при формировании молодого ученого (особое значение имели встречи с выдающимся советским исследователем М.П. Грязновым).

С конца 1970 г. Ю.Ф. Кирюшин был зачислен младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при ТГУ, которой руководил известный историк А.П. Бородавкин. В первой половине 1970-х годов им была проделана огромная работа по обследованию и изучению археологических памятников севера Томской области. Результатом стала кандидатская диссертация “Бронзовый век

Васюганья”, написанная под руководством Л.А. Чиндиной и защищенная в феврале 1977 г. в Институте археологии АН СССР (г. Москва). Летом того же 1977 г. (после избрания по конкурсу) Юрий Федорович принял старшим преподавателем на кафедру истории СССР Алтайского государственного университета (АлтГУ), и он вместе с семьей переехал в Барнаул, где и поныне проживает.

В 1978 г. в АлтГУ была создана внебюджетная Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая, которая дала толчок развитию научных исследований и формированию коллектива сотрудников. Будучи заведующим лабораторией, Ю.Ф. Кирюшин организовывал работу хозяйственных археологических экспедиций на памятниках, попадавших в зоны строительства объектов народного хозяйства. Кроме этого осуществлялись масштабные обследования слабо изученной территории Алтайского края. Результаты таких изысканий заложили основу качественно нового этапа в изучении археологии юга Западной Сибири и Алтая.

В 1979 г. вышла первая научная монография Ю.Ф. Кирюшина “Бронзовый век Васюганья”, написанная в соавторстве с географом А.М. Малолетко. Эта книга на протяжении многих лет была образцом эффективного использования естественно-научных методов в археологии. Плодотворное сотрудничество двух ученых, начавшееся еще в Томске, продлилось на долгие годы и зафиксировано в публикациях. Одной из крупных таких работ стала еще одна монография, в которой нашли отражение материалы многолетнего изучения поселения эпохи бронзы Березовая Лука в Алейском районе Алтайского края (Кирюшин и др., 2005).

В марте 1980 г. Ю.Ф. Кирюшин был избран доцентом кафедры истории СССР АлтГУ. За время работы преподавателем он вел различные курсы, а также выполнял общественные поручения. Будучи куратором студенческой группы, руководителем учебной археологической практики, курсовых и дипломных работ, много общался с обучающейся молодежью. Эта деятельность оставила глубокий след в жизни Юрия Федоровича. До сих пор выпускники университета поддерживают связь со своим “шефом”, отдавая дань уважения человеку, много сделавшему для них.

Активная исследовательская деятельность позволила Ю.Ф. Кирюшину собрать значительный по объему археологический материал, потребовавший серьезного обобщения. Для подготовки докторской диссертации Юрий Федорович в 1983 г. был переведен на должность старшего научного сотрудника. В течение двух лет осуществлялась кропотливая работа по систематизации имевшихся данных и введению их в научный оборот. Большое значение имели проведенные в Барнауле конференции, а также выход научных сборников, ставших “лицом” барнаульской археологии. Важным результатом было создание Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ (1985). Следует указать на постоянное сотрудничество Ю.Ф. Кирюшина с учеными ближайшего академического учреждения – Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР во главе с академиком А.П. Окладниковым. Именно эти контакты позволили существенным образом повысить авторитет археологов АлтГУ, что выразилось в совместных изданиях, экспедициях, конференциях и проектах.

В 1987 г. в Новосибирске состоялась защита подготовленной докторской диссертации “Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья”. Это был успех не только лично Ю.Ф. Кирюшина, но и руководимого им коллектива. Получение степени доктора наук давало много возможностей уже другого уровня. Они и были реализованы в последующие годы. В 1988 г. Ю.Ф. Кирюшин избирается профессором кафедры дореволюционной отечественной истории, а с открытием на историческом факультете кафедры археологии, этнографии и

источниковедения возглавляет ее. Новое подразделение быстро и эффективно развивается и становится одним из лучших в АлтГУ. Эта традиция сохраняется до сих пор. Благодаря появившимся возможностям учебная и исследовательская работа в конце 1980-х годов стала приобретать концептуальный характер. Это выразилось в широкой специализации и создании научной школы. Развитию археологии способствовали масштабные раскопки в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС, а также другие многочисленные хозяйственные работы на территории Алтайского края.

В 1990 г. Ю.Ф. Кирюшин получил звание профессора, а с 1991 г. начинается важный этап в его деятельности на должности проректора по научной работе АлтГУ. Огромная энергия, коммуникабельность и целеустремленность позволили Юрию Федоровичу существенным образом продвинуть научную деятельность в вузе. Увеличилось число аспирантов, открылась докторантура на историческом и физическом факультетах, созданы научно-исследовательские институты, получены гранты и возможности участвовать в федеральных программах, организованы кандидатские и докторские диссертационные советы и мн. др. При такой активной работе рос авторитет провинциального вуза. В 1991 г. был открыт Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований. Юрий Федорович стал его научным руководителем. На базе этого НИИ позже создана совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири. Являясь ее заведующим, Ю.Ф. Кирюшин сделал много полезного для развития сибирской науки. Постоянные контакты с академиками А.П. Деревянко и В.И. Молодиным способствовали укреплению необходимых связей и росту уровня археологических исследований на Алтае.

В 1994 г. на историческом факультете был открыт диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций сначала по двум, а затем по трем специальностям. Ю.Ф. Кирюшин стал его председателем. За время работы защищено значительное число диссертаций соискателями из многих городов Сибири. В результате АлтГУ стал центром подготовки высококвалифицированных кадров в области исторических знаний. Стоит отметить, что многие кандидатские диссертации состоялись под руководством Юрия Федоровича. Успешная работа совета позволила преобразовать его в совет по защитах докторских диссертаций (2005) по археологии, отечественной истории, историографии, источниковедению и методам исторического исследования.

В 1997 г. Ю.Ф. Кирюшин был избран ректором АлтГУ. Положительные результаты деятельности способствовали переизбранию его еще на один срок. Занимая столь ответственную административную должность, Юрий Федорович никогда не оставлял научные исследования. Однако они приобрели несколько иной характер. Не имея возможности подолгу находиться в экспедициях, Ю.Ф. Кирюшин сосредоточился на обобщении уже полученных результатов. За эти годы опубликовано восемь монографий! Вершиной такой работы стали объемные книги, написанные на основе докторской диссертации и отражающие многолетние исследования автора: “Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири” (2002) и “Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири” (2004). Особенно впечатляют проведенные изыскания в трудных полевых условиях на территории болотисто-таежной равнины Среднего Приобья.

Вклад Ю.Ф. Кирюшина в археологическое изучение Западной и Южной Сибири значителен. Его научные интересы довольно широки: от палеолита до эпохи средневековья. Однако особый приоритет отдается энеолиту и бронзовому веку. Проведенные в течение многих лет экспедиции под руководством Юрия Федоровича дали материал, позволивший по-новому и

существенным образом решать имевшиеся проблемы. Список научных работ Ю.Ф. Кирюшина насчитывает более пяти сотен позиций. Он является автором и соавтором более 20 монографий, редактором и соредактором нескольких десятков изданий, входит в состав редакционных советов, в том числе журнала «Российская археология». Созданная им научная школа в области археологии продолжает свой потенциальный рост. Это выражается в количестве полученных грантов и осуществленных экспедиций, выпущенных сборников и монографий, проведенных конференций и семинаров, а также в других важных исследовательских результатах. Частным примером этого может стать упоминание о том, что Юрий Федорович был научным консультантом шести защищенных докторских диссертаций.

За свою трудовую деятельность Ю.Ф. Кирюшин неоднократно отмечен благодарностями, почетными грамотами, дипломами и премиями. В 1997 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник АлтГУ», в 1998 г. он был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России», а в 2004 г. стал «Заслуженным работником высшей школы Российской Федерации». Ю.Ф. Кирюшин – лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования (2002). В 2003 г. он был удостоен звания «Почетный профессор АлтГУ», а также получил знак «За заслуги перед городом Барнаулом». В 2004 г. совершена запись фамилии Юрия Федоровича в Книгу Почета Сибири за большой личный вклад в развитие исторической науки. В 2005 г. присвоено звание «Заслуженный деятель Республики Алтай» с вручением нагрудного знака. На посту ректора АлтГУ Ю.Ф. Кирюшину удалось сделать многое: АлтГУ стал стабильно входить в число 100 лучших вузов России, а его руководитель неоднократно удостоивался почетного знака «Ректор года».

*Алтайский государственный университет, Барнаул
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

В настоящее время Юрий Федорович занимает пост Президента Алтайского государственного университета, продолжая работать профессором на кафедре археологии, этнографии и музологии и заведующим Лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН, а также является председателем диссертационного совета. Он продолжает плодотворно трудиться над созданием своих научных сочинений и руководить исследовательскими проектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.* Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 288 с.: ил.+вкл.
- Ректор Алтайского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Кирюшин Юрий Федорович: Библиография / Сост. А.А. Тишкин, Т.Б. Ухналева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 100 с.
- Профессор Юрий Федорович Кирюшин: Библиография научных трудов / Сост. А.Б. Шамшин. Вступит. статья: В.Н. Владимиров, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. 30 с.
- Тишкин А.А.* Юрий Федорович Кирюшин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 157, 158.
- Шамшин А.Б.* Кирюшин Юрий Федорович // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 141, 142.

*А.А. Тишкин, А.Л. Кунгуров,
Д.В. Патин*

К ЮБИЛЕЮ Н.В. РЫНДИНОЙ

21 февраля 2016 г. исполняется 80 лет доктору исторических наук, профессору кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Наталии Вадимовне Рындиной – талантливому археологу, одному из крупнейших отечественных исследователей ранних металлоносных культур и проблем истории древней металлургии.

Н.В. Рындина родилась в московской семье, отличавшейся особой творческой атмосферой: ее отец В.Ф. Рындин был главным художником Большого театра, действительным членом Академии художеств, а прадед А.И. Черепнин – нумизматом и археологом, собравшим огромную историческую библиотеку. В семейном кругу и в общении с такими известными учеными, как Л.В. Черепнин и Б.А. Колчин, сформировался интерес Наталии Вадимовны к истории. В 1953 г. она поступила на исторический факультет МГУ, который закончила с отличием по кафедре археологии в 1958. Н.В. Рындина – ученица Б.А. Колчина, прошедшая специальную подготовку на кафедре металловедения Института стали и сплавов – применила новаторский подход к изучению украшений из раскопок средневекового Новгорода. Объединив визуальный осмотр, металлографию, анализ химического состава металла и свидетельства исторических источников, она раскрыла производственные секреты новгородских мастеров, убедительно доказав высокий технический уровень ремесла и сложный характер его социальной организации. Ее дипломная работа «Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв.» (МИА. № 117. С. 200–247), опубликованная в 1963 г., до сих пор не утратила своей акту-

альности, являясь настольной книгой для нескольких поколений исследователей древнерусского ювелирного ремесла.

После окончания университета Наталия Вадимовна была оставлена на кафедре археологии, где прошла путь от художника-реставратора до профессора, проработав без перерыва 57 лет. В 1960–1970 гг. ее научные интересы были связаны с металлопроизводством трипольских племен (Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: МГУ, 1971. 144 с.). В 1967 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме “Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы”. Энеолитический металл Болгарии и древнейшая медь степной и лесостепной зон Восточной Европы оказались в фокусе исследований Наталии Вадимовны в 1980–1990 гг. Их результаты стали основой для создания истории древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (Рындина Н.В. О периодизации древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (неолит–энеолит) // Вестник МГУ. 1992. № 6 (История). С. 62–75).

В 1994 г. Н.В. Рындина защитила докторскую диссертацию “Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите–энеолите)”, показав, что начало разработки медных месторождений Юго-Восточной Европы относится к неолиту (V тыс. до н.э.), который расценивается как время накопления древними металлургами эмпирических знаний, способов обработки металла, его sporadического использования в виде украшений и колочережущих орудий. С энеолитом Н.В. Рындина связывает культуру, которым присущи регулярное распространение медных изделий, в том числе орудий и оружия ударного действия, а также открытие упрочняющего характераковки (К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник МГУ. 1978. № 6 (История). С. 74–86). Взрывоподобный взлет металлургических достижений в энеолите рассматривается Н.В. Рындиной в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) и объясняется удивительными по совершенству техническими открытиями древних мастеров – широким использованием графитовых литейных форм, а также нанесением графитовых напылений на стенки форм, виртуозным владением видами кузнечной обработки металла. На раннем этапе истории провинции основным был гумельницкий очаг фракийско-нижнедунайского региона Юго-Восточной Европы. Отсюда мастера продвигались на восток, распространяя балканское сырье и методы его обработки. На втором этапе лидировали очаги тисско-трансильванского региона. Металлургия гумельницкого очага основана на использовании смешанных окисленных и сульфидных руд, перерабатываемых с помощью прямых восстановительных плавов в горнах сложной конструкции (Ryndina N., Indenbaum G., Kolosova V. Copper production from polymetallic sulphide ores of the Northeastern Balkan Eneolithic cultures // Jr. Archaeolog. Science. 1999. V. 26. P. 1059–1068). Эти выводы подтверждены и для других регионов Старого Света. Очаги металлопроизводства, образующие провинцию, были охарактеризованы с точки зрения приемов и технологических приспособлений обработки металла, путей получения исходного сырья, металлургических процессов его выплавки, организации и структуры производства (Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите–энеолите). М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.).

Важные выводы Н.В. Рындина получила при исследовании майкопского металла Северного Кавказа, в котором было задействовано более 300 образцов, изученных помимо металлографического другими методами естественных наук: F-радиографией, рентгенофлуоресцентным и электронно-зондовым

анализами. Полученные результаты, свидетельствующие о наличии окислов урана в майкопских изделиях, и позволили Наталии Вадимовне соотнести медно-мышьяковые сплавы с рудопоявлениями Даховского и Белореченского месторождений Кавказа, содержащими самородный мышьяк, мышьяково-никелевые минералы, никелин, аннабергит. Она смогла проследить четкую корреляцию между составом бронз и типом изделий и пришла к выводу о том, что майкопское металлопроизводство отличалось высокой технической культурой в сочетании с узкой профессиональной специализацией мастеров с институтом ученичества и клановой системой организации производства (Рындина Н.В., Равич И.Г. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2013. С. 89–110).

Исследования ранних материалов закономерно привели Н.В. Рындину к металлу Ближнего Востока – родины металлургического производства. В зоне ранних цивилизаций ей удалось найти аналоги и истоки майкопских редких технологий, служащие своеобразными реперами для выяснения взаимосвязей в производственной и культурной сферах между Кавказом, Анатолией и Месопотамией.

Н.В. Рындина – разносторонне одаренный человек: блестящий лектор, автор ряда университетских учебных пособий по археологии (Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М.: МГУ, 2002. 226 с.), глав 1–5 учебника “Археология” (Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. 2-е изд., испр., доп. М.: МГУ, 2012. С. 148–204). Она – один из ярких представителей особого направления в отечественной археологии, основанного на комплексном изучении древнего цветного металла с помощью морфолого-типологического, технологического и химикометаллургического методов. Синтезировав археологические и естественно-научные методы и тем самым расширив исследовательскую основу традиционной классификационно-типологической археологии, Н.В. Рындина внесла весомый вклад в изучение энеолита и эпохи бронзы, создав периодизацию древней металлургии Балкано-Карпатья и юга Восточной Европы.

Являясь руководителем лаборатории структурного анализа кафедры археологии, Н.В. Рындина разработала уникальную методику металлографического анализа археологических находок из меди и ее сплавов. По объему аналитических исследований древнего цветного металла лаборатория является крупнейшей в России и Европе (свыше 5000 образцов от эпохи энеолита до средневековья). Исследования археологических материалов были подкреплены созданием в сотрудничестве с И.Г. Равич эталонов микроструктур меди, сплавов медь–мышьяк; экспериментами по моделированию древних производственных процессов, приведшими к сложению уникальной базы данных по экспериментальным эталонным структурам литой и кововой меди в разных температурных режимах. С помощью этой методики были сделаны подлинные открытия в области истории металлургии: зафиксированы использование графитовых литейных форм, сульфидные плавки в энеолите Балкан, литье “навывпеск” в среднем бронзовом веке Юго-Восточной Европы и т.д. Методика нашла применение во многих лабораториях России, ближнего и дальнего зарубежья (Ryndina N. The potential of metallography in investigations of early objects made of copper and copper-based alloys // Jr. Historical Metallurgy Society. 2009. T. 43. № 1. P. 1–18).

На протяжении десятилетий Н.В. Рындина успешно совмещала аналитическую деятельность с полевыми работами. Начиная с 1955 г. она принимала участие в археологических экспедициях МГУ в Новгороде, руководила работами на Неревском (1956–1960 гг.) и Ильинском (1962, 1965–1967 гг.) раскопах. В 1979 г. Наталия Вадимовна организовала Трипольскую

экспедицию МГУ и провела раскопки трипольских поселений в Молдавии (1979–1984 гг.) и на Украине (1985, 1986 гг.), в ходе которых был исследован и введен в научный оборот ряд новых памятников энеолита и эпохи бронзы. Находки из трипольских молдавских поселений Друцы I и Старые Куконешты были представлены в 1982 г. на выставке ВДНХ “Древнейшие земледельцы Юго-Запада СССР”, за участие в которой в 1983 г. Наталия Вадимовна была награждена золотой медалью ВДНХ. В настоящее время антропоморфные, зооморфные статуэтки, кремневый инвентарь, сосуды из открытых ею поселений представляют культуру трипольских племен в экспозиции ГИМа.

Н.В. Рындина ведет активную педагогическую работу на кафедре археологии МГУ: читает лекции (“Основы археологии”, “Энеолит и бронзовый век”), ведет спецкурсы (“Энеолит и бронзовый век Юго-Запада СНГ”, “Энеолит юга Восточной Европы”, “Археология и металлография: история древнего металлопроизводства меди и ее сплавов”). Долгое время она также читала разделы по курсу “Естественно-научные методы в археологии”. Как преподавателя ее отличают увлеченность и широкая эрудиция, благодаря которым лекции и семинары Наталии Вадимовны привлекательны и чрезвычайно информативны.

Особую известность приобрел семинар “История древних производств” в рамках “Программы развития МГУ”, организованный Н.В. Рындиной в 1995 г. В его работе принимают участие не только начинающие археологи, но и ученые из университетов, академических институтов и ведущих музеев России, Франции, Великобритании и Италии. Работа семинара связана с изучением разных отраслей производственной деятельности

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт археологии РАН, Москва
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

человека – от неолита до позднего средневековья – с помощью методов естественных наук.

Под руководством Наталии Вадимовны была подготовлена целая плеяда высококвалифицированных специалистов: написаны 35 дипломных работ, 16 кандидатских и 2 докторские диссертации. Наталию Вадимовну отличает чувство ответственности за учеников, сочетающееся с доверием к их самостоятельному научному поиску. С полным основанием можно говорить о ее собственной научной школе изучения древнего и средневекового металла. Она является лауреатом премии им. М.В. Ломоносова 2005 г. за педагогическую деятельность.

Работы Н.В. Рындиной хорошо известны в России (свыше 130 публикаций, в числе которых монографии, учебники, статьи); они изданы в сборниках и ведущих периодических изданиях таких стран, как Великобритания, Франция, Италия, Болгария, Германия, Япония и США. С 1996 г. Н.В. Рындина – член международного Историко-металлургического общества (HMS), аффилированного с Британским институтом материалов; единственный российский исследователь, опубликовавший статью в журнале “Историческая металлургия” – одном из самых престижных в научном мире металлургических изданий. Н.В. Рындина принимает активное участие в работе общероссийских и международных научных симпозиумов, включая конференции по археометрии и археометаллургии (Чикаго, Будапешт, Амстердам, Сарагоса, Оксфорд, Милан).

Поздравляя Наталию Вадимовну с юбилеем, желаем ей дальнейших творческих успехов, новых научных открытий и крепкого здоровья.

*В.Л. Янин, Н.В. Енисова
Л.И. Авилова, А.В. Энговатова
А.Д. Дегтярева
Л.В. Конькова*

К ЮБИЛЕЮ МАРГАРИТЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ИВАНОВОЙ

20 ноября 2015 г. отмечает юбилей Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области культуры, заместитель директора Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор Маргарита Григорьевна Иванова.

Ровесница Победы, она родилась в д. Верхние Кватчи Можгинского района Удмуртской АССР. В 1963 г. Маргарита Григорьевна поступила в Можгинское педагогическое училище, за учебой в котором последовала работа учителем начальной школы. Но судьба приготовила ей другой путь: закончив в 1969 г. исторический факультет Удмуртского педагогического института, она поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР к выдающемуся советскому археологу А.П. Смирнову. Обучение в аспирантуре завершилось успешной защитой кандидатской диссертации “Хозяйство северных удмуртов во второй половине XI – начале XIII в.” (1975).

Конец 1960-х – начало 70-х годов – знаковый период в археологии Удмуртии: здесь начали появляться новые организационные структуры, для которых археология стала ключевой темой исследования. В 1972 г. в Ижевске был создан Удмуртский госуниверситет, где археология начала играть важную образовательную роль, в Республиканском краеведческом музее оживились археологические изыскания, а в 1969 г. в Научно-

исследовательском институте при Совете Министров УАССР (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН) был образован сектор археологии, куда после аспирантуры и пришла работать Маргарита Григорьевна Иванова.

Впервые в штате этого научного учреждения появился ученый-археолог, прошедший серьезную профессиональную школу в Москве. Иванова была принята старшим научным сотрудником сектора археологии и этнографии, затем стала заведующей сектором археологии. В 1996 г. ею была защищена докторская диссертация «Удмурты в эпоху средневековья (по материалам бассейна р. Чепцы конца I – начала II тысячелетия н. э.)». В непростые 1990-е годы М.Г. Иванова стала ученым секретарем УИИЯЛ УрО РАН, а в эпоху сложных современных трансформаций в РАН – заместителем директора по научной работе.

Тематику собственных научных изысканий Маргарита Григорьевна получила от своих именитых предшественников. Еще в 1880-е годы инспектор народных училищ, член-корреспондент Московского археологического общества Н.Г. Первухин начал работу по составлению археологической карты Глазовского уезда Вятской губернии. Эта карта была дополнена стараниями А.А. Спицына. В 1926 г. археологической экспедицией Главнауки во главе с ученым секретарем ее археологического подотдела С.Г. Матвеевым и аспирантом Института археологии и искусствознания РАНИОН А.П. Смирновым по инициативе Научного общества изучения Вотского края и Вотского облисполкома были начаты работы по изучению памятников на севере Вотской автономной области с целью воссоздания средневековой истории удмуртского народа. Эта экспедиция продолжила свои изыскания еще в течение нескольких лет под руководством А.П. Смирнова, для которого финно-угорская тематика станет значимой на долгие годы.

Еще одна волна подъема археологических исследований в Удмуртии приходится на 1954–1961 годы, когда усилиями В.Ф. Генинга была создана Удмуртская археологическая экспедиция, положившая начало собственным археологическим работам Удмуртского НИИ при Совете Министров УАССР.

Проблемы средневековой истории и культуры удмуртского народа в самых различных аспектах и на разных памятниках стали изучаться и М.Г. Ивановой. Но главный, ключевой объект ее научного интереса – городище Иднакар. Овеянное средневековыми легендами, привлекавшее исследователей и в прежние годы, с 1974 г. оно вновь стало раскапываться М.Г. Ивановой. Этим было заложено целое направление археологических исследований в Удмуртии.

Сегодня это городище IX–XIII вв. – одно из наиболее исследованных и значительных поселений всего финно-угорского средневековья. Источники, полученные в результате многолетних систематических исследований памятника, создали базу для характеристики многих сторон материальной и духовной культуры средневекового населения, которое в конце I – начале II тысячелетия н. э. составляло своеобразное ядро формирующейся удмуртской народности.

В многочисленных статьях и монографии «Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв.» (1998) М.Г. Ивановой удалось определить значение городища как военно-оборонительного, аграрно-ремесленного, торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующей этносоциальной общности.

Исследования на Иднакаре, начавшиеся по сугубо традиционным методикам, постепенно приобрели междисциплинарный характер. Маргарите Григорьевне удалось заинтересовать многих коллег из разных научных центров России перспек-

тивностью такого подхода. Более 20 лет специальное изучение ассортимента изделий кузнечного ремесла выполнялось В.И. Завьяловым (Москва), палеоботанические материалы исследовались В.В. Туганаевым, Т.П. Ефимовой, А.В. Туганаевым (Ижевск), археозоологические – А.Г. Петренко и О.Г. Богаткиной (Казань), болгарская керамика Н.А. Кокориной (Москва), изделия из резной кости – О.В. Арматынской (Ижевск).

С середины 1990-х годов, практически одновременно с начавшимся в России активным внедрением компьютерных технологий в обработку археологической информации, в исследованиях М.Г. Ивановой стали использоваться новые методы исследований. Необходимость их применения была вызвана как логикой развития археологии, так и сложностью обработки значительного объема материалов традиционными методами.

Важным технологическим моментом стало документирование результатов раскопок на основе компьютерного картографирования (ГИС MapInfo), позволяющее создавать цифровые карты планиграфических и стратиграфических разрезов культурного слоя. Применение технологии компьютерного картографирования открывало возможности решения многих проблем: хранения информации, создания виртуального образа памятника, что особенно важно в связи с уничтожением культурного слоя в процессе раскопок.

Археологическому сообществу городище Иднакар сегодня известно и интересно последовательным использованием естественнонаучных методов, во внедрении которых большую роль сыграло сотрудничество археологов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН с учеными Физико-технического института УрО РАН. В ходе совместных исследований с д.и.н. И.В. Журбиным был создан и успешно применен автоматизированный электронно-разведочный комплекс для изучения археологических памятников без вскрытия культурного слоя на основе электрометрических измерений, названный в честь археологического памятника «Иднакар».

В результате многолетней плодотворной деятельности сегодня исследователями сформирован комплекс методов реконструкции поселенческих памятников, охватывающий все этапы изысканий, начиная от совершенствования методики раскопок, полевой фиксации, использования естественнонаучных методов, геофизики, разработки баз данных и заканчивая компьютерным моделированием. Задачу следующего этапа междисциплинарных исследований М.Г. Иванова видит в получении новых знаний о других поселениях бассейна р. Чепцы, выявлении связей между ними, реконструкции процесса освоения региона в эпоху средневековья.

Конечно, не только чепецкие древности являются исключительным предметом интереса М.Г. Ивановой. Особо следует отметить ее участие в коллективных проектах «Археологическая карта северных районов Удмуртии» (2004), «Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки» (2012), научная редакция первого тома трехтомного издания «История Удмуртии с древнейших времен до XV в.» (2007).

Для профессора Ивановой важным в ее деятельности является и широкий социальный контекст применения результатов научных изысканий. Она и научный руководитель аспирантов, и лектор для студентов, и автор школьных учебников по истории Удмуртии (2006; 2012). Как эксперт, Маргарита Григорьевна востребована при обсуждении значимых вопросов по истории и культуре Удмуртской Республики.

Уникальные коллекции и фундаментальные исследования городища Иднакар и окружающих его памятников благодаря исследованиям М.Г. Ивановой нашли и другое социальное звучание. Они легли в основу созданного при ее активном участии

Историко-культурного музея-заповедника “Иднакар”, экспозиции которого открыли возможность приобщения к богатейшему археологическому наследию, к истокам родной культуры значительному кругу людей, интересующихся прошлым края.

Коллекции изученных М.Г. Ивановой археологических памятников дали мощный импульс и для творческого переосмысления их в современном искусстве Удмуртской Республики. Возрождение народных промыслов, использование археологических материалов в современном декоративно-прикладном искусстве, реконструкция средневековых костюмных комплексов и создание на ее основе костюмов для художественных коллективов – все это развивающиеся под воздействием археологических работ М.Г. Ивановой новые направления в культурной жизни Удмуртии.

Весьма знаменательно, что в оформлении герба Удмуртской Республики в качестве прообраза центральной фигуры

использовано изображение птицы из украшений Кузьминского могильника IX–XIII вв., изученного М.Г. Ивановой.

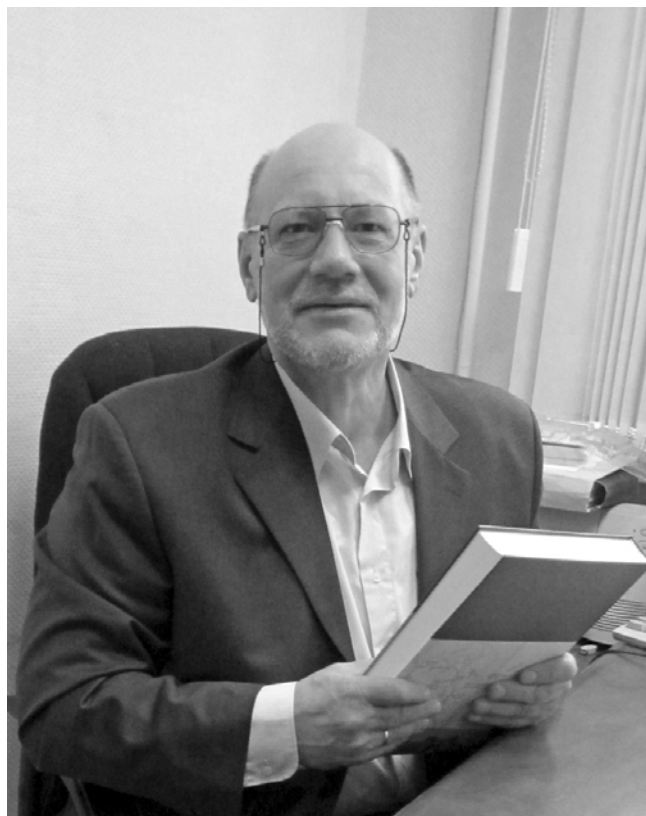
Благодаря исследованиям юбиляра, активной популяризации ею археологического наследия удмуртского народа городище Иднакар и чепецкие древности в целом стали в сознании жителей Удмуртии символом древней и средневековой истории региона, способствуя формированию этнической и региональной идентичности.

Оптимизм и огромное желание трудиться, познавать прошлое своего народа, щедро делиться своими знаниями – неотъемлемые черты характера Маргариты Григорьевны Ивановой. В непросто конкурентном научном поле ей удалось достойно выстроить свою профессиональную карьеру. Пожелаем юбиляру крепкого здоровья, научного долголетия, новых открытий, реализации задуманных проектов, воплощения научных идей!

Удмуртский государственный университет, Ижевск

О.М. Мельникова

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ СМІРНОВ (1949–2015)

18 февраля 2015 г. не стало Александра Сергеевича Смирнова – известного российского археолога, внесшего значительный вклад в развитие отечественной науки. А.С. Смирнов всегда был удивительно сдержан и никогда не жаловался на свое здоровье, вот почему даже для близких друзей, знавших

о многочисленных затяжных болезнях и перенесенных операциях, стал неожиданностью его быстрый уход. В читальном зале Отдела письменных источников Государственного исторического музея остались на стеллаже документы с надписью “Смирнов. В работе”. С обзором этих материалов Александр Сергеевич планировал выступить на конференции “Ученые и идеи: страницы истории археологического знания”, состоявшейся по его инициативе в Институте археологии РАН 24–25 февраля. Судьба распорядилась так, что конференция прошла под знаком прощания с нашим другом и коллегой.

А.С. Смирнов родился 4 декабря 1949 г. в Москве в семье служащих. По окончании средней школы (в 1967 г.) трудился рабочим и лаборантом в Государственном историческом музее, Государственном музее искусств народов Востока и НИИ антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина.

Интерес к археологии возник у него уже в старших классах средней школы. Значительное влияние на него оказали встреча и общение с М.Д. Гвоздовер, развившей и укрепившей его интерес к первобытности и изучению каменного века. В 1970 г. А.С. Смирнов поступил на вечернее отделение исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (закончил в 1976 г.); на кафедре археологии он под руководством Л.В. Греховой специализировался по неолиту Подесенья.

В 1972 г. на Брянщине А.С. Смирнов участвовал в раскопках Среднеднепровской экспедиции под руководством И.И. Артеменко, по рекомендации которого в марте 1973 г. поступил на работу в Институт археологии АН СССР. Правда, за отсутствием ставок в недавно созданном Секторе новостроечных экспедиций его приняли в хозяйств, оператором электрофотографических машин. Ему, аллергику, эта работа была категорически противопоказана, но жгучее желание копать, возможность в летние месяцы быть в поле победили медицинские противопоказания и доводы рассудка. Вскоре (в 1975 г.) Смирнов стал лаборантом Сектора новостроечных экспедиций и позже прошел все ступеньки карьерной лестницы, включая руководство Отделом охранных раскопок (1994–2004 гг.) и должность заместителя директора ИА РАН (2002–2005 гг.).

Организаторские способности А.С. Смирнова проявились быстро, и ему стали поручать руководство полевыми отрядами, но настоящую полевую школу он прошел в 1975–1977 гг. в Поволжской экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова и В.В. Дворниченко. У Владимира Васильевича, замечательного полевого методиста, Александр научился не только раскапывать курганы, но и руководить археологической экспедицией в нелегких условиях безводной нижневолжской степи. Это умение вскоре пригодилось: в 1978 г. он стал начальником Белгородско-Деснинской новостроечной экспедиции (с 1980 г. Деснинской), которой руководил вплоть до 1999 г., когда очередная операция вынудила его оставить активную полевую деятельность.

В 1980–1990-е годы Деснинская экспедиция была одной из крупнейших в Институте археологии. Она вела исследования на новостройках Брянской, Калужской, Орловской, Владимирской и Рязанской областей. Наиболее масштабные работы были проведены в зонах Брянского гидроузла на р. Десне и Верхнеокского – на р. Оке. Экспедиция также разрабатывала мероприятия по сохранению памятников археологии в зонах проектирования объектов мелиоративно-иригационного и дорожного строительства в районах Нечерноземья, вела охранные раскопки в полосе отчуждения и строительства этих объектов.

В это время для научных интересов А.С. Смирнова особое значение приобрели выразительные материалы эпохи неолита, полученные при раскопках стоянок Красное Х и Хормонное. На этих памятниках были впервые изучены стратифицированные участки культурного слоя, залегающие в торфяных отложениях и оторфованных песках. Хорошая сохранность органики в Хормонном, необычная для полесских памятников Подесенья и Поочья, позволила взять образцы для радиоуглеродного датирования и серию пыльцевых колонок. Благодаря этому удалось разработать объективную хронологическую шкалу для культур юга лесной зоны Восточной Европы и увязать их историю с культурами лесостепной и степной полосы.

В 1981 г. А.С. Смирнов стал соискателем в Отделе неолита и бронзы с темой “Неолит Верхнего и Среднего Подесенья” (руководитель Д.А. Крайнов). В декабре 1986 г. рукопись кандидатской диссертации была рекомендована к защите. Однако работа над ней продолжалась вплоть до начала 1990-х, когда была издана в виде монографии, а защита из-за болезни затянулась и состоялась лишь в 1993 г.

Оценивая монографию “Неолит верхней и средней Десны” (М.: ИА РАН, 1991), ставшую этапной в научной биографии А.С. Смирнова, необходимо отметить, что при разработке неолитической проблематики блестяще оправдал себя используемый автором геоморфологический подход. Он соответствовал общему тренду в археологии 1980-х годов, но к памятникам Подесенья и Поочья был применен впервые. А.С. Смирнову удалось обосновать причины сходства комплексов с ромбической керамикой, распространенных в единой геоморфологической зоне полесских ландшафтов. Отметим, что к этому сюжету он удачно вернулся спустя десятилетия, в 2010 г., когда, казалось, был уже весьма далек от неолитической проблематики.

Во второй половине 1980-х годов, когда в ИА РАН появились первые персональные компьютеры, А.С. Смирнов оказался буквально одержим “компьютерной болезнью” и даже закончил специальные курсы при МВТУ им. Н.Э. Баумана по изучению пакета AutoCAD. Свои познания он успешно использовал при написании плановых тем «Создание информационно-поисковой системы “Десна”» (1987–1989 гг.) и “Адаптация пакета AutoCAD для использования в археологических целях” (1990–1992 гг.). Как известно, программное обеспече-

ние основной массы баз данных создавалось в те годы отечественными программистами и с широким распространением операционной системы Windows оказалось, по существу, мертворожденным. Использование Смирновым пакета AutoCAD стало в этом ряду счастливым исключением. Применению компьютерных технологий в археологии он посвятил ряд статей. В 1980–1990-е годы А.С. Смирнов активно вел исследования памятников археологии с применением этих технологий, в частности, 3D-моделирования и методики дистанционного зондирования. В те же годы он участвовал в целевой общероссийской программе “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации”.

В 1994–2004 гг. А.С. Смирнов заведовал Отделом охранных раскопок. Главной задачей как руководителя, помимо сугубо производственных вопросов, он считал организацию взаимодействия проектных и строительных организаций с Институтом археологии РАН, нормативно-методическое обеспечение охранных археологических мероприятий и повышение их научного уровня. Отдел охранных раскопок не прекращал работ на новостройках даже в самые сложные годы перестройки. В “смутные девяностые” ему удалось наладить плодотворное и долгосрочное сотрудничество с крупными организациями федерального уровня (ТЭК, Федеральная дорожная служба), структурами Правительства Москвы и др., что обеспечило Отдел крупными договорами и в значительной степени гарантировало перспективу развития Института археологии в целом.

В эти годы А.С. Смирнов уделял особое внимание новым методикам исследования территорий и памятников. Ряд сотрудников Отдела прошел обучение ГИС-технологиям в МГУ, стажировался в школе “Воздушной археологии” (Польша) и в Редингском университете (Великобритания). Отдел поддерживал связи с близкими по задачам зарубежными научными организациями и провел в 1997 г. в Великобритании специальный семинар по проблемам полевой археологии; сотрудники Отдела принимали участие в охранных раскопках на о. Мэн. Аналогичные раскопки удалось осуществить совместно с Музеем национальных древностей региональной археологической службы Верхней Нормандии в Лонгруа (Франция). Зарубежные коллеги, в свою очередь, работали в России в экспедициях Отдела охранных раскопок. В 1999 г. А.С. Смирнов и Г.Е. Афанасьев активно участвовали в разработке государственных программ сохранения археологического наследия при проектировании и строительстве народнохозяйственных объектов.

В 2002–2005 гг. А.С. Смирнов, являясь заместителем директора ИА РАН, курировал все новостроечные работы Института, активно сотрудничал с Министерством культуры РФ, был членом совместного научно-методического совета. Однако деятельной натуре А.С. Смирнова этого было мало. С конца 1990-х, когда он стал “невьездным” в поле из-за проблем со здоровьем, его интерес к истории археологической науки стал проявляться все больше. С переходом в конце 2005 г. в Отдел теории и методики эта проблематика вышла на первый план. У окружающих сложилось стойкое ощущение, что, когда спал груз административных обязанностей, у Смирнова, без преувеличения, открылось второе дыхание. Он опять стал много ездить по стране. Но теперь главной целью поездок были архивы и конференции. Кроме того, он стал необычно много писать, как будто пытаясь наверстать упущенное. То, что начитывалось годами и лежало под спудом, нашло выход в этих работах. К тому же в нем выкристаллизовался талант не просто выуживать остросюжетные и давно забытые факты, но и интересно преподносить их читателю.

Давний, стойкий, сформировавшийся еще в юности интерес к истории и культуре России XIX – начала XX в. опреде-

лил поле новых научных изысканий А.С. Смирнова. Им стала археологическая наука в Российской империи. Вектор исследовательских поисков отчасти был задан предшествующей деятельностью, тесно переплетенной с организацией полевых исследований головного археологического института страны в последние десятилетия XX века, опытом взаимодействия ИА РАН с властными, промышленными и финансовыми структурами постсоветской России.

Отечественная археология на всех этапах развития зависела от взаимоотношения с властью и обществом. Опыт этого взаимодействия нашел освещение в историографии, но особенно в отношении дореволюционной России он был осмыслен недостаточно или представлен в искаженном свете. Достаточно вспомнить в этой связи книгу М.Г. Худякова “Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов” (1933). Поэтому выбор А.С. Смирновым плановых научных тем “Археология, государство, общество в Российской империи” (2005–2007 гг.) и “Археология и внешняя политика Российской империи” (2007–2009 гг.), был, безусловно, правомерным. На их базе в 2009 г. была подготовлена монография “Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века)” (М.: ИА РАН, 2011). Она легла в основу докторской диссертации “Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX – начала XX века)” (2013 г.). Подчеркнем, что именно в исследованиях А.С. Смирнова впервые в отечественной историографии на весьма показательном примере археологии последовательно раскрыта эта сторона истории русской науки в целом.

Обращает на себя внимание новизна и перспективность подхода исследователя. Если для А.А. Формозова, стоявшего у истоков изучения истории отечественной археологии, был важен общественный и культурный контекст науки, ее внешние связи с миром искусства, просвещения, даже быта, то А.С. Смирнов обратился к истории официальных лиц и учреждений, особенно в области внешней и внутренней политики. Для Формозова главное в его исследованиях – личность археолога, сформированная в контексте определенных культурных традиций. Для Смирнова – путь служебной биографии ученого, вклад в государственное и общественное строительство. Он стремился понять, как политика (например, государственный колониализм) или культурные предубеждения (национализм,

регионализм) влияли на выбор исследовательских тем в археологии, на полевые практики, а также на кабинетную интерпретацию археологических данных. Общая же цель исследований, таким образом, состояла в том, чтобы проследить влияние экономического, политического, социального, религиозного и культурного контекстов на эволюцию археологической мысли и оценить воздействие общества и власти на организацию археологической науки, выбор исследовательских приоритетов и направлений. В скобках отметим, что в трудах исследователя отсутствует установка на идеализацию ученых, находившихся на имперской службе.

Работам А.С. Смирнова свойственны хронологическая, тематическая и географическая широта, ощутимая в сравнении с иными вариантами синтеза истории российской археологии. Ученый смог избежать идеологических “вирусов”, присущих современной квазиисторической науке и российскому интернету. Он не потакал сегодняшним эпигонам русского национализма и политического консерватизма, но стремился объективно изучить, понять, как повлияла русская археология на российскую политику, и какое влияние с ее стороны на себе испытала. Эта стратегическая задача была не просто успешно решена, но преподнесена в деликатном ключе, с сохранением уважительного отношения к традиции отечественных историко-археологических исследований. Смирнов смог сказать о Российской империи все то хорошее, что можно было сказать, не отступая от чувства исторической правды и не заходя в болото махового национализма, точнее, шовинизма.

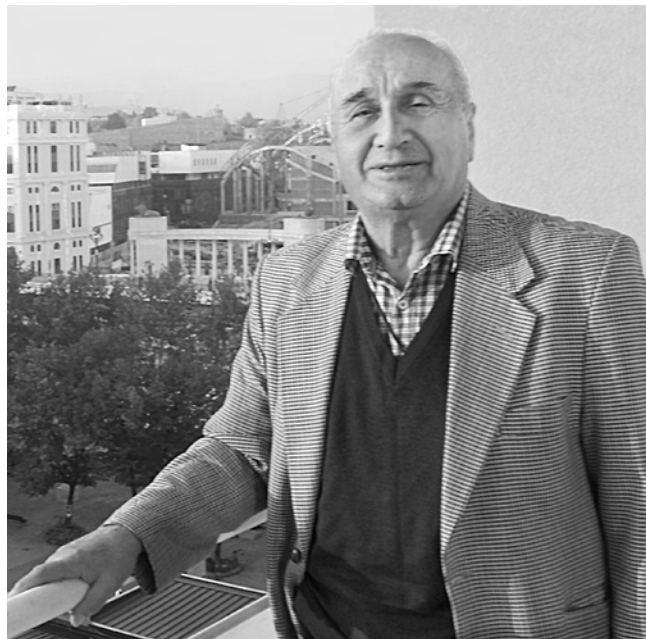
Важно отметить, что радикально поменяв ракурсы историко-археологического исследования, А.С. Смирнов сохранил верность его оптимальной методике. Источниковедческую основу его работ составили архивные документы, в которых он нашел весомые аргументы в пользу своей новаторской позиции. В итоге впервые в нашей археологии был успешно реализован новаторский исследовательский проект. Александр Сергеевич оставил нам в наследство неожиданную по своей новизне и доказательности социально-политическую историю русской археологии.

А.С. Смирнов всегда был сдержанным, внешне несгибаемым, но при этом неизменно готовым помочь и поддержать словом и делом. Судьба распорядилась несправедливо жестоко. Трудно свыкнуться с мыслью, что его нет среди нас. Но в российской археологии навсегда останутся его труды, а у всех, кому он был дорог, – светлая память о человеке и ученом.

Институт археологии РАН, Москва

*Р.М. Мунчаев, В.И. Гуляев, Г.Е. Афанасьев,
С.В. Кузьминых, А.Н. Сорокин, Л.Т. Яблонский*

ПАМЯТИ ВАДИМА ВИКТОРОВИЧА БЖАНИЯ (1934–2014)

1 ноября 2014 г. скончался выдающийся абхазский археолог Вадим Викторович Бжания, научная жизнь которого была неразрывно связана с Институтом археологии АН СССР/ РАН.

В.В. Бжания родился в г. Сухум 11 марта 1934 г. в семье, происходившей из среды абхазской интеллигенции. Его отец был известным юристом, в разное время занимавшим посты прокурора республики, наркома юстиции, председателя Гульрипшского райисполкома и военного трибунала армии. Родным для него было село Тамыш, с которым в дальнейшем жизнь накрепко свяжет и самого Вадима Викторовича (здесь он и будет похоронен). Мать принадлежала к княжескому роду Маршания, происходившему из Цебелды, дед по матери был известным народным учителем и абхазским просветителем.

Закончив в 1957 г. исторический факультет Сухумского педагогического института, В.В. Бжания поступил на работу в Абхазский государственный музей под руководство этнографа И. Аджинджала. Первоначально научная работа Вадима Бжания была связана с историей комсомола Абхазии (именно ей была посвящена первая опубликованная им статья), но под влиянием известного абхазского археолога Л.Н. Соловьева молодой ученый обратился к древней истории Абхазии и начал принимать участие в археологических экспедициях. В 1962 г. В.В. Бжания, ставший заведующим отделом дореволюционного прошлого музея, поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР, в сектор неолита и бронзы, где прошел подготовку под руководством выдающегося археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова. В 1966 г. он защитил диссертацию по теме «Древнейшая культура Абхазии (эпоха энеолита и ранней бронзы)», в основу которой были положены, прежде всего, материалы исследованных им в 1962–1964 гг. памятников, в частности Мачарского, Гумустинского и Тамышского поселений, а также Гагринского могильника. В тот период В.В. Бжания много работал с Л.Н. Соловьевым, особенно при изучении широко известного ныне поселения Кистрик. Результаты раскопок были

опубликованы в «Советской археологии», «Кратких сообщениях Института археологии АН СССР» и других изданиях.

Проведенные работы позволили В.В. Бжания предложить новую хронологическую схему развития материальной культуры Абхазии в эпоху раннего металла, чему способствовала многослойность изучаемых памятников, особенно Мачарского поселения, ставшего в ней одним из узловых. По мнению Вадима Викторовича, к энеолиту (вторая половина IV тыс. – первая половина III тыс. до н.э.) относятся стоянки с мотыжками так называемого сочи-адлерского типа Северо-Западной Абхазии, четвертый слой поселения Мачара, поселение Гуади-ху, для которых характерны наличие шлифованных топоров; исчезновение микролитов и обсидиана; появление кремневых наконечников стрел и орудий из валунов и гальки; обработка поверхности сосудов пучком травы или гребенкой; появление ангоба и орнамента; горшкообразные или баночные формы керамики с петельчатыми ручками и массивными донцами с выступающим основанием. Для памятников ранней бронзы показательно появление лощеной керамики и своеобразных приемов орнаментации. Наиболее архаичным памятником периода ранней бронзы является Очамчирское поселение, синхронное Долинскому. Безусловно, отнесение Очамчирского поселения, прежде связываемого с энеолитом, к ранней бронзе стало новым словом в археологии Кавказа.

В.В. Бжания для эпохи ранней бронзы Абхазии была выделена самостоятельная культура, отличающаяся от синхронных майкопской и куро-аракской культур и получившая название Очамчирской по наиболее яркому памятнику (1973 г.). К ней Вадим Викторович вернется позже, опубликовав коллекции из раскопок в пещере Ахра капш (1968 г.) и гроте Пал (1969 г.) (Кодорское ущелье Абхазии).

Для средней бронзы, по мнению В.В. Бжания, оказались характерны сосуды с иными формами ручек и текстильная керамика. К этой эпохе им были отнесены верхние слои Диха Гудзуба, второй слой Мачарского поселения и нижний слой Наохвама, а к начальному этапу поздней бронзы – Тамышское поселение с круговой керамикой.

После защиты диссертации В.В. Бжания вернулся в Сухуми, но, не найдя работы, переехал в Москву, где в 1968 г. стал сотрудником ИА АН СССР, проработав перед этим около года в Научно-методическом совете по охране памятников культуры. В институте исследовательские интересы В.В. Бжания сконцентрировались на проблеме неолита Кавказа. Некоторые итоги его работы в данной области вошли как отдельная глава по неолиту Кавказа в соответствующий том («Неолит Северной Евразии: кол. монография / Отв. ред. тома С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 394 с.) серии «Археология СССР». По предположению Вадима Викторовича, неолит на Кавказе был «очень кратковременной и недостаточно выраженной эпохой», тем не менее им были последовательно рассмотрены относительно немногочисленные материалы выделяемых групп памятников этого периода – западно-кавказской культуры Черноморского побережья, Прикубанья, Дагестана, Северо-Западного Прикаспия и Восточного Закавказья.

Параллельно В.В. Бжания вел активные полевые работы на целом ряде археологических объектов, расположенных не только на территории Абхазии. В 1969 г. возглавляемый им Причерноморский отряд Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР совместно с Сочинским краеведческим музеем исследовал памятники неолита и ранней бронзы в районе Сочи, в том числе дольмены, поселение Агуа на р. Сочинка, стоянки Ореховка I и II и у пос. Ахштырь. В том же году его отряд в

составе Причерноморской экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР совместно с Абхазским государственным музеем провел раскопки разно-временных, относящихся, главным образом, к неолиту и эпохе ранней бронзы поселений у с. Сулево, Ачмарда, грот Пал и др.

В 1970 г. начала работу совместная экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории и Причерноморского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР. В.В. Бжания, в частности, возглавил раскопки на поселении Кистрик, где им были выделены слои эпох неолита, энеолита и поздней бронзы. В 1971 г. совместно с Краснодарским краевым советом ВООПИК Вадим Викторович продолжил работы на памятниках в районе Сочи (поселения Агуа, Ахштырь и у г. Адлер). Столь же активной была полевая работа в двух соседних регионах СССР в последующие годы.

В 1972 г. созданная В.В. Бжания Причерноморская экспедиция ИА АН СССР продолжила работы в районе Сочи – в Имеретинской низменности, в междуречье Мзымты и Псоу. В частности, там был обнаружен раннесредневековый храм, в 2010–2011 гг. полностью исследованный экспедицией ИА РАН. С 1973 г. Вадим Викторович вновь возвращается к исследованиям местонахождений с мотыжками типа Сочи–Адлер у пос. Ахштырь и Молдовка у р. Мзымта. Одновременно идут работы на территории Абхазии: раскопки Мачарского поселения и, совместно с Абхазским институтом языка, литературы и истории, поселения Кистрик. Особо отметим открытие в 1973 г. в ущелье р. Бзыбь погребения с инвентарем, сочетающим элементы майкопской и очамчирской культур.

В 1974 г. совместно с Абхазским государственным музеем В.В. Бжания исследует захоронения эпохи поздней бронзы – раннего железа и античного периода в горном урочище Шубара. Тогда же в высокогорье Абхазии, у горы Башкапсара были обнаружены медные рудники, ставшие еще одним объектом многолетнего изучения Вадима Викторовича. В 1975 г. он принимает участие в археологических разведках в Бажиганских песках на границе Ставрополя, Чечено-Ингушетии и Дагестана; в 1976 – в работах в гроте Юпсы. Причерноморская экспедиция ИА АН СССР также продолжила работы на Башкапсарских рудниках, поселениях Кистрик, Мачарское и Тамыш, в гроте Юпсы в ущелье Бзыби, где среди материалов очамчирской культуры были встречены находки, связываемые с майкопской. В дальнейшем в гроте были выделены два слоя, из которых нижний относится к раннему и развитому этапам майкопской культуры, а верхний – к памятникам типа Очамчирского поселения. Исследование Мачарского поселения было продолжено в 1977 и 1978 гг.

В 1978 г. Причерноморская экспедиция ИА АН СССР совместно с Абхазским институтом языка, литературы и истории и Центром археологических исследований АН Грузинской ССР исследовала группу памятников в урочище Баглан у с. Адзюбжа (богатые кремационные погребения эпохи раннего эллинизма), а также Моквинское (материалы предантичного времени) и Тамышское (слои, датированные последними веками II – первой половиной I тыс. до н.э.) поселения и др.

Таким образом, круг памятников Абхазии, исследовавшихся В.В. Бжания в 1970–1980-х годах, был широк и разнообразен: многослойное Мачарское поселение, стоянка Кистрик (Бамбора) с материалами неолита и VIII–VII вв. до н.э., поселение Тамыш рубежа II–I тыс. – VII в. до н.э., грот Юпсы, Башкапсарские рудники (плановые работы начаты в 1986 г.). Масштабные исследования были проведены и на других объ-

ектах: так, раскопки Гагринского могильника позволили перенести датировку памятника, определив его хронологию в рамках X–VIII вв. до н.э. Эти материалы были изданы В.В. Бжания совместно с Д.С. Бжания в виде монографии в 1991 г.

Безусловно, все перечисленное выше стало возможно благодаря большому трудолюбию и организаторскому таланту Вадима Викторовича, которому удалось осуществить в высокогорной части Абхазии весьма результативные раскопки с использованием вертолетов, а также организовать на многих из исследовавшихся им памятниках стационарные археологические базы.

За время работ в Абхазии В.В. Бжания создал целую археологическую школу, представители которой и ныне продолжают изучение древностей республики (А.Н. Габелия, А.И. Джопуа, З.Г. Хондзия, Г.А. Сангулия, Р.М. Барццш). Нельзя не отметить, что среди учеников Вадима Викторовича были те, кто героически погиб во время грузино-абхазского вооруженного конфликта 1992–1993 гг. К сожалению, Вадим Викторович не успел ввести в научный оборот значительную часть обнаруженного им археологического материала, и сейчас это постепенно делают его ученики. Так, в 2014 г. увидела свет монография А.Н. Габелия, опубликовавшего свою диссертационную работу “Поселения колхидской культуры (на материалах Абхазии)”.

В 1988 г., в период начинавшегося развала СССР, В.В. Бжания согласился вернуться в Абхазию и возглавить Управление охраны историко-культурного наследия Абхазской АССР (ныне – Республики Абхазия); на этом посту он проработал более 20 лет – до 2010 г. В тяжелейших условиях военных действий (в которых он сам принял участие), блокады и разрухи Вадим Викторович спасал древности Абхазии, всеми силами стараясь возобновить археологическое изучение республики. После войны пришлось заново составлять списки объектов историко-культурного наследия, готовить тексты законов и нормативных инструкций, восстанавливать заповедные зоны. В 2000-е годы и вплоть до своей смерти В.В. Бжания вновь принимает активное участие в археологических исследованиях, руководя охранными работами на территории Сухума и в других районах Абхазии. За свои заслуги перед Республикой Вадим Викторович Бжания награжден орденом “Ахьдз-Апша” III степени.

С 2004 г. В.В. Бжания – ответственный секретарь Археологической комиссии Академии наук Абхазии, осуществляющей в республике контроль за полевыми исследованиями и выдающей открытые листы.

В.В. Бжания способствовал укреплению сотрудничества абхазских и российских ученых, помогал создавать совместные археологические экспедиции, принимал участие в научных конференциях, как в российских, так и в зарубежных. Благодаря и его усилиям регулярные научные конференции по археологии начали проводить в Абхазии.

В.В. Бжания всегда отличался большим трудолюбием и целеустремленностью и всю свою научную жизнь отдал изучению археологии Абхазии и Кавказа. Замечательный семьянин, он был очень добрым и глубоко порядочным человеком, всегда готовым прийти на помощь своим друзьям и коллегам. Вадим Викторович обладал удивительным даром привлекать к себе людей, особенно молодежь, отдавая им все, что есть. Таким он навсегда сохранится в памяти тех, кто знал, сотрудничал и дружил с ним.

Несомненно, уход из жизни В.В. Бжания стал тяжелой утратой не только для его близких, друзей и коллег, но и для науки Абхазии и России, и всего Кавказа в целом.

Институт археологии РАН, Москва
Абхазский государственный университет, Сухум
Абхазский государственный музей, Сухум

Р.М. Мунчаев, А.Ю. Скаков
А.Н. Габелия
А.И. Джопуа

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗАХАРОВ (21.06.1965 – 20.06.2015)

20 июня 2015 г., не дожив всего день до своего 50-летия, ушел из жизни Сергей Дмитриевич Захаров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии ИА РАН. Не занимая высоких позиций в официальной научной иерархии, Сергей Дмитриевич получил в последние годы признание как один из наиболее авторитетных и глубоких исследователей средневековой материальной культуры Европейского Севера и проблем хронологии древностей конца I – начала II тыс., разработчик новых методов изучения и документирования культурного слоя. Исследования С.Д. Захарова, его яркие полевые открытия, свойственное ему стремление найти нестандартные подходы к изучению материальных памятников, культивируемая им высокая требовательность к качеству археологической работы на всех ее этапах оказали заметное влияние на современные умонастроения в славяно-русской археологии. Внешне сдержанный и немногословный, не навязывавший своего общения, со своим независимым взглядом на мир и археологию, Сергей обладал особым магнетизмом, притягивая людей в экспедиции и институтские аудитории, и пользовался исключительным уважением как профессионал, преданный корпоративным традициям археологии, и надежный товарищ.

Сергей Дмитриевич Захаров родился 21 июня 1965 г. в с. Красном Даровского р-она Кировской обл. в семье учителей словесности. Его отец, Дмитрий Мартинианович, – известный краевед, исследователь топонимии Вятского края. Зна-

комство Сергея с археологией началось еще в детские годы со сбора керамики на берегах таежных рек во время охотничьих походов, куда его брал отец, и продолжилось в Камско-Вятской экспедиции, в которой Сергей принял участие в изучении кремля и посада Вятки-Хлынова. После окончания школы он работал в Кировском историко-архитектурном музее (1982–1983), а отслужив в армии (1986), поступил на исторический факультет МГУ.

Интерес к истории и археологическим памятникам Севера оказался крепко привит на Вятке. В первые студенческие годы Сергей Захаров планировал заняться изучением материалов раскопок Хлынова как центра русской колонизации Вятской земли, но их оказалось недостаточно для дипломной работы. В 1989 г., студентом третьего курса, он впервые попал в Онежско-Сухонскую экспедицию ИА РАН и принял участие в раскопках могильника Нефедьево на Белоозере. Эта поездка во многом определила его дальнейший путь в науке. Средневековое Белоозеро (“Старый город”) стало предметом его дипломной работы (1991), а затем и кандидатской диссертации “Средневековое Белоозеро. Становление и развитие городского центра на северной периферии Древней Руси”, защищенной в 2003 г. С Онежско-Сухонской экспедицией оказались связаны последующие 25 сезонов полевых работ Сергея Дмитриевича Захарова. Институт археологии РАН стал местом его работы с 1991 г., когда он был зачислен в аспирантуру, а спустя недолгое время – в отдел славяно-русской археологии.

Свойственное Сергею Дмитриевичу стремление идти в науке своим путем ярко проявилось при подготовке кандидатской диссертации. Главным источником для нового изучения средневекового Белоозера, казалось бы, недоступного для полевых работ после подъема уровня воды в Шексне, поступила огромная коллекция вещей (свыше 10 тыс. предметов), собранная на береговой линии и размытых участках памятника. Сбор этого материала с точной топографической привязкой находок стал новаторской формой обследования средневековых поселений и кардинально изменил ранее сложившиеся представления о материальной культуре Белоозера. В руках у археологов оказались большие серии вещей, прежде воспринимавшиеся как редкие находки или вовсе неизвестные: пломбы, кресты-тельники, поясная гарнитура (Захаров С.Д. Свинцовые пломбы Белоозера // *Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга* / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. М.: Наука, 2005. С. 20–63). Кандидатская диссертация, написанная на основе тщательного анализа этого громадного материала, по уровню больше соответствовала докторской, что было отмечено во время обсуждения и защиты. В монографии, подготовленной на ее основе, было раскрыто место Белоозера в истории Руси X–XIV вв., прояснены общие черты, объединяющие его с другими городскими центрами Руси, и особенности, обусловленные спецификой хозяйства и культурных традиций северных окраин (Захаров С.Д. *Древнерусский город Белоозеро*. М.: Индрик, 2004. 592 с.). Монография задала новые стандарты изучения материальной культуры древнерусских городов и динамики формирования их территорий. Для многих археологов она – определитель средневековых вещей, отличающийся полнотой, ясностью изложения материала и точностью хронологических атрибуций.

Одновременно с изысканиями на Старом городе – Белоозере, в 1992–1999 гг., С.Д. Захаров принимает деятельное участие в обследовании средневековых поселений в обширном Белозерском регионе и составлении детальной археологической карты этой территории. В этой работе в полной мере проявился его талант археолога-разведчика, способного открывать и фиксировать трудные для выявления, почти невидимые памятники. Каталог археологических памятников Белого озера и Верхней Шексны, подготовленный им совместно с другими участниками проекта (Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 стр., 138 ил.), подробно документирует сеть расселения IX–XIII вв. в одной из ключевых исторических областей средневековой Руси.

В 1996 г. Онежско-Сухонская экспедиция начала работы на Мининском археологическом комплексе (оз. Кубенское), поставив задачу подробно изучить один из центров средневекового сельского расселения на Севере. Ее реализация была бы невозможна без совместной работы большой команды археологов и специалистов естественно-научного профиля. С.Д. Захаров выступил одним из инициаторов мининского проекта и главным разработчиком новых методов исследования культурного слоя, документирования и статистической обработки вещевых материалов, которые в значительной степени обеспечили успех исследований. Внедрение методических новшеств потребовало серьезных усилий. Сергею Дмитриевичу пришлось убеждать коллег в том, что просеивание и промывка культурного слоя, заметно замедляющие темпы раскопок и вынуждающие сокращать их площади, оправданы многократным увеличением количества находок. Ему пришлось также заниматься и практическим внедрением “тонких методов разборки культурного слоя” – подготовкой металлических сеток, установкой промывочных ванн (Захаров С.Д. К опросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. 2001. Вып. 211. С. 84–92; Методика промывки культурного слоя средневековых памятников // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2011. С. 211–238). Раскопки в Минино, продолжавшиеся до 2004 г., дали эталонные материалы для характеристики сельских поселений Севера XI–XIII вв. Первые два тома (Т. 1: Поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. 374 с.; Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.) объемной итоговой публикации (Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007–2009) без преувеличения увидели свет благодаря энергии и ответственности Сергея Дмитриевича.

Возглавив в 2005 г. Онежско-Сухонскую экспедицию, С.Д. Захаров видел свою ближайшую цель в том, чтобы детализировать картину хозяйственных и культурных трансформаций в Белозерском регионе в X–XI вв.; прояснить соотношение и взаимосвязь отдельных центров колонизации; выявить конкретные факторы, обусловившие их процветание и упадок. Перспектива продвижения вперед в разработке этих проблем была не очевидна, казалось, что памятники этого времени уже достаточно изучены. Небольшие по масштабам, но мастерски организованные по своим методическим приемам полевые работы на селище Никольское V и поселении Крутик показали, как много материала осталось скрыто от глаз предшественников. Десятки куфических монет и сотни стеклянных бус, собранные на промывочных ситах, позволили представить реальный объем ввоза восточного серебра на Белоозеро и интенсивность

торговли. Наблюдения над планиграфическим распределением различных категорий находок, в том числе связанных с производством, дали возможность выделить на поселении Крутик, особые летние производственные участки, где косторезы, ювелиры и кузнецы вели работу под открытым небом. Выявление на Крутике, за границами основного пятна культурного слоя, уникальных для Севера объектов – глинобитных сводчатых печей, использовавшихся для приготовления солода, необходимого в пивоварении, стало еще одним шагом, сделанным исследователем в изучении не известных по археологическим материалам сторон жизни средневекового общества (Захаров С.Д., Кашинцев А.Ю., Меснянкина С.В. Необычные сооружения из раскопок Крутика 2010–2012 гг. // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 234–244). С.Д. Захарову удалось открыть могильники Крутика – грунтовые могильники с кремациями, остатки которых находятся под дерном вблизи современной поверхности, и собрать уникальные материалы для характеристики этой малоизученной формы погребального обряда (Захаров С.Д., Меснянкина С.В. К оценке историко-культурной ситуации в центральном Белозерье на рубеже тысячелетий // Вестник РГНФ. 2012. № 2. С. 87–95). В 2015 г. Сергей Дмитриевич планировал закончить раскопки на Крутике и в ближайшее время завершить общее исследование хозяйства и этнокультурной ситуации на Белозерье в X–XI вв. Эта работа осталась неоконченной. Незавершен и другой значимый проект, начатый Захаровым в 2012 г. и сразу же оказавшийся в центре внимания: новое обследование и документирование Тимеревского и Петровского поселений под Ярославлем (Захаров С.Д., Зозуля С.С. Новые полевые исследования на территории Тимеревского археологического комплекса // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 157–161).

Свои обширные знания и большой опыт полевой работы последние пять лет Сергей Дмитриевич Захаров в полной мере реализовывал в качестве эксперта Научного совета по полевым исследованиям. Принципиально важным для него было предоставление археологами в отчетных материалах достоверной и качественной документации, выполненной в соответствии с сухими методическими требованиями. В то же время он никогда не исключал применение исследователями, в случае необходимости, иных, нестандартных методических приемов и подходов, но аргументировано обоснованных. Более того, он и сам постоянно совершенствовал методику и документацию полевых работ, успешно внедрял их в практику.

С.Д. Захаров был не равнодушен к происходящему в общественной жизни. Эта черта характера Сергея Дмитриевича ярко появилась в активных действиях, предпринимаемых им в борьбе за сохранение разрушаемых памятников археологии. Многим известны его жесткость и резкое отношение к фактам грабительских раскопок, любителям “металлодетекторного поиска” и “коллекционерам артефактов”, неоднократно озвученное им в средствах массовой информации, докладах и дискуссиях, посвященных реализации Федерального закона ФЗ № 245 (Захаров С.Д. Информативность распаханного слоя: некоторые стереотипы и реальность // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: матер. конф. “Противодействие незаконной деятельности в области археологии”. Москва, 9–10 декабря 2013 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 89–106).

С.Д. Захаров был человеком большого научного дарования, ему были свойственны особая наблюдательность, стремление разобраться в запутанных вопросах и трудных материалах, от изучения которых проще уклониться; блестящее умение находить новые способы обращения с древностями. Как и

многие ученые, он постоянно ощущал нехватку времени, говорил, что ничего не успевает, но в действительности успел сделать в науке очень много. В списке его научных трудов около 100 работ, среди которых нет случайных текстов и самоповторов. Исследования С.Д. Захарова существенно обогатили знания о Северо-Восточной Руси; позволили аргументированно обосновать хронологию ряда ключевых памятников IX–XII вв.; прояснить их облик и избавиться от неточностей и фантазий в их интерпретации. Его публикации, посвященные Белоозеру, Крутику, памятникам Ярославского Поволжья, на сегодняшний день – важнейшая составляющая общей панорамы средневековых русских древностей (Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 212–239). Не меньшее значение для археологии имеют новые приемы полевых и аналитических работ, проверенные на этих памятниках: сбор мелких находок и палеоэкологических остатков, детальное изучение пространственного распределения находок, поиски более строгих критериев для определения территорий границ археологических

объектов¹ (Захаров С.Д., Кузина И.Н. О некоторых особенностях материальной культуры северных поселений // РА. 2005. № 4. С. 115–124; Захаров С.Д. Стекланные бусы в археологических коллекциях: новые методы полевых исследований и проблемы интерпретации результатов // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Нестор-История, 2015). Эти новации, взятые сегодня на вооружение многими археологами, задали новый методический уровень изучению средневековых памятников.

Безвременный уход Сергея Дмитриевича Захарова стал большой потерей для его друзей и коллег, Института археологии. Нам остается помнить то, что он сделал для науки и нас, и подготовить к печати его неизданные исследования.

¹ Последний доклад “Ручное разведочное бурение как один из методов определения границ средневековых поселений” С.Д. Захаров (в соавторстве с С.С. Зозулей) сделал 27 апреля 2015 г. на научно-методическом семинаре “Определение границ территорий памятников археологии: теория и практика”, прошедшем в ИА РАН.

Институт археологии РАН, Москва

Н.А. Макаров, С.В. Меснянкина,
И.Н. Кузина

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА КОШЕЛЕНКО (1935–2015)

5 августа 2015 года на 81-м году жизни скончался после тяжелой продолжительной болезни Геннадий Андреевич Кошеленко, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН. Его кончина стала невосполнимой утратой не только для отечественной науки, но для всего мирового антиковедения.

Как это ни покажется странным, для характеристики этого глубоко русского человека наиболее подходит типичное амери-

канское определение *self-made man* – “человек, сделавший самого себя”. Вся его судьба, начиная с юношеских лет, является тому подтверждением¹.

Геннадий Кошеленко родился 21 января 1935 г. в Омске в обычной трудовой семье. Еще в школьные годы он начал проявлять интерес к гуманитарным дисциплинам. Успешно окончив школу в 1952 г., он поступает на исторический факультет МГУ. Проблема выбора будущей специализации была решена довольно скоро. Уже после первого курса, на археологической практике в экспедиции в Пантикапее, он влюбляется в античную цивилизацию и полевую жизнь археолога. Огромное влияние на его выбор оказал руководитель экспедиции и его будущий учитель профессор В.Д. Блаватский, сумевший разглядеть в простом студенте незаурядный ум и природный талант. Ученик основоположника современной классической археологии Б.В. Фармаковского, Владимир Дмитриевич посоветовал Г. Кошеленко выбрать для специализации кафедру истории древнего мира, справедливо полагая, что навыки полевого археолога-античника должны быть дополнены знанием древних языков – греческого и латыни. Он же, будучи человеком прозорливым, обратил внимание своего любимого (без преувеличения) студента на тогда малоизученную научную область – эллинистический Восток, что нашло отражение в дипломной работе студента Кошеленко – “Греческие города Парфии”. Таким образом, уже тогда “через одно рукопожатие” начала формироваться цепочка преемственности: Фармаковский – Блаватский – Кошеленко.

Следующий момент истины наступает для Геннадия Кошеленко по окончании университета (естественно, с красным

¹ Биографический очерк о Г.А. Кошеленко см.: Геннадий Андреевич Кошеленко. Серия “Материалы к биобиблиографии ученых”; История. Вып. 38. Составители В.А. Гаилов, Н.Б. Полякова. Автор вступительной статьи В.А. Гаилов. М.: Наука, 2015.

дипломом). Для поступления в аспирантуру был необходим двухлетний стаж по специальности. Не желая откладывать в долгий ящик занятие любимым делом, он делает нетривиальный шаг – выбирает для работы школу в рыболовецком поселке Нижнее Пронге в самом отдаленном районе Хабаровского края, где год работы приравнивался к двум.

Годы аспирантуры были временем весьма интенсивной работы. Во-первых, несколько месяцев молодой аспирант проводил в экспедициях. Наряду с Северным Причерноморьем, где он принимал участие в первой в стране подводной археологической экспедиции², с сентября по ноябрь Г.А. Кошеленко работал в Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона. С юмором и некоторой ностальгией Геннадий Андреевич любил вспоминать, как сотрудники экспедиции каждое 7 ноября ходили с красным флагом вокруг заброшенной конюшни, где располагалась база экспедиции. Все оставшееся время посвящалось написанию диссертации “Культура городов Парфии (градоостроительство, фортификация, монументальное искусство)”, которую он успешно защитил в 1963 г. С этого времени вся научная жизнь Геннадия Андреевича связана с Институтом археологии (за исключением того периода, когда он был вынужден уйти на несколько лет из института). В секторе античной археологии (с 1994 г. – отдел классической археологии) он прошел все ступени: от лаборанта до заведующего отделом, которым он руководил 29 лет.

Поворотным пунктом в формировании Геннадия Андреевича Кошеленко как ученого стала защита им в 1978 г. докторской диссертации “Греческий полис на эллинистическом Востоке” (позднее изданной отдельной книгой). Именно в этой работе впервые была сформулирована разработанная им теория борьбы полисных и городских структур как одного из важнейших элементов динамики развития древнегреческого общества, а также предложена концепция, согласно которой культурный синтез на эллинистическом Востоке принимает значительные масштабы только после падения власти греко-македонских завоевателей.

80–90-е годы уже прошлого столетия – это, пожалуй, время наивысшего расцвета научной, педагогической и организационной деятельности Геннадия Андреевича. Наряду с руководством отделом он активно участвовал в экспедиционной работе: в 1980 г. по его инициативе в институте создается Среднеазиатская экспедиция, которая до сих пор ведет раскопки в Туркменистане и Узбекистане, принимает участие в зарубежных экспедициях в Йемене и Сирии. Много времени он уделял организации различных симпозиумов и круглых столов ученых-антиковедов и археологов из различных союзных республик. На этот период приходится и пик зарубежной активности Г.А. Кошеленко. Он выступает с докладами на многих международных мероприятиях, является одним из ведущих экспертов ЮНЕСКО по археологии Центральной Азии. Особое место в его деятельности занимает подготовка к печати двух томов многотомного издания “Археология СССР”, посвященных античным государствам Северного Причерноморья, а также древнейшим государствам Кавказа и Средней Азии. Подготовка этих трудов стала поистине большим научным подвигом Г.А. Кошеленко. Они продолжают оставаться настольными книгами для всех, кто изучает античность и древний Кавказ.

Педагогическая деятельность – еще одна любовь Геннадия Андреевича, помимо занятия наукой. Он с большим удовольствием, будучи доцентом исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и заведующим кафедрой истории древнего

мира и средних веков МГПИ им. В.И. Ленина, читал лекции и вел спецкурсы и спецсеминары, которые для его студентов были не только незаменимой школой знаний, но и превращались в чрезвычайно увлекательное путешествие в эпоху Александра Македонского, диадохов, парфян, Сасанидов. Многие из этих студентов впоследствии стали его аспирантами. Достаточно сказать, что из более чем 40 кандидатов наук, подготовленных Геннадием Андреевичем, 36 приходится именно на этот период. Эти специалисты ныне работают в университетах, научных учреждениях и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Красноярска, Владикавказа, Южно-Сахалинска, Ростова-на-Дону, Магнитогорска, Белгорода, Благовещенска, Владимира, Тулы, Брянска, Караганды, Самарканда, Еревана, Сухума и других городов России и стран СНГ, а также в странах дальнего зарубежья (в Германии, Греции, Турции, Сирии и даже в Австралии).

Эта разносторонняя деятельность Г.А. Кошеленко находит широкое признание как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Если говорить только о “материальном” ее проявлении, то можно отметить, что он был награжден золотой медалью ВДНХ СССР, удостоен звания “Заслуженный деятель науки РФ”, избран членом-корреспондентом РАН, Французской академии надписей и изящной словесности – ведущего научного сообщества Франции в области истории античности, а также Германского археологического института и Итальянского института Африки и Востока. В разные годы он был членом редколлегии ведущих российских и зарубежных научных изданий, членом Экспертных советов ВАК, РГНФ и РФФИ, целого ряда ученых и диссертационных советов.

Нельзя особо не отметить, что особенностью Г.А. Кошеленко как ученого была его поразительная любовь к коллективному творчеству. Обсуждение проблемы, столкновение гипотез, выработка общей позиции доставляли ему просто эстетическое наслаждение. Это был крупный ученый-энциклопедист, который щедро делился своими идеями не только с близкими коллегами по научному цеху. Его идеи подпитывали многих исследователей на огромном постсоветском пространстве.

Своего рода постскрипумом к характеристике Кошеленко-ученого могли бы стать слова из соболезнования, присланного в адрес ИА РАН руководством Французской академии надписей и изящной словесности: “... Академия отдает дань памяти этому великому ученому, чьи работы ... принесли ему международное признание, и она почла за честь видеть его в своих рядах”.

Однако говорить о Геннадии Андреевиче только как о выдающемся ученом, внесшем неоценимый вклад в науку, – это не сказать почти ничего. Меньше всего он соответствовал образу кабинетного ученого, который в тиши кабинета “творит нетленку”. За столом он проводил, конечно, немало времени, но только после месяцев, проведенных в поле, и тогда появлялись на свет не просто отчеты о раскопках, а глубокие теоретические исследования. В жизни это был вулкан, даже в последние годы, когда физически он был уже не так мощен, как прежде, внутри него бушевали страсти. Это были и страсть к науке, и огромная любовь к классической литературе и поэзии, и юношеский энтузиазм футбольного болельщика, и жизнерадостность ценителя хорошего юмора.

Г.А. Кошеленко являлся незаурядным ученым и яркой многогранной личностью. Несмотря на высокие звания и положение в науке, он оставался всегда добрым и глубоко порядочным человеком, удивительно скромным и отзывчивым, безотказным и вместе с тем весьма принципиальным, готовым всегда на помощь своим друзьям, коллегам и ученикам. Таким Геннадий Андреевич сохранится навечно в памяти всех, кто имел счастье работать с ним и знать его!

² “Открытие затонувшего мира”. 50-летний юбилей редкой книги // Нептун. 2012. № 6. С. 100–104.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Все материалы, представленные для опубликования в журнале, должны сопровождаться подписанным авторами “Договором о передаче авторского права” (см. Приложение и сайт <http://www.naukaran.ru>).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале:

1. Все рукописи предоставляются в **двух** экземплярах, распечатанных через **1,5 интервала** (шрифт Times New Roman, кегль 14) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290 × 210) с одной стороны листа **с обязательным приложением электронной версии** (на диске).

2. К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должны быть приложены краткое **резюме (на русском и английском – не более 1 стр.)**, **ключевые слова (термины – на русском и английском языках)**.

3. Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

4. На отдельной странице приводятся **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

5. Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков** (с пробелами) и содержать **не более 8 иллюстраций**. Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

6. Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш.Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва (мэйл одного из авторов)

Резюме.....

Ключевые слова:

7. Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

8. Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

9. Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год, страница, рисунок и т.п.

10. Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в, ..., включая первое упоминание.

11. К Списку литературы должен быть приложен Список сокращений на отдельной странице.

12. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, включая иностранные издания. Например,

монография: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

статья: Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабуре // РА. 2000. №3.

источники: Псковские летописи. Т.1. М.;Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

13. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

14. На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!